САРА
БРЭДФОРД

ДИАНА

жизнь, любовь, судьба

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ее имя до сих пор мелькает в заголовках, фотографии появляются в различных изданиях – она одна из самых знаменитых женщин нашей эпохи. История жизни Дианы Уэльской настолько необычна, что стоит изучить ее с самого начала, чтобы понять, как за шестнадцать лет, прошедших с момента блестящей свадьбы с наследником британского престола до трагической смерти в парижском туннеле, юная, неопытная девушка сумела оказать громадное влияние на британскую монархию и превратилась в мировую знаменитость. Сара Брэдфорд, английский историк и биограф, собрала огромное количество документов и свидетельств из первых рук и создала точный и беспристрастный портрет удивительной женщины, леди Ди.

- Сара Брэдфорд
  -
  - Пролог. Последнее слово
  - 1. Деревенская девушка
  - 2. Детство в Норфолке
  - 3. «Я – леди Диана»
  - 4. Появление принца
  - 5. «Что бы ни значило слово „любовь“…»
  - 6. Начало сказки
  - 7. «Дианомания»
  - 8. «Лучший дуэт в мире»
  - 9. «Чарльз вернулся к своей любовнице»
  - 10. Умирающий брак
  - 11. Диана наносит ответный удар
  - 12. Война Уэльсов
  - 13. Извержение вулкана
  - 14. Первый шаг к бездне
  - 15. Странные годы
  - 16. В Новый Свет
  - 17. Изгнание из рая
  - 18. В трудном положении
  - 19. Круги на воде
  - 20. Охота на принцессу
  - 21. Роковое лето
  - 22. Смерть в Париже
  - Избранная библиография
  - Разрешения

- Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86

- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130

- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174

- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218

- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262

- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306

- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350

- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394

- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438

- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482

- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526

- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570

- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614

- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621

Сара Брэдфорд
Диана
Жизнь, любовь, судьба

Художественное оформление Е. Савченко
Фотография на суперобложке Getty Images/Fotobank

© Sarah Bradford, 2006
© Новикова Т., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
КоЛибри®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог. Последнее слово

«Она так просто не уйдет», – предупредила Диана (почему-то говоря о себе в третьем лице) в знаменитом телевизионном интервью, которое дала за полтора года до смерти. И выполнила свое обещание. Ее имя до сих пор мелькает в заголовках, ее фотографии постоянно появляются в различных изданиях – она продолжает оставаться одной из самых известных женщин своего времени. Диану обожают и проклинают. В смерти она осталась столь же противоречивой фигурой, какой была при жизни. Множество людей предпочло бы, чтобы она была погребена и забыта. Они видят в Диане угрозу королевской семье, хотя ей как матери принцев Уильяма и Гарри и в голову бы не пришло, что в чьей-то памяти она останется в качестве «угрозы». Другие ненавидят ее за то, что она стала символом расцвета сентиментальных настроений в жизни общества. Но многие ценят в ней потрясающий «эмоциональный интеллект», как называют это качество психологи, а попросту говоря – умение правильно истолковывать обстановку и оказывать на нее влияние, интуитивно улавливая, чего хотят другие люди.

Прошло десять лет [1]с того рокового мгновения, когда «мерседес», в котором ехали Диана и Доди Файед, врезался в тринадцатую колонну туннеля под площадью Альма в Париже. Она получила смертельные травмы, а ее спутник погиб на месте. Обстоятельства смерти Дианы дали основания для множества теорий заговора – ее смерть окутана не меньшим количеством слухов, чем убийство президента Кеннеди в Далласе. Миллионы фунтов и тысячи человеко-часов были израсходованы на сбор и изучение неопровержимых доказательств того, что автокатастрофа была обычным дорожным происшествием. Виной всему стали превышение скорости и пьяный водитель, в крови которого были к тому же обнаружены серьезные лекарства. А скорость водитель превысил, потому что машину принцессы преследовала орда папарацци.

Мохаммед Файед, чувствуя свою ответственность за события той ночи, потратил колоссальное состояние в попытках доказать, что Диана и ее спутник-мусульманин были убиты секретной службой по приказу британской королевской семьи, не желавшей допустить, чтобы Диана вышла замуж за мусульманина, от которого якобы ждала ребенка. Но Диана не была беременна – об этом говорит ее близкая подруга Роза Монктон и еще две женщины, при которых Диана упоминала, что в августе месячные у нее были два раза. Кроме того – и это очень важно! – анализы

крови, обнаруженной в «мерседесе», абсолютно точно показали, что она не была беременной. Тот факт, что ни одна теория заговора не подтвердилась, не играет ни малейшей роли. Люди продолжают подозревать британские правящие круги в убийстве народной принцессы точно так же, как многие мусульмане лелеют убеждение, будто за трагедией 11 сентября стоит президент Буш.

История жизни Дианы настолько необычна, что стоит изучить ее с самого начала, чтобы понять, как за шестнадцать лет, прошедших с момента блестящей свадьбы с наследником британского престола до трагической смерти в парижском туннеле, юная, неопытная девушка сумела оказать громадное влияние на британскую монархию и превратилась в мировую знаменитость. Когда Диана выходила замуж, ей было всего двадцать лет. Будущего короля она родила, когда ей не исполнилось еще и двадцати одного. Международной знаменитостью она стала в тридцать шесть, когда столь трагически и сенсационно погибла.

В 1981 году, выходя замуж за принца Уэльского (за церемонией бракосочетания наблюдали миллионы телезрителей всего мира), Диана Спенсер была обычной юной английской розой. К моменту своей смерти она превратилась в культовую фигуру, непокорную бунтарку, гламурную красавицу, «самую преследуемую женщину мира» – так на погребальной церемонии Диану назвал ее брат. В дни после трагической смерти Дианы королевская семья – даже очень уважаемая и исключительно популярная королева! – стала предметом протестных, чуть ли не революционных настроений. Те, кто в августе 1997 года оказался в Лондоне, наблюдал за похоронами принцессы по телевидению и вспоминал о тех событиях по фильму «Королева», вышедшему на экраны в 2006 году, никогда не забудут об иррациональных, опасных чувствах, которые смерть Дианы пробудила в душах британцев. История королевской семьи в XX веке навсегда разделилась на период *до*Дианы и *после*Дианы – такое серьезное воздействие эта молодая женщина оказала на мнившийся незыблемым исторический институт и отношение к нему народа.

Почему же это произошло? Почему скромная девушка, не отличавшаяся особыми способностями, вызвала такой интерес? Она была красива, обаятельна и остроумна, но, когда верх брала ее темная сторона, выносить ее не могли даже близкие подруги. Откуда же такая слава? Кем она была на самом деле? Была ли она «глупой как пробка», как назвала себя в приступе самоуничижения? Или, как утверждали ее враги (и даже некоторые друзья), она была самовлюбленной, неверной, тупой,

но опасной блондинкой-манипуляторшей?

С самого раннего возраста Диана не проявляла особых способностей к учебе, но обладала почти мистической верой в свою судьбу и интуицию, которая проведет ее по жизни. К несчастью для собственного эмоционального благополучия, любимыми ее книгами были любовные романы Барбары Картленд – не самое лучшее чтение для счастливого современного брака. Бедный принц Чарльз, избалованный холостяк, привыкший жить по-своему, никак не годился на роль романтического мужа. Да и для Камиллы Паркер-Боулз в романах Картленд места не нашлось. Камилла задавала тон в этом браке. Диана с самых первых дней своего знакомства с Чарльзом испытывала не самые теплые чувства по отношению к этой женщине. Но ей казалось, что после свадьбы бывшая любовница отойдет на задний план. Однако этого не произошло, и Диана не сумела смириться со своим положением. И кто может ее в этом упрекнуть?

Когда Диане стало ясно, что Камилла вновь вернулась в жизнь Чарльза, а она должна не просто терпеть сложившуюся ситуацию, но еще и улыбаться, словно ничего особенного не произошло, она сразу дала понять, что не собирается страдать молча. Роль королевы Александры, супруги Эдуарда VII, у которого был роман с бабушкой Камиллы, Элис Кеппел, ей не подходила. Она расставила все точки над «i».

Оставила ли Диана после себя нечто большее, чем архив гламурных фотографий? Была ли она достойным человеком? Оказала ли значительное влияние на свое время? Ее внутренний свет и неподдельное сочувствие к страдающим сделало Диану зеркалом, в котором британская монархия отразилась не самым лучшим образом, показав всему миру высокомерие, холодность и неприступность королевской семьи. Диана не желала ограничиваться официальной благотворительностью – вот почему летом 1997 года она решила распродать весь свой прежний гардероб.

Она хотела быть современной женщиной и выстроить карьеру, опираясь лишь на собственные способности и достоинства. Диана намеревалась создавать телевизионные программы на темы, которые ее глубоко волновали, – достаточно вспомнить документальный фильм, снятый ею на минных полях Анголы, где она побывала в рамках международной кампании по запрету противопехотных мин. Осенью она даже собиралась в Нью-Йорк, на специальные курсы. Диана страстно боролась с безграмотностью – возможно, к этому ее подталкивало осознание собственных слабостей. А ведь десять лет тому назад никто не уделял этой проблеме серьезного внимания.

Диана учила сыновей идти в ногу со временем: она точно знала, как Уильям должен исполнять свои королевские обязанности, когда подойдет его время. Мальчики были смыслом ее жизни, и их королевское будущее было очень важным для нее. Свою задачу она видела в том, чтобы сделать жизнь сыновей максимально нормальной, но в то же время соответствующей особенностям их положения. Диана не хотела, чтобы ее дети, как в свое время Чарльз, выросли забалованными придворными и слугами юнцами, не имеющими представления о реальной действительности. В последние месяцы ее жизни Диана и принц Чарльз пришли к согласию и, каждый по-своему, стали прекрасными родителями для своих сыновей. Если принц Уильям когда-нибудь станет королем, то своим успехом он будет обязан великому наследию своей матери.

Июнь 2007

1. Деревенская девушка

В семье Спенсеров пол ребенка играл очень важную роль… Женщины здесь всегда считались людьми второго сорта.

Двоюродная сестра Дианы

Диана Спенсер родилась под звуки аплодисментов. Это событие произошло теплым летним вечером 1 июля 1961 года, без четверти восемь, в красивой спальне, где когда-то родилась ее мать. Из окна открывался вид на газон, на котором завершался ежегодный крикетный матч, организованный ее отцом. Аплодисменты адресовались вовсе не новорожденной. Ее рождение стало глубоким разочарованием: девочка – уже третья девочка в семье! – не могла наследовать имя Спенсеров, о чем так страстно мечтали ее родители. Фрэнсис и Джонни Олторп, наследный граф Спенсер, были настолько уверены в том, что родится мальчик, что, как не замедлил сообщить отец журналистам местной газеты, даже не озаботились придумать ей имя, поскольку всех мальчиков в роду Спенсеров традиционно называли Джонами или Чарльзами. В конце концов ее нарекли Дианой. Это имя встречалось в семье в XVIII веке – впрочем, тезка новорожденной, сестра первого графа Спенсера, прожила недолго: родилась в 1735 году и умерла в 1743-м.

Спенсеры были одной из самых знатных аристократических фамилий Англии. В их роду числились дети двух королей, герцог и святой. Брачные связи титулованных предков приблизили Диану к правящей династии: она была одиннадцатой кузиной наследника британского трона, Чарльза, принца Уэльского. Она даже состояла в дальнем родстве с первым президентом Соединенных Штатов, Джорджем Вашингтоном. (Кроме того, дед Дианы в свое время женился на американке Фрэнсис Уорк, и благодаря этому Диана приходилась седьмой кузиной Хэмфри Богарту и Рудольфу Валентине)

Королевское будущее девочки было предопределено семейными связями и местоположением ее родного дома. Парк-хаус, где родилась Диана, являлся собственностью королевы и был предоставлен Морису Фермою, деду Дианы по материнской линии, королем Георгом V в 1931 году. Дом находился на территории усадьбы Сандрингем в Норфолке, частной резиденции Виндзорской династии, примерно в полумиле от

Сандрингемского замка, где часто бывали члены королевской семьи, и от королевской церкви.

Диана была связана с королевской семьей по обеим линиям. Дед Дианы, лорд Фермой, был другом двух королей. Он частенько охотился с Георгом V и Георгом VI. Ее отец был конюшим (весьма привилегированная должность, занимать которую могут только видные военные) королевы Елизаветы II и часто принимал участие в охотах в замке Балморал, резиденции английских королей в Шотландии. Бабушка по отцовской линии, Синтия Спенсер (урожденная леди Синтия Хэмилтон), и двоюродная бабушка, леди Делия Пил, были близкими подругами и фрейлинами королевы-матери. Такое же положение занимала и бабушка по материнской линии, леди Рут Фермой. Еще одна двоюродная бабушка Спенсер, леди Лавиния Уайт, умершая в 1966 году, с самого детства дружила с королевой Елизаветой. Из окон верхних этажей королевской резиденции в Сандрингеме можно было увидеть Парк-хаус. В этом смысле Диана для Чарльза была настоящей «девушкой с соседнего двора».

Фамильное поместье Спенсеров Олторп находилось в Нортгемптоншире, но в детстве Диана там почти не бывала. Ее суровый дед, седьмой граф Джек Спенсер, и его наследник, отец Дианы Джонни (в момент рождения девочки он был виконтом Олторпом), не горели желанием общаться с ребенком. Диана выросла в Северном Норфолке, в уединенном уголке одного из самых сельских и девственных регионов Англии, в краю зеленых холмов под бескрайним небом. А вот Сандрингем, территории которого окружали дом Спенсеров, представлял собой сосновый лес, растущий на песчаной почве. Совсем рядом, за песчаными дюнами и поросшими тростником болотами, на берег накатывали серые волны Северного моря. Северный Норфолк – это край больших поместий и аристократических семейств. Эти люди ведут замкнутую жизнь, в которую весьма неохотно впускают посторонних. Родители Дианы, Фрэнсис и Джонни Олторп, чувствовали себя в такой обстановке как рыба в воде.

Семья матери Дианы имела англо-ирландские корни, тянувшиеся в графство Корк. Отец Фрэнсис носил титул барона Фермоя. Прапрадед Дианы, Эдмунд Бёрк Рош, был избран в парламент и в середине XIX века получил титул барона. Его второй сын, Джеймс Бутби Бёрк Рош, третий барон Фермой, в 1880 году женился на американской «долларовой принцессе», Фрэнсис «Фанни» Уорк, дочери успешного брокера с Уолл-стрит. Традиционный для XIX века союз американских денег с европейским титулом, как это часто бывало, оказался несчастливым и в 1891 году завершился разводом. Отец Фанни,

Фрэнк Уорк, не видел смысла в европейских титулах. После развода он сообщил дочери, что ее дети унаследуют его деньги только в том случае, если будут американцами. Старших сыновей Фанни, близнецов Мориса и Фрэнсиса, отправили в лучшие американские школы и колледжи. Они учились в школе Святого Павла в Конкорде, штат Нью-Гемпшир, и в Гарварде. Несмотря на то, что после смерти деда в 1911 году стать американцами они отказались, им удалось оспорить условия завещания. Получив около трех миллионов долларов (по современным меркам примерно 28–30 миллионов фунтов стерлингов), они покинули Америку и в 1921 году приехали в Англию. Дед Дианы, Морис, четвертый барон Фермой, осел в Норфолке и стал членом парламента от Кингс-Линн. В парламенте он заседал с 1924-го по 1935-й, а затем с 1943-го по 1945 годы. Однажды в Париже он встретил очаровательную, талантливую и очень честолюбивую Рут Гилл, дочь производителя красок из Абердиншира. Рут училась в парижской консерватории – хотела стать концертирующей пианисткой. Впрочем, она без сожалений пожертвовала потенциальной карьерой ради брака с Морисом – очень привлекательным, весьма богатым и имеющим аристократический титул. Они поженились в 1931 году; невесте было двадцать шесть, жениху – сорок шесть. У них родилось трое детей: в 1934 году Мэри, в 1936-м – Фрэнсис, мать Дианы, а в 1939-м – сын Эдмунд.

Морис и Рут Фермой поселились в Парк-хаусе. Это было очень удобно для Мориса, поскольку так он находился рядом со своим избирательным округом. Морис был общительным, жизнерадостным человеком, и избирателям он очень нравился. Он умел с каждым найти общий язык, мог без всякой подготовки произнести речь на любую тему. Посещая местные больницы, он присаживался на постели пациентов и сразу же вникал в их трудности. Рут, располагая состоянием Фермоев, успешно справлялась с ролью щедрой и умелой хозяйки дома. «Они устраивали великолепные теннисные вечеринки и прочие развлечения, о каких в те времена в Англии и не слыхивали, – вспоминает один из родственников. – Благодаря американским деньгам они вели жизнь, недоступную для других». Ходили слухи о том, что некоторые норфолкские аристократы недолюбливали супругов за их «американские деньги», да и происхождение Рут оставляло желать лучшего. «Норфолкская аристократия – „сливки графства“, как называла их леди Маргарет Дуглас-Хоум, – ничего не могла с ними поделать и предпочла их отвергнуть, – вспоминает современница Рут. – Но, поскольку они жили в Парк-хаусе (совсем рядом с Сандрингемом), король и королева их

принимали. Королева Елизавета никогда не одобряла подобного снобизма и остракизма» [2].

Мать Дианы, Фрэнсис, родилась 20 января 1936 года. В тот же день в Сандрингеме скончался король Георг V. Но даже в такую тяжелую минуту его вдова, королева Мария, отметила «рождение малышки леди Фермой» и отправила Рут поздравительную открытку.

Диане не довелось узнать своего деда – он умер в 1955 году. Но бабушка, Рут Фермой, играла в ее жизни большую роль – не в последнюю очередь в силу своей близкой дружбы с королевой-матерью (она была ее фрейлиной). Как и королева-мать, Рут обладала чисто шотландской твердостью. «Она была весьма и весьма загадочной женщиной, – вспоминают родственники. – Всегда элегантна, вежлива и спокойна… Однако у нее была и другая сторона – не столь приятная». Рут Фермой отличалась безмерным честолюбием, усвоив умонастроения аристократии, в круг которой вошла благодаря браку. Рут была счастлива, когда ее дочь Мэри вышла замуж за Энтони Берри, сына виконта Кемсли. А уж когда Фрэнсис обручилась с виконтом Олторпом, единственным сыном и наследником седьмого графа Спенсера, счастью ее не было границ! К тому же новый зять владел немалым количеством акров земли в Нортгемптоншире и историческим замком Олторп. Короче говоря, когда Рут, в придачу к ее собственной красоте, посчастливилось получить титул мужа и приличное состояние, она забыла о своем буржуазном абердинском прошлом и принялась культивировать королевские и аристократические связи. Безоговорочная приверженность бабушки условностям высшего класса и придворного круга оказала колоссальное влияние на детство и юность Дианы.

Фрэнсис Бёрк Рош, на которую Диана так походила и внешне, и внутренне, была настоящей красавицей с тонкими чертами лица, сияющими синими глазами, длинными, стройными ногами и светлыми волосами. Она обладала столь же сильным и независимым нравом, как ее мать. Фрэнсис говорила о Рут: «В жизни своей не встречала человека с более сильным характером, чем моя мать. Она ставила перед собой цель и добивалась ее. Для нее не существовало никаких препятствий». То же самое говорили друзья и о самой Фрэнсис. «Характер Фрэнсис был сильнее, чем у любого из тех, кого я знала, – рассказывала одна из ее подруг. – Это была веселая, энергичная и великолепно образованная женщина. Она была прирожденным лидером и обладала к тому же невероятной властью над мужчинами. И такой она была уже в семнадцать лет!»

В семнадцать лет Фрэнсис поняла, что ей нужен Джонни

Олторп. Впервые она увидела его, когда ей было всего четырнадцать. Он оказался одним из посетителей школы Даунхэм, где училась Фрэнсис. В семнадцать лет она окончила школу, и родители выставили ее на «рынок невест» – она стала дебютанткой лондонского сезона, закружилась в вихре балов, коктейлей, воскресных домашних вечеринок и престижных спортивных мероприятий вроде Аскотских скачек. В тот сезон Фрэнсис снова встретилась с Джонни. Они полюбили друг друга и обручились, несмотря на то, что Джонни уже собирался жениться на очаровательной красавице, леди Энн Коук, дочери графа Лестерского, владелице огромного поместья Холкем в Норфолке. Лестеры занимали видное положение в Норфолке, соседствовали с королевской семьей в Сандрингеме и имели тесные связи с последним королем и королевой Елизаветой. Они, безусловно, предводительствовали светским обществом Норфолка. Леди Энн признавалась, что просто «обожала» Джонни, хотя многим ее друзьям он не нравился. Они считали его «недобрым». Еще меньше им нравилась Фрэнсис, которая лишила их любимую Энн обожаемого мужчины.

А вот Джонни Олторпу всегда нравились властные женщины. Высокий, несколько пасторального облика красавец, обаятельный и имеющий безукоризненное происхождение, Джонни был желанной добычей, несмотря на серьезные финансовые проблемы своего отца, седьмого графа Спенсера. Все средства уходили на поддержание и реставрацию Олторпа. (Единственное исключение составила продажа одной из драгоценностей коллекции Спенсеров – портрета Генриха VIII кисти Гольбейна. Вырученные средства пошли на обучение Джонни в Итоне. Ныне картина является частью собрания музея Тиссена-Борнемисы и хранится в Мадриде.) Как и во многих аристократических семействах (и в британской королевской семье тоже), наследник не слишком хорошо ладил с отцом. Джек Спенсер был человеком сложным, несдержанным и с весьма эксцентричным характером. В обществе он получил прозвище «Веселый Джек». Его главной страстью было родовое поместье графов Спенсеров Олторп и Спенсер-хаус – на другие не оставалось ни времени, ни сил. Мысль о том, что придется оставлять свое сокровище сыну, не давала ему покоя. Олторп был его храмом, а он сам – жрецом этого храма. Джек долгие часы проводил за полировкой серебра в комнатах камердинера – хотя камердинер вполне мог сделать это сам.

В отличие от сына, Джек терпеть не мог общаться с людьми, особенно с теми, кого считал ниже себя. Причуд у него вообще было немало – в частности, он запрещал водителю оборачиваться к нему, когда садился в машину. Сигналом к отправлению

служил звук захлопнувшейся двери. Как лорд-наместник Нортгемптоншира (то есть персональный представитель монарха Великобритании), Джек имел возможность пользоваться казенным автомобилем – старым «роллс-ройсом» с шофером. Как-то раз после официального ужина Спенсеру понадобилось выйти по дороге из машины. Не успел он вернуться в салон, как ветер захлопнул дверь. Вышколенный шофер услышал звук и укатил, оставив лорда на дороге в полной темноте.

Джек был редкостным снобом и как огня боялся всего «буржуазного». Однажды, обедая в Кларенс-хаусе, он поведал королеве Елизавете, что никогда не переступил бы порог дома, где рыбу едят рыбными ножами, «потому что это так буржуазно!» «Когда бы он после этого ни приходил к обеду, – вспоминала придворная дама королевы, – на столе всегда была рыба, а к ней – рыбные ножи». «Он многим внушал уважение и почти всем страх», – писал его внук Чарльз Спенсер [3].

Неудивительно, что детские воспоминания Джонни были не самыми счастливыми. Поездка домой вызывала у него ужас. Он прятался в тени вагона, надеясь, что отец забудет его забрать. В Олторпе царила гнетущая атмосфера. Джонни забирался под фальшпотолок ванной комнаты и прятался там вместе со своими любимыми терьерами. «Боюсь, он постоянно испытывал мучительное одиночество», – писал его сын [4].

Жена Веселого Джека, Синтия, дочь герцога Аберкорна, была полной противоположностью своему супругу – красивая, чуткая, внимательная. Она занималась благотворительностью, и все ее любили. «Никогда не слышал о ней ни одного плохого слова, – писал ее внук. – Она до сих пор живет в моей памяти как образец истинного аристократизма… Говоря о ней, люди часто произносят слово „святая“» [5]. Синтия была фрейлиной королевы-матери. Она многое делала для местного населения, не жалея ни сил, ни времени. В 1972 году она умерла от опухоли мозга, и ее именем назвали местный хоспис.

Джонни глубоко любил мать, но редко виделся с ней из-за сложных отношений с отцом. И это его угнетало. Судя по всему, своей мягкостью и умением сочувствовать больным и страдающим Диана была обязана леди Синтии. Да и внешне она была очень на нее похожа. Когда ей было одиннадцать лет, Диана была твердо убеждена, что бабушка Синтия – это ее ангел-хранитель.

Отец Дианы был типичным представителем своего времени и класса. Он учился в Итоне, был офицером Королевского полка шотландских гвардейских драгун. Семейные связи помогли ему получить и удержать должность конюшего при короле Георге VI и

королеве Елизавете ЧП. В 1953 году он сопровождал королеву в поездке по странам Содружества после коронации. К тому времени он уже обручился с Фрэнсис. Они поженились 1 июня 1954 года. Грандиозная светская свадьба проходила в Вестминстере. Присутствовала тысяча гостей, в том числе королева, герцог Эдинбургский, королева-мать и принцесса Маргарет. Молодожены были страстно влюблены друг в друга, но их положение с самого начала было неравным. Фрэнсис пришлось оплатить свадьбу. Джонни, которого командир его полка называл человеком «очень милым, но очень глупым», попытался стать банкиром, однако старый приятель и партнер положил конец этим попыткам, заявив, что «математика никогда не была его сильной стороной». Затем он поступил в Королевский сельскохозяйственный колледж в Киренчестере – традиционное место учебы для богатого землевладельца и аристократа. Сначала супруги жили в Родмартоне, в графстве Глостершир, где снимали небольшой коттедж, а потом поселились в Орчард-Коттедж в Олторпе – практически рядом с Веселым Джеком.

В 1955 году умер отец Фрэнсис, Морис Фермой, и его вдова Рут предложила супругам переехать к ней и арендовать Парк-хаус. Тогда же Фрэнсис, унаследовав свою долю отцовского состояния, решила купить для Джонни в соседнем Снеттисхэме ферму площадью 600 акров за 30 тысяч фунтов. Джонни занимался фермерством в Снеттисхэме и на фамильных землях в Норт-Крике, присматривал за своими благотворительными организациями, в частности принимал участие в работе Национальной ассоциации клубов для мальчиков, а Фрэнсис озаботилась продолжением рода. Ее задача была родить мальчика-наследника, но первые двое детей оказались девочками. В марте 1955 года, через девять месяцев после свадьбы, родилась Сара, а в феврале 1957 года – Джейн. После этого у Фрэнсис случился выкидыш. Когда же 1 января 1960 года родился желанный сын, это событие стало для семьи не счастьем, а трагедией. Джон Спенсер появился на свет с врожденным уродством, не мог дышать и умер через десять часов после рождения. Ребенка у Фрэнсис забрали, не дав даже прикоснуться к нему. Эта боль навсегда осталась в ее душе.

После смерти Джона отношения между супругами изменились. Джонни упрекал Фрэнсис в том, что она не смогла родить здорового мальчика. Он отправил жену в гинекологическую клинику на Харли-стрит, где ее подвергли унизительным анализам и обследованиям. «Это был тяжелый период в жизни родителей, – говорит Чарльз Спенсер. – Корни их развода уходят в те времена. Не думаю, чтобы они смогли это

преодолеть». Кузен Спенсер, близкий друг Фрэнсис, вспоминает: «Смерть Джона стала настоящей трагедией для обоих. В душах супругов поселилась печаль, которой не было прежде».

Диана должна была родиться мальчиком – столь желанным наследником. К той поре отношения между родителями окончательно испортились, и рождение очередной девочки их не улучшило. Семейная жизнь в Норфолке устраивала Фрэнсис на заре замужества. Но женщине с широкими горизонтами этого было мало. Жизнерадостный супруг с годами стал менее жизнерадостным, его вполне удовлетворяла жизнь сельского сквайра.

«В молодости Джонни был великолепным кавалером, – говорила его бывшая невеста, леди Энн Коук, – но потом как-то потускнел, погряз в детях и деревенских заботах».

Диана убедила себя в том, что должна быть мальчиком, а девочки – это разочарование для семьи и существа низшего сорта. «Я знаю, что в семье Спенсеров пол ребенка играл очень важную роль. Даже когда в семействе появился сын и проблема наследника больше не стояла, девочкам уделяли гораздо меньше внимания, чем мальчику. Женщины здесь всегда считались людьми второго сорта», – говорит двоюродная сестра Дианы. Долгожданный наследник Чарльз Спенсер родился в мае 1964 года. К тому моменту брак окончательно рухнул. Джонни пошел по стопам своего эксцентричного отца. Его интересовала только земля, крикет и охота. Будучи от природы человеком слабым, он очень остро реагировал на интеллектуальное и финансовое превосходство жены. Джонни и Фрэнсис постоянно ссорились, порой весьма серьезно. Фрэнсис было тоскливо с мужем, ей наскучила спокойная, предсказуемая жизнь среди норфолкского высшего света. Виконтессе Олторп было всего двадцать восемь лет, и ей хотелось расправить крылья.

Произошло неизбежное: она влюбилась в другого мужчину. С Питером Шэнд Киддом она познакомилась в Лондоне в 1966 году на приеме. В 1967 году произошла вторая встреча: Фрэнсис и Питер – она с мужем, он с женой – вместе отдыхали на горнолыжном курорте. Постепенно легкий интерес перерос в настоящую влюбленность. Фрэнсис и Питер начали тайно встречаться. Летом 1967 года Фрэнсис и Джонни решили расстаться. Старшие девочки учились в школе, а шестилетнюю Диану и трехлетнего Чарльза Фрэнсис по рабочим дням забирала в Лондон. Там дети учились в начальной школе и возвращались в Парк-хаус к отцу на выходные.

Семья на время воссоединилась в октябре и еще раз в Рождество. К этому времени мысль о совместной жизни в Парк-

хаусе стала для Фрэнсис невыносимой. Она была женщиной решительной – и это качество передала своей дочери. В рождественскую пору 1967 года она окончательно решила развестись.

Но тайный роман – это одно, а официальный развод – нечто совершенно другое. В английском высшем свете тогда еще было принято сохранять семью любой ценой и не допускать скандалов и унижений, связанных с разводом. Джонни не слишком расстроился, но очень рассердился. Он твердо решил наказать Фрэнсис, причем сделать это самым показательным образом. Он не позволил ей забрать детей. Уйти она могла, но после этого стала бы настоящим изгоем. Джонни заявил, что дети будут учиться в школе в Кинге-Линн, жить в Парк-хаусе и не вернутся в Лондон.

Когда решался вопрос об опеке, Рут Фермой приняла сторону зятя и свидетельствовала против собственной дочери. Ее жестокость объяснима: Рут была шокирована поведением дочери. Невероятный снобизм заставил ее твердо держаться стороны Спенсеров. «Дело было в имени и в стыде», – говорит один из родственников, хорошо знавший Рут [6]. «Я спросила Рут, почему она так поступила, – вспоминает подруга, – и она ответила, что Чарльз должен расти и воспитываться в Олторпе…» «Поступок Фрэнсис расколол ее семью. На похоронах Рут мне пришлось наблюдать одно из самых печальных и устрашающих зрелищ в моей жизни. Мы сидели в церкви рядом с Чарльзом и Дианой – думаю, они уже разошлись, но в тот день приехали вместе. А по другую сторону прохода сидели члены семейства Фермой – и Фрэнсис. Они не разговаривали друг с другом. Никто не сказал ей ни слова. Это было просто ужасно» [7]. В недостойном поведении Фрэнсис, по мнению Рут, была виновата «дурная кровь Фермоев». «Я помню, что Рут во всем обвиняла семью мужа. Они были „выскочками“, американскими выскочками. Очень дурные гены» [8].

В эти тяжелые для семьи дни и Диане пришлось нелегко. Она была достаточно взрослой, чтобы ощутить напряженную атмосферу, да и ожесточенные ссоры между родителями доносились до слуха девочки. Невозможно точно сказать, действительно ли Джонни бил жену. Оба уже умерли, и правды мы никогда не узнаем. Подобные слухи возникли, потому что на бракоразводном процессе Фрэнсис жаловалась на жестокость мужа. Она приехала на Рождество, намереваясь забрать детей с собой в Лондон. Но уехала одна – и, возможно, к лучшему. Спустя много лет Диана открыла свое сердце журналисту Эндрю Мортону, а он рассказал об этом в книге «Диана: ее истинная

история». Она навсегда запомнила скрип гравия под колесами машины, увозившей ее мать. «Я вернусь», – сказала Фрэнсис дочери. Но в Парк-хаус она больше так и не вернулась. Счастливая, спокойная жизнь в Парк-хаусе осталась в прошлом. Диана видела, что отец страдает. Она не понимала, почему мамы больше нет, слышала, как младший брат плачет по ночам. Именно тогда в душе девочки родилась жажда любви, страх быть брошенной, настоящий ужас перед разводом. Она твердо решила, что с ней самой и с ее детьми такого никогда не произойдет. Диана мучилась, разрываясь между любовью к брошенному отцу и покинувшей ее матери. Развод родителей нанес ей глубочайшую психологическую травму.

2. Детство в Норфолке

> *Ее обвиняли в том, что она чересчур зациклена на происшедшем в конце шестидесятых разводе родителей, но потеря матери действительно оказала на нее сильнейшее влияние.*
>
> *Уильям Дидс* [9]

Отчаяние, охватившее Диану после ухода матери, вселило в девочку ощущение «жертвы», которое сохранилось в ее душе навсегда. Она возвращалась к этому событию снова и снова – перед телевизионными камерами и диктофонами. Диана всегда жила в мире фантазий и была склонна драматизировать события. В детстве ее считали врушкой. Как-то раз по пути в школу жена местного викария сказала ей в сердцах: «Диана Спенсер, если ты еще хоть раз соврешь, я выставлю тебя из машины». Даже брат Дианы, Чарльз Спенсер, вспоминает, что в детстве сестра часто лгала. Потому-то есть люди, и среди них члены семейства Спенсер, которые не верят, что она была так уж несчастлива. «Думаю, что Диана воспринимала жизнь в мрачных тонах. Реальность была иной. Она была гораздо счастливее, чем представляла это позднее», – говорит одна из ее кузин. Однако, человек, который был близок с Дианой до того, как она начала встречаться с принцем Чарльзом, убежден, что уход матери «оказал на нее очень сильное, трагическое воздействие» [10].

Люди, которые были свидетелями ухода Фрэнсис, прекрасно понимают чувства Дианы и не сомневаются в них. Повариха, которую вскоре после исчезновения Фрэнсис наняла леди Фермой, рассказывает о жизни в Парк-хаусе так: «Этот дом никто бы не назвал счастливым. Лорд Олторп, человек несклонный к веселью, редко проводил время с семьей… Диана была очень тихой, замкнутой девочкой. Дети никогда не плакали [днем], но рыдали по ночам, когда ложились спать». Сосед по Норфолку вспоминает праздник в день рождения своего сына: «Стоял прекрасный июльский денек, и все дети играли в саду – кроме бедной Дианы. Она категорически отказывалась веселиться. С ней приехала молодая няня. Я спросил: „Что нам сделать, чтобы она отправилась играть с другими детьми?“ А та ответила: „Ничего. Это очень печальная девочка“. Все это произошло вскоре после того, как уехала ее мать» [11].

Спустя много лет, в 1992 году, Диана рассказывала обучавшему ее актеру Питеру Сеттелену: «Лет пять назад отец рассказал, что однажды нашел меня у порога дома: „Ты просто сидела там и ничего не говорила. Ты вообще, знаешь ли, никогда ни о чем не говорила“». Диана пребывала в том возрасте, когда необъяснимое исчезновение матери воспринималось особенно болезненно. Старшие сестры, которым было десять и тринадцать лет, отнеслись к этому событию спокойнее. Чарльзу было всего три. По ночам он плакал без мамочки, однако не мог понять и объяснить ее исчезновение из своей жизни, как это сделала Диана.

Не только Диана была шокирована и смущена необъяснимым исчезновением матери. Те же чувства охватили и ее отца. Дома он никогда не говорил об этом. «Отец очень переживал из-за развода, – вспоминает Чарльз Спенсер. – Он целиком ушел в себя, проводил все время в своем кабинете». Имя Фрэнсис в доме не произносилось. Оба бывших супруга страдали в одиночку. «Фрэнсис очень переживала, когда у нее отняли детей», – вспоминает одна из ее подруг [12].

К счастью для Дианы, она не знала о тех отчаянных сражениях, которые развернулись между родителями по поводу условий развода и опеки над детьми. Фрэнсис проиграла на всех фронтах. И немудрено: во время обоих разбирательств по поводу опеки Рут Фермой, как известно, приняла сторону Джонни, а на репутации Фрэнсис к тому же пагубно сказалось то, что миссис Шэнд Кидд привлекла ее в качестве ответчицы в собственном бракоразводном процессе. Когда Фрэнсис заявила о жестокости мужа, Джонни обвинил ее в супружеской неверности. Фрэнсис проиграла и была вынуждена оплатить судебные издержки. Ее публично ославили негодной матерью, «скакалкой» (по имени героини модного романа Нэнси Митфорд «В поисках любви», 1945, «скакавшей» от одного мужчины к другому и бросившей семью) и неверной женой. Развод Олторпов произвел фурор в норфолкском обществе. Все осуждали Фрэнсис за то, что она бросила родных детей.

Диана была не настолько мала, чтобы не замечать любопытных взглядов, которые бросали на них люди, когда они приходили в церковь Сандрингема или когда Рут Фермой брала ее с собой на чай в Кинге-Линн. Хотя в лондонских газетах о разводе почти ничего не писали, весь высший свет Норфолка был в курсе происходящего. Большинство сочувствовало брошенному отцу и детям.

Один из соседей Спенсеров по Норфолку овдовел как раз тогда, когда Олторп разводился. Поскольку у него остались дети,

он пригласил экономку и няню, которые прежде работали в Парк-хаусе. «В доме Джонни Олторпа прислуга не задерживалась. Все говорил об ужасной [атмосфере]… о том, как Фрэнсис каждый вечер звонит, когда дети ложатся в постель, и тревожит их. Это был очень, очень несчастливый дом» [13].

Что бы ни испытывала Диана в первый год после ухода матери, со временем ее восприятие неизбежно изменилось. Мэри Кларк, которой отец Дианы в феврале 1971 года поручил присматривать за младшими детьми, вспоминала: «Оглядываясь теперь назад, на годы, проведенные в Парк-хаусе, я понимаю, что мы вели очень свободную и легкую жизнь. Мне запомнились только шутки и смех. Диана была настоящей проказницей» [14].

Первые четырнадцать лет жизни Диана провела в Парк-хаусе – солидном викторианском особняке из красноватого местного камня. В доме были большие окна, крыло для прислуги и конюшни. Отнести Парк-хаус к архитектурным памятникам затруднительно, но всем Спенсерам он очень нравился. Дом был просторен, в каждой большой комнате, в том числе и в детских, имелись камины, игравшие скорее декоративную роль – для отопления в особняке были установлены большие радиаторы в эдвардианском стиле. Входя, гости попадали в просторный холл с большими колоннами. Каменная лестница с коваными перилами вела на второй этаж. По обе стороны от холла располагались большие, светлые комнаты с мраморными каминами, французскими окнами и изящными карнизами. Большой кедр, посаженный в год начала строительства дома, до сих пор высится на газоне перед фасадом. На далеких пастбищах пасся скот, а деревья парка защищали дом от ледяных ветров, которые дули с реки и Северного моря. Из окон открывался вид на зеленые поля и на Сандрингем-парк.

Воспоминания Мэри Кларк вообще резко отличаются от тех мрачных рассказов, которые нам довелось слышать. «Я с самого начала была поражена тем, насколько счастливы и спокойны дети, – писала она. – Они всегда умели найти себе занятие по душе» [15]. Одна из кузин вспоминает Парк-хаус в таком же ключе: «Это был замечательный семейный дом с прекрасной атмосферой. В нем не было ничего гнетущего. Сразу чувствовалось, что за домом тщательно присматривают. Там было хорошо, хотя и скучновато. Никакой вызывающей роскоши, просто уютно и как-то… предсказуемо». В спальне Дианы расположилась огромная коллекция плюшевых зверей – их она с толикой грусти называла «своей семьей». В поместье было много животных – черный Лабрадор Джонни, спрингер-спаниель Джилл, избалованный кот Дианы Мармелад, а еще множество хомяков, кроликов и морских

свинок. «В детстве Диана обожала животных, – вспоминала ее мать. – Думаю, ребенку нужно кого-то любить, и она любила всех маленьких и пушистых. У нее были кролики, морские свинки, хомяки – множество животных, о которых можно было заботиться. Она переросла это увлечение и стала заботиться о людях… Но животные от этого не пострадали. За ними прекрасно ухаживали: их хорошо кормили, клетки у них были чистыми. Диана всегда понимала, что они зависят от нее. Она выполняла всю грязную работу». В конюшнях было несколько пони. Ездить верхом Диана научилась уже в три года, хотя после того, как сломала руку, ее энтузиазм несколько ослабел. В семьях соседей часто устраивали плавательные и теннисные вечеринки, и Диана с удовольствием демонстрировала свое умение нырять и плавать. У Спенсеров был пляжный домик в Бранкастере, где часто устраивались пикники. Дети любили играть на большом пляже в Холкеме.

Фотогеничной Диана была с самого детства. Отец обожал фотографию и не упускал случая пополнить семейный альбом снимками детей. На старых фотографиях мы видим, что Диана еще в детстве научилась смотреть снизу вверх из-под густой челки – эта привычка сохранилась у нее на всю жизнь. У нее не было ни одного неудачного снимка: камера любила ее, девочка инстинктивно реагировала на направленный на нее объектив. Ей нравилось позировать, она обладала врожденным умением придать любой позе естественность – иными словами, всегда знала, как общаться с камерой.

Все дети Спенсеров, за исключением Дианы, прекрасно учились. Из-за неспособности учиться так же хорошо, как сестры и брат, у Дианы развился комплекс неполноценности, который она компенсировала твердой верой в свою интуицию. «Диана вовсе не была глупа, – вспоминает о ней одна из кузин. – Она была сообразительной и исключительно остроумной девочкой». О том же говорит и старшая сестра Сара.

Сара была на шесть лет старше Дианы и во всем служила той образцом для подражания. Имя ей дали в честь знаменитой представительницы рода Спенсеров Сары Дженнингс, герцогини Мальборо. Надо сказать, что многими чертами характера Сара напоминала свою тезку. «Характер у Сары был сложный, она была самая необычная из Спенсеров, – вспоминала одна из кузин. – Сильная, живая, энергичная и умная, но, впрочем, не самая милая. Интересная женщина, но жесткая. Ни капли Дианиной нежности и мягкости. Она точно знала, чего хочет». Сара унаследовала сходство с лисичкой, свойственное всем рыжеволосым Спенсерам, и абсолютную уверенность в себе, характерную для матери. Джейн была спокойнее и мягче. Она

больше времени проводила с Фрэнсис, и Диана сблизилась с ней лишь гораздо позднее.

Чарльз – еще один рыжий Спенсер и большая умница – обладал столь же сильным характером, но всегда был очень осторожным и непростым ребенком. Уже в детстве он стремился все контролировать. Даже собственная мать была «от него в ужасе». Но в раннем детстве Диана заменила брату мать, и они стали очень близки. «Я с детства была уверена, что Чарльз – мозговой центр всей семьи, – признавалась Диана Эндрю Мортону в 1991 году. – Я и до сих пор так считаю. Он всегда был отличником. Его, самого младшего и единственного мальчика в семье, ценили [как наследника Олторпа]… А я была девочкой, которой следовало родиться мальчиком. Третья дочь – очень удобное положение. Мне прощалось все. Я была любимицей отца и всегда об этом знала.

В школе мне хотелось учиться так же, как Чарльз. Я никогда к нему не ревновала, потому что понимала его. Он был очень похож на меня, и мы оба не были похожи на наших сестер. Как и я, он сильно страдал. В нас было нечто такое, что притягивало несчастья…» [16]

В отсутствие родителей дети собирались на кухне и выпрашивали у поварихи всякие вкусности. Такое поведение Диана усвоила навсегда: даже повзрослев и выйдя замуж, она предпочитала общество слуг обществу «взрослых». Кухня или комнаты камердинера – вот где она чувствовала себя как дома. У детей была няня, молодая и неопытная, сама еще почти ребенок. Дети не обращали на нее внимания, предпочитая общество поварихи.

Рут Фермой жила в четырех милях, в Хиллингтоне. Она была настоящей хозяйкой в доме – нанимала и увольняла слуг и всячески поддерживала Джонни. Домом управляла супружеская пара – бывший денщик Джонни, мистер Смит, и его жена. Они жили над конюшнями и выполняли большую часть домашней работы, за исключением готовки и ухода за детьми. Смиты были исключительно преданы Джонни и к остальным слугам относились довольно холодно. Няню и повариху они считали чужаками.

Дом был окружен настоящим лесом, поэтому в меню постоянно присутствовали фазаны и оленина. «Покупная еда» из обычных магазинов на столе появлялась редко. Овощи выращивали на собственном огороде. Дети мечтали о бараньих отбивных, но это были пустые мечты.

На семейную ситуацию дети реагировали по-разному. Старшие, Сара и Джейн, уже учились в пансионе, и развод

затронул их в меньшей степени. Сара стала резкой и несдержанной – впрочем, это было свойственно всем детям. Слуги называли ее настоящим «бичом божьим». Она могла привести пони на кухню и скакать на нем вокруг стола, несмотря на все протесты поварихи. Диана просто безобразно вела себя по отношению к юным и неопытным няням, которых приглашали к младшим детям. Она подкладывала им булавки на стулья и выбрасывала их одежду из окон.

Родители, терзаемые чувством вины, унижения и отчаяния, всячески баловали детей и даже не пытались их контролировать. Как многие дети разведенных родителей, маленькие Спенсеры отлично умели манипулировать родителями и получать то, чего хотели. Диана стала настоящим мастером – ей никто не мог отказать. Впрочем, этот макиавеллизм не принес ей счастья во взрослой жизни.

Получив позорное прозвище «скакалка», Фрэнсис больше никогда не возвращалась в Норфолк. Парк-хаусу, несмотря на все его удобства, неизменно не хватало материнской руки. Рут Фермой и Синтия Спенсер изо всех сил старались помочь детям. Они учили их бриджу и другим карточным играм. Сестра Веселого Джека, леди Маргарет Дуглас-Хоум, тоже принимала активное участие в жизни детей. Они звали ее «тетей Маргарет». Вот что вспоминает Чарльз: «Тетя Маргарет обладала колоссальной жизненной силой. Я навсегда запомню ее веселый искренний смех и любовь к сплетням – добродушным, а не злонамеренным. Поездки в ее небольшой коттедж в Бернхэм-Маркете… мы воспринимали как настоящий праздник. Нас встречала женщина, обладавшая превосходным чувством юмора и редкостным умом… Немногие могли устоять перед этим проказливым эльфом» [17].

В апреле 1969 года развод был оформлен окончательно. Виновной стороной признали Фрэнсис, поэтому опеку над детьми получил Джонни. В мае 1969 года Фрэнсис вышла замуж за Питера Шэнд Кидда. До этого младшие дети навещали мать в Лондоне. «Я помню, что мама постоянно плакала. Каждую субботу, когда мы приезжали, она обязательно начинала плакать… „Что случилось, мамочка?“ – „О, я так не хочу, чтобы вы завтра уезжали…“» По словам Дианы, это было невыносимо для девятилетней девочки. «Каникулы казались мне ужасным временем. Они тянулись целых четыре недели, две из которых мы проводили с мамочкой, две с отцом. Нам было тяжело переезжать из одного дома в другой. Каждый из родителей старался привлечь нас на свою сторону вещами материальными, а не нежностью и лаской, о которых мы оба тщетно мечтали. Наши старшие сестры

учились в пансионе и редко бывали дома. Мы же с братом переживали все это вдвоем и очень сблизились» [18]. За год до смерти Рут Фермой говорила одной из родственниц: «Я понимаю, что младшие дети очень сильно страдали от расставания и развода родителей. Старшие девочки справились с этим лучше».

Спустя много лет Диана жаловалась подруге, как тяжело ей тогда было. Подруга рассказывала: «Когда мать покупала Диане платье, отец тут же покупал другое. Они постоянно спорили между собой обо всем: о каникулах, о любой мелочи… Она разрывалась между родителями… Отца она любила, но, мне кажется, никогда по-настоящему не любила мать. Иногда она жалела ее… однако никогда ей не доверяла…» [19]. Люди, которые знали семью Спенсеров, понимали, что дети получают «ужасное воспитание» и не признают никаких правил, кроме того что нельзя есть с чужой тарелки и всегда нужно писать благодарственные письма.

И снова Диана преувеличивает: печаль первых лет после развода родителей уравновешивалась счастливым норфолкским детством. Мэри Кларк пишет: «Трудно представить, чтобы ребенок, который переживает действительно серьезную, глубокую моральную травму мог так искренне веселиться. Да, порой случались небольшие истерики, а вообще-то Диана была очень веселым ребенком». Судя по всему, истерики возникали, когда дети возвращались от матери. Чарльз относился к сложившейся ситуации довольно спокойно, но Диана вела себя странно – возможно, из-за эмоциональных напутствий матери: «Не волнуйся, все будет хорошо, ты справишься, не забывай, что я сказала, обязательно звони мне».

Однажды, когда Мэри Кларк, забирая детей, сказала, как рад будет встрече с ними отец, Диана отвернулась и пробормотала, что мама осталась совершенно одна. Чарли, привыкший к драмам сестры, резко бросил: «Ты знаешь, что мама вовсе не одна! О папе ты часто говоришь то же самое!» Вернувшись в Парк-хаус, веселая, жизнерадостная Диана мгновенно превратилась в скромную, тихую, грустную маленькую девочку. Ей казалось, что если отец увидит, что она рада его видеть, то подумает, что с ним она счастливее, чем с матерью. Желая развлечь дочь, Джонни позвал ее с собой на чаепитие в Сандрингем, куда должны были прибыть принцы Эндрю и Эдвард, но Диана отказалась идти, сославшись на головную боль. Силы характера ей было не занимать – отцу так и не удалось ее убедить [20]. Пыталась ли Диана продемонстрировать верность матери и наказать отца или ей казалось необходимым показать, какую боль причиняет ей их развод, сказать невозможно. Аналогичные случаи происходили и

позднее: с мужем она вела себя точно так же.

Мэри Кларк утверждает, что вообще-то приглашения из королевского дворца были редкостью – семьи общались нечасто. Дети Спенсеров воспринимали царственных соседей как должное и не испытывали перед ними трепета. Иногда они видели членов королевской семьи в церкви – они посещали воскресные службы, когда королева приезжала в Сандрингем. Джонни полагал, что королева может заметить их отсутствие и счесть его странным. Диана вспоминала: «В выходные мы всегда отправлялись в Сандрингем. Мы терпеть этого не могли, там была какая-то странная атмосфера, и по дороге я непременно начинала с кем-нибудь драться, а папа ругал меня за недостойное и грубое поведение» [21].

Преподобный Реджинальд Свит, преподаватель латыни и капеллан второй школы, в которой училась Диана, запомнил нечто совсем другое. «Диана очень тепло относилась к принцу Эндрю, – вспоминал Свит. – У нее на столе стояли его фотографии… и она сказала: „Мистер Свит, когда я вырасту, то выйду замуж за принца Эндрю“. Я спросил: „Правда, Диана?“ – „Да, я собираюсь выйти за него замуж. Он – мой настоящий друг“. Мне казалось, что они очень хорошо друг к другу относились и часто общались во время каникул» [22]. Няня Дианы, Дженет Томпсон, вспоминала, как вошла в гостиную Сандрингема и застала королеву-мать играющей в прятки с шестилетним Эндрю и пятилетней Дианой. Когда все они пили чай, с важным видом старшего брата появился принц Чарльз и спросил: «Все ли в порядке? Неплохо проводите время!» [23]

Диана точно знала, что родители любят ее, а у отца она и вовсе настоящая любимица. Когда дети получше узнали Питера Шэнд Кидда, то полюбили и его тоже. «Питер обладал отличным чувством юмора, был человеком щедрым, веселым и во всех отношениях замечательным», – вспоминал Чарльз Спенсер. Впервые Диана и Чарльз встретились с новым мужем матери в 1969 году на железнодорожной станции «Ливерпуль-стрит», куда приехали из Норвича. Диана тогда спросила у Фрэнсис: «Где твой новый муж?» – «Он стоит за барьером». Диана увидела очень симпатичного, обаятельного мужчину. «Мы полюбили и приняли его, – вспоминала она. – А он прекрасно к нам относился и вечно нас баловал» [24]. Именно Питер Шэнд Кидд впервые назвал Диану «Дач», сокращенно от «Дачисс» (Duchess) – «Герцогиня». Прозвище оказалось прилипчивым – так начали называть Диану не только члены семьи, но и все аристократические приятельницы.

Когда Питер и Фрэнсис переехали в Итченор в Западном

Суссексе, дети стали проводить у них каникулы. Вместе с тремя детьми Питера они с удовольствием играли и ходили под парусом. В обществе Питера дети чувствовали себя гораздо спокойнее и увереннее. Когда после второго разбирательства по вопросам опеки было решено, что дети будут проводить время и с отцом, и с матерью, Фрэнсис и Питер решили подыскать более просторный дом. Им понравилась ферма XVIII века Арденкейпл на острове Сейл у западного побережья Шотландии. В поместье имелось 1000 акров девственной земли, а виды открывались просто потрясающие. Диана и Чарльз любили бывать там, им нравилась красота природы и полная свобода. Там можно было ходить под парусом, ловить рыбу и варить лобстеров. У Дианы был собственный шетлендский пони Суфле. В пансионе Вест-Хит она повесила над кроватью плакат с изображением острова. Чарльз Спенсер запомнил Арденкейпл «волшебным местом, которое мы с Дианой просто обожали». Позже Шэнд Кидды купили ранчо площадью 2000 акров в Яссе, в Новом Южном Уэльсе (Австралия), и каждое лето проводили там по полтора месяца. Дети ездили с ними.

Образование Дианы трудно назвать серьезным – впрочем, в те годы девушки ее круга получали именно такое. Сначала ее обучала гувернантка матери, Гертруда Аллен, «Алли». Она жила в соседней деревушке Дерсингем. Алли забирала Диану из Парк-хауса и вела ее в соседский дом, где занимались дети местной аристократии. Пока дети завтракали в детской с хозяйкой дома и няней, Алли наслаждалась роскошью гостиной, где ей подавали завтрак, специально приготовленный именно для нее. Затем она забирала детей и отправлялась на прогулку в сопровождении своей довольно свирепой собаки.

В январе 1968 года Диану отправили в частную школу Силфилд в Гейтоне, на окраине Кингс-Линн. Это была дневная школа для девочек и мальчиков. Школа располагалась в большом семейном доме начала XX века, в облике которого смешались элементы разных архитектурных стилей. Школа была основана в 1955 году и принимала детей в возрасте от пяти до одиннадцати лет. При школе располагался большой сад, где росла огромная араукария – ровесница дома. Помещение с высоченным потолком, отделанное деревянными панелями и фальшбалками, служило актовым залом и игровой комнатой. Небольшую школу всего на сорок учеников посещали дети местных фермеров и дворян. Тут училась и лучшая подруга Дианы, Александра Лойд, дочь управляющего королевским поместьем Сандрингем. Школа была очень уютной, в ней царила по-настоящему семейная атмосфера. Директриса, Джин Лоу, запомнила, с какой добротой и

вниманием Диана относилась к младшим ученикам, как она любила животных, как готова была всегда прийти на помощь.

К сожалению, академическими успехами девочка похвастаться не могла. Позже в школу пришел младший брат Дианы, Чарльз. Он ревновал к тому, что Диана была сильнее и выше его, и в отместку прозвал ее «улитка Брайан» – так звали туго соображающую улитку из детского телешоу «Волшебное путешествие». Школа Силфилд стала первой организацией, с которой столкнулась Диана. Она оказалась в ней единственным ребенком разведенных родителей. На уроках рисования она с завидным постоянством посвящала свои работы «Мамочке и папе».

Когда Диане исполнилось девять, ее отправили в Ридлсворт-холл. Эта школа находилась в получасе езды от Сандрингема. Сначала Диана была расстроена тем, что ей приходится покидать отца, с которым она очень сблизилась после развода родителей. Но, несмотря на все мольбы и жалобы («если бы ты меня любил, то не оставил бы здесь!»), Диане пришлось остаться в Ридлсворте. Впрочем, вскоре ей это понравилось. Здесь было где шалить, смеяться, устраивать шалости и проказы. Ридлсворт – это прямоугольное здание в классическом стиле со множеством окон, окруженное садами и полями. В школе царила атмосфера жилого дома – красивые выключатели, стеклянные витрины с чучелами птиц, охотничьи трофеи на стенах напоминали о былых владельцах дома. Потолки отделаны лепниной, позолотой и росписями. Занятия проходили в светлых и просторных комнатах. Все были веселы и дружелюбны. Диана не стала изгоем. Она знала нескольких соседских девочек. Вместе с ней учились ее кузина Диана Уэйк-Уокер, Александра Лойд и дочь крестной Дианы, Клер Пратт.

Ученики могли привозить с собой домашних любимцев, для которых был отведен особый уголок в саду, поблизости от дома. Диана возглавила этот «живой уголок». С собой она взяла любимую морскую свинку Пинатс. Наград за успехи в учебе она домой не привозила, зато получила приз за «самую ухоженную морскую свинку» и еще один – «за помощь». Получала Диана призы за плавание и ныряние. «Но за учебу мне призы не светили! – смеялась она. – Я ела и ела. В школе часто шутили – давайте заставим Диану съесть три копченые селедки и шесть кусков хлеба. Я спокойно все это съедала». Неудивительно, что во взрослой жизни Диане пришлось бороться с булимией. В окружении норфолкских друзей и домашних любимцев Диана вела абсолютно нормальную жизнь, не испытывая особых трудностей.

В Ридлсворт Диану отвозил Джонни Олторп – точно так же, как провожал ее в Силфилд. В школе его любили за общительность и искреннюю заинтересованность. Директриса Ридлсворта, Патриция Вуд, говорит, что Джонни прекрасно запомнили все кухарки и садовники: «Кухарки плохо запомнили Диану: она была одной из множества маленьких девочек. А вот ее отца они помнят превосходно! Он был очень внимательный и воспитанный джентльмен… очень высокий и заметный. Когда он привозил Диану в школу после выходных, то первым делом шел на кухню и разговаривал с теми, кто там работал» [25]. Джонни интересовался всеми, с кем встречался, вне зависимости от происхождения и положения. И Диана унаследовала от отца это качество. «Мой отец, – говорила Сара, – инстинктивно понимал людей… Людям нравилось с ним разговаривать, и он все запоминал… Он любил людей. И Диана тоже любила. Не думаю, что это качество можно выработать воспитанием. Оно или есть, или нет… Ты рождаешься либо с ним, либо без него» [26].

В сентябре 1973 года Диане было двенадцать лет. Уже три года она училась в Ридлсворте. Настало время пойти по стопам Сары и Джейн и перейти в новую школу. Школа Вест-Хит находилась в Кенте, близ городка Севеноукс. Эта школа тоже располагалась в роскошном загородном особняке и служила словно бы естественным продолжением Ридлсворта: маленькая (здесь училось всего 120 девочек), уютная, с акцентом на душевный комфорт и хорошее поведение, а не на академические успехи. Во многих отношениях такие школы были данью пятидесятым годам, когда единственной задачей девочек из хороших семей была всего лишь подготовка к браку.

«Хомячки и вязание – вот что было самым главным», – вспоминал один из старших современников Дианы. «Все были уверены в себе и абсолютно счастливы, – вторит ему одноклассница Дианы. – Мы практически не ссорились… Школа была очень спокойным и уютным местом». Когда в школу поступила Диана, Джейн – «хорошей Спенсер» – исполнилось шестнадцать. Она была настоящей отличницей и достигла больших успехов. А вот Сары в школе уже не было – двумя годами раньше ее исключили за употребление спиртного. Она тоже прекрасно училась, добивалась больших успехов в спорте, получала призы и участвовала в школьных спектаклях. Но в Вест-Хите такой яркой, сильной и целеустремленной натуре было скучно. По ее собственному признанию, она перепробовала огромное множество разнообразных напитков. «Я пила, потому что мне было скучно, – говорила она. – Я пила все подряд: виски, куантро, джин, херес, а чаще всего водку, чтобы учителя не

почувствовали запаха» [27]. Но учителя все же почувствовали. В 1971 году Сару застали абсолютно пьяной и исключили из школы. Через несколько лет проблемы старшей сестры Дианы усугубились – у нее возникли серьезные пищевые расстройства.

В Вест-Хите Диана была вполне успешна, хотя позднее ей нравилось представлять себя этакой бунтаркой. Директриса Рут Рудж запомнила, что, только появившись в школе, Диана «остерегалась взрослых, частенько ссорилась со сверстниками… но очень быстро вошла в круг веселых, талантливых, дружелюбных девушек и нашла свою нишу в новой обстановке» [28]. Подруги, которых она обрела в Вест-Хите, в особенности Кэролайн Прайд и Лора Грейг, вошли в ее ближний круг. Они поддерживали ее и толстой, и худой, и в радости, и в глубинах отчаяния.

Травма, которую нанес ей развод родителей, так никогда и не изгладилась. Учительница Вайолет Аллен вспоминала: «Она часто приходила ко мне, чтобы поговорить. Конечно, она скучала по матери и отцу. Другие девочки, родители которых были разведены, чувствовали то же самое. Некоторые смирялись с ситуацией, другим приходилось тяжелее. Диане было очень трудно смириться – в этом у меня нет ни малейших сомнений. Она была очень хрупкой и уязвимой. Не могу привести конкретных примеров, но все ее проблемы, несомненно, были связаны с крушением брака ее родителей» [29].

Диана училась играть на рояле, брала уроки балета и бальных танцев – эти занятия ей особенно нравились. Она победила на танцевальном конкурсе и каждый год получала кубки за плавание и прыжки в воду. Диана и в те годы испытывала сочувствие к страдающим и нуждающимся – с готовностью навещала соседнюю больницу и общалась с инвалидами. Она даже ухитрялась танцевать с больными на инвалидных колясках – катила кресло, стоя перед ним, лицом к лицу с инвалидом, а не сзади, как это делали другие.

Диана всегда была очень эмоциональна. Она не прощала тех, кто обидел ее. «У нее был очень сильный характер, – вспоминает директриса школы. – Она всегда получала то, чего хотела…» В выпускном классе Диана училась так хорошо, что получила особый приз за «готовность делать то, что без нее так и осталось бы несделанным». Рут Рудж вспоминает: «Она очень ответственно относилась к своим обязанностям. На нее можно было положиться. И она всегда стремилась помогать людям, не жалея собственного времени» [30]. Впрочем, это не мешало Диане жить в романтическом мире любовных романов Барбары Картленд, где сильные мужчины добивались невинных невест и любовь

побеждала все препятствия. Надо сказать, что подобное чтение никоим образом не готовило Диану к реальной жизни и к тому, что ее ожидало в будущем.

Хотя Диана вполне прижилась в Вест-Хите, Парк-хаус и отношения с обожаемым отцом не теряли для нее значения. Дом всегда, с самого раннего детства, был центром ее жизни. И вот этой несокрушимой крепости предстояло измениться навсегда. Произошло то, чего дети давно боялись. В жизни отца появилась новая сильная женщина – Рейн Легги, графиня Дартмутская. О существовании Рейн дети узнали летом 1972 года, когда Джонни пригласил ее на ланч в Парк-хаус. Рейн Дартмут была замечательной женщиной. Безукоризненно одетая, накрашенная и причесанная красавица обладала острым умом и волей, которая по силе не уступала той, что были награждены дети Спенсеров. Роману Рейн и Джонни не помешал даже ее брак и четверо ее собственных детей. Рейн была дочерью еще одной выдающейся женщины – успешной романистки Барбары Картленд, книгами которой зачитывалась Диана.

Сара к тому времени уже жила в Лондоне. Она первой узнала о дружбе отца с леди Дартмут и не преминула сообщить об этом Диане и всем остальным. Дети не горели желанием впускать в свои отношения с обожаемым отцом, которого привыкли считать своей собственностью, никаких женщин, и, услышав от отца о приглашении леди Дартмут, они сразу же высказали свое неудовольствие. Однако когда перед Дианой возникло это безукоризненное видение, столь непохожее на привычных ей сельских леди, она смогла лишь хихикнуть, прикрыв рот рукой.

Рейн была обаятельна и грациозна, и она не собиралась обращать ни малейшего внимания на скрытую недоброжелательность детей. В конце вечера Сара, не находя выхода своей враждебности, громко рыгнула. Джонни возмущенно воскликнул: «Сара!», на что дочь весело объяснила, что в арабских странах такое поведение считается знаком уважения. Шокированный отец приказал дочери выйти из-за стола, что она с удовольствием и сделала. Диана попыталась защитить сестру, но Джонни резко оборвал ее: «Довольно, Диана!» Под предлогом дурного самочувствия Диана попросила разрешения выйти из-за стола, что отец ей с радостью позволил. Начало отношений сложилось не самым лучшим образом.

Дети поняли, что в жизни отца появилась новая женщина. «Она нам не понравилась, – вспоминал Чарльз. – Дети все чувствуют инстинктивно, и мы почувствовали, что она нам не нравится». Следующая встреча произошла несколько месяцев спустя, на праздновании восемнадцатилетия Сары. Джонни

устроил празднество в древнейшем строении Норфолка – замке Райзинг. Рейн была в числе четырехсот приглашенных и принимала участие в организации. Она разыскала для Джонни костюм Генриха VIII, а для Сары – платье Женевьев Бюжо, в котором та играла Анну Болейн в фильме «Тысяча дней Анны» (1969). Сара увлеченно танцевала со своим бойфрендом Джеральдом Гровенором, наследником герцога Вестминстерского, а потом укатила с празднества в подаренном ей отцом зеленом спортивном автомобиле MGB GT.

Сара не имела ничего против близости отца с графиней Дартмут. Рейн твердо решила сделать Джонни своим вторым мужем. Первый, Джеральд Легги, ее уже не устраивал – она даже перестала приглашать его на свои званые ужины. Рейн была решительной, амбициозной и уверенно шла к поставленной цели. К моменту встречи с Джонни, Рейн вела активную общественную жизнь. На протяжении одиннадцати лет (1954–1965) она была членом Вестминстерского городского совета, восемь лет членом совета Лондонского графства от Льюишем-Вест, затем вошла в сформированный совет Большого Лондона. Она выступила против фильма по книге Джеймса Джойса «Улисс», назвав его «отвратительным и оскорбительным». «Мне нравится то, что показывает жизнь и секс красиво и элегантно», – заявила она (23). Рейн была истинной дочерью своей матери!

Большого успеха она добилась в качестве председателя совета по охране исторических зданий. В 1971 году Рейн вошла в состав Английского совета по туризму и возглавила консультативный комитет по охране окружающей среды. Из комитета она ушла в знак протеста против проекта развития Ковент-Гардена. После этого Рейн стала национальной героиней левых либералов. Газета Guardian писала: «Слишком легко недооценить эту женщину… красивую, безукоризненно одетую, принадлежащую к высшей аристократии, которой все достается легко и без усилий. Но за лакированной внешностью скрывается исключительно способный политик, умеющий вежливо, но твердо настаивать на своем…»

В 1972 году ей предложили возглавить исполнительный комитет Великобритании по европейскому архитектурному наследию. Ее задача заключалась в защите исторических городов и зданий. Рейн написала книгу «Заботитесь ли вы о нашем наследии?» и включила Джонни Спенсера в руководство молодежной секцией комитета, памятуя о его успехах на поприще председателя Национальной ассоциации клубов для мальчиков. Она также попросила Джонни помочь ей с фотографиями для книги. Всем было очевидно, что Рейн и Джонни влюблены друг в друга.

Джонни всегда тянуло к сильным женщинам, а Рейн была куда энергичнее и динамичнее Фрэнсис. После развода Джонни был очень одинок. Элегантность Рейн, ее остроумие и красота сразили его наповал. Неуверенный и медлительный, он предоставил Рейн полную свободу действий. Хотя эта женщина была куда способнее и ярче потенциального супруга, но мягкость и сдержанность Джонни ее привлекали. Она могла стать для него матерью и организовать его жизнь. Кроме того, между ними возникло сильное физическое влечение (в журнале Private Eye позднее писали, что по дороге из Лондона в Нортгемптоншир они на несколько часов остановились в мотеле).

Диана, которая уже освоилась с ролью матери для собственного отца, и ее младший брат были уверены, что уж ее-то из отцовского сердца не вытеснит никто. Но Рейн смогла дать Джонни все то, что давала Диана, и многое другое. Диане пришлось смириться и отступить.

3. «Я – леди Диана»

Я была толстой, нескладной, абсолютно нестильной девушкой без макияжа, зато умела производить много шума, и ему [принцу Чарльзу] это нравилось.

Диана – Эндрю Мортону [31]

9 июня 1975 года Джек, седьмой граф Спенсер, умер, и уютной семейной жизни в Парк-хаусе пришел конец. Сначала Диана была в восторге от своего нового титула. Леди Диана – это звучало куда лучше, чем «достопочтенная». Она бегала по Вест-Хиту и кричала: «Я – леди Диана!» Но только вернувшись домой на каникулы, Диана поняла, как изменилось положение семьи. Парк-хаус готовился к переезду в фамильную резиденцию Спенсеров Олторп. Отец больше не был виконтом Олторпом – он стал восьмым графом Спенсером. Диана ободрала персиковое дерево и умчалась со своей подругой Алекс Лойд на пляж в Бранкастер.

Диана вспоминала: «Когда мне было тринадцать [на самом деле четырнадцать – Диана родилась 1 июля 1961 года], мы переехали в Олторп, в Нортгемптон. Все изменилось. Мы покинули Норфолк, где я выросла и всех знала. Нам пришлось переехать, потому что дедушка умер, и наша жизнь изменилась. На сцене появилась моя мачеха, Рейн, – пока что инкогнито. Она пыталась сблизиться с нами – будто случайно натыкалась на нас в разных местах, заводила разговоры и осыпала подарками. Но мы ненавидели ее, потому что знали, что она хочет отобрать у нас папочку» [32].

Диане пришлось покинуть дом, где она родилась и выросла, и она восприняла это как очередное предательство – словно мало было ухода матери. Дети редко бывали в Олторпе у деда.

Им там не нравилось. Чарльз говорит, что «переезд стал тяжелым периодом в жизни всех нас. Нам пришлось оторваться от своих друзей и знакомых и поселиться в окружении парка размером с Монако». Дом из ста двадцати одной комнаты представлялся им «стариковским обиталищем, соответствующим эдвардианским вкусам нашего деда. Казалось, будто леденящая машина времени перенесла нас в другую эпоху. Повсюду царил запах трамперовского масла для волос и раздавалось тиканье дедовых часов. Часы тикали негромко, словно звук впитывался в

дубовый паркет и гобелены на стенах» [33].

Олторп так никогда и не стал для Дианы истинным домом, каким был Парк-хаус. Однако эта резиденция объединила ее с предками, позволила, что называется, выпрямить спину и смотреть свысока на саму королевскую семью. Даже такой не интересующийся историей человек, как Диана, осознавал величие Олторпа. Пять веков смотрели на нее со стен дворца. Невозможно было не понять историческую значимость собственного рода.

Приятель Дианы, историк, так говорил об этом: «Диана подсознательно понимала, хотя из-за отсутствия специальных знаний не могла понять в полной мере, что старые семейства вигов, такие как Кэвендиши, Расселлы, ее собственный род и еще одна-две фамилии, гораздо древнее и знатнее, чем королевская семья. Это они возвели на трон Ганноверскую династию, хотя ее представители были обычными немецкими принцами, пришли ниоткуда и даже не говорили по-английски… Парламент сделал Георга I монархом под давлением олигархии вигов, в которой семья Дианы играла очень важную, основополагающую роль. Поэтому, говоря о браке Дианы с принцем Чарльзом, нельзя сказать, что она сделала прекрасную партию – в этом браке она стояла выше мужа, а не наоборот. Не уверен, что она это понимала, но мне кажется, это было именно так. „Кто такой этот принц Чарльз, чтобы смотреть на меня сверху вниз? Как смеет он говорить: „Они любят тебя, только потому что ты – моя жена, а до самой тебя им и дела нет“? Да кто он такой, чтобы это говорить?“» [34]

Спенсеры и равные им по положению аристократы (например, Кэвендиши) были вигами. Они отстаивали права народа и выступали против неограниченной власти монарха. Этим они отличались от тори, которые всегда были беспрекословно верны трону. «Аристократы-тори, – говорит историк Бен Пимлотт, – были абсолютно верны монархии. Традиция вигов не столь однозначна. Возможно, это преувеличение, но в нем есть зерно истины. Виги всегда были верны своим традициям. Они – настоящие индивидуалисты» [35].

Олторп не отличался красотой: теплый кирпич большого тюдоровского особняка в конце XVIII века облицевали серебристо-белой плиткой, что придало дому холодный вид. Но дом находился в окружении идиллического английского пейзажа – покатые зеленые холмы, на которых паслись овцы. Именно шерсть стала основой благосостояния Спенсеров, живших в Олторпе более пятисот лет. Первый Джон Спенсер, «Основатель», приобрел эти земли в 1507 году и сразу начал строить особняк. В дальнейшем он прикупал новые земли, сажал деревья и создал

дворцовый парк. Семейству принадлежал также великолепный Спенсер-хаус в Лондоне. Из окон этого величественного особняка XVIII века можно было любоваться Грин-парком. Впрочем, во времена Дианы особняк уже сдавался.

На протяжении веков Спенсеры увеличивали свое богатство и прирастали новыми землями. В немалой степени этому способствовала первая Диана Спенсер, дочь леди Анны Черчилль, родителями которой были Джон Черчилль, первый герцог Мальборо, и его супруга Сара Дженнингс, одна из самых сложных и выдающихся женщин своего времени. Семейные отношения складывались непросто – достаточно сказать, что Сара меняла свое завещание пятьдесят раз! Родственные связи с Черчиллями льстили Спенсерам. Они гордились родством с первым герцогом Мальборо, чьи победы над французами в начале XVIII века принесли ему славу, богатство и роскошный дворец Бленем, получивший название в честь самой знаменитой его победы. Бленем был построен для герцога благодарным народом.

Полное имя Уинстона Черчилля – Уинстон Спенсер Черчилль. Как-то раз дед Дианы, Джек Спенсер, застал Уинстона Черчилля в своей драгоценной комнате для хранения документов. Черчилль изучал жизнь своего предка, первого герцога Мальборо. При этом он курил сигару. Джек немедленно заставил Черчилля затушить сигару в стакане воды.

Первая герцогиня Мальборо, Сара, оставила Спенсерам великолепную коллекцию живописи и драгоценностей, а также «серебро Мальборо» – награду первого герцога за военные победы. В эту коллекцию входили прекрасные изделия из золота и серебра, подаренные герцогу королевой Анной после победы при Бленеме.

В числе предков Дианы была не только Сара Дженнингс, которая с пренебрежением относилась даже к своей бывшей подруге королеве Анне, но и еще одна замечательная женщина, Джорджиана, герцогиня Девонширская. Джорджиана отличалась поразительной красотой и острым умом. Она так активно участвовала в деятельности партии вигов – и так хорошо играла в карты! – что стала самой знаменитой женщиной своего времени.

Имея таких предков, Диана просто не могла быть скромной серенькой мышкой, какой ее многие считали – или хотели считать. «Спенсеры – люди очень сильные и сложные, – вспоминала одна из родственниц. – Однажды королева-мать сказала мне: „Знаете, с женщинами из рода Спенсеров так нелегко!“ И была совершенно права. Они никогда и ничего не прощали – это была их фамильная особенность. Мне кажется, Диана не умела дружить и поддерживать личные отношения

именно в силу этой особенности». О собственной матери, урожденной Спенсер, та же женщина сказала следующее: «Она была невероятно похожа на Диану. Тот же характер. То же умение манипулировать реальностью, как я это называю. Конфликты, потом примирения, а потом все заново» [36].

Сначала жизнь в Олторпе казалась Диане и Чарльзу продолжением их счастливого детства в Парк-хаусе, только чуть более величественным. Хотя в Парк-хаусе был камердинер Беттс, от его услуг после переезда сразу же отказались. В Олторпе остался не только камердинер прежнего графа, Эйнсли Пендри, но еще и швейцар и семь слуг. «Первые дни были очень счастливыми и веселыми. Ни о каких церемониях и речи не шло», – рассказывала Анджеле Ливайн, работавшей над биографией Джонни и Рейн, Бетти Эндрюс, которая служила в Олторпе с 1975 года. Дети любили забегать в кухню, чтобы перехватить что-нибудь вкусненькое. «Диана даже готовила для персонала. Ей нравилось готовить хлебный пудинг для нас и рисовый или молочный для себя», – вспоминала Бетти Эндрюс [37].

Диана всегда была очень домашней девочкой. Она сама стирала и гладила собственную одежду и одежду Чарльза. Любовь к «домашнему рабству» Диана сохранила и во взрослой жизни. Она выполняла всю домашнюю работу за старшую сестру Сару, до того как вышла замуж, гладила рубашки своим платоническим бойфрендам, а в год своей смерти гладила одежду для Аннабел Голдсмит и Джемаймы Хан во время их совместной поездки в Пакистан. Это было не показное поведение в стиле Марии-Антуанетты, а внутренняя потребность. Диане всегда хотелось быть полезной, демонстрировать свои навыки и быть «опрятной» – любимое ее словечко.

Эндрюс называет атмосферу в Олторпе «счастливой – три сестры отлично ладили друг с другом». Диана любила съезжать с грандиозной парадной лестницы на чайном подносе, как на санках, и танцевать в огромном Вуттон-холле, построенном в начале XVIII века. Лепнина и картины этого зала отражали страсть Спенсеров к охоте.

Появление Рейн все изменило. Ей всегда хотелось иметь грандиозный загородный дом – у Джеральда Дартмута ничего подобного не было. Хотя свадьба с Джонни еще не состоялась, но присутствие Рейн ощущалось повсюду. Приезжая, она останавливалась в Индийской шелковой спальне, расположенной напротив комнаты Джонни. Она сразу начала менять обстановку, оплачивая все из собственного кармана. Джонни, как всегда, был стеснен в средствах – ему предстояло выплатить налог на

наследство в размере двух миллионов фунтов.

Рейн страстно стремилась выйти замуж за Джонни, и враждебное настроение детей начинало ее беспокоить. Никто из них, и в особенности Сара, не делал секрета из своей неприязни. Сара никогда не упускала возможности посплетничать с репортерами и добавить пикантных подробностей в их статьи, посвященные Рейн. Когда ее спросили об отношениях лорда Спенсера с леди Дартмут, она ответила, что ее отец сейчас находится в постели с леди Дартмут и она не хочет их беспокоить. Другому репортеру она заявила: «Поскольку мой дедушка в июне умер и мы переехали из Сандрингема в Олторп, леди Дартмут стала бывать у нас слишком часто…» [38]Когда ее спросили, почему же леди Дартмут так много времени проводит в Олторпе, Сара ответила: «Она помогает моему отцу готовить дом для экскурсантов. Дед терпеть не мог, когда в его доме появлялись посторонние. Леди Дартмут пишет путеводитель по дому вместе с моим отцом». Диана выражала протест по-своему. Один из экскурсантов запомнил ее «в роли Золушки – она скромно сидела у камина на глазах у проходящих мимо посетителей». Дети частенько распевали: «Рейн, Рейн, уходи!» [39]– так, чтобы она их слышала.

Но Рейн никуда не ушла. В мае 1976 года Джеральд Дартмут получил развод на основании супружеской неверности жены. Через два месяца, 14 июля 1976 года, Джонни и Рейн поженились в Лондоне. Джонни не сообщил о своих планах детям. Ярость их не знала границ! В 1992 году Диана рассказывала Питеру Сеттелену: «Мне позвонила Сара и спросила: „Ты видела сегодняшние газеты?“ „Нет, а что?“ – ответила я. „Папа женился на Рейн!“ „Не может быть! – воскликнула я. – Откуда ты знаешь?“ „Открой Express!“ Мы были в ярости, но Сара сказала: „Послушай, Дач (в семье меня звали Дач), тебе нужно поехать и с ним поговорить“.

Папа сказал: „Я хочу объяснить, почему… э-э… женился на Рейн…“, а я ответила: „Она нам не нравится“. Тогда он сказал: „Я это знаю, но когда ты вырастешь, то полюбишь ее так же, как и я“. А я все твердила: „Нет, не полюблю, она нам не нравится!“ – чувствуя себя маленьким крестоносцем. В конце концов я пришла в такую ярость, что, если не ошибаюсь, даже дала отцу пощечину и заявила: „Это от всех нас! Ты сделал нам больно!“ С этими словами я выскочила из комнаты и изо всех сил хлопнула дверью. Отец выбежал за мной, схватил меня за руку, повернул к себе и рявкнул: „Никогда больше не разговаривай со мной в таком тоне!“ А я ответила: „А ты никогда больше с нами так не поступай!“ – и убежала» [40].

Все четверо детей Спенсеров были очень близки – и физически, и морально. «Они были очень дружными. Все делали вместе. На любом семейном празднике они держались рядом – это выглядело на посторонний взгляд довольно пугающе. Казалось, они стремятся защитить друг друга…» – вспоминает один из родственников. Человеку, не столь сосредоточенному на собственной цели, как Рейн Дартмут, сплоченные юные Спенсеры могли показаться преторианской гвардией собственного отца. Кто угодно бы напугался их – только не Рейн… Впрочем, иногда даже она пугалась: преданность Джонни своим детям могла помешать ему жениться на ней.

После свадьбы, когда Рейн стала безраздельной хозяйкой Олторпа, ситуация еще больше обострилась. Собственнический инстинкт по отношению к отцу никуда не делся, но теперь дети чувствовали себя исключенными из его жизни. Чары Рейн на них не действовали. Когда Джонни и Рейн приглашали гостей, те сразу чувствовали «ужасную напряженность в отношениях Рейн со всеми тремя девочками». Сестры старались по возможности не разговаривать с Рейн – попросту не говорили ей ни слова. Порой возникали весьма неловкие ситуации. Во время молодежного бала в Хэддон-холле рядом с Дианой за обедом сидел хороший знакомый Джонни и Рейн. Вот что он вспоминал: «Неожиданно глаза ее заблестели, и она спросила: „Вы же дружите с моей мачехой, верно?“ „Надеюсь, что и с твоим отцом тоже“, – ответил я. Это был очень неприятный разговор». Сара, которая постоянно общалась с журналистами, проявляла свою враждебность активнее – постоянно рассказывала что-то о Рейн репортерам желтых газет [41]. Даже самая спокойная и тихая из четверки Спенсеров Джейн, «лучшая из всех», по мнению друзей семьи, не сумела сдержаться. Когда за обедом ее спросили, как часто она бывает в Олторпе, она громко, чтобы услышала Рейн, ответила: «Когда меня приглашают».

Диана, как и остальные дети, чувствовала, что отдаляется от отца. Она любила его, но их общение почти сошло на нет. Он оставался любящим отцом, но теперь принадлежал Рейн, а не любимой дочери. Не улучшилось положение и в следующем году, когда нужно было сдавать экзамены. Диана сдавала дважды, дважды провалилась и была вынуждена в шестнадцать лет покинуть Вест-Хит. Она вспоминала: «В четырнадцать лет я была уверена, что неспособна к учебе, что абсолютно безнадежна. Брат – вот кто всегда сдавал экзамены на отлично, а я была неудачницей…» [42]«Мне вечно твердили, что я толстая, что мой брат умнее меня, и я твердо в это поверила». «Я приходила к директрисе вся в слезах. Рыдала и твердила, что не хочу быть

такой глупой!» [43]Впрочем, Рут Рудж опровергает эти слова: «Не помню, чтобы мне приходилось ее успокаивать и приносить ей таблетки перед экзаменами, хотя с другими девочками такое случалось. Я не замечала, чтобы ее охватывала паника на экзаменах» [44].

Друзья Дианы приписывали неудачи в учебе «обычной лени и тому, что ее никто и никогда ни к чему не принуждал». Она добивалась отличных успехов в том, что ей нравилось, но, когда дело доходило до учебных предметов, попросту сдавалась, даже не начав. Вот что говорит один из членов семьи Спенсер: «Нет, она не была глупой. Ей хватало сообразительности, но не хватало уверенности. В состоянии эмоциональной травмы трудно сосредоточиться на обучении, поэтому она и не достигла больших успехов в школе. Ее сознание просто блокировало способность концентрироваться, впитывать и обрабатывать информацию. Диана точно не была глупой». Тот же родственник считает, что неудачи Дианы в формальном образовании связаны с ее положением «ребенка замещения» – она родилась после смерти Джона: «Я замечал это и в других семьях, где были „дети замещения“, то есть родившиеся после смерти других детей. От них ожидают того, чего они не могут дать, и им приходится подстраиваться под ожидания других людей…»

Неудачи в учебе Диана с лихвой компенсировала своей почти мистической убежденностью в силе и правильности собственной интуиции. Она была уверена, что инстинктивно найдет верный путь в жизни. Она осознавала собственную судьбу (или, по крайней мере, утверждала это). Диана была убеждена в том, что рождена для величия. А если это так, то к чему сдавать какие-то экзамены?

Жизнь детей Спенсер менялась. Рейн оказалась исключительно общительна. В доме постоянно устраивались приемы, балы, охотничьи вечеринки. Детям приходилось торчать на своем этаже, чтобы хватало места для гостей. Развлечения приобретали все более и более официальный характер. Рейн была на редкость требовательной хозяйкой, во всем стремившейся к совершенству. Неудивительно, что слуги в доме то и дело менялись.

Один из слуг так говорил Анджеле Ливайн о реакции детей на мачеху: «За исключением Джейн, которая сохраняла внешний нейтралитет, дети относились к Рейн враждебно и холодно. Они открыто высказывали свое недовольство – и не только лично ею. Им не нравилось, что она командует их отцом, превращает его в свою собственность. Детям приходилось соперничать с Рейн за внимание собственного отца» [45].

А вот какое впечатление сложилось у Руперта Хэмбро: «Казалось, что Рейн окружила его [Джонни] непробиваемым барьером. Она вела себя так, что все, кто до ее появления играл хоть какую-то роль в его жизни, почувствовали себя лишними и ненужными. Ее совершенно не интересовала семья Джонни, его жизнь и его интересы. При встречах говорила только она. Когда Джонни о чем-то спрашивали, она всегда отвечала за него. Многие чувствуют себя вполне комфортно в ситуации, когда ни за что не нужно отвечать. Полагаю, лорд Спенсер был очень близок к подобному состоянию…» [46]

Тетя Джонни Спенсера, леди Маргарет Дуглас-Хоум, которая хорошо знала детей, понимала проблему лучше других. «Не думаю, что Рейн поступала правильно, – говорит она. – Вряд ли из нее могла получиться хорошая мачеха. Она стремилась стать единственной и не хотела делиться вниманием Джонни с его детьми, стремилась постоянно его контролировать, и ее раздражало, что дети вмешиваются в их жизнь. Конечно, им это не нравилось. Они были достаточно взрослыми, чтобы понимать это. Мне было их очень жаль. Дети выглядели несчастными» [47].

Друг Рейн рассказывает, что в то время Олторп целиком и полностью зависел от камердинера Пендри, «весельчака и исключительно надежного человека». Камердинер и его жена, экономка Мод, дочь норфолкского фермера, стали для Дианы настоящими друзьями.

Миссис Пендри вспоминала: «Когда Диана переехала в Олторп, то поразила нас своей застенчивостью. Она мгновенно краснела – щеки начинали прямо полыхать. Мой муж обожал Диану – впрочем, ее любили все. Она приезжала к отцу раз в полтора-два месяца. Узнав, что на выходные приедет Диана, мой муж заказывал ее любимые блюда и строго следил за тем, чтобы в ее спальне было все необходимое. Она обычно спала в детской, на маленькой черной железной кровати… Приезжая в Олторп, Диана сразу же бежала и разыскивала моего мужа, потому что она была очень милой девочкой, и вежливой вдобавок – всегда называла его „мистером Пендри“… Ну и он, конечно, баловал ее.

После повторной женитьбы отца она часто приходила к нам поболтать, иногда ужинала с нами. Высокомерие было ей абсолютно несвойственно. Диана была чудесная девочка, и все ее любили. Когда она приезжала в Олторп, в ее спальне обязательно стояли свежие цветы – мы следили за этим. Стремились сделать ей что-нибудь приятное, чтобы она почувствовала нашу любовь. Заметив, что Диана превращается в девушку, муж сказал мне: „Подожди еще! Она станет совершенно особенным человеком“» [48].

Как-то в сентябре Диана приехала к друзьям в Норфолк. И там ее посетило предчувствие. Она сказала подруге, что ей кажется, с отцом приключилась беда. «Если он умрет, то мгновенно, – пояснила она. – А если не умрет сразу, то будет жить». На следующий день, 19 сентября 1978 года, Джонни потерял сознание во дворе собственного дома. У него произошел обширный геморрагический инсульт. Без сознания его доставили в нортгемптонскую больницу, где у него развилась пневмония. Несмотря на опасность, Рейн настояла на том, чтобы его перевезли в лондонскую Национальную больницу нервных болезней на Квин-сквер.

Конечно, условия там были гораздо лучше. В состоянии глубокой комы Джонни подключили к аппарату жизнеобеспечения, затем последовала четырехчасовая операция на мозге. Рейн проявила истинный героизм. Она буквально не отходила от постели мужа. Состояние Джонни постепенно улучшалось, но через четыре недели после операции у него развилось редкое заболевание, вызванное бактерией, не чувствительной к антибиотикам. Его перевезли в Королевский госпиталь Бромптон. Состояние Джонни было критическим, восемь раз он находился на грани жизни и смерти.

Надо сказать, что Рейн в буквальном смысле спасла ему жизнь. В отчаянии она обратилась к своему другу Биллу Кавендишу-Бентинку, герцогу Портлендскому и директору немецкой фармацевтической компании *Bayer,* чтобы узнать, не испытывается ли в компании какое-нибудь новое лекарство, которое могло бы помочь в подобной ситуации. Кавендиш-Бентинк сообщил ей, что такое лекарство есть, но оно еще не выпущено на рынок и нужно получить согласие врачей на его применение. Она добилась согласия: «Лучше он умрет, потому что мы что-то сделали, чем из-за того, что мы не сделали ничего». Из Германии прислали лекарство, и произошло чудо. Джонни поправился. Позже он подарил Рейн как своей спасительнице великолепную парюру из рубинов от Van Cleef & Arpels.

Впрочем, преданность Рейн не тронула сердца детей Джонни. Не способствовало их смягчению и то, что Рейн приказала медсестрам больницы на Квин-сквер не пускать детей к тяжело больному отцу, пока рядом с ним находится она. Им приходилось дожидаться, пока мачеха выйдет. Медсестра вспоминает, что они, желая пробраться к отцу, отправляли Сару на разведку. Неудивительно, что они были очень грубы с мачехой. Здоровалась с ней только Джейн. Диана постоянно рыдала, хотя позднее уверяла, что была «пугающе спокойна». «Мы увидели другую сторону Рейн и не приняли ее, – вспоминала она. – Она не

пускала нас в больницу, не позволяла увидеть отца… Ему стало лучше, но у него сильно изменился характер. До болезни он был совершенно другим человеком. Он остался отстраненным, но стал более открыто проявлять свою любовь» [49].

А тем временем судьба вела Диану из детства и школы в жизнь новую и неожиданную. Прошлым летом принц Чарльз начал встречаться с ее сестрой Сарой. Саре исполнилось двадцать два года. В один из дней недели Королевских скачек в Аскоте ее пригласили на домашний прием в Виндзорский замок, чему поспособствовала крестная Сары, фрейлина королевы Генриетта Эбел Смит. Принц Эндрю, которого Сара знала с детства, познакомил ее с принцем Чарльзом. Чарльз проявил удивительную бестактность – он сразу же спросил: «У вас анорексия?» (Сара действительно была очень худой, но отрицала свою болезнь.) Но, несмотря на это, они отлично поладили. Сара Спенсер постепенно приходила в себя после двух мучительных лет. Она действительно страдала анорексией и булимией – позднее точно так же реагировала на стресс и Диана.

Спустя много лет Диана посещала частную клинику Прайори, где лечили психологические нарушения. Пациентам она рассказала, что первые симптомы булимии появились у нее в середине 70-х, и обвинила в этом Сару: «У меня это началось потому, что у Сары была анорексия, а я ее обожала и во всем стремилась ей подражать». Если это так – а слова Дианы не всегда отражали действительность, порой они обозначали лишь ее представление о собственной жизни, – то в тот период болезнь не сильно на нее повлияла: рост Сары составлял сто семьдесят сантиметров, а весила она чуть больше тридцати шести килограммов – Диана же на фотографиях того времени выглядит совершенно нормальной.

Сара страдала два года. Болезнь настолько обострилась, что Фрэнсис положила ее в больницу. Ей казалось, что Сара переживает из-за разрыва с Джеральдом Гровенором, случившегося после трехмесячного отдыха у Шэнд Киддов в Австралии. Может быть, все так и было, но симптомы болезни проявлялись у Сары и раньше – в школе ей было скучно, и она начала пить. Возможно, разрыв с Гровенором еще более усугубил ее состояние.

Принцу Чарльзу нравились яркость и непочтительное остроумие Сары. С ней всегда можно было посмеяться. К середине июля журналисты заговорили о серьезных отношениях: Сару видели с принцем на матче по поло, а королева пригласила ее в Балморал – явный признак серьезности намерений. Сара была очень красива, жизнерадостна и остроумна. Принцу Чарльзу

нравилось ее общество, но физически она его явно не привлекала. По словам Дианы, Сару страшно удивляло то, что принц не пытается уложить ее в постель.

В ноябре 1977 года Сара пригласила Чарльза поохотиться в Олторпе, Диана как раз приехала из Вест-Хита. Первая встреча с принцем произошла на вспаханном поле близ Ноботтлского леса. Чарльз, как утверждает его официальный биограф, счел девушку «веселой» и «энергичной». Он увидел очаровательную девочку-подростка, радостную и уверенную в себе. Диана же утверждает, что, познакомившись с принцем, подумала: «Боже, какой печальный мужчина!» Сара не отходила от своего гостя ни на шаг.

Вечером в Олторпе устроили танцы. И Чарльз заметил, что его тянет к шестнадцатилетней жизнерадостной девушке. «Я была толстой, нескладной, абсолютно нестильной девушкой без макияжа, зато умела производить много шума, и ему это нравилось. После ужина он подошел ко мне, пригласил на танец, а потом спросил: „Не покажете мне галерею [картинная галерея – одна из всем известных достопримечательностей Олторпа]?“ Я уже собиралась показать ему галерею, но тут появилась Сара и прогнала меня. Прежде чем уйти, я съязвила: „Позволь хотя бы показать тебе, где выключатели, ведь ты же этого не знаешь!“ Когда я подошла к нему на следующий день, Чарльз был само очарование. Это так лестно для шестнадцатилетней девушки – внимание подобного человека. Я была просто поражена: почему такой человек, как он, заинтересовался мной? А он и вправду заинтересовался!» [50]

Сестры и брат стали замечать, что Диана изменилась. «В ней неожиданно проявился какой-то удивительный магнетизм. Люди начали интересоваться ею, как только ей исполнилось шестнадцать, – вспоминает Чарльз Спенсер, который в 1977 году отправился учиться в Итон. – До этого она была тихой и вечно чем-то занятой девочкой… Нет, она не была скучной и заурядной – просто скромной и застенчивой. Но, когда она начала превращаться в очаровательную юную женщину, в ней появилась уверенность. Ей многое открылось, и она поняла, что вполне может стать душой любой вечеринки. Людям очень нравилось ее общество» [51].

Диана всегда давала понять, что именно принц Чарльз начал ухаживать за ней, но ее учительница музыки Пенни Уокер запомнила другое: «Принц Чарльз постоянно был у нее на языке… Помню, как она вернулась после встречи с ним – и вообще не могла говорить ни о чем другом. Твердила: „Я встретилась с ним! Наконец-то я встретилась с ним!“… В ее комнате висели его фотографии. Многие девушки ее происхождения и круга

испытывали похожее обожание к молодому наследному принцу, ничего необычного в этом не было, но у нее период романтической влюбленности уж очень затянулся. Диана говорила только о Чарльзе и об их встрече. Не помню, заводила ли она речь о браке, но она была абсолютно им очарована. Думаю, ей хотелось убежать в сказку» [52].

В начале 1978 года Диана отправилась в Швейцарию, в женский институт Альпин Видеманетт. Она страшно скучала по дому. Диана и раньше любила писать письма, но за первый месяц своего пребывания на континенте побила собственный рекорд, написав сто двадцать писем. Она научилась кататься на лыжах, но не нашла общего языка с другими девушками, преимущественно испанками и итальянками. В конце первого семестра стало ясно, что оставаться в Швейцарии бессмысленно, и Диане разрешили вернуться домой. Она приехала в Лондон как раз на свадьбу Джейн.

В 1977 году Джейн обручилась с уроженцем Норфолка Робертом Феллоузом, сыном управляющего Сандрингема, сэра Уильяма Феллоуза. В апреле 1978 года они поженились, Диана была главной подружкой невесты. Джейн исполнилось двадцать, а Роберту Феллоузу тридцать шесть. Он был всего на пять лет моложе собственной тещи. Он тоже учился у Алли и вращался в том же самом кругу норфолкской аристократии, что и дети Спенсеров в годы их жизни в Парк-хаусе. Он был придворным и входил в ближнее королевское окружение, исполняя обязанности личного секретаря и помощника королевы. Высокий, худой, спокойный, Роберт являл собой идеальный образец представителя английской политической элиты. Только такой человек и мог работать у королевы. Он учился в Итоне и служил в полку шотландских драгун. Джейн довольно неромантично говорила: «Мы знали друг друга всю жизнь и постепенно сблизились». Сара была более откровенна: «Мы всю жизнь пытались его поймать».

Свадьба проходила в капелле гвардии в казармах Веллингтона, всего в нескольких сотнях ярдов от Букингемского дворца, где «служил» жених. Прием устроили в старом Сент-Джеймсском дворце, также входящем в королевский анклав. Королева-мать прибыла вместе с Рут Фермой. Среди гостей были герцогиня Кентская и герцог и герцогиня Глостерские. Все говорило о том, что молодая пара входит в «магический круг» английской короны. Фрэнсис оплатила все расходы, но всё же, по выражению друзей, «на свадьбе собственной дочери более всего походила на гостью». Напряженность в ее отношениях с Джонни ощущалась почти физически. Рейн тоже принимала активное участие в церемонии, и пришлось посылать к ней парламентера,

чтобы попросить держаться подальше, когда делались семейные фотографии.

На свадьбе Диана познакомилась с одним из известнейших дворцовых репортеров, Джеймсом Уитакером, который тогда работал в Daily Mirror. Уитакер давно дружил с Сарой. Диана представилась ему сама. «Вы же Джеймс Уитакер, верно? – спросила она. – Я все про вас знаю. Я – младшая сестра Сары». Вот так начался долгий роман Дианы с прессой. Диана решила познакомиться с Джеймсом Уитакером, влиятельнейшим членом «крысиной стаи» репортеров таблоидов, скорее всего, из-за той роли, какую он сыграл в жизни ее сестры, в том числе и в ее расставании с принцем Чарльзом.

Роман с принцем приводил Сару в неумеренный восторг. Просто в чрезмерный восторг, надо признать. Ее пригласили провести выходные в Сандрингеме. В феврале Чарльз предложил Саре поехать на десять дней вместе с его гостями в Швейцарские Альпы, в Клостерс. К этому времени таблоиды уже открыто называли Сару подружкой Чарльза. Их фотографировали повсюду. Сара, по словам Уитакера, с удовольствием заигрывала с журналистами и читала их статьи о себе. Она заключила с бюро Дюран договор о том, чтобы получать вырезки не только из газет Англии, но и всего мира – не хотела упустить ни слова о себе. Вскоре собрался целый альбом с вырезками из различных изданий.

Вернувшись из Швейцарии, Сара повела себя очень неосторожно. Она согласилась встретиться за ланчем с двумя репортерами из Sun и Daily Mail – самых популярных английских газет. Им она рассказала о своих отношениях с Чарльзом. Через месяц Сара еще больше усугубила ситуацию, дав Уитакеру длинное интервью для журнала Woman's Own (Уитакер опубликовал его под псевдонимом Джереми Шлезингер, чтобы не злить своего постоянного работодателя – в тот момент он работал в газете Sun). Сара поведала Уитакеру о проблемах с алкоголем и исключении из школы, о своей анорексии. Она даже преувеличила, сказав, что гинеколог предупредил ее, будто она не сможет иметь детей (впоследствии она родила троих), и что она лишилась всей эмали на зубах. Сара предложила журналисту фотографии, чтобы продемонстрировать свою ужасающую худобу. Снимки оказались настолько шокирующими, что редакторы не решились их опубликовать. Сара болтала о том, что у нее были «тысячи бойфрендов». Хуже того, она начала откровенничать о принце Чарльзе. Сара назвала его «романтиком, который легко влюбляется» и категорически опровергла предположение, будто она влюблена в него: «Я не влюблена в принца Чарльза. Я –

девушка легкомысленная, меня не устраивают старомодные долгие ухаживания. Если бы помолвка между нами произошла, то вы бы об этом уже знали. Я не собираюсь замуж, я ни в кого не влюблена – ни в мусорщика, ни в короля Англии. Если он сделает мне предложение, я откажу. Он еще не готов к браку… Наши отношения похожи на отношения брата и сестры, ничего больше… Я не собираюсь становиться будущей королевой Англии. Не думаю, что он уже ее встретил».

Бедная Сара повела себя невероятно глупо. Она и сама понимала это. После разговора с Уитакером она позвонила Чарльзу и сказала: «Думаю, я только что совершила ужасную глупость, сэр». «Что ты сделала?» – спросил он. «Дала интервью Джеймсу Уитакеру», – ответила она. «Ты действительно совершила ужасную глупость, Сара», – произнес Чарльз [53]. Общение с журналистами желтой прессы в глазах королевской семьи было грехом непростительным. То, что Сара говорила с журналистами о принце Чарльзе, положило конец их отношениям.

И хотя отношения были полностью разрушены по ее собственной вине, Сара вовсе не пришла в восторг, когда на сцене появилась Диана. Диана вспоминала: «Сара заметила, что что-то происходит, и поняла: меня нельзя сбрасывать со счетов. Когда он отмечал свое тридцатилетие [14 ноября 1978 года], меня тоже пригласили…» [54]После того ужина в Олторпе Диана влюбилась в Чарльза со всей юношеской страстью – и с абсолютной юношеской убежденностью в том, что она его получит.

Диана была совершенно неискушенной. Она никогда не выходила за пределы своего узкого социального круга, никогда (если не считать бесполезной попытки обучения в Швейцарии) не бывала за границей, никогда не училась в университете и ничего не читала, кроме любовных романов Барбары Картленд. Единственно возможным поприщем для карьеры она видела профессию няни. Джейн и Сара работали в журнале *Vogue,* для Дианы же, как считалось, и роль няни вполне подойдет – родственников, и в том числе леди Маргарет Дуглас-Хоум, беспокоило то, что у нее нет цели в жизни. Но у Дианы цель была. Она собиралась переехать в Лондон и вести такую же независимую жизнь, как ее сестры и их друзья.

После трех месяцев, которые она провела в беспрерывных уговорах, ей позволили вместе с двумя другими девушками поселиться в квартире матери на Кадоген-сквер. Соседками Дианы стали Лора Грейг, ее подруга по Вест-Хиту, и Софи Кимбол, с которой она познакомилась в Швейцарии. Диана жила в квартире матери, ее счета оплачивали родители, и она даже не

пыталась найти высокооплачиваемую работу: три месяца училась на кулинарных курсах в Уимблдоне, потом поработала помощником преподавателя в балетной студии мисс Вакани в Кенсингтоне, но ушла оттуда. Она перепробовала массу занятий: убиралась в домах, присматривала за детьми, но за все платили сущие гроши. Своих работодателей она позже презрительно называла «бархотками» – в то время среди английских девушек среднего класса в моде были бархатные ленты для волос.

Больше всего Диане нравилось присматривать за детьми. Она стала подрабатывать в детском саду «Юная Англия», которым управляла Кэй Кинг, выпускница Вест-Хита. По словам мисс Кинг, Диана обладала невероятной способностью находить общий язык с детьми. «Они ее обожали, и ей было очень легко ладить с ними». Кроме того, через агентство «Временные и постоянные няни» Диана нашла работу няни. В рекомендациях говорилось: «Спокойная, уравновешенная девушка, прекрасно ладит с детьми и готова делать все, о чем ее попросят». Единственным условием была работа в самых безопасных и престижных районах Лондона, неподалеку от ее квартиры. Когда ей предложили работу у американской пары, Патрика и Мэри Робертсон, Диана поставила еще одно условие: она не будет работать по вечерам в выходные, чтобы иметь возможность без помех вести светскую жизнь.

Мэри Робертсон считала свою новую няню красавицей («истинная английская роза»). Ей нравилось, что Диана застенчива, вежлива и всегда готова помочь. Но уже в то время она была очень скрытной и тщательно охраняла свою личную жизнь. Миссис Робертсон даже не представляла, к какой аристократической семье принадлежит ее няня, а Диана никогда об этом не говорила. Когда ее спрашивали, как она провела выходные, она отвечала, что была «за городом», а если навещала Джейн в Кенсингтонском дворце, то говорила, что «присматривала за племянником в Кенсингтоне». Как-то раз миссис Робертсон очень понравилась ее прическа, и она спросила, к какому парикмахеру ходит Диана. Диана уклончиво ответила: «В маленькую парикмахерскую рядом с моим домом». «Я поняла, что настаивать не следует», – вспоминает миссис Робертсон. Диана никогда не говорила о матери и крайне редко упоминала семью. Когда Чарльз, которому Диана, по выражению миссис Робертсон, была абсолютно «предана», возвращался из Итона, она просила разрешения уйти пораньше. Но супруги даже не знали, что ее брат учится в Итоне. Миссис Робертсон запомнила, что «Диана обладала врожденной деликатностью, которая защищала ее истинные чувства. Я считала эмоциональную отстраненность признаком уважения к собственной личной жизни и личной

жизни других людей… Эта аура казалась мне самым важным и прекрасным ее качеством». По словам миссис Робертсон, в 1980 году Диана была «нормальной счастливой девушкой, радующейся обретенной независимости, получающей удовольствие от работы с двумя детьми и от развлечений в кругу друзей» [55].

В мае 1980 года Сара вышла замуж за Нила Маккоркодейла, офицера гвардейского Колдстримского полка. Он оказался дальним родственником Рейн. Друзья описывают его, как «надежного, очень спокойного и достойного человека с прекрасным чувством юмора». Это был мужчина, за которого следовало бы выйти замуж леди Диане Спенсер, и жизнь ее сложилась бы куда счастливее. Но Маккоркодейл достался Саре. Впрочем, в отношениях будущих супругов не все шло гладко. Свадьбу в феврале Сара отменила. Но в мае в приходской церкви Спенсеров в Грейт-Брингтоне церемония наконец-то состоялась. Торжественный прием проходил в Олторпе. Все расходы вновь оплатила Фрэнсис, а Рейн и ее мать, Барбара Картленд, были всего лишь гостями. Диане снова досталась роль подружки невесты. На этой свадьбе ее запомнили «очень застенчивой, почти что серой мышкой».

К этому времени (июль 1979 года) Диана уже переехала в дом № 60 на Коулхерн-Корт. Это была стильная квартира стоимостью пятьдесят тысяч фунтов на границе Южного Кенсингтона и Челси. Квартиру для Дианы подыскала Сара, которая в то время работала риелтором в агентстве «Сэвилс». Эта квартира стала подарком матери на совершеннолетие Дианы. В ней Диана поселилась с тремя подружками – Кэролайн Прайд, подругой по Вест-Хиту, Анной Болтон и Вирджинией Питман. Сара дала Диане еще одну работу – убираться в ее квартире на Элм-Парк-Лейн в Челси. Подруга, которая жила вместе с Сарой вспоминала: «Диана обожала ее [Сару], но Сара относилась к ней просто безобразно». Она платила сестре один фунт в час, а если ей что-то не нравилось, заставляла Диану все переделывать [56].

Не особо впечатляющей была и светская жизнь Дианы. Она не слишком любила вечеринки и постоянно отклоняла приглашения родителей на очередные балы. На выходные она уезжала за город и там иногда ходила на танцы с друзьями, но чаще всего предпочитала просто сидеть дома, смотреть телевизор и хихикать с подружками или кататься по Лондону на своей маленькой машинке и разыгрывать своих приятелей мужчин.

Приятели эти были типичными представителями высшего класса, самыми обычными молодыми людьми. Некоторые из них были офицерами, другие учились в университете. И практически все были дворянами. Впрочем, никто из них не был для Дианы

больше чем другом, хотя многим хотелось перейти эту грань. Один из приятелей Дианы, Рори Скотт, считал Диану очень привлекательной в сексуальном смысле, но никогда не пытался сделать следующий шаг. «Она всегда была какой-то отстраненной, – вспоминал он. – Чувствовалось, что ты многого о ней не знаешь и никогда не узнаешь».

Диана частенько отпускала весьма рискованные шуточки, порой ниже пояса. Мужчины считали ее очень сексуальной, привлекательной и соблазнительной. Она смеялась над их шутками, но никогда не допускала более серьезного флирта. Это было очень необычно для времени, когда, по словам одного из ее друзей, «люди спаривались, как кролики». Друзья считали, что беречь себя для кого-то в будущем смешно и глупо. Им казалось, что Диана просто боится секса. Но кое-кто из близких, например Кэролайн Прайд, понимал подругу лучше. Однажды Диана сказала Кэролайн: «Я знаю, что должна сохранить себя для того, что ждет впереди».

В 1991 году Кэролайн говорила Эндрю Мортону: «Меня трудно назвать провидицей, но я убеждена в том, что она точно знала, что произойдет, и твердо верила в это. Она была окружена некой золотой аурой, которая не позволяла мужчинам заходить дальше. Нравилось им это или нет, но такого никогда не случалось» [57].

Возможно, Диана в глубине души считала себя особенной. Ей казалось, что заурядность и ограниченность ее повседневной жизни будут компенсированы чем-то великим. Такое бывает с великими людьми – они сосредоточены не на настоящем, а на будущем. Грейс Келли и Джеки Бувье мечтали стать знаменитыми и выйти замуж за особенных мужчин. Диана была такой же. За внешностью жизнерадостной английской розы скрывались необычные качества, но до поры до времени о них никто не знал. Никто не мог подготовить ее к королевскому будущему, которое неожиданно открылось перед ней.

4. Появление принца

Я убежден в том, что мужчина… должен грешить по молодости, пока не остепенится. Но в жены нужно выбирать подходящую девушку с хорошим характером – и делать это до того, как она успеет влюбиться в кого-то другого.

Граф Маунтбаттен – Чарльзу [58]

В тридцать лет принц Чарльз Филипп Артур Джордж Виндзор был стройным, мускулистым, скромным, добрым и совершенно запутавшимся в жизни человеком. Он родился 14 ноября 1948 года в Букингемском дворце – официальной резиденции правящей династии Великобритании. И ему предстояло стать наследником трона. Поэтому с самого рождения к нему было приковано всеобщее внимание.

Его матери, тогда еще принцессе Елизавете, было всего двадцать два года. Она была замужем за принцем Филиппом, герцогом Эдинбургским, всего год. В 1952 году, когда Чарльзу было три с половиной года, его дед, король Георг VI, умер и молодая мать стала королевой Великобритании и Северной Ирландии, защитницей веры и главой Содружества. На королеву свалился тяжкий груз официальных обязанностей. В первый год после коронации, когда Чарльзу было четыре года, Елизавета с герцогом Эдинбургским отправились в полугодовую поездку по странам Содружества. Неудивительно, что Чарльз видел своих родителей гораздо реже, чем другие дети его возраста. А когда видел, обстоятельства не позволяли ему забыть о том, что его мать – королева, глава государства, верховный главнокомандующий и глава церкви.

Надо сказать, что родители изо всех сил стремились сделать жизнь сына «нормальной», насколько это было возможно. Они играли с ним и старались присутствовать во время вечернего купания и ужина. И все же для королевы главным всегда оставался ее долг и ее «работа». Она приняла из рук отца скипетр и была преисполнена решимости справиться с этой трудной задачей. Королеву всегда окружает некая аура, которая не позволяет проявляться истинной близости. Принц Чарльз всю жизнь относился к матери с благоговением.

С таким же благоговением он относился (и относится) к отцу, принцу Филиппу. Несмотря на тяжелое детство, Филипп всегда добивался успеха во всем, за что бы ни брался. Он прекрасно учился, отличился на военной службе во флоте и стал прекрасным консортом королевы Англии. Очень привлекательный и обладающий сильным характером, герцог Эдинбургский был при этом истинным главой семьи. Именно он решил, какое образование должен получить Чарльз – старший сын просто обязан был пойти по его стопам.

Сначала Чарльз отправился в начальную дневную школу Хилл-Хаус в Найтсбридже, где впервые встретился с незнакомыми детьми своего возраста. Затем его отправили в пансион Шим в Суррее. Чарльзу было девять лет, когда директор посадил его перед телевизором и он увидел, как его провозглашают принцем Уэльским (традиционный титул наследника престола) под восторженные крики тысяч жителей Уэльса. Это событие глубоко потрясло мальчика и окончательно разбило представление о том, что он – обычный школьник. Чарльз страшно скучал по дому. В Шиме у него не было друзей.

Впереди его ожидал еще более суровый жизненный опыт. Чарльза отправили в Гордонстаун на северо-восточном побережье Шотландии, где некогда учился его отец. Эта школа была организована немцем Куртом Ханом по образцу собственной школы в Германии. Гордонстаун был создан для воспитания самостоятельных и ответственных лидеров типа герцога Эдинбургского. Филипп всегда добивался прекрасных успехов в спорте и был капитаном крикетной команды. Скромный и спокойный Чарльз не пользовался в школе популярностью. Он был «иным» и принадлежал к королевской семье – мальчишкам доставляло удовольствие толкнуть наследника престола во время игры в регби. Но большинство учеников предпочитало держаться от него подальше, чтобы их не обвинили в подхалимстве. Некоторые же буквально преследовали Чарльза, били его подушками и макали головой в унитаз.

Кроме всего прочего, бытовые условия в школе были весьма суровыми. Снег с Северного моря летел почти горизонтально и залетал в открытые окна неотапливаемых спален в деревянных бараках. Для учеников были обязательны холодный душ, пробежки на свежем воздухе и выходы под парусом в Северное море. Родители навещали Чарльза редко, чаще отправляя вместе себя декана Виндзора, преподобного Робина Вудса.

Единственной отдушиной для мальчика было время, проведенное с обожаемой бабушкой, королевой-матерью, в Беркхолле в поместье Балморал. Этот дом Чарльз всегда называл

«самым замечательным местом в мире». Огромное наслаждение доставляла ему музыка, с которой познакомила его бабушка, и сцена – что совершенно естественно для человека, который не может понять самого себя.

В Лондоне за Чарльзом присматривала его няня, Мэйбл Андерсон. «Мэйбл спасла мою жизнь», – часто повторял он. Мэйбл была ангелом-хранителем для Чарльза – с детства и до юности. Когда он заболевал инфекционными болезнями, например ветрянкой, его тут же отсылали прочь, чтобы не создавать опасности для здоровья королевы. Вместе с Мэйбл Чарльз отправлялся за город – чаще всего в Холкем на побережье Норфолка, неподалеку от Сандрингема.

Даже домашняя жизнь, сколь бы хороша она ни была в сравнении со школьной, была суровой и непростой. Родители считали, что наследника трона следует воспитывать строго и серьезно. Сестра Чарльза, Анна, общительная, активная и проказливая, была гораздо ближе Филиппу, чем сын. Филиппа раздражала мягкость Чарльза, и он не делал из этого секрета, довольно грубо обходясь с сыном, причем порой в присутствии посторонних. Мать любила сына, но предпочитала не вмешиваться, предоставив надзор за его образованием отцу.

Поскольку английская корона правит не только Великобританией, но и Содружеством наций, Чарльза на год отпустили из Гордонстауна и перевели в Тимбертоп в Австралии. Здесь ему понравилось: школа находилась в австралийском буше, а Чарльз всегда любил природу и относился к ней с уважением. За Гордонстауном последовал университет – Тринити-колледж в Кембридже, где наставником Чарльза стал бывший министр правительства консерваторов Рэб Батлер. Чарльз также провел некоторое время в уэльском университете Эбериствит, чтобы познакомиться со своим «княжеством», но там ему не понравилось. Чарльз старательно изучал гэльский язык и пытался преодолеть враждебность уэльских националистов, которые в 1969 году грозили сорвать его провозглашение принцем Уэльским.

Под руководством отца и его дяди, графа Маунтбаттена, Чарльз прошел военную подготовку, причем в самых разных сферах. Он пилотировал военный самолет, прыгал с парашютом, учился в Королевском военно-морском колледже в Дартмуте и пять лет служил во флоте. Военные подвиги превратили его в настоящего мачо, что не преминули отметить журналисты. Чарльз так много занимался физической подготовкой, чтобы доказать отцу, что он – не слабак. Он охотился с гончими, играл в поло, изматывая себя до предела, несмотря на то, что достижения

в верховой езде были отнюдь не великими. К опасностям он относился как к трудностям, которые необходимо преодолевать. Но в глубине души Чарльз был вовсе не таким суровым, каким казался. Как-то раз он позвонил матери – погиб один из моряков, с которым он служил, и Чарльз сильно переживал. После разговора королева заметила: «Чарльзу следует быть потверже».

Он оставался скромным, чутким, неуверенным в себе, добрым человеком, но вседозволенность неуклонно портила его. Приближенные королевы его обожали и баловали. Особенно тепло относилась к нему леди Сьюзен Хасси, одна из фрейлин королевы, которая была всего на одиннадцать лет старше наследника. Чарльза обожала бабушка, королева-мать, и тетя, энергичная и умная принцесса Маргарет. Когда Чарльз получил собственный дом, его окончательно испортили слуги, в особенности камердинеры, – и такое положение сохраняется и по сей день. Стремление окружающих предвосхитить каждое его желание оказало сильнейшее влияние на характер принца. Он начал обижаться на напоминания о «долге», его раздражала необходимость планировать каждый день, он злился, когда старшие придворные учили его, что он должен делать.

Майор авиации Дэвид Чекетс, наставник и советник Чарльза с 1966 года, когда он сопровождал юного принца в Тимбертоп, пал первой жертвой стремления Чарльза к независимости. Чекетс, великолепно образованный специалист по связям с общественностью, имеющий безукоризненный послужной список в военной авиации, по выражению биографа Чарльза, Энтони Холдена, был «надежной опорой для молодого принца, ведущего весьма сложную публичную жизнь. Он ни на шаг не отходил от своего подопечного, был готов прийти на помощь в трудную минуту, умел разрешать самые неловкие ситуации. К концу обучения в школе, за годы учебы в Кембридже и военной службы принц Чарльз был многим обязан Чекетсу, который нес на своих плечах весь груз повседневной административной работы» [59]. Чекетс умел сдерживать самые необдуманные порывы принца, следил за его публичными высказываниями, но порой выражал недовольство его личной жизнью.

Принц Чарльз не хотел мириться с критикой – прямой или косвенной. Еще меньше его радовали открытые возражения. К отчаянию Чекетса, принц Чарльз постепенно стал думать только о личных удовольствиях. Он полюбил кровавые виды спорта – стрельбу и в особенности охоту. Его предупреждали, что общественное мнение не одобряет подобных увлечений, но он не обращал внимания на предостережения. Летом он увлекся еще одним «элитарным» видом спорта – поло. В этом его поддерживал

отец. Филипп сам был страстным игроком, оставить поло его вынудила только серьезная травма.

В 1979 году в возрасте пятидесяти лет Чекетс покинул пост личного секретаря Чарльза. Больше всех об этой потере сожалел Майкл Колборн, бывший морской офицер, служивший вместе с Чарльзом на «Норфолке». Благодаря влиянию лорда Маунтбаттена, в 1974 году Колборн стал персональным секретарем принца. Чарльзу нравилась прямота и откровенность нового секретаря. Колборн всегда говорил, что думал. «Ему отчаянно был нужен человек, который мог бы находиться рядом, взывать к здравому смыслу и говорить „нет“. Вместе мы провели десять замечательных лет. Мы не раз ссорились, но он просил меня не меняться. Я считал, что откровенно высказать свое несогласие – это и есть высшее проявление уважения» [60].

Однако если секретарь «не менялся», принц постепенно стал совсем другим. Серьезный, послушный молодой человек, который в декабре 1976 года ушел с флота, остался в прошлом.

Вот что пишет официальный биограф Чарльза, Джонатан Димблби: «Не сумев найти достойного приложения своим силам, принц имел гораздо больше свободного времени, чем хотел или готов был признать. Друзьям казалось, что его снедает тревога и недовольство, и чувства эти порой проявлялись в отношении к подчиненным. Он легко раздражался по мельчайшим поводам, стал невероятно нетерпелив и безапелляционен. Десятью годами раньше он довольно спокойно относился к программам официальных мероприятий, в которых ему приходилось принимать участие. В конце же семидесятых известие об очередном таком событии раздражало его сверх всякой меры» [61].

От своего деда, Георга VI, Чарльз унаследовал раздражительный и вспыльчивый характер. В семье отлично знали о вспышках яростного гнева, которые случались по любому поводу. «Принц без всякой видимой причины, – писал Димблби, – впадал в состояние неконтролируемого гнева. Лицо его искажалось от сильнейших эмоций». Как правило, накал ярости никак не соответствовал серьезности вызвавшей его причины. Поводом обычно становились мелкие промахи или разногласия с ближайшими помощниками Чарльза, Чекетсом и Колборном.

Поскольку отношения с родителями у Чарльза не складывались, его главным наставником сделался дядя герцога Филиппа, граф Маунтбаттен, который стал для него вторым отцом. Чарльз обычно называл Маунтбаттена «дедом» и присвоил ему титул «почетного деда», получив взамен аналогичный – «почетный внук». К тому времени, когда Чарльзу исполнилось двадцать три года, Маунтбаттен был для него самым близким

человеком. Старый граф оказал сильнейшее влияние на молодого принца.

Маунтбаттен был свидетелем «кризиса отречения» 1936 года, когда Эдуард VIII предпочел отречься от трона ради того, чтобы жениться на разведенной американке Уоллис Симпсон. Беспорядочная жизнь молодого принца и сходство его с Эдуардом VIII (в семье его всегда называли Дэвидом) начали беспокоить старого графа. Замечая эгоизм, безответственность и легкомыслие Чарльза, Маунтбаттен сурово предостерегал его: «Мне кажется, ты стоишь в начале той наклонной дорожки, что привела к позорному отречению и бессмысленному дальнейшему существованию твоего дядю Дэвида» [62]. Маунтбаттен страшно возмутился, когда Чарльз неожиданно изменил планы, из-за чего солдатам американской береговой охраны пришлось отменить пасхальные каникулы: «…Какой непродуманный и неприятный шаг – именно так начинал твой дядя Дэвид!.. Я всю ночь не спал, раздумывая, пойдешь ли ты печальным путем Дэвида или все же сумеешь себя преодолеть» [63].

По иронии судьбы именно Маунтбаттен открыл для Чарльза дорогу, которая привела его к Камилле, а затем и к Диане. «Я убежден в том, что мужчина в твоем положении, – писал Маунтбаттен, – должен грешить по молодости, пока не остепенится. Но в жены нужно выбирать подходящую девушку с хорошим характером – и делать это до того, как она успеет влюбиться в кого-то другого… Думаю, что женщине не следует иметь опыт, если она хочет и после свадьбы остаться на пьедестале» [64].

Рецепт успешного династического брака пропал втуне. Чарльз уже встретил и полюбил совершенно неподходящую девушку. «Идеальную женщину» он встретил семью годами раньше, когда ему было всего двадцать три. Университетская подруга Люсия Санта-Крус познакомила его с Камиллой Шэнд. Симпатичная, остроумная, уверенная в себе блондинка, Камилла идеально подходила слабому принцу Чарльзу, который оставался все еще слишком неопытным для своего возраста. «Камилла обладает невероятной сексуальной силой», – говорила ее подруга. Все знали, что за плечами этой девушки богатый опыт: «Она уже в пятнадцать лет кружила головы, а ее мать умела все как следует обставить» [65].

Камилла была приятной в общении, простой девушкой, разделяла любовь принца к сельской жизни, собакам, лошадям и охоте. Сблизились Камилла и Чарльз, как это ни смешно, на почве секса – еще до того как у них начался роман. Прабабушкой Камиллы по материнской линии была пресловутая Элис Кеппел,

жена полковника Джорджа Кеппела и любовница прапрадеда Чарльза, короля Эдуарда VII. Камилла была в восторге от ослепительной карьеры своей прабабки и во всем стремилась ей подражать. Чарльзу она сразу же заявила: «Моя прапрабабушка была любовницей вашего прапрапрадеда…»

Камилла была на пятнадцать месяцев старше Чарльза, но ему всегда нравилось общество женщин постарше. С ними ему было спокойнее, чем с молодыми. В душе он был очень одинок. Ему не хватало уверенности в себе. Родители Камиллы, дворяне по происхождению, не принадлежали к кругу высшей аристократии. Мать Камиллы, Розалинда Кьюбитт, была правнучкой миссис Кеппел. Ее мать Соня через брак вошла в семейство Кьюбиттов, строителей Белгравии, получивших в свое время титул баронов Эшкомбов. Ее отец, герой войны, майор Брюс Шэнд, был распорядителем охоты в Коттсморе.

Родители Камиллы, и в особенности Розалинда, были исключительно честолюбивы. Они завели широкий круг аристократических друзей в Суссексе и Лондоне. Камилла, ее брат Марк и сестра Аннабел очень дружили между собой. Уверенные в себе, красивые и исключительно привлекательные, они были буквально обречены на успех в обществе. Камилла демонстрировала неженскую смелость во время охоты. Она получила традиционное образование с упором на социальные навыки, а не на интеллектуальные достижения: скромная школа, завершение образования за рубежом, Королевский секретарский колледж, обязательный для дебютанток, – и сезон. Как и у многих девушек ее круга, основной жизненной целью Камиллы было удачное замужество, и в этом она была готова пойти по стопам своей прабабки. «По-моему, она считала себя воплощением своей прабабушки, миссис Кеппел», – говорила мне одна из фрейлин королевы-матери в 1993 году.

Чарльз и Камилла познакомились летом 1970 года. Их встреча произошла на Смите-Лаун – площадке для игры в поло в Большом Виндзорском замке, где начиналось большинство романов принца. Симпатия оказалась взаимной. Маунтбаттен отнесся к роману благосклонно: он считал Камиллу идеальной любовницей, которая проложит дорогу его внучке, Аманде Натчбулл, тогда еще подростку, а впоследствии, по предположениям графа, – невесте принца.

Камилла и Чарльз не раз проводили выходные в Бродлендсе, загородном доме Маунтбаттена. Внимательный Маунтбаттен вскоре заметил, что Чарльз чрезмерно увлечен Камиллой, и предостерег воспитанника. Принцу не следовало терять голову от девушки, которая, несмотря на все свои достоинства,

недостаточно аристократична и уж точно не девственница, чтобы стать королевской невестой. Будущего у этих отношений не было. Кроме того, Камилла любила Эндрю Паркер-Боулза, и с 1967 года их роман то разгорался, то затихал. Паркер-Боулз, офицер гвардии, красавец, страшно нравился женщинам. Он то и дело изменял Камилле, которая тоже не была скромницей. Ей нравился Чарльз, но любила она Паркер-Боулза.

У Эндрю был роман с принцессой Анной. Злые языки утверждали, что Камилла решила соблазнить брата принцессы, чтобы отомстить неверному возлюбленному. Старая подруга Камиллы вспоминает вечеринку в модном светском ночном клубе: «Помню, какой треугольник образовался вокруг Эндрю Паркер-Боулза. Принцесса Анна была влюблена в Паркер-Боулза, Камилла была влюблена в Эндрю, Чарльз был влюблен в Камиллу. Камилла принимала эту любовь, но с ума сходила от Эндрю. Завязалась нешуточная интрига. Все они были моложе меня, поэтому я наблюдала за их играми со стороны.

Потом Чарльз ушел в море. Думаю, Камилла грустила не так сильно, как он, потому что была страстно влюблена в Эндрю. Но даже если бы и не была, разве ей позволили бы выйти замуж за Чарльза?» [66]

Ну разумеется нет! Романы Камиллы были хорошо известны в обществе и при дворе. Семья Паркер-Боулзов вращалась в королевских кругах: отец Эндрю, Дерек, очаровательный, остроумный сплетник, был близким другом королевы-матери. Его мать, Анна, была дочерью богатого сэра Хамфри де Траффорда, стюарда Жокей-клуба, женатого на девушке из столь же богатого и аристократического семейства Кадогенов. Все любили Камиллу, ее, по выражению одного из друзей, «смеющиеся, теплые, веселые глаза». Но аристократкой, достойной брака с принцем Уэльским, ее никогда не считали, да и репутация Камиллы препятствовала браку.

Чарльз был без ума от Камиллы, но за три недели до Рождества 1972 года он отправился на фрегат «Минерва», а затем ушел в поход в Карибское море. Говорили, что все это было организовано лордом Маунтбаттеном, обеспокоенным чрезмерным увлечением Чарльза Камиллой. Старому лорду, как уже упоминалось, хотелось женить воспитанника на собственной внучке, Аманде Натчбулл [67]. Перед выходом в море Чарльз пригласил Камиллу и Маунтбаттена осмотреть корабль. Камилла вернулась в следующие выходные. Впоследствии он написал Маунтбаттену печальное письмо: «Я увижу ее в последний раз, и мы расстанемся на восемь месяцев».

Однако если Чарльз не был готов к браку, то Камилла и

Эндрю Паркер-Боулз – вполне готовы. Роман Эндрю с принцессой Анной закончился, когда она влюбилась в капитана Марка Филлипса. 15 марта 1973 года Эндрю и Камилла обручились и в июле поженились. Камилла заполучила своего мужчину.

Принц Чарльз снова оказался свободен. Камердинер Стивен Барри, который работал у принца с 1970 года и хорошо разбирался во вкусах господина, говорит, что идеальная женщина в представлении Чарльза должна была быть высокой, светловолосой, с соблазнительными формами и имиджем английской розы. И все же первой серьезной его привязанностью стала внучка Маунтбаттена Аманда Натчбулл (брюнетка). Их отношения то затихали, то разгорались с 1974-го по 1979 годы. Маунтбаттен активно поддерживал намерения воспитанника. Чарльз сделал предложение. Аманда не решилась броситься в пучину королевской жизни, отлично представляя, что это такое, и отказала.

В это время Чарльз встречался с множеством красивых девушек из высшего и не самого высшего общества. «Все его романы начинались на матчах по поло», – писал Стивен Барри [68]. Леди Джейн Уэлсли, дочь герцога Веллингтона, стала скорее другом семьи, чем возлюбленной. Джорджиана Рассел была по горло сыта рыбалкой в холодных шотландских реках и предпочла выйти замуж за другого человека. Еще одной девушкой принца была Сабрина Гиннес. Особенно дороги были ему Девина Шеффилд и Анна Уоллес.

Высокая, красивая блондинка Девина напоминала Диану, но, по словам Барри, казалась «более взрослой». Дело шло к свадьбе. Девина получила королевское одобрение, была приглашена в Виндзор на ланч с королевой и с легкостью прошла испытание Балморалом. Но тут ее бывший бойфренд бестактно сообщил журналистам, что они с Девиной жили вместе. После этого о свадьбе уже никто не заговаривал. Чарльз не мог позволить себе жениться на девушке, с именем которой был связан хоть малейший скандал.

Королевская семья благосклонно отнеслась к желанию принца жениться на очаровательной и артистичной леди Леоноре Гровенор, сестре бывшего бойфренда Сары Спенсер Джеральда, но в 1975 году та вышла замуж за кузена королевы Патрика, графа Личфилда.

С Анной Уоллес, еще одной высокой красивой блондинкой, Чарльз познакомился на охоте. Барри говорит, что это была просто «ослепительная девушка с великолепным характером и внешностью». Как и Девина Шеффилд, Анна была удостоена чести отобедать с королевой – явный признак серьезности

отношений. Роман закончился публичной ссорой с принцем в Виндзоре на балу в честь восьмидесятилетия королевы-матери. Еще одна ссора произошла на балу в Стоуэлл-парке, в доме лорда и леди Вести. На сей раз причина была более серьезной: принц, не обращая внимания на Анну, весь вечер провел с Камиллой Паркер-Боулз. Анна, которая отлично знала о роли Камиллы в жизни потенциального жениха, рассталась с Чарльзом и довольно скоро вышла замуж за Джона Фермор-Хескета. У Чарльза были и менее серьезные романы – с актрисой Сьюзен Джордж, дочерью американского адмирала Лорой Джо Уоткинс и, конечно же, с Сарой Спенсер.

«Самый завидный холостяк мира» превратился в «принца-плейбоя». Как говорила Сара Спенсер, Чарльз был романтиком и легко влюблялся. Но при этом у него было невысокое сексуальное либидо, он боялся молодых женщин и робел перед ними. Кроме того, он никак не мог решиться на серьезные отношения. Как это бывает со слабыми мужчинами, он мог бы показать себя с лучшей стороны, будь он более уверен в себе. Большинство его подруг (Аманда Натчбулл, леди Джейн Уэлсли и Анна Уоллес) вращалось в тех же кругах, что и он. Эти женщины отлично представляли все негативные стороны «королевской» жизни и не стремились к подобному положению. Это еще больше осложняло Чарльзу поиск невесты. К тому же в середине 70-х годов Чарльз был вполне доволен холостяцкой жизнью. Он мог делать все, что захочет, и держать девушек на расстоянии. Он назначал свидания тогда, когда это было удобно ему, и никогда не заезжал за своими избранницами. Девушкам приходилось самим заботиться о транспорте – эта участь миновала только самых близких подруг. Чарльз никогда не дарил им цветов и крайне редко делал подарки. Было совершенно ясно, что он не позволит отношениям выйти из-под своего неусыпного контроля. В жизни Чарльза было три женщины, по-настоящему для него важных: его мать королева, бабушка – королева-мать и няня Мэйбл Андерсон.

Комфортно Чарльзу было только в обществе уверенных в себе замужних женщин старше его по возрасту. Особенно он выделял двоих: энергичную австралийку Дейл Харпер, прозванную «Кенгой», которая впоследствии стала леди Трайон, и Камиллу Паркер-Боулз. Приятельница Траионов вспоминает, как впервые встретилась с Дейл на вечеринке в доме лорда Трайона: «Там была эта австралийка, довольно вульгарная, но очень веселая. Энтони Трайон дал ей свой „вольво“ – покататься по поместью, она его немедленно стукнула, хотя и несерьезно, и поэтому пребывала в состоянии, близком к истерике… „Ерунда, – утешал Энтони. – Все нормально“. Дейл пришла в себя и страшно

веселилась. Энтони был дружен с принцем Чарльзом, поэтому Дейл сразу же переключилась на принца и впоследствии часто рассказывала, чему она его научила. Представляете? На борту королевского лайнера, летящего в Австралию, она его кое-чему научила!.. С ума сойти!» [69]

На поло-балу в Киренчестере летом 1980 года взаимное притяжение Чарльза и Камиллы стало заметно всем. «Чарльз весь вечер провел с Камиллой, – вспоминала бывшая подружка принца Джейн Уорд. – Паркер-Боулзы и принц сидели за одним столом, и Чарльз весь вечер танцевал с Камиллой. Они страстно целовались во время каждого танца – снова и снова целовали друг друга по-французски» [70]. Судя по всему, Эндрю Паркер-Боулзу не было до этого дела. По выражению его приятеля, «у него была другая рыбка для жаркого». То, что у его жены страстный роман с наследником престола, ему льстило, а не оскорбляло.

Дворцовый репортер Джеймс Уитакер вспоминает, как в 1975–1976 годах принц Чарльз увлекся лыжами. «Почти всегда рядом были Камилла и Дейл Трайон, а также вездесущий Стивен Барри. Он доставал из машины ботинки, подавал его королевскому высочеству лыжи и палки… помогал ему одеваться, а девушки суетились вокруг, стремясь убедиться, что напитки для принца заготовлены, что организаторы точно знают, в каком месте трассы он находится, а люди, когда принц выйдет на стартовую черту, будут благополучно убраны с дороги…» [71]

Камердинер Барри исполнял при наследнике престола обязанности виртуальной супруги и пользовался взамен абсолютной вседозволенностью. «Он прекрасно одевался, рубашки и галстуки у него были только от Turnbull & Asser. Это был в высшей степени жизнерадостный и общительный гомосексуалист, экстравертный до абсурда, чрезвычайно уверенный в себе, и уверенность его нарастала с каждой минутой». «Барри экзотично выглядел и экстравагантно себя вел. В Аскоте он устраивал вечеринки, открыто общался с другими геями и всегда заказывал шампанское Dom Perignon» [72].

Фрейлина королевы вспоминала о Барри так: «Он брал пример с принца Чарльза и вел себя почти как его патрон… Как-то раз на вечеринке я познакомилась с человеком, который, услышав, где я работаю, спросил: „А вы знаете Стивена Барри?“ Я ответила: „Конечно, я его знаю. Каждый день сталкиваюсь с ним в коридорах“. „Мы с ним очень дружим. Он показал мне все картины в Кларенс-хаусе [лондонская резиденция королевы-матери]. Он – большой ценитель искусства“. На следующее утро я, как всегда, встретилась с ним [Барри] в коридоре и сказала: „Вчера я познакомилась с вашим другом. Он рассказывал, что вы

показали ему картины в Кларенс-хаусе“. Стивен покраснел как рак».

Когда фрейлина поведала эту историю своему другу, тот дал ей хороший совет: «Будь осторожна. Королева-мать наверняка сама ему это позволила». Та же фрейлина рассказывала, что Барри часто устраивал «очень шумные вечеринки с громкой музыкой», а комнаты его располагались прямо под ее спальней. «Но принцу Чарльзу он нравился, – продолжает фрейлина. – Тот всегда заступался за него. Впрочем, Барри умел не совершать серьезных промахов» [73]. Уитакер утверждает, что Барри дружил с Камиллой. Но, когда появилась Диана, в которой он увидел угрозу своему положению, Стивену пришлось уйти.

В 1979 году Чарльз демонстративно возобновил сексуальные отношения с Камиллой. Брак Паркер-Боулзов (по крайней мере, с точки зрения Эндрю) был свободным. Он не считал себя обязанным отказаться от связей с другими женщинами – статус мужа и отца двоих детей ему нисколько не мешал. Он поощрял отношения жены с Чарльзом и даже дружил с ним. Но в армейских кругах отношения наследника трона с женой другого члена офицерского братства считались абсолютно недопустимыми. Личному секретарю королевы пришлось даже сообщить Елизавете о недовольстве офицеров. «Мадам, – сказал он, – у принца Уэльского роман с женой одного офицера, и полку это не нравится». Королева отвела глаза и не ответила. Она предпочитала не вмешиваться в жизнь своих детей.

Роль Камиллы в жизни принца не ограничивалась сексом. Она стала его доверенным советчиком, оттеснив и заменив лорда Маунтбаттена. Принц заметно сократил общение со своим «почетным дедом». Он нашел других наставников – по словам отца, он всегда втягивал новые идеи как губка. Один из придворных замечал: «Принц Чарльз менял гуру, как другие меняют носки». Стремясь к самореализации и пытаясь найти смысл жизни, Чарльз попал под влияние политика, философа и писателя Лоуренса ван дер Поста, пропагандиста юнгианских идей. В 1977 году они вместе провели пять дней в горах Абердар в Кении. Совершали долгие прогулки, изучали природу, а потом вели длинные дискуссии о «внутреннем мире». Затем Чарльз глубоко привязался к молодой индианке, которая прислала ему книгу «Путь мастеров» – руководство по духовной мудрости восточных гуру. Под ее влиянием он стал вегетарианцем, начал выступать против убийства животных и даже отказался от охоты. Новый личный секретарь, Эдвард Оден, встревожился. «Это нужно остановить», – заявил он. Впрочем, очередное увлечение принца оказалось столь же краткосрочным, как и все остальные, хотя

Чарльз все же сохранил интерес к нехристианским религиям.

В августе 1979 года лорд Маунтбаттен с семьей вышел на яхте в Слайго-бэй в Ирландии. Боевики ИРА установили на яхте взрывное устройство. В результате взрыва погибло двое взрослых – среди которых сам лорд Маунтбаттен – и двое детей. Чарльз был просто раздавлен. Он всегда боялся неизбежного окончательного расставания со старым лордом. Когда это произошло так внезапно и жестоко, он впал в отчаяние. «Я потерял человека, который играл важнейшую роль в моей жизни, – писал он. – …Неким необъяснимым образом он был для меня дедом, дядей, отцом, братом и другом… После его ухода жизнь *никогда*больше не будет прежней…» [74]

Чарльз понял, что ему больше не найти такого друга и советчика, каким был Маунтбаттен. Никто не решится так откровенно говорить принцу, чего он не хочет слышать, – этого Чарльз никогда не стерпел бы от других людей. Смерть Маунтбаттена произошла в момент, когда принц, разочарованный в себе и собственной жизни, серьезно задумался о браке. «Должен сказать, что разговоры о моем эгоизме и об усилении этой пагубной тенденции стали меня серьезно беспокоить, – писал он другу 15 апреля 1979 года. – Мне говорят, что единственное спасение для меня – это брак, и, возможно, так оно и есть!» [75]

Проблема Чарльза заключалась в том, что он не хотел жениться. У него было все, что нужно, кроме жены (зато была Камилла!). «Он всегда был одиночкой, любил тишину, – вспоминает один из его помощников. – Когда он обнаружил, что с женой нужно разговаривать и думать о ней, ему стало не по себе». Чарльз жил только для себя: если ему хотелось уехать на выходные, не приходилось даже пальцем шевелить: «Стивен всегда был наготове с „роллс-ройсом“, где уже лежало все необходимое – его кисти и краски… словом, все». Потрясение, вызванное потерей любимого наставника, воспоминания о советах Маунтбаттена оказали сильнейшее влияние на решимость Чарльза исполнить свой долг и найти наконец жену.

После смерти Маунтбаттена влияние Камиллы на жизнь Чарльза еще более усилилось. И она сыграла решающую роль в выборе Чарльза.

5. «Что бы ни значило слово „любовь“…»

Диана была совсем простой девушкой, обычной школьницей с румяными щеками. Воплощенная невинность… Все были в восторге.

Воспоминания одного из придворных о первом визите Дианы в Беркхолл в 1980 году

Леди Диана Спенсер, высокая, светловолосая, с соблазнительными (по крайней мере в то время) формами, истинная английская роза, юная, с безукоризненным происхождением и идеальной репутацией, прекрасно подходила на роль королевской невесты. Поскольку принцу нужно было жениться, а Диана была ему симпатична, Камилла, недооценив силу характера девушки, сочла, что женитьба Чарльза на этой скромнице ничем не угрожает ее собственному положению в сердце наследника престола. Она решила подружиться с Дианой и подтолкнуть к ней Чарльза. Камилла искренне считала, что это наилучший выход для всех. Она уже вполне успешно избавилась от Анны Уоллес. Юная и неискушенная Диана казалась ей гораздо более приемлемой претенденткой на руку Чарльза.

Судя по всему, Чарльз успел благополучно забыть о Диане. Встретившись с ней в июле 1980 года в Петворте, он изумился – по крайней мере, так вспоминала сама Диана: «… Вошел Чарльз. Он буквально преследовал меня, и это было очень странно. Я подумала: „Это не очень хорошо“. Я считала, что мужчины не должны вести себя так откровенно, и поведение принца показалось мне необычным. В первый вечер мы сидели рядом на барбекю. Он только что расстался с Анной Уоллес. Я сказала: „В церкви на похоронах лорда Маунтбаттена вы выглядели таким печальным! В жизни не видела более грустного зрелища. Когда я на вас смотрела, у меня сердце кровью обливалось“. Я думала: „Это неправильно, что вы один, рядом с вами должен быть близкий человек!“

В следующее мгновение он меня буквально повалил, и я снова подумала, что это очень странно. Я не знала, как мне с этим справиться. Вот только что мы разговаривали о разных

вещах – и вдруг такое… Сказать, что я не испытывала никакого желания пасть в его объятия – значит не сказать ничего. Он заявил: „Вы должны завтра вернуться со мной в Лондон. Я буду работать в Букингемском дворце, и вы должны работать со мной“. Я подумала, что это уж слишком. „Нет, я не могу“, – ответила я и подумала: „Как я объясню свое присутствие в Букингемском дворце, если должна провести уикенд с Филиппом [сыном хозяев дома]?“» [76]

Диана была очаровательной юной девушкой, «веселой, энергичной и жизнерадостной» – такой запомнил ее один из родственников принца. «В ней было много хорошего, по-настоящему непритворно хорошего». Диана, в частности, обладала уникальной способностью к сочувствию: «Я нюхом чую страдания», – говорила она, и это явно привлекало принца. Диана сумела понять глубокую печаль принца после смерти Маунтбаттена и искренне ему соболезновала – это, конечно, тронуло Чарльза. Юная девушка, которую чувство собственного достоинства заставило отвергнуть домогательства наследника престола, его заинтересовала. Он пригласил ее быть гостьей на королевской яхте «Британия» во время ежегодной парусной недели в Коузе. На этот раз он проявил большую чуткость: попросил помощника своего личного секретаря, Оливера Эверетта, присмотреть за Дианой. «…У него [Чарльза] было много друзей гораздо старше его. Я ужасно боялась, но они меня практически не замечали. Все это было очень, очень странно», – вспоминала Диана позднее [77].

Странно чувствовал себя и сам Чарльз. Как пишет его официальный биограф, он «удивил одну из ближайших своих подруг… сообщив ей о том, что встретил девушку, на которой хочет жениться». «Подруга» посоветовала ему не распространяться о своих планах. Чарльз же продолжал восхищаться открытостью и общительностью Дианы… ее теплотой… любовью к сельской жизни… прекрасным происхождением… Кроме того, она мало знала о королевской семье и, по мнению принца, не должна была бояться тягот королевской жизни [78]. Впрочем, и сам Чарльз не представлял, что означает для девушки подобный брак. Он так никогда и не понял, какому давлению подверглась Диана, войдя в королевскую семью.

На «Британии» Диана сразу стала очень популярна у экипажа. Тому способствовала открытая, спокойная манера общения с людьми, унаследованная Дианой от ее родителей. По словам Барри, «в нее были влюблены все до единого человека». Она нравилась и королевским слугам, которые твердили: «Ну разве

леди Ди не очаровательна?» Все считали, что она идеально подходит для «дела» – из нее должна была выйти прекрасная супруга наследника престола. Что бы ни испытывал Чарльз к Диане, он старался вести себя как обычно. «Вначале принц уделял ей не слишком много внимания, но *она* буквально не отрывала от него глаз», – вспоминал Барри [79].

Диана не знала о роли Камиллы Паркер-Боулз в своей судьбе. В сентябре, когда сестра Дианы, Джейн, с мужем, Робертом Феллоузом, были гостями Балморала, Диана тоже получила приглашение. «Я остановилась в замке, поскольку журналисты меня буквально преследовали, – вспоминала Диана. – Там же постоянно находились мистер и миссис Паркер-Боулз. Я была там самой младшей. Чарльз обычно звонил мне и говорил: „Не хотите присоединиться к нам на прогулке или отправиться на барбекю?“, а я отвечала: „Да, с удовольствием“. Я думала, что все идет прекрасно» [80].

Старинные друзья Чарльза предостерегали Диану – уж слишком счастливой она казалась, а принц оказывал ей чересчур явные знаки внимания. Одна из ближайших подруг принца, Патти Палмер-Томкинсон, вспоминала, как очаровала ее Диана с первого взгляда: «Мы отправились на прогулку, было жарко, все устали, она провалилась в болото, вылезла – грязная с головы до ног… Но она хохотала, вытирая грязь с лица… Волосы прилипли ко лбу, потому что шел дождь… Она была похожа на настоящую английскую школьницу, для которой все вокруг – игра. Диана была очаровательной, очень естественной и очень юной. Она явно была влюблена в принца и очень хотела его заполучить» [81].

Один из тех, кто в то время гостил у королевы-матери в Беркхолле, вспоминал, как к ним заехали гости из Балморала. Среди них были Николас Соме, друг детства принца, Камилла Паркер-Боулз и Диана. «Я был поражен, увидев, как Диана в фиолетовых чулках сидит на полу перед королевой Елизаветой. Камилла Паркер-Боулз явно посмеивалась над этой бедной девочкой, которая не представляла, во что ввязалась», – вспоминал этот человек [82].

В октябре Диану вновь пригласили в Шотландию, на этот раз в Беркхолл – дом, который Чарльз обожал с самого детства. Когда Чарльз уходил на прогулки, Диана оставалась в доме и занималась вышиванием. Надо отметить, что королева-мать сама пригласила Диану: она явно одобряла выбор любимого внука. Некоторые считают, что значительную роль в этом сыграла Рут Фермой, другие же категорически опровергают. «Рут была не против, – признается одна из придворных дам. – Честно говоря, она была даже очень „за“. Конечно, она могла что-то сказать

королеве Елизавете. Но, на мой взгляд, главную роль сыграла не Рут, а Синтия Спенсер. Она всегда была верной подругой королевы, а Спенсеры считались „друзьями королевской семьи“».

Описывая визит Дианы в Беркхолл, та же дама рассказывает: «Она нас удивила. Простая, румяная, как школьница. И очаровательная. Воплощенная невинность… Все были в восторге. До ее приезда одна из фрейлин королевы позвонила мне и сказала: „Разузнай все об этой девочке. Думаю, это серьезно“. Королеву-мать это явно волновало. Она сама проверила, готова ли спальня и другие комнаты, чего никогда не стала бы делать ради девятнадцатилетней девушки. Словом, все вокруг понимали, что готовится нечто необычное…» Когда Диана и Чарльз уехали, продолжает эта дама, «Рут встретила нас в аэропорту. Она подбежала ко мне и спросила: „Ну как все прошло? Она справилась? Все было хорошо?“» [83].

Подталкивая Диану к браку с принцем, Рут Фермой поступала весьма цинично. Она прекрасно знала о Камилле и не могла не догадываться, на что толкает внучку. Ей следовало устоять перед искушением стать бабушкой будущей королевы – ведь она знала характер внучки и понимала сущность этого ухаживания. Когда во время помолвки подруга заметила, как это хорошо, что юная невеста любит музыку, Рут загадочно заметила: «Ей это понадобится». Единственное, что сделала бабушка, чтобы подготовить Диану к ожидающему ее будущему, так это предупредила о том, что чувство юмора королевской семьи заметно отличается от ее собственного. Рут Фермой приняла сторону семьи Спенсеров – и сторону Дианы тоже! – и всеми силами способствовала заключению этого брака.

Когда же брак дал трещину, Рут Фермой, как и подобает придворной даме, с легкостью сменила мнение. Джонатану Димблби, автору официальной биографии принца Уэльского, она заявила, что в глубине души всегда была против этого брака, но (как приближенная королевы) «считала неправильным высказывать свои сомнения». Говорят, что на смертном одре она повторила Димблби то же самое. Она сказала также: «Если бы я предупредила Чарльза: „Вы совершаете ужасную ошибку“, то он, скорее всего, не обратил бы на мои слова ни малейшего внимания, потому что слушал других людей» [84]. Этими «другими» были не только его родственники, но и Камилла, которая продолжала играть важную роль в его жизни. К тому же принц *должен был* жениться – общество ожидало от него исполнения династического долга.

Барри, непосредственный и заинтересованный свидетель, считает, что «все уладилось» после поездки Дианы в Берк-холл.

Чарльз пригласил ее в Хайгроув, свой новый дом в Глостершире. Это был его первый собственный дом. Чарльз обожал Хайгроув, но на Диану, по словам Барри, дом не произвел впечатления. Это был обычный особняк, каких немало в Котсволде, небольшой по меркам Олторпа. В доме шел ремонт, и жилыми оставались всего три комнаты. Диана не догадывалась, но главным преимуществом Хайгроува для Чарльза было то, что от Боулхайд-Мэнора, имения Эндрю и Камиллы Паркер-Боулз, его отделяло всего пятнадцать миль. А совсем рядом находилось любимое место охоты принца, Бофор, где все знали об отношениях Чарльза и Камиллы и относились к ним весьма снисходительно.

Принц и принцесса Кентские приблизительно в то же время собрались покупать загородный дом поблизости – им приглянулся особняк Незер-Лайпьят. Принц Майкл был страшно удивлен, что Чарльз выступил категорически против этого приобретения. Только под давлением других членов королевской семьи он согласился, чтобы семья брата жила вблизи от Хайгроува. Друзья полагали, что единственной причиной возражений принца было нежелание демонстрировать родственникам близость с Камиллой, что стало бы неизбежным, поскольку принцесса Кентская была большой любительницей охоты.

Той осенью Барри привозил Диану в Хайгроув три раза. Она гуляла по дому и саду и ожидала, когда Чарльз вернется домой с охоты – она еще не догадывалась, что именно это и ждет ее после свадьбы. После чая и раннего ужина Чарльз отвозил Диану обратно в Лондон. Ей было достаточно находиться рядом с предметом своего обожания. Общество Чарльза с лихвой компенсировало ей часы ожидания. Возможно, Диана воспринимала такое поведение принца как проявление старомодного ухаживания в духе Барбары Картленд.

Публичный интерес к роману Дианы и Чарльза достиг апогея. «ОН ВНОВЬ ВЛЮБЛЕН! ЛЕДИ ДИ – НОВАЯ ДЕВУШКА ЧАРЛЬЗА» – с таким заголовком 8 сентября 1980 года вышла газета *Sun.*Источником стал Джеймс Уитакер. Осматривая со специальной платформы реку Ди, где рыбачил Чарльз, он заметил, что из-за дерева за ним самим в маленькое зеркальце наблюдает Диана. Позже Уитакер писал: «Я подумал: „Какая хитроумная девушка! Она еще задаст нам жару… Нужно быть настоящим профессионалом, чтобы в зеркало подглядывать за тем, как мы за ними подглядываем!“» [85]В том же месяце Найджел Демпстер подтвердил в Daily Mail информацию о том, что Диана – новая девушка Чарльза и что «две находящиеся в счастливом браке женщины, которые оказывают на него

сильнейшее влияние, леди Трайон и Камилла Паркер-Боулз» вполне одобряют его выбор [86].

Лондонские репортеры буквально осадили Коулхерн-Корт, дом Мэри Робертсон и детский сад «Юная Англия». Именно там была сделана знаменитая фотография против света – в контражуре, как называют это фотографы: Диана стоит, держа, как мадонна, одного ребенка на руках, а другого за руку. Солнце просвечивает сквозь длинную, летящую юбку, и всем видны ее стройные, длинные ноги. Этот снимок сразу же сделал Диану предметом обожания всех мужчин мира. Репортеры, осадившие ее квартиру, немедленно в нее влюбились. Она всегда была вежливой, терпимой и уравновешенной. Ей удалось превратить их в друзей. Она флиртовала с ними, посылала свои «фирменные» взгляды из-под опущенных ресниц. «В глубине души мы понимали, какую игру она ведет, очень умную, но не циничную, – вспоминал репортер Гарри Арнольд. – Однако ей удалось покорить наши сердца» [87]. Самым неприятным для Дианы были не камеры, поджидавшие ее возле дома, а полночные звонки от журналистов. Она скрывала свое раздражение, но, оставшись одна, горько плакала.

Чарльз предпринял все меры к тому, чтобы встречаться с Дианой в Лондоне, не привлекая внимания прессы. Диана звонила Барри, говорила: «Это Диана» – и сообщала, где ее можно забрать: из квартиры Рут Фермой на Итон-сквер или из дома Джейн Феллоуз в Кенсингтонском дворце. Возвращаясь домой, она выходила из машины за квартал от Коулхерн-Корт, чтобы журналисты возле дома не заметили, кто ее привез. Барри видел в ней обычную девушку-подростка, большую любительницу сладкого – она постоянно таскала с собой шоколадные батончики и пакетики с конфетами. Но Диана уже пыталась влиять на внешний вид принца – покупала ему свитера и галстуки в его любимой синей гамме, а привычные ботинки, которые шили специально для него, заменила на более современные мокасины. «Не стоит этого делать, – предостерег ее Барри. – Он всегда носит сшитые на заказ ботинки». Диана только усмехнулась, и в тот же вечер Барри увидел, как принц ходит в новых мокасинах, пытаясь к ним привыкнуть.

1 ноября 1980 года Диана присутствовала на праздновании тридцатидвухлетия Чарльза. Торжество проходило в семейном кругу в Сандрингеме. Общество расположилось в Вуд-Фарм – этот дом на десять спален использовали, когда главный особняк был закрыт. В субботу состоялась охота. Но толпы журналистов испортили Диане все удовольствие от визита. Из-за репортеров они с Чарльзом даже не сумели погулять. Поэтому ей пришлось

тайком уехать, и запланированный долгий уикенд оказался неожиданно коротким. Диана спокойно вернулась на Коулхерн-Корт, а все репортеры остались мерзнуть в Норфолке у ворот Вуд-Фарм. И журналисты, и придворные были убеждены, что на празднике последует объявление о помолвке. Герцог Эдинбургский остался очень недоволен тем, что «чертовы писаки» испортили ему охоту.

Пока Диана еще находилась в Сандрингеме, разразился скандал с «Королевским любовным поездом». 16 ноября газета Sunday Mirror опубликовала материал, из которого следовало, будто 5 ноября Диана села в королевский поезд, который стоял на запасных путях в Уилтшире, чтобы провести ночь с Чарльзом. Журналисты ошибались насчет Дианы: в тот вечер она присутствовала на вечере у принцессы Маргарет, и репортеры фотографировали ее там. Домой на Коулхерн-Корт она вернулась около часа ночи. Чарльз же уехал гораздо раньше – в десять или в половине одиннадцатого – и на поезде отправился с официальной миссией. Таинственная женщина якобы проскользнула в поезд около полуночи.

Статья произвела фурор. Королева была в ярости! Ее пресс-секретарь Майкл Ши написал редактору письмо с требованием опровержения. Газета опровержение напечатала. «Дамой из поезда», разумеется, была не Диана, но многие решили – и считают так по сей день, – что ею была Камилла. Официально же было заявлено, что в этой истории нет ни слова правды. Но Джеймс Уитакер, который в то время работал в Daily Star, решил провести собственное расследование. Информация поступила от местного журналиста. «Я пробрался на запасные пути… дал денег диспетчеру, чтобы он позволил мне заглянуть в журнал. В журнале было зафиксировано, что кто-то вошел в поезд… на дороге у вокзала… В журнале была официальная запись о том, что какая-то женщина вошла в королевский поезд» [88].

Вполне уважаемый журналист считает реакцию дворца насквозь фальшивой. «Диана в то время абсолютно точно находилась в Лондоне – тому есть масса свидетелей. Дворцу достаточно было заявить: „Диана находилась в Лондоне, она никогда не была в королевском поезде, и вот доказательства“. Почему они этого не сделали? Потому что история напугала бы саму Диану: ведь кто-то же был в том поезде! И они решили полностью все отрицать» [89].

Под градом опровержений редактор Sunday Mirror Боб Эдварде и сам поверил в то, что совершил ошибку – по крайней мере, в отношении Дианы. А на Рождество 1986 года он получил поздравительную открытку от Вудро Уайетта, лорда Вифорда,

журналиста, представителя партии лейбористов. Несмотря на свои политические убеждения, лорд Вифорд вращался в королевских кругах. В открытке значилось три слова: «Это была Камилла».

Инцидент с королевским поездом окончательно переполнил чашу терпения герцога Эдинбургского, который поставил принцу Чарльзу «ультиматум»: или он делает предложение леди Диане Спенсер, или прекращает встречаться с ней, поскольку его действия вредят ее репутации и подвергают девушку преследованию со стороны журналистов. Королевская семья, да и сам Чарльз, считали, что Диану им послало само небо. «Королева, – писал Димблби, – как обычно, предпочла не высказывать своего мнения, но королева-мать, которая имела огромное влияние на Чарльза, активно поддерживала идею брака, как и ее фрейлина Рут Фермой… бабушка Дианы» [90].

В одном из разговоров королева-мать сказала Чарльзу: «Диана Спенсер – вот девушка, на которой тебе нужно жениться. Но если ты ее не любишь, не женись. А если любишь, то поторопись, потому что найдется много других, которые уведут ее у тебя». Рут Фермой внесла свою лепту в давление на принца. Она твердила, что, если после всего этого Чарльз не женится на Диане, ее репутация будет погублена навсегда. Один из придворных королевы-матери за чаем в Кларенс-хаусе сказал: «Чарльз должен определиться. Если он отвергнет Диану, у нее не будет будущего…» Ему возразили: «Ты шутишь! Она красивая девушка, ей всего девятнадцать! Разве это беда, если принц Уэльский не сделает ей предложения? Ты живешь в каком-то другом мире!» Но Рут Фермой по-прежнему твердила: «Она будет просто раздавлена, если принц Уэльский ее отвергнет». «Полная чепуха!» – не верили придворные [91].

После Рождества в Олторпе, где, по словам мачехи, Диана большую часть времени провела в парке, оплакивая нежелание Чарльза сделать ей предложение, она вернулась в Лондон и с подружками встретила Новый год, а потом уехала в Сандрингем на семейную королевскую вечеринку. Она отправилась в путь на бабушкином серебристом «фольксвагене-гольф», а не на собственном «мини», который был слишком хорошо известен журналистам. Но пресса вновь испортила герцогу Эдинбургскому охоту, доведя его этим до бешенства. Журналисты настолько вывели из себя Чарльза, что он пожелал их редакторам «ужасного Нового года». Диана сидела дома, дожидаясь, когда Чарльз вернется с охоты, или уезжала в свой старый дом, Парк-хаус, который стоял пустым и заброшенным.

И все же чувства крепли, что не могли не замечать

окружающие. Одна из фрейлин вспоминала, как Чарльз и Диана свернули в зале ковер, чтобы потанцевать, и «танцевали, как сумасшедшие, – они явно были влюблены друг в друга». Позже та же дама спросила у парочки: «Вы же влюблены друг в друга, верно?» И оба, не сговариваясь, кивнули [92].

Вторую поездку в Сандрингем пришлось отменить из-за навязчивого внимания прессы, но Чарльз и Диана устроили тайное рандеву в Хайгроуве. Диана провела там ночь, а на следующий день Барри отвез ее в Лондон, прямо в детский сад, где она работала. Барри вспоминал: «Она выглядела очень счастливой… была спокойна, улыбалась – и не болтала». Чарльз не сделал предложения, но произошло нечто такое, что вселило в Диану уверенность. Позже Диана говорила подругам, что Чарльз сделал ей предложение в саду Камиллы Паркер-Боулз в Боулхайде [93]. Действительно ли принц сделал ей там предложение или просто недвусмысленно дал понять, что готов жениться на ней, мы так никогда и не узнаем.

Близкие друзья Чарльза (а впоследствии главные враги Дианы) встревожились. Внук Маунтбаттена Нортон Ромси и его жена Пенни были с самого начала настроены против Дианы. Им казалось, что она хочет стать принцессой Уэльской, а сам принц ее не интересует. Они заметили, как спокойно Диана относится к вниманию журналистов и с каким удовольствием позирует для фотографов. Димблби сообщает, что в январе 1981 года супруги Ромси поделились своими сомнениями с принцем, но безуспешно. Другие люди, в том числе и Барри, полностью отвергали подобные обвинения. «Она явно была влюблена в своего принца, – писал он. – Всегда принимала его приглашения, всегда была готова подстраиваться под его планы. Ей безумно нравилось быть рядом с ним. В январе принц дал распоряжение своему секретариату отправлять Диане копию его деловых планов на неделю, чтобы она знала, где он находится» [94], – впервые он сделал нечто подобное для девушки.

Что бы ни думали окружающие, Диана была страстно влюблена в Чарльза и продолжала любить его даже после того, как он ее отверг. «Она буквально поклонялась ему», – вспоминает один из ее помощников. Принц Чарльз в ее глазах был взрослым мужчиной, которому, как ей казалось, можно доверять, который будет любить ее и заботиться о ней, как никогда не любил и не заботился отец.

Николас Соме не обсуждал эту тему с принцем, но сказал личному секретарю герцога Эдинбургского, лорду Руперту Невиллу, что он думает об «ультиматуме» герцога и назвал возможную помолвку «ошибкой». Соме, внук Уинстона Черчилля,

был ровесником и давним другом Чарльза. Они еще подростками вместе рыбачили в Шотландии. Впервые Соме встретил Диану в Беркхолле и был «поражен» тем, что Чарльз собирается жениться на «этой очаровательной девушке-подростке». «Она была очень мила, – вспоминал он, – но в разговоре производила впечатление обычного подростка, причем не самого умного». Соме и Ромси были близкими друзьями Чарльза. Их преданность была безгранична, и они не лукавили, когда говорили, что этот брак станет катастрофой. В конце концов они оказались правы, хотя вовсе не по тем причинам, которые приводили.

Чарльз, по собственному его признанию, «находился в смятенном состоянии духа». «Необходимо сделать необычный шаг в неизвестных обстоятельствах, и это не может меня не тревожить, но полагаю… я все же сделаю верный шаг». Принц писал другу: «Я действительно хочу совершить правильный поступок во имя страны и моей семьи, но порой я просто в ужасе от того, что дам обещание, а потом всю жизнь буду жалеть об этом» [95]. Чарльз боялся – и для того были основания. Он был влюблен в Камиллу, которая удовлетворяла каждое его желание. Она была его «девушкой Пятницей» [96]и его любовницей. Диана Чарльзу нравилась, однако он не был влюблен в нее. Но все подталкивали его к решительному шагу. В обществе супругов Палмер-Томкинсон он отправился кататься на горных лыжах в Клостерс. Палмеры всегда с симпатией относились к Диане и полагали, что принцу следует жениться на ней.

«Я устала, – вспоминала Диана. – Мне хотелось, чтобы принц Чарльз поторопился и покончил со всем этим. Королева тоже была раздражена. А потом Чарльз позвонил мне из Клостерса: „Мне нужно с вами поговорить“. Женский инстинкт подсказал мне, что происходит. Мы всю ночь сидели с девчонками [соседками по квартире] и обсуждали, что нужно сказать и как поступить. …На следующий день я отправилась в Виндзор, приехала около пяти часов. Он сел рядом со мной и сказал: „Я так скучал без вас“, но даже не попытался ко мне прикоснуться. Это казалось необычным, но мне не с чем было сравнивать: у меня никогда не было бойфренда. Мужчин, даже самых настойчивых, я обычно держала на расстоянии. И никаких чувств к ним не испытывала. Теперь я считаю, что была очень зажата. Как бы то ни было, он спросил: „Вы выйдете за меня замуж?“, а я засмеялась. Решила, что он шутит, ответила: „Да, хорошо“ – и засмеялась. Но он был ужасно серьезен. „Вы понимаете, что когда-нибудь станете королевой?“ – спросил он. Внутренний голос подсказал мне: „Королевой ты не станешь, но тебе предстоит трудная роль“. Я справилась с собой и ответила: „Да“.

„Я очень люблю вас, – сказала я, – очень люблю“. А он добавил: „Что бы ни значило это слово – „любовь““. Он сказал это именно тогда. В тот день мне это очень понравилось! Я думала над его словами. А потом он поднялся наверх и позвонил матери» [97].

Диана стала замечать, что Камилла буквально вездесуща, и начала задумываться над ролью этой женщины в жизни Чарльза. «К тому времени я уже понимала, что есть кто-то еще, – вспоминала Диана период тайной помолвки. – Мне много времени приходилось проводить в Боулхайде [резиденции Паркер-Боулзов], и я не понимала, почему она [Камилла] твердила мне: „Не заставляй его делать это, не заставляй его делать то“. Она слишком много знала о его личной жизни в Бродлендсе… Я не сразу поняла, что это значит. [Бродлендс ныне принадлежит внуку Маунтбаттена, Нортону Натчбуллу, лорду Ромси, близкому другу Чарльза и Камиллы.] Разумеется, я начала задумываться и нашла доказательства. Да и люди мне многое рассказывали» [98].

Тем не менее сияющая от счастья Диана улетела в Австралию и провела три недели у матери, готовясь к свадьбе. Фрэнсис считала, что перед свадьбой Диане нужно отдохнуть в полном покое. Хотя журналисты буквально осадили ранчо Шэнд Киддов в Яссе, Питер Шэнд Кидд объявил им, что Диана находится на другом континенте. Фрэнсис и Диана в это время жили в арендованном пляжном домике в Моллимуке, в двухстах километрах к югу от Сиднея. Диана наслаждалась полным инкогнито. Она плавала и занималась серфингом на великолепном пляже, но сопровождать мать в походах по магазинам не могла, боялась, как бы ее не узнали. Во время отдыха в Моллимуке она, по ее собственным словам, «последний раз имела возможность прогуляться в одиночестве». Позднее она с обидой вспоминала, что Чарльз ни разу не позвонил ей в Австралию, а когда звонила она, его никогда не было на месте, и потом он не перезванивал. Впрочем, Диана, вероятно, как всегда, несколько драматизировала ситуацию.

По словам Барри, Диана с Чарльзом «постоянно разговаривали по телефону, но очень сдержанно». В телевизионном интервью Чарльз рассказывал, что в первый раз, когда он позвонил в дом Шэнд Киддов, они так боялись журналистов, что даже не позволили ему поговорить с Дианой. Ему было нелегко доказать, что это действительно он, а не хитроумный репортер. Когда Диана вернулась в Англию, Чарльз ее не встречал: Майкл Колборн послал сержанта Льюиса с «огромным-преогромным букетом душистых цветов». «Я знала, что цветы не от Чарльза, – с горечью вспоминала Диана, – потому

что там не было записки. Просто в секретариате оказался по-настоящему тактичный человек».

24 февраля о помолвке принца Уэльского и леди Дианы Спенсер было объявлено официально. Будущие супруги дали интервью в парке Букингемского дворца на фоне королевской резиденции. Диана казалась очень юной. Ей сделали неудачную укладку и подобрали довольно неуклюжий, старомодный синий костюм, и все равно она выглядела более спокойной и уверенной, чем Чарльз, который терпеть не мог отвечать на личные вопросы в телевизионных интервью. Обстановка казалась скорее неловкой, чем счастливой. «Какими словами вы описали бы свои сегодняшние чувства?» – спросил интервьюер. «Трудно подобрать нужные слова, – ответил Чарльз, взглянув на Диану (она кивнула). – Мы просто рады и счастливы. Я поражен тем, что она оказалась настолько смелой, чтобы выйти за меня».

«Полагаю, вы влюблены?» – продолжал репортер. Диана мгновенно отозвалась: «Конечно» – и по-девичьи хихикнула. Что же ответил принц? «Что бы ни значило это слово – „влюблен“…» Во всем мире люди, смотревшие это интервью, затаили дыхание. Слова принца показались плохим знаком. Через четыре дня после интервью Диана своим круглым детским почерком писала ответы на поздравительные письма. «Я читала все эти письма, и меня поражало то, сколько людей твердили мне, что жизнь в браке – это настоящее счастье. Интересно, а что сама я скажу через двадцать лет?» [99]

В день официального объявления о помолвке Диана переехала в лондонский дом королевы-матери Кларенс-хаус, чтобы укрыться от журналистов. Коулхерн-Корт более не подходил для невесты принца. Полицейский из Скотленд-Ярда сказал ей: «Это последняя ночь свободы в вашей жизни». Диана, по-прежнему склонная к драматизму, позже говорила, что эти слова «кинжалом вонзились ей в сердце». В своей спальне на постели она нашла письмо от Камиллы с поздравлениями и приглашением вместе пообедать. (Совместный обед состоялся немного позже, когда Чарльз уехал в Австралию и Новую Зеландию. Камилла бесцеремонно и настойчиво выспрашивала, собирается ли Диана охотиться с принцем. Ей хотелось понять, сможет ли она по-прежнему встречаться с Чарльзом на охоте – например в Бофоре.)

Но что бы она ни говорила позже, в тот вечер у Дианы голова кружилась от счастья. На ужине присутствовали пожилые дамы – королева-мать и Рут Фермой, а также личный секретарь и большой друг королевы-матери, сэр Мартин Гиллиат. Когда все отправились спать, Диана заглянула к пажу королевы-матери

Уильяму Тэллону, нашла у него складной велосипед, собрала его и целый вечер каталась по комнате, распевая: «Я выхожу замуж за принца Уэльского! Я выхожу замуж за принца Уэльского!» [100]

Ветеран королевского дворца Хьюго Викерс воспринимал все произошедшее по-другому: «Принц Чарльз – слабый человек, который сам не знает, чего хочет. Неудивительно, что он предпочитает общество замужних дам старше себя. Это почти что королевская болезнь. Долгое время его держала в руках леди Трайон… Но главное его увлечение – Камилла Паркер-Боулз.

Можно только представлять, в какой угол принц сам себя загнал. Несомненно, значительную роль в этом выборе сыграл его отец. Именно он приказал принцу принять решение и жениться. Но на ком? Если принц предпочитает зрелых женщин, он оказывается в ловушке. Он не может жениться на женщине с прошлым. Это не означает, что он не может иметь с ними отношений. Но это очень печально, если он по-настоящему любит миссис П-Б.

…Принц почувствовал давление и понял, что должен жениться. Миссис П-Б полагает, что она без труда обведет леди Диану вокруг пальца, в результате чего мы получим принцессу Уэльскую, а она продолжит владеть принцем Уэльским… Мне не раз говорили, что задержка с помолвкой была вызвана тем, что миссис П-Б никак не могла решиться „передать“ кому бы то ни было принца.

А леди Диана… Что ж, она этого хотела… Она, несомненно, все знает и настолько влюблена в него, что преисполнена решимости завоевать его сердце. Судя по всему, они еще не спали друг с другом. („Не до свадьбы, помни“, – таким был совет миссис П-Б.) Но по справедливости нужно сказать, что все за этот брак, потому что она – хорошая девушка, и я не сомневаюсь, что она сделает его счастливым» [101].

«Я была совсем юной и абсолютно неопытной, – вспоминала Диана. – Мне казалось, он страстно влюблен в меня, и так оно и было. Но у него постоянно был какой-то озадаченный вид, словно он никак не может поверить в произошедшее: „Откуда взялась эта удивительная девушка?“ Впрочем, он тоже мало что понимал, потому что, как и я, был очень незрел в этом отношении» [102].

Через два дня после объявления о помолвке Диана переехала в Букингемский дворец. Этот переезд символически отрезал ее от нормальной жизни – навсегда. Для чужаков Букингемский дворец – не самое лучшее место. Огромный двор за оградой с воротами, полицейские будки, барьеры службы безопасности – все это отделяет дворец от людей. Это официальная королевская резиденция в Лондоне, главный офис «семейной фирмы».

Огромное серое здание способно напугать любого. А внутри вас ждет лабиринт коридоров, идущих вокруг центрального двора, темных и полных воспоминаний о прошлом. Вдоль стен выстроились мраморные бюсты, на стенах рядами висят картины. Дворец не выглядит жилым – повсюду придворные, слуги в униформе. Создается ощущение, что ты попал в огромный улей, в центре которого находится далекая и невидимая королева. Это физическое воплощение британской монархии – формальное, великолепно организованное, покоящееся на достоинстве и почтении.

Диана, которую один из служителей дворца описывал так: «девятнадцать, а выглядит на пятнадцать», была подавлена. Стены дворца изолировали ее от подружек с Коулхерн-Корт и даже от собственной семьи. Ей отвели апартаменты с видом на Мэлл. Когда-то здесь жили королевские гувернантки и няни, мисс Пиблз и знаменитая Мэйбл Андерсон. Эти комнаты были меньше других дворцовых помещений. У Дианы была гостиная, спальня и ванная, а также кухня. Здесь она проводила время за шитьем, чтением и просмотром телевизора – как раз шла ее любимая мыльная опера «Перекрестки». Она ждала, когда принц Чарльз вернется в свои апартаменты, расположенные в том же коридоре. У Дианы был собственный помощник в секретариате принца Уэльского, расположенном на первом этаже. Оливер Эверетт ранее служил помощником личного секретаря принца, затем вернулся к дипломатической карьере – работал в английском посольстве в Мадриде. Но в феврале 1981 года принц лично попросил его вернуться, чтобы работать у Дианы. Компаньонкой Дианы стала леди Сьюзен Хасси. Она должна была ввести молодую принцессу в курс всех дел. У Дианы был и собственный личный секретарь, достопочтенный Эдвард Оден, который в качестве приближенного принца Уэльского сменил Дэвида Чекетса.

Эдвард Оден был прирожденным придворным. Он был праправнуком знаменитого лорда Стэмфордхэма, личного секретаря королевы Виктории и Георга V, и сыном лорда Одена, личного секретаря Георга VI и Елизаветы. Остроумный и эрудированный, он обладал прекрасным чувством юмора и независимым умом, что довольно необычно для придворного. Когда он почувствовал, что принц Уэльский не прислушивается к его советам, то предпочел уйти. Он был очень добр к Диане, хотя порой они ссорились, – он в жизни своей не встречал таких очаровательных, хотя и абсолютно необразованных подростков! Диана поддразнивала его, пыталась заставить бросить курить, но относилась к нему с глубокой симпатией. «Эдвард Оден

замечательный человек, – говорила она. – Мы прекрасно ладили. Он был холостяком, и я постоянно старалась найти ему идеальную женщину, но так в этом и не преуспела. Он говорил: „Я знаю замечательных дам, которые могли бы стать фрейлинами. Не хотите познакомиться с ними?“, и я соглашалась принять их всех во фрейлины, хотя практически не знала… Мне тогда не хотелось ничего делать самой. Я была слишком напугана. Поэтому я соглашалась со всем, что делал Чарльз» [103].

Несмотря на всеобщую готовность помогать, никто по-настоящему не знал, что нужно делать с первой принцессой Уэльской со времен Первой мировой войны. Корень проблемы крылся в том, что никто не представлял, какую роль предстоит ей играть. Все знали лишь, что она будет супругой принца Уэльского. Люди во дворце занимались своими обычными делами, а Диана не знала, чем себя занять. Она часто оставалась одна, поскольку Чарльз уехал с официальным визитом в Австралию и Новую Зеландию. «Меня удивляло, что в семье не нашлось никого, кто взял бы ее под крыло и объяснил, что делать», – вспоминает один из служащих дворца. Сказка неожиданно оказалась страшной, одинокой и холодной.

Диана тянулась к «обычным людям», с которыми всегда чувствовала себя наиболее комфортно. Таким человеком для нее стал личный секретарь принца, Майкл Колборн, который в силу своего положения был осведомлен о перипетиях личной жизни Чарльза. Колборн изо всех сил старался руководствоваться обычным здравым смыслом. Он получил неформальное поручение – «присматривать за леди Дианой». Это ему твердили с момента первой встречи с ней, еще до помолвки. Первая встреча Колборна и Дианы произошла в Хайгроуве. В тот день любимый жеребец Чарльза, Алибар, неожиданно умер прямо под ним во время преодоления барьера. Принц был страшно расстроен, но у него были дела, и он вылетел в Бристоль на вертолете. «Пожалуйста, присмотри за ней, – сказал Чарльз Колборну перед отъездом. – Ей всего девятнадцать. Она еще слишком молода».

«Я находил Диану очень привлекательной, – вспоминал Колборн. – При нашей встрече она сразу же спросила: „Могу я называть вас Майклом?“ Я ответил: „Его королевское высочество всегда меня так называет. Конечно, можете“. „А можете ли вы называть меня Дианой?“ – спросила она. „Нет, – ответил я, – потому что вы станете принцессой, и тогда это будет недопустимо. Так что лучше и не начинать. Я буду просто называть вас „мадам“… Так будет лучше“. Мы прекрасно ладили. В период между помолвкой и свадьбой она часто бывала в моем кабинете… Ей не нравилось, когда я уходил обедать, она просила

меня остаться и поболтать с ней».

Да, конечно, Диана была «леди Дианой». Она родилась в аристократической семье, но беспорядочное воспитание и образование в уютных, почти домашних школах не подготовило ее к жизни верхушки высшего класса британского общества, где не было принято считаться с чувствами других людей. Несмотря на то, что в семье Дианы уже были придворные – муж ее сестры Роберт Феллоуз служил помощником личного секретаря королевы, – Диана относилась к придворным с подозрением и обидой. Для нее они были «взрослыми» – все старше ее годами, – к тому же свято соблюдали невидимую социальную границу. Они не понимали ее и хотели изменить по собственному усмотрению. Диана часто пользовалась словом «взрослые», всегда вкладывая в него негативный смысл: «взрослые» жили в суровом, чуждом ей мире. К сожалению, к «взрослым» относились и многие люди, обслуживавшие королевскую семью, в том числе Оливер Эверетт и леди Сьюзен Хасси, которые должны были ей помогать. Диана была девушкой «бесклассовой» – а это доступно только тем, для кого понятие «класс» *действительно* ничего не значит. И она была бунтаркой, не терпевшей, когда ей диктовали, что нужно делать.

Врожденная холодность и отстраненность членов королевской семьи бросалась в глаза и в Букингемском дворце. Все весьма замкнуто жили в своих апартаментах, и никто не озаботился тем, чтобы Диана почувствовала себя как дома. «Больше всего во дворце меня удивляло то, что все апартаменты абсолютно изолированы друг от друга, – вспоминал один из служащих. – Я не мог понять этих отношений: как королева может не знать, что делает герцог Эдинбургский, а он понятия не имеет, чем занята она. Потом они куда-нибудь отправлялись, а королева-мать оставалась в полном неведении» [104].

С почтением Диана относилась только к королеве, но та была постоянно чем-то занята. Диана пришла навестить ее и даже подарила небольшие фарфоровые фигурки. Хотя многие считали, что королева враждебно настроена по отношению к Диане, один из помощников принцессы вспоминает, что Елизавета «очень поддерживала» юную невесту. Чарльз был добр, но вечно занят. У него на невесту попросту не хватало времени. Диана тосковала по смеху и веселью, царившим в ее прошлом. «Я так сильно скучала по своим девчонкам! Мне страшно хотелось вернуться в нашу квартирку, сидеть там, смеяться, меняться одеждой, болтать о всяких глупостях – снова оказаться в моей уютной и безопасной скорлупке… Я не могла поверить, что вокруг меня [в Букингемском дворце] все такие холодные!» [105]

Диана несколько раз принимала у себя «девчонок» с

Коулхерн-Корт, мать и сестру Джейн, но чаще всего она сидела в полном одиночестве. Чтобы успокоиться, она отправлялась к «нормальным людям», то есть к тем, кто работал в Букингемском дворце. Точно так же она поступала в Парк-хаусе и Олторпе. Диана целые вечера просиживала у Колборнов – его самого она называла «дядя Майкл». Она подружилась и с другими служащими. Одним из них был Марк Симпсон (он числился лакеем при детской, хотя никакой детской во дворце давно не было), которому тоже было поручено помогать Диане.

Симпсон был замечательным человеком, обладавшим потрясающей фантазией. Этого гея романтика королевской жизни влекла, как огонь свечи влечет к себе мотыльков. Марк начал работать во дворце в семнадцать лет. Он присматривал за принцем Эдуардом, возил его в школу и к дантисту. Симпатичный, обаятельный, всегда готовый помочь, он сопровождал королевскую семью повсюду, в том числе и на яхте «Британия». Через два дня после свадьбы, когда молодожены находились в Бродлендсе, Диана написала Симпсону «благодарственное» письмо: «Хочу поблагодарить вас за доброту и терпение, которые вы проявляли по отношению ко мне, когда я переехала в Букингемский дворец. Мое пребывание там стало гораздо проще и приятнее благодаря вашему обществу. Я чувствовала себя очень одинокой, а с вами мы столько смеялись, что мне никогда не отблагодарить вас за это». Марк тайком приносил Диане кукурузные хлопья (позднее она говорила, что именно в то время начала переедать, а затем вызывать рвоту; страсть к кукурузным хлопьям, судя по всему, была симптомом заболевания). Письмо написано чисто по-школьному, со «смайликами», которые Диана всегда любила. «Жаль, что с тех пор мне больше не доставалось хлопьев – плачу-плачу! Как я буду справляться без моих кукурузных хлопьев…» [106]

1 июля 1981 года Диане исполнилось двадцать лет. Она устроила небольшую вечеринку для шести друзей из служащих дворца. Один из поваров специально для нее испек великолепный шоколадный торт. Диану поздравляли ее камеристка Ивлин Дагли, стюард дворца и самый старший из всех служащих Сирил Дикман, полицейский телохранитель, горничная, которая убиралась у нее в комнатах, и повар, который и принес торт.

Через год Диана писала Марку Симпсону: «Конечно, я помню свой последний день рождения – я выпила слишком много газировки и съела огромный кусок шоколадного торта» [107]. А вот что вспоминал Сирил Дикман: «Днем она пришла в мой кабинет… и раздала парням по куску торта. Ей никак нельзя было объяснить, что это не принято. Вот таким человеком она была».

«Поначалу, еще до свадьбы, Диана часто спускалась на кухню. Дворец – очень одинокое место, если ты предоставлен сам себе… Конечно, у нее не было ничего общего с этими людьми, но члены королевской семьи были заняты – у всех имелись свои дела», – вспоминал другой сотрудник. «Она часто ходила повсюду, особенно в Сандрингеме и Балморале, – рассказывал мне еще один человек. – Заглядывала в чуланы и на кухню… Думаю, ей хотелось с кем-нибудь поговорить… В Сандрингеме она часто приходила после чая. Останавливалась поболтать с помощниками буфетчика, а потом пила чай с Мервином [шеф-поваром]. Ей просто было одиноко» [108].

«Нам порой даже смешно становилось, – замечает Стивен Барри. – Она просто не хотела вести себя по-королевски». Некоторые осуждали такую фамильярность с персоналом. Тем, кто руководил прислугой, не нравилось, что их подчиненные рассказывают Диане дворцовые сплетни. Как-то раз в Сандрингеме один из служащих сделал ей выговор. «Она сидела на столе в буфетной и болтала ногами. Посмотрела на меня и спросила: „Вам не нравится, что я здесь?“ Я ответил: „Нет, ваше королевское высочество, не нравится. Совсем не нравится. Это помещение для прислуги, а вам следует находиться в гостиной и заниматься своими делами“. С этими словами я повернулся и вышел», – вспоминал этот человек [109].

Единственным членом семьи, который целиком и полностью поддерживал Диану, была ее мать, Фрэнсис Шэнд Кидд. Рейн не подпускала к Диане отца – впрочем, он еще не оправился от инсульта. Дворцовые слуги запомнили его «обаятельным, но не всегда полным сил… милым, но не готовым к решительным действиям». Болезнь тяжело сказалась на нем. А вот Фрэнсис всегда была «очень, очень решительной… она во все вникала и задавала множество вопросов». Однако если Джонни Спенсер всегда был желанным гостем во дворце, то Фрэнсис в определенном отношении оставалась персоной нон грата. И ее настороженность по отношению к окружающим неизбежно влияла на ее дочь.

«С февраля по июнь Фрэнсис постоянно приезжала и уезжала. Мне она очень нравилась: у нее были красивые голубые глаза, как у Дианы. Но потом она исчезла», – вспоминал один из работников дворца. Во время подготовки к свадьбе Фрэнсис занималась покупками для приданого. Она пыталась заставить официальных помощников рассказать ей, сколько денег получит ее дочь на покупки, но ее лишь заверили, что недостатка ни в чем не будет. Именно Фрэнсис порекомендовала Диане дизайнера интерьеров – уроженца Южной Африки Дадли Поплака. Поплак занимался

оформлением апартаментов Дианы в Хайгроуве – свои комнаты Чарльз приказал выкрасить в белый цвет, а комнаты Дианы не трогал.

Главной проблемой Дианы была ее неуверенность в сочетании с твердым желанием остаться самой собой. Неуверенность делала ее подозрительной по отношению к тем, кто присутствовал в жизни принца до ее появления и кто был безгранично предан именно ему. К таким людям относились леди Сьюзен Хасси и Оливер Эверетт.

Кто-то из придворных назвал Сьюзен Хасси «Маунтбаттеном в юбке»: «Сью Хасси была целиком и полностью предана принцу. Она была для него самым близким человеком… в силу своей близости к королеве и долгой жизни при дворе она знала принца с рождения. С ней он мог чувствовать себя абсолютно свободно. Она всегда оставалась одним из его ближайших друзей». Леди Сьюзен «при ее абсолютной преданности Чарльзу страстно хотела, чтобы у Дианы все получилось, и была готова во всем ее поддержать… Невозможно было найти человека, настроенного более дружески, готового во всем помочь и умного» [110]. Диана внешне неплохо ладила с леди Сьюзен, но в глубине души относилась к ней с подозрением. Она спрашивала у Колборна: «Какое влияние эта женщина оказывает на моего мужа?»

Оливер Эверетт изо всех сил старался помочь Диане вникнуть в ту роль, которая ее ожидала. Он приносил ей биографии других консортов и даже предлагал заняться гэльским перед обязательной поездкой в Уэльс. Но она не прислушивалась к его советам. Диана никогда не читала подобных книг, а на предложение поучить гэльский со смехом ответила: «Вы шутите?» Ей не нравилось, когда люди указывали на ее невежество, обижалась, когда ей диктовали, что нужно делать. Если бы она почитала о жизни других принцесс Уэльских, то лучше представляла бы, что ее ждет: узнала бы о страданиях королевы Александры, супруги Эдуарда VII, о его неверности и длительном романе с Элис Кеппел, прабабушкой Камиллы Паркер-Боулз.

Диане стало трудно справляться с пристальным вниманием прессы к каждому ее шагу. Стоило выйти из дворца, как любое ее движение попадало в объективы фотокамер. Она нервничала и страшно боялась совершить ошибку. И все равно совершала – взять хотя бы эпизод с «тем платьем». 9 марта Диана надела черное вечернее платье без бретелек на торжественный вечер в Гилдхолле, лондонской ратуше. Сама того не подозревая, она нарушила строжайше соблюдавшуюся королевскую традицию: члены семьи надевают черное только в знак траура, о чем и сообщил ей принц Чарльз. Декольте тоже показалось слишком

откровенным по королевским меркам.

«Я прекрасно помню мой первый [королевский] выход, – рассказывала Диана Эндрю Мортону. – Я страшно волновалась. Выбрала черное платье от Элизабет и Дэвида Эммануэль [Элизабет и Дэвид шили для Дианы и свадебное платье тоже]. Оно казалось мне идеально подходящим для этого случая – любая девушка моего возраста выбрала бы именно его. Но я забыла, что теперь принадлежу к королевской семье… Черный цвет был самым стильным для девятнадцатилетней девушки. Это было настоящее взрослое платье. Тогда у меня была довольно пышная грудь, и платье смотрелось замечательно… Но это оказался один из самых ужасных вечеров в моей жизни. Я не знала, можно ли выходить первой, не знала, в какой руке нужно держать сумочку – в левой или правой. Я была в настоящей панике – все получилось неправильно» [111]. Когда Диана рассказала о своих чувствах принцессе Грейс, которой искренне восхищалась, та ответила: «Не волнуйтесь, бывает и хуже!» В другой раз Диана ехала в машине с пресс-секретарем королевы Майклом Ши. Увидев огромный плакат со своим изображением, она разрыдалась. «Я не могу больше этого выносить!» – всхлипывала она.

С этого момента у Дианы начались проблемы с весом. У нее развилась булимия – она съедала огромные количества кукурузных хлопьев с заварным кремом, а потом вызывала у себя рвоту. Позже она говорила, что причиной тому стало случайное замечание принца Чарльза в момент помолвки. Он обнял ее за талию и пошутил: «О, есть за что подержаться!» Диана, как и все страдающие булимией, не могла смириться с тем, что она толстая. Ей казалось, что она сможет лучше контролировать собственную жизнь, если заставит себя похудеть.

Никто не замечал, что происходит с Дианой, кроме Кэролайн Бартоломью. Кэролайн вспоминала: «Она переехала в Букингемский дворец, и начались сплошные слезы. Малышка так похудела и побледнела, что я начала беспокоиться за нее. Она не была счастлива, постоянно находилась под давлением, и это было для нее кошмаром. У нее кружилась голова – ее бомбардировали со всех сторон. Она попала в водоворот…» [112]

Счастье ее любви к Чарльзу омрачали постоянные мысли о Камилле – этих страхов ее жених не понимал. Он считал, что, коль скоро обручился с Дианой, этим все сказано. Если другие мужчины в подобных ситуациях стараются скрывать свои чувства, то принц Чарльз, по словам его друга, «всегда открыто их демонстрировал». Он был слишком честен и слишком эмоционален, чтобы вполне осознавать последствия своих слов – об этом говорят многочисленные цитаты из его писем к друзьям,

приведенные Джонатаном Димблби в официальной биографии принца.

Диана продолжала идеализировать его. «Чарльз – очень глубокий человек», – говорила она Роберту Ранси, архиепископу Кентерберийскому, когда он напутствовал невесту перед свадьбой. Чем больше она идеализировала принца, тем быстрее превращалась в ревнивую собственницу. Ходившие о принце слухи были связаны исключительно с Камиллой.

Накануне отъезда Чарльза в поездку по Австралии и Новой Зеландии Камилла позвонила как раз в тот момент, когда Чарльз и Диана беседовали в библиотеке. Поняв, что звонит Камилла, Диана демонстративно вышла из комнаты, чтобы они могли поговорить без помех. Однако на следующий день в аэропорту разрыдалась – позднее она говорила, что слезы были вызваны звонком Камиллы, а вовсе не отъездом Чарльза. В другой раз Диана услышала, как Чарльз разговаривает с Камиллой по телефону из ванной. «Что бы ни произошло, я всегда буду любить тебя», – сказал он. Друзья утверждают, что подобную фразу принц мог сказать любой из знакомых дам – такова была его манера общения, но Диана услышала в ней подтверждение своим подозрениям. «Мы страшно разругались», – вспоминала она.

За две недели до свадьбы в Аскоте состоялись скачки, и это стало еще одним испытанием для Дианы. Девятнадцатилетней девушке пришлось справляться с вниманием прессы, словно опытной кинозвезде. «Диана оказалась в нелегкой ситуации и отреагировала на нее чем-то вроде настоящей клаустрофобии», – вспоминал один из наблюдателей. За чаем в королевской ложе она не сумела сдержать слез. Ей пришлось довольно рано уехать домой [113].

На той же неделе Чарльз поделился своим беспокойством со старинной знакомой, одной из фрейлин матери: «Она настолько моложе меня. Как вы думаете, это не важно?» Позже эта дама вспоминала: «Он говорил не как романтический жених, который собирается жениться и мечтает прожить со своей избранницей всю жизнь. Другому человеку я, конечно, сказала бы: „Беги со всех ног!“ …Если бы кто-то из моих детей не был уверен в себе перед свадьбой, я бы посоветовала ему: „Если ты не уверен, не делай этого!“ Но принцу я такого сказать не могла, потому что все уже было предрешено. Были выпущены кружки с их портретами и прочие сувениры… Не думаю, что он действительно хотел жениться – просто ему хотелось поступить правильно… Но у него оставались сомнения, и это было очень печально» [114].

К июню нервозность Дианы и ее ревность к Камилле (то, что Чарльз называл «другой стороной» невесты) начали раздражать

принца. Веселый, жизнерадостный подросток, который полгода назад в Балморале очаровывал всех вокруг, таинственным образом превратился в эмоционально неустойчивую молодую женщину. Чарльз вырос в семье, где никто не задумывался над тем, как окружающие воспринимают манеру их поведения. Реакция Дианы его озадачила. Он просто не понимал, что его поведение или королевская среда, в которой он вырос, могут как-то влиять на другого человека. Еще в марте, вскоре после помолвки, Чарльз писал друзьям: «Мне очень повезло найти такую девушку, как Диана. Она меня очень любит. Я уже понял, как это замечательно, когда рядом с тобой человек, с которым можно всем делиться». Но тут же добавлял: «Радость и энтузиазм других людей по поводу этого события меня очень вдохновляют. Я горжусь, что все восхищаются Дианой и любят ее» [115].

Ни Спенсеры, ни Виндзоры не сомневались, что свадьба состоится. За три недели до объявления о помолвке герцог Эдинбургский говорил другу, как он доволен предстоящим событием: «Ну разве не чудесно, что они поженятся? Мы в полном восторге!» Так оно и было. Друг герцога вспоминал: «Казалось, все складывается идеально… Они так хотели, чтобы он женился, что не задумывались о мелочах. Зная, что девушка выросла в семье, пережившей развод, они были уверены, что семейная атмосфера залечит все раны…» [116]Если у Рут Фермой и мелькали какие-то сомнения, о чем она впоследствии говорила Димблби, она была слишком светской дамой, чтобы высказывать их вслух. Она всего лишь предупредила Диану: «Дорогая, ты должна понимать, что их чувство юмора и образ жизни отличаются от нашего. Не думаю, что тебе это подойдет».

Остальные не разделяли мнения Рут. Кузен Джонни, Роберт Спенсер, рассказывал: «Я помню, какой восторг охватил нас всех, когда мы узнали, что принц выбрал нашу Диану. Все считали (и не без оснований), что она достаточно молода, чтобы из нее можно было сделать идеальную будущую королеву» [117]. Только осторожная принцесса Маргарет предвидела определенные проблемы, о которые впоследствии и разбился этот брак. Подруга заговорила с ней о том, как замечательно, что принц женится. Маргарет ответила: «Мы все вздохнули с облегчением, но она [Камилла Паркер-Боулз] не собирается его отпускать» [118].

Настоящий скандал произошел, когда Диана нашла браслет, купленный Чарльзом для Камиллы, с гравированными буквами «GF» (Girl Friday – девушка Пятница). Браслет лежал на столе Майкла Колборна среди других безделушек – прощальных подарков бывшим подружкам, в том числе и Сьюзен Джордж. Колборна кто-то окликнул, и в эту минуту в кабинет вошла

Диана. Она увидела пакет, открыла его и выскочила прочь вся в слезах. «Что ты сделал леди Диане? – спросил Колборна личный секретарь принца Эдвард Оден. – Она выскочила от тебя вся в слезах и исчезла». Позже Колборн тоже заметил покрасневшие глаза леди Дианы.

Когда Диана спросила у Чарльза о браслете, тот честно ответил, что безделушка предназначена для Камиллы и что он собирается пригласить ее на прощальный ланч 27 июля, за два дня до свадьбы. 25 июля на матче по поло в казармах Тидворт, где стоял Уилтширский гусарский полк, Диана выглядела подавленной. Она никак не могла избавиться от мыслей об этом прощальном ланче. У нее были все основания сомневаться в том, что этот ланч действительно станет прощальным.

Димблби подчеркивает, что любовники смирились с судьбой: «Его чувства к Камилле Паркер-Боулз не изменились, но оба понимали, что близость более невозможна…» [119]Если чувства Чарльза к Камилле и ее к нему не изменились, то остается лишь удивляться, как это он решился жениться на двадцатилетней девушке, которая его обожала. 80-е годы XX века не были похожи на 90-е XIX века: отношения в стиле Элис Кеппел – Эдуард VII могла пережить лишь безропотная страдалица вроде королевы Александры, а Диана не была готова к подобной роли.

В тот день, когда Чарльз подарил знаменитый браслет своей любовнице, Диана обедала с сестрами, Джейн и Сарой, и призналась, что не уверена в успехе своего брака. «Не волнуйся, Дач. Твое лицо красуется на целой куче полотенец, так что слишком поздно отступать», – прагматично заметила Сара, и все они расхохотались. Да, Диана обожала Чарльза, однако она вполне обоснованно сомневалась в своей способности справиться со всеми последствиями этого брака.

Подруга Дианы, Кэролайн, рассказывала Джеймсу Уитакеру, что Диану беспокоила не только разница в возрасте между нею и Чарльзом. Она неожиданно поняла, что не провела с ним наедине ни одного уикенда – только в Боулхайд-Мэнор, где рядом всегда была Камилла. Когда Чарльз был в Австралии, Диана в слезах пришла к отцу и рассказала о своих сомнениях [120]. На репетиции свадьбы в соборе Святого Павла за сорок восемь часов до церемонии Диана снова разрыдалась. «Это был полный кошмар… Во всех смыслах… Пока тянулась помолвка, я не могла избавиться от мыслей о Камилле. Изо всех сил старалась отнестись к ситуации спокойно, но не могла этого сделать. И я ни с кем не могла об этом поговорить» [121].

Если Диана и правда погрузилась в «полный кошмар», делала она это в одиночестве. Одна из подружек невесты, Сара Джейн

Гассли, которой тогда было одиннадцать, вспоминала: «Никогда бы не подумала, что она переживала какой-то стресс. В глаза это уж точно не бросалось. Помню только, что они с Чарльзом были искренне влюблены друг в друга – насколько это могла оценить девочка-подросток. Я видела, как они обнимались на диване, а во время репетиций все время держались за руки. Это было настоящее счастье – или мне только так казалось» [122].

Вечером 27 июля в Букингемском дворце состоялся королевский бал, на котором двое гостей все же видели Диану в слезах. Чарльз танцевал с ней один лишь раз, а остальное время, бросив невесту, не отходил от Камиллы (47). Однако история о том, что после бала Чарльз провел с Камиллой ночь в Букингемском дворце, отправив Диану ночевать в Кларенс-хаус, не соответствует действительности. В ночь после бала Диана ночевала не в Кларенс-хаусе, а в своих апартаментах в Букингемском дворце. Они с Чарльзом ушли с бала одновременно. Камилла была на балу с мужем. Крайне маловероятно, что принц решился бы на такое рискованное свидание накануне свадьбы. Да, Чарльз и Камилла, возможно, провели на балу какое-то время наедине, но тот факт, что они были вместе ночью, о чем Джеймсу Уитакеру поведал Барри (кстати, сам он в своей книге эту историю не подтверждает), категорически опроверг Майкл Колборн: «Я абсолютно точно могу сказать, что ничего подобного не было… потому что немедленно стало бы известно множеству людей…»

Позже Эндрю Паркер-Боулз говорил Найджелу Демпстеру, что эта история лжива от начала и до конца. Чарльз не был с Камиллой накануне свадьбы: вместе с Дианой он устраивал вечеринку в «Маркс Клабе» в Мэйфере для тех своих помощников, которые не были приглашены на свадебный бал [123]. По окончании вечеринки Диана вернулась в Кларенс-хаус, а Чарльз – в Букингемский дворец. Посмотрев фейерверк в Гайд-парке, он некоторое время стоял у окна, наблюдая за толпами на Мэлле и беседуя с леди Сьюзен Хасси.

В Кларенс-хаусе рядом с Дианой накануне свадьбы находилась ее сестра Джейн. Диана страшно нервничала, ее тошнило. Но в тот вечер Чарльз прислал ей кольцо-печатку, украшенное гербом принца Уэльского, и нежную записку: «Я так горжусь тобой. Когда ты завтра пойдешь по проходу собора, я буду ждать тебя у алтаря. Брось только один взгляд на приглашенных, и они хлопнутся в обморок от восторга». Из Кларенс-хауса Диана слышала грохот фейерверка в Гайд-парке, устроенного в честь ее свадьбы. Действительно, менять что-либо было уже слишком поздно.

6. Начало сказки

Главная причина этой трагедии в том, что, выходя за него замуж, она была действительно влюблена в него…

Виктор Эделстайн, кутюрье

В день свадьбы, которая состоялась 29 июля 1981 года, Диана стала международной медиазвездой. Это было величайшее событие в истории королевской семьи – телевидение транслировало церемонию на весь мир. Семьсот пятьдесят миллионов человек следили, как «леди Ди» стала «принцессой Ди». С этого момента Диана всегда находилась в центре внимания. Она превратилась в такую же культовую фигуру, как Мэрилин Монро или Джеки Кеннеди. В ослепительной красавице почти невозможно было узнать ту застенчивую, пухлую девочку, какой она была в день помолвки всего пять месяцев назад. Стройная, хрупкая, в шелковом платье цвета слоновой кости с длинным шлейфом, Диана буквально источала сияние. Воздушную вуаль удерживала фамильная тиара Спенсеров. За тем, как на балконе Букингемского дворца влюбленная невеста целует в губы своего не столь влюбленного жениха, наблюдали миллионы людей, для которых это было живое воплощение сказки.

Архиепископ Кентерберийский скрепил союз Чарльза и Дианы, и в эту минуту произошло окончательное – и опасное – слияние частного и публичного лица английской монархии. Романтика королевской свадьбы привела к росту популярности монархии. Опросы показали результаты, каких не было ни во время коронации королевы Елизаветы, ни в дни двадцатипятилетия ее восшествия на престол. Свадьба Чарльза стала высшей точкой развития монархии в XX веке. Но она же представляла огромную опасность для Дианы: мир воспринимал ее жизнь как свою собственную историю, сказочная принцесса и ее принц стали *его*собственностью.

Чарльз и Диана под приветственные крики толпы проехали по улицам Лондона. Люди кричали, размахивали флагами, плакали. Стояла прекрасная погода, ярко светило солнце, и все забыли о своих сомнениях и терзаниях. Диана, несмотря на охватившую ее предыдущим вечером печаль, сумела справиться с собой. Подаренное Чарльзом кольцо вселило в нее уверенность в

будущем. Во время свадебной церемонии произошел неприятный инцидент: семья Спенсеров не пожелала видеть на свадьбе Барбару Картленд, сводную бабушку невесты, а Диана категорически запретила Камилле и леди Трайон появляться на свадебном завтраке.

В соборе Святого Павла главной заботой Дианы был отец. Джонни все еще неважно себя чувствовал, и ему нелегко было довести дочь до алтаря. Один из присутствовавших на церемонии священников рассказывал друзьям, как трогательно было видеть отца с дочерью. Диана почти несла отца на себе, они двигались очень медленно. У алтаря невесту ждал Чарльз. «Я была так влюблена в мужа, что не могла оторвать от него глаз, – вспоминала Диана. – И была уверена: я – счастливейшая девушка в мире» [124]. «Ты прекрасна», – шепнул ей Чарльз. «Я прекрасна для тебя», – ответила она.

Ревность к Камилле, которая терзала ее во время помолвки, исчезла. Чарльз был ее мужем, а «другая женщина» – всего лишь лицом в толпе. Шествуя об руку с Чарльзом, Диана заметила среди публики в соборе Камиллу в светло-сером костюме и шляпке-таблетке. Ее сын Том, крестник Чарльза, стоял за ней на стуле. Тогда Диана подумала: «Ах, вот ты где… Надеюсь, на этом все кончится…» [125]

Однако семейство Паркер-Боулз было неразрывно связано с королевским окружением. Муж Камиллы, Эндрю, в качестве командира первого и второго батальонов полка почетного караула ехал за королевской каретой в собор Святого Павла и обратно во дворец, а затем сопровождал Чарльза и Диану, когда они выехали из Букингемского дворца в Бродлендс, где им предстояло провести первую часть медового месяца.

Несмотря на царившее вокруг всеобщее безумие, Диана сохраняла присутствие духа. Она присматривала за отцом, заметила, что у одной из девочек, которые несли ее шлейф, пятилетней Кэтрин Кэмерон, распухло лицо и слезятся глаза – у нее оказалась аллергия на лошадей, а девочки ехали в Букингемский дворец в конном экипаже. На снимке, сделанном Патриком Личфилдом, ясно видно, как Диана волновалась за девочку. Диана наклоняется, чтобы утешить ее, а королева ласковым жестом протягивает к Кэтрин руку. «Я удивился, как быстро Диане удалось успокоить ребенка, – вспоминал Личфилд. – У нее было столько забот: предстояло выйти на балкон приветствовать толпу, снова и снова сниматься на групповых фотографиях – у нее минутки свободной не было, и все же она нашла время для больного ребенка. Это было очень трогательно…» [126]

Ближе к вечеру Диана выкроила время и на то, чтобы позвонить и поблагодарить всех, кто ей помогал, в частности стилиста Барбару Дэли. «Я была удивлена и растрогана, – вспоминала Дэли. – Немногие бы так поступили в день свадьбы. В мире много хороших людей, но Диана была особенной. Она с искренней симпатией относилась к людям, у нее было любящее сердце, способное на сочувствие» [127].

Свадьба проходила в теплой, семейной обстановке, и свидетельством тому стал неформальный снимок Личфилда: уставшая Диана рухнула на пол в облаке кремового шелка и тафты, ее окружили хихикающие подружки, радостный муж и сдержанно улыбающиеся братья мужа. Когда молодожены уезжали в открытом экипаже, за ними волочился хвост из пустых жестянок и воздушных шариков – это постарались Эдвард и Эндрю. Даже королева побежала за экипажем, махая рукой. Все бросали в воздух конфетти. «Атмосфера была абсолютно семейной, – вспоминала внучка Маунтбаттена Индия Хикс, которая была одной из подружек невесты, – пока они не выехали за ворота. И тогда все изменилось…» [128]

Первые два дня медового месяца Диана и Чарльз провели в загородном доме Маунтбаттена Бродлендс, который ныне принадлежит Нортону и Пенни Ромси. Всего десять лет назад Чарльз ухаживал здесь за Камиллой. Молодожены спали в той же спальне, где в ноябре 1947 года проводили медовый месяц Елизавета и Филипп. Затем Чарльз и Диана (к неудовольствию испанцев – испанская королевская чета не посетила свадьбу) вылетели в Гибралтар, где их ожидала яхта «Британия». Медовый месяц на яхте с экипажем из двухсот человек трудно назвать романтическим приключением. Вот что пишет официальный биограф Чарльза: «Даже интимный ужин при свечах не был чисто личным делом, поскольку за столом собирались старшие офицеры, а музыку исполнял оркестр королевских моряков» [129].

Все романтические надежды Дианы растаяли, как только они покинули Бродлендс. «На вторую ночь Чарльз углубился в книги ван дер Поста, которые еще не успел прочитать. В свадебное путешествие он взял с собой семь его книг. Мы читали их, а за обедом каждый день обсуждали», – вспоминала Диана [130]. Когда фрейлина в Балморале делилась с Дианой ужасами медового месяца, та заметила: «Думаю, ваш муж по крайней мере не читал постоянно книги старикана по имени Юнг!» [131]

Никакой романтики нет и в корреспонденции молодожена. «Могу сказать лишь, что свадьба была очень веселой и нам очень хорошо вместе на „Британии“, – писал он на второй день круиза. – Диана с удовольствием болтает с моряками и коками на

камбузе. А я веду отшельническую жизнь на верхней палубе, наслаждаясь одной из книг Лоуренса ван дер Поста…» [132]

Судя по всему, книги доставляли Чарльзу куда больше наслаждения, чем общество юной супруги. Он напоминает спокойного хозяина, который с улыбкой наблюдает за проделками только что купленного щенка. Кроме того, медовый месяц на «Британии» омрачила тень Камиллы, с которой, как Диана надеялась, он расстался навсегда. «Она звонила ему каждый день, – вспоминала подруга Дианы. – И на „Британию“ тоже. Я точно это знаю, потому что бедная девочка очень страдала и рассказывала об этом после возвращения» [133]. Когда из бумажника Чарльза в один прекрасный день выпали две фотографии Камиллы, Диана была просто раздавлена.

Через несколько дней на борту яхты должен был состояться банкет в честь президента Египта Анвара Садата и его супруги. Диана заметила, что Чарльз выбрал запонки с монограммой «CC» (Charles & Camilla) – подарок Камиллы. Чарльз сам сказал об этом Диане и никак не мог понять, почему носить эти запонки в медовый месяц не следует. Спустя много лет Диана довольно откровенно рассказывала подругам, что их супружеские отношения на «Британии» тоже складывались не лучшим образом [134]. Красавица Диана была молода и неопытна, потому не могла соперничать с теми женщинами, с которыми Чарльз общался ранее. Как ни старался принц, избавиться от образа Камиллы он так и не смог.

В официальной биографии принца Чарльза Димблби неоднократно подчеркивает, что Чарльз любил Диану. В биографии, опубликованной после нашумевшего развода, он придерживался официальной версии и старался преуменьшить роль Дианы в жизни Чарльза, объясняя его поступки непростым характером и «сложным» поведением принцессы.

После гибели Дианы Чарльз не раз говорил близким друзьям: «Одно время мы были страстно влюблены друг в друга» [135]. Родственник вспоминает: «Когда он порой заговаривал о ней… в его голосе проскальзывала тоска: „Было время, когда мы очень любили друг друга“» [136]. Всю жизнь Диана утверждала, что до свадьбы Чарльз был влюблен в нее – но, судя по всему, очень недолго и так, как уж он умел. Один из постоянных посетителей Балморала вспоминал, что первые несколько лет, «когда они приезжали на пикники или отдохнуть, казалось, что они искренне друг друга любят».

Рассказывая о медовом месяце Чарльза и Дианы, проведенном на «Британии» и затем, в сентябре, в Балморале, Димблби особое внимание уделяет «неправильному» поведению

Дианы. По его мнению, Диана не понимала мужа и это омрачало их отношения: «Для принца пребывание в Балморале было счастливым временем единения с родным домом. Здесь были его книги, его удочки, его друзья. Он считал, что Диана разделяет его чувства… но ей не нравилось, что не она центр внимания молодожена; он словно бы сознательно избегал моментов близости, которых она так ждала. Он предпочитал (или это ей лишь казалось) одиночество или общество друзей» [137].

В Балморале, как и на «Британии», витал дух Лоуренса ван дер Поста. У Чарльза было свое представление о счастье: ему хотелось вслух читать Диане книги своего кумира во время прогулок. А Диана никак не могла забыть о Камилле, которая часто бывала в Беркхолле. Камилла ей даже снилась. Диана постоянно подозревала Чарльза, что он звонит старинной подруге, рассказывает о своем браке. Эти мысли превратились в настоящую манию. Димблби пишет: «Неуверенность в чувствах Чарльза усиливала чувство ревности, которое разъедало ей душу».

Вспоминая то время, и Диана, и Чарльз явно преувеличивали свои страдания. На неофициальной фотографии, сделанной во время прогулки по берегу реки Ди, супруги выглядят вполне счастливыми. Диана сияет. От скромной серой мышки ничего не осталось. Диана превратилась в блондинку; длинные стройные ноги, легкий загар – она не просто обворожительна, а прекрасна. Сара Маккоркодейл говорила Джеймсу Уитакеру, с которым постоянно общалась, что в Балморале Диане нравилось больше, чем на «Британии». Чарльз был очень мил, оставлял ей на подушке любовные записки и безделушки, и «она находила это очаровательным» [138]. Однако, разглядывая фотографию, можно заметить ускользнувшие от первого взгляда подробности: Диана улыбается, собственническим жестом положив руку на плечо мужа, но Чарльз выглядит недовольным и обеспокоенным. У его ног лежит только что пойманный лосось.

В Балморале, как и в Букингемском дворце, Диане было трудно приспособиться к образу жизни королевской семьи. Ей хотелось преодолеть невидимый барьер, отделявший ее от мира, частью которого она стала. «Все гости, которые приезжали в Балморал, разглядывали меня и обращались со мной как с хрупкой безделушкой, – вспоминала она. – Но мне-то хотелось быть Дианой» [139]. Она не испытывала к членам королевской семьи того почтения, с каким к ним относилось общество, не чувствовала даже благодарности за то, что ее приняли в особый круг. Она считала, что ее новые родственники, их друзья и даже прислуга относятся к ней критически. Диана полагала их

старомодными и напыщенными, они же видели в ней «глупую девчонку». Она пыталась сохранить свое «я», но страдала от чувства неуверенности. Ее поведение, обиды и слезы, ранний уход из-за стола и отказы спускаться к ужину многие расценивали как проявления грубости и невоспитанности.

Семья жила по собственным правилам и традициям. Отказ Дианы следовать этим правилам или хотя бы попытаться их понять озадачивал королевских родственников. Они не привыкли сталкиваться с подобным поведением. В отцовской семье Диану не научили вести себя «правильно»: она, к примеру, обижалась на то, что Чарльз всегда предлагал напитки сначала королеве и королеве-матери и лишь потом ей. «Мне должны были объяснить, что это нормально, ведь я-то считала, что сначала нужно уделить внимание жене», – жаловалась позже Диана [140]. Один из родственников королевской семьи вспоминал: «Во время медового месяца в Балморале Диана часто отказывалась спускаться к ужину. Королева просила Чарльза подняться и уговорить жену. Он возвращался весь красный, разводил руками и говорил: „Я не смог“. Можете представить, чтобы кто-нибудь из нас, да и вообще кто угодно, во время медового месяца отказывался делать то, что просит свекровь?» [141]Странное поведение Дианы, по-видимому, объясняется тем, что отец почти не обращал на нее внимания в Парк-хаусе и позволял ей вести себя как угодно. Но в Балморале это считалось недопустимым, и королева была в ярости.

Неудивительно, что отношения Дианы с новыми родственниками складывались непросто. Хотя она с уважением относилась к королеве, но холодность и отстраненность Елизаветы вкупе с врожденной скромностью и застенчивостью Дианы не способствовали сближению. Однажды Диана сказала, что считала своей обязанностью помочь мужу наладить отношения с родителями: Чарльз обожал мать и боялся отца.

Диане очень скоро стало ясно, что ни муж, ни его родители не одобряют ее усилия, хотя герцог Эдинбургский всегда с симпатией относился к очаровательной молодой девушке, старался развеселить ее и развлекал за ужином, когда ей было трудно преодолеть свою застенчивость. Принца Эндрю она знала и любила с детства. На принца Эдварда Диана не обращала внимания. Принцесса Анна обладала самым сильным характером, но на Диану у нее не хватало времени. Королева-мать оставалась для Дианы загадкой, хотя те, кто хорошо ее знал, почувствовали, что она недолюбливает жену внука. Тот факт, что собственная бабушка Дианы, Рут Фермой, впоследствии присоединилась к хулителям внучки, очень точно отражает настроение ее подруги и

работодателя.

Единственным настоящим другом Дианы стала принцесса Маргарет, младшая сестра королевы Елизаветы. В молодости она, как и Диана, была настоящей звездой и любимицей журналистов. Красивая, энергичная, ведущая свободный образ жизни Маргарет не раз подвергалась жестокой критике. Она сочувствовала Диане, видя в ней отражение собственного бунтарского «я».

И все же люди, близкие к королевской семье, отрицают, что это сугубо закрытый круг: «У них нет каких-то особенных шуток – только для посвященных… Они не производят впечатления близких людей; даже удивительно, насколько они отстранены друг от друга. Посторонним несложно войти в этот круг, потому что не приходится сталкиваться со сплоченной семьей, где пользуются известными только родственникам прозвищами и отпускают только им понятные шуточки. Но если вы не любите гулять на свежем воздухе, мокнуть под дождем, бродить в резиновых сапогах, то вам в этой семье не место. Мне кажется, что главная проблема Дианы заключалась в том, что она не слишком любила подобные развлечения» [142].

По линии бабушки, Рут Фермой, Диана унаследовала толику шотландской крови и отрицала обвинения в том, что не любит Шотландию: ей очень нравилось бывать у матери на острове Сейл. «Меня удивило, насколько категорически она настроена против Балморала, – говорила одна из фрейлин. – В Беркхолл на выходные она приезжала с удовольствием. Они долго гуляли по холмам, и ей это очень нравилось. Думаю, это просто обычная невоспитанность» [143].

Но Диане не нравилась не Шотландия, а строго упорядоченная жизнь в Балморале. На прогулки здесь отправлялись в любую на погоду. Сюда приезжали ради рыбалки и охоты, а Диана это просто ненавидела. Хотя Балморал был предназначен для отдыха, королевская семья очень строго относилась к соблюдению этикета: гости должны были переодеваться четыре раза в день – сначала к завтраку, потом, к ланчу, в костюм в спортивном стиле для прогулки или охоты, затем сменить одежду к чаю и явиться на ужин в вечернем туалете. Придворные к этому привыкли, но для молодой Дианы все это было мучительно и страшно скучно.

Внимательным наблюдателям довольно скоро стало ясно, что супруги абсолютно несовместимы. Оба были психологически зависимы, искали друг в друге утешения, преданности и поддержки, но оба не могли дать этого друг другу (впрочем, Чарльз находил все, что ему было нужно, в Камилле). Чарльз был слишком взрослым для своих лет, Диана – слишком юной для

своих. Несмотря на свойственную ему доброту, Чарльз был избалованным эгоцентриком и даже не старался понять Диану. Диана же была слишком не уверена в себе и необразованна, чтобы понять мужа и пойти ему навстречу.

Образ жизни Чарльза формировался годами, и он не собирался менять его ради кого бы то ни было. Подавленная Диана начала вести с ним ту же игру, что и с отцом: обиды, слезы, молчание, полный уход в себя. Расстроенный и встревоженный Чарльз старался сделать все, чтобы успокоить жену. Он приглашал ее подружек, вызывал из Лондона «дядю Майкла», чтобы развлечь Диану.

«Меня, – рассказывает Майкл, – вызвали в Шотландию. Позвонили в субботу вечером: ночным поездом я должен прибыть в Балморал. Это был самый тяжелый день в моей жизни. Я завтракал на кухне, вошел Чарльз и сказал, что они с лордом Ромси идут на прогулку… А потом пришла принцесса, и мы с ней засели в гостиной… и просидели там до четырех вечера. В гостиной стояли большие белые часы. Мне казалось, что это самые медленные часы на свете, и даже помнилось, что они идут назад. В тот день я был свидетелем слез, истерик – словом, полный набор…» [144]

Когда Майк Колборн спросил, чем принц провинился именно сегодня, Диана ответила: «Он развлекается, предоставляя меня самой себе» [145]. Ей это не нравилось, но прогулки по холмам доставляли еще меньше удовольствия. Для сеанса психоанализа Дианы Чарльз пригласил Лоуренса ван дер Поста, чьи книги испортили ей медовый месяц. Разумеется, из этого ничего не вышло. «Лоуренс не понимал меня, – позднее вспоминала Диана. – Все видели, что я худею, что мне все хуже и хуже день ото дня. Они считали, что я научусь быть принцессой Уэльской в мгновение ока…» [146]

Ее отправили в Лондон к психоаналитикам и психиатрам, которые выписали ей валиум. Все было тщетно, потому что от несчастья лекарства нет, а несчастья Дианы были связаны с катастрофической неуверенностью в себе и мучительными страхами нелюбимой женщины. Тень Камиллы омрачила этот брак с самого начала. По словам Димблби, друзья Чарльза, с которыми он делился своими страданиями по поводу расставания с Камиллой, считали, что у Дианы «сформировалась настоящая мания».

Интерес прессы к Диане достиг таких масштабов, каких никто не мог предвидеть. Неуверенная и нервничающая Диана изо всех сил пыталась справиться с тем, что она оказалась в центре внимания журналистов и всего мира. Первую официальную

поездку по Уэльсу Чарльз и Диана совершили в октябре. Такого внимания прессы никогда не испытывал даже Чарльз. Японские и американские телевизионщики осадили уэльские городки и деревни, о которых раньше никто из них и не слышал.

Диана чувствовала себя ужасно. На второй день поездки она поняла, что беременна. Ее тошнило, внимание окружающих раздражало ее. «В машине я постоянно плакала, говорила, что не могу выходить, не могу ни с кем говорить… Чарльз сказал мне: „Просто выйди и сделай это“… Он старался… утешить меня, помогал выбраться из машины. И, оказавшись среди толпы, я сразу брала себя в руки» [147].

Диана обладала врожденной способностью к общению. Она вставала на колени, чтобы поговорить с детьми, наклонялась к старикам в инвалидных креслах, излучала симпатию и сочувствие. «Она вела себя просто замечательно, – вспоминал один из ее помощников. – Мы еще не успели сообразить, что нужно делать, а она тут же все поняла: присаживалась на корточки перед детьми, сжимала, пытаясь согреть, в своих ладонях руки стариков – ведь они долго ждали ее на холоде. Многие, встретившись с принцем и принцессой Уэльскими, просто теряли дар речи, но она… знала, как нужно разговаривать с людьми, почувствовала с самого первого дня… И тогда было решено, что она выступит с речью на гэльском языке». Несмотря на всю свою неуверенность, Диана прекрасно справилась с этой непростой для двадцатилетней девушки задачей, хотя язык она учила совсем недолго.

«Это был ее первый официальный визит, – вспоминает Дики Арбитер, один из официальных корреспондентов, освещавших поездку. – И она справилась с этим превосходно… Старалась сделать так, чтобы все были довольны… переходила с одной стороны улицы на другую, потому что люди скандировали: „Мы любим Ди, мы любим Ди, мы любим Ди!“ И ему [Чарльзу] нужно было привыкать… к тому, что ему досталась роль второго плана, а вовсе не главная. И это началось сразу же, с первой их поездки» [148].

«Люди хотели видеть Диану, а не его, и он не мог этого переварить», – рассказывал его помощник. «Я был рядом с принцем Чарльзом, но к нам никто не подходил, – вспоминает бывший полицейский телохранитель. – Все хотели видеть только ее. Вот так все и началось: люди стали видеть в ней некое божество, а она тоже в это поверила…» [149]

Конечно, она еще не была той гламурной красавицей, какой стала позже, но никто из тех, кто наблюдал Диану в первой поездке, не сомневался в ее умении добиваться полного

взаимопонимания с толпой. Начиналась новая эпоха, хотя в королевской семье еще никто этого не понимал. Даже принц Чарльз, поддерживавший и оберегавший Диану во время поездки по Уэльсу, оценил, как великолепно справилась со своей задачей молоденькая девушка, которую никто к этой роли не готовил. Однако ему и в голову не пришло произнести это вслух.

Один из ее придворных вспоминал: «Диану удивило, что после поездки в Уэльс никто ей и слова не сказал. Королева не позвонила, чтобы похвалить. Ее мучило… отсутствие признания – главным образом, со стороны принца Чарльза… Он мог бы отметить ее успехи… Но Чарльз выполнял подобные обязанности всю свою жизнь и не понимал, что значит этот первый опыт для скромной двадцатилетней девушки» [150].

Из-за беременности Диана постоянно недомогала и сильно нервничала. В конце октября супруги вернулись в Лондон. Собственного жилья у них не было – только тесные апартаменты на верхнем этаже Букингемского дворца: спальня, гостиная, кабинет, ванная и две гардеробных. Лишь в собственной гардеробной Диана чувствовала, что она – дома. Ее помощник вспоминал: «Никто не подумал о том, где она сможет принимать своих подружек или просто выпить чашку кофе. Знаете, эти милые мелочи… Если она хотела выпить кофе или чая или сварить яйцо, ей приходилось вызывать лакея» [151].

Чарльз к этому привык, он родился и вырос во дворце. Однако со стороны это казалось странным. Помощник Дианы вспоминал: «Удивительно, что тридцатидвухлетний мужчина продолжал жить в материнском доме и это его не угнетало… Чтобы навестить Диану, посетителям приходилось входить в парадные ворота, пересекать огромный двор на глазах у всего мира. Ее двадцатилетним подружкам было страшновато. А потом их еще провожал в ее апартаменты лакей…» [152]

«Некоторых подруг Дианы беспокоило ее одиночество, – рассказывал другой придворный. – Когда она была беременна Уильямом, она звонила им и спрашивала, можно ли ей приехать… Ей было ужасно одиноко» [153].

Различие между пустым, малосодержательным существованием Дианы и активной жизнью Чарльза становилось все заметнее. У него был целый список официальных обязанностей – ей совершенно нечего было делать. «Она не могла смириться с тем, что существует такое слово „долг“, – говорит один из сотрудников секретариата Чарльза. – Однажды мы с ней заговорили об этом. Я сказал: „Вы можете взять ежедневник на следующий год и сразу пометить: церемония выноса знамени, служба в Поминальное воскресенье, несколько королевских

поездок, выезд в Балморал, выезд в Сандрингем, охота… Уже сейчас можно заполнить половину дней, и все это вам нужно будет сделать. К сожалению, ваш муж считает это своим долгом. Он бесконечно предан матери, и вам никогда его не изменить“» [154].

Диана ссорилась с Чарльзом, потому что никак не могла понять, почему он проводит с ней так мало времени. А хуже всего было то, что никто не воспринимал ее слова и чувства всерьез. «Она обижалась, и это мучило ее больше всего», – говорит один из ее помощников. Другой вспоминает, что она жаловалась на «отсутствие равенства в браке. Принц Чарльз никогда не воспринимал ее как равную, а для нее такая ситуация была неприемлема» [155].

Покровительственное отношение к окружающим было характерно для всех старших членов королевской семьи. Они никогда не думали (и не думают) о других людях, об их жизни, чувствах и точке зрения. Почти все придворные живут по этим же правилам, а людям другого круга это трудно понять. Диана всегда стремилась оставаться самой собой. В королевской семье, где никто не задумывался над ее судьбой, она мучилась и страдала.

Только в сентябре, через три месяца после свадьбы, у Дианы появились фрейлины – раньше об этом просто никто не вспомнил. Фрейлинами Дианы стали Лавиния Беринг, Хейзел Уэст и Анна Беквит-Смит. Анна Беквит-Смит была на десять лет старше Дианы, но она училась в Вест-Хите и знала ее сестер, поэтому у них было что-то общее. Большую часть времени они разбирали огромное количество подарков и поздравительных писем, полученных в связи со свадьбой и последующей беременностью Дианы.

Им помогала одна «замечательная женщина», которая недавно вышла на пенсию после долгих лет службы на Даунинг-стрит. «Она была просто находка! Писала прекрасные ответы на письма детям и взрослым и вела реестр полученных подарков и писем. Мы разобрали около двадцати восьми тысяч писем, подарков и открыток, предназначенных только для Уильяма. Каждая пожилая дама в королевстве стремилась связать что-нибудь будущему наследнику, какие-нибудь пинетки и все такое прочее. Мы всегда откладывали то, что могло понравиться Диане, или какие-то особенные подарки» [156].

После нескольких месяцев в мрачном Букингемском дворце Рождество в Виндзорском замке стало редким для Дианы и Чарльза периодом счастья и покоя. Рождество – самый радостный и веселый праздник даже в королевской семье. Шутки,

дурачества, подарки – причем самые полезные и обычные, что Диану страшно удивило. Чарльз писал другу: «Мы прекрасно провели Рождество – вдвоем. Мы были очень счастливы. Было так уютно [наивысшая похвала в устах принца!]. Я рад, что мы встретили этот праздник вместе… На следующий год, я уверен, будет еще лучше – ведь с нами будет малыш…» [157]

А вот в Сандрингеме, куда они прибыли в январе, все сложилось иначе. Диана вообще не любила туда ездить, хотя совсем рядом находился ее любимый Парк-хаус. Этот заброшенный дом напоминал ей об утраченной свободе и обманутых надеждах. В Сандрингем, как и в Балморал, приезжали охотиться, а Диана охоту ненавидела. Чарльз же, несмотря на все свои заигрывания с восточной философией, был страстным охотником. И охота стала очередным источником конфликтов.

В январе произошел инцидент, о котором Диана рассказывала Эндрю Мортону: «[В Сандрингеме] я бросилась с лестницы. Дело было так: Чарльз упрекнул меня, что я плачу попусту, а я ответила, что от отчаяния у меня слезы сами собой льются… Чарльз со словами: „Не собираюсь тебя слушать. Ты вечно меня мучаешь. Я уезжаю кататься“ – отвернулся от меня, и тогда я бросилась с лестницы. Из своей комнаты вышла королева. Она была в ужасе, вся дрожала – так испугалась. Я знала, что не потеряла ребенка – только синяков набила. Чарльз вернулся с прогулки. Ему было все равно, абсолютно все равно. Он просто ушел к себе» [158].

Конечно, Диана специально драматизировала события, чтобы шокировать Эндрю Мортона. Возможно, она действительно поссорилась с Чарльзом: ей не хотелось, чтобы он уезжал и оставлял ее одну. Но она не бросалась с лестницы, а просто споткнулась о невысокую ступеньку в самом низу и растянулась на полу перед королевой-матерью. В тот день Диана даже позвонила своей помощнице и рассказала о том, что произошло: «Должна вам рассказать – впрочем, вы, наверное, об этом уже слышали. Я споткнулась и упала с лестницы. Все бы обошлось, но меня угораздило приземлиться прямо у ног королевы-матери. Господи, если уж я и должна была споткнуться, то почему это произошло у нее на глазах?..» [159]

Подобные преувеличения весьма характерны для Дианы. Она всегда приукрашивала прошлое, искажала реальность. Судя по газетам того времени, Чарльз вызвал местного врача и сидел рядом с Дианой, пока тот не приехал. Обследование показало, что ни Диана, ни ребенок не пострадали. Диана отдохнула и через несколько часов уже отправилась на королевское барбекю.

В следующем месяце Чарльз с Дианой отправились в

Уиндермир, поместье Брэбернов на Багамских островах. Там они отдыхали вместе с сыном хозяина дома Нортоном и его женой Пенни. Чарльз называл эти дни вторым медовым месяцем. Но желтая пресса превзошла саму себя. Джеймс Уитакер из Star и Гарри Арнольд из Sun следили за каждым шагом Дианы и сделали весьма откровенные фотографии принцессы, находящейся на пятом месяце беременности. На пляж Диана выходила в бикини, в таком виде она и оказалась на фотографиях. «БЕЗЗАБОТНАЯ ДИ ЗАБЫВАЕТ ОБ ОСТОРОЖНОСТИ, ЧТОБЫ ПОКРАСОВАТЬСЯ В ОТКРОВЕННОМ КУПАЛЬНИКЕ», – гласил заголовок Sun.

Королева была в ярости. Она обвинила таблоиды в «беспрецедентном вмешательстве в личную жизнь». Насколько беззаботна была Диана, судить трудно. Ромси рассказывал биографу принца, что она вечно ругалась с Чарльзом, когда тому хотелось читать или рисовать, и открыто говорила о том, что ей с ним скучно. Существовал «узкий круг самых близких друзей», с которыми Чарльз обсуждал свои отношения с Дианой. Друзья советовали ему взять себя в руки и прекратить терзаться жалостью к себе. Чарльз во всем винил себя. Он твердил, что выйти замуж за наследника трона – это огромное несчастье для любой женщины. Возможно, так оно и есть, однако принц, похоже, был попросту слеп. Он не понимал, что причина несчастий его жены крылась в ее убеждении, что муж ее не любит.

Внимание желтой прессы к Диане усиливалось. Медиаэксперт Рой Гринслейд считает, что фотографии в бикини стали поворотной точкой в отношениях принцессы с прессой. «К этой женщине возник сильнейший интерес – по-настоящему сексуальный. Пресса – редакторы и репортеры – были влюблены в Диану… Она выглядела великолепно, ее фотография на обложке увеличивала продажи, люди хотели видеть ее снова и снова» [160].

Ажиотаж возрастал. 21 июня Диана родила сына. Принца назвали Уильямом Артуром Филиппом Луи. «Роды пришлось стимулировать, – рассказывала Диана Мортону. – Мне хотелось, чтобы все поскорее закончилось: внимание прессы стало невыносимым. Люди следили за каждой минутой моей жизни» [161]. Защита тайны личной жизни стала для Дианы навязчивой идеей, но придворные считали рождение сына принца и принцессы Уэльских важным светским событием, которым следует поделиться с народом. Все рождения, смерти и свадьбы в королевской семье – это государственные мероприятия. У Дианы случилась настоящая истерика, когда ей сообщили, что помощники должны дежурить в больнице, чтобы сообщать о ее состоянии народу. «Вы что, с ума сошли?» – в ярости кричала она

[162].

Уильям родился за месяц до годовщины свадьбы. Диана еще не успела привыкнуть к положению принцессы Уэльской, а теперь ей предстояло привыкать к роли матери – не обычной, а матери будущего короля. Чарльз, который присутствовал при родах, был в восторге. Своей крестной, Патриции Брэберн, он писал: «Я *по-настоящему* рад, что провел у постели Дианы целый день. К вечеру мне стало казаться, что я и сам участвовал в процессе родов. Я был вознагражден появлением крохотного создания, которое целиком и полностью принадлежит *нам,* хотя, конечно, и всем остальным тоже! Никогда не видел ничего подобного тому, что творилось возле больницы тем вечером. Казалось, все с ума сошли от счастья…» [163]

Когда Диана вернулась в свой новый дом – Кенсингтонский дворец, принцесса Маргарет устроила в парке торжественный прием. Все приветствовали Диану и радовались. Это был звездный час принцессы Уэльской. Она исполнила свой долг перед короной.

7. «Дианомания»

В Австралии… между ними стала заметна легкая напряженность. Он [Чарльз] просто не понимал, почему люди хотят ее видеть.

Помощница Дианы в австралийском турне, март 1983 года

Теперь у Дианы был ребенок и лондонский дом – апартаменты 8 и 9 в Кенсингтонском дворце. Дворец представлял собой ряд окруженных парком краснокирпичных строений XVII века. Члены королевской семьи жили здесь более трех веков. Здесь умерли королева Мария (супруга Вильгельма III) и королева Анна, родилась и жила до коронации королева Виктория. Георг VI, Эдуард VIII и их братья называли дворец «тетушкиным лежбищем». Сегодня мы назвали бы дворец «королевским кондоминиумом». Однако апартаменты ничем не напоминают современные квартиры. Это отдельные дома в несколько этажей, где есть официальные залы и жилые помещения.

Когда во дворец, в совмещенные апартаменты 8 и 9, переехали Чарльз и Диана, в апартаментах 10 жила принцесса Маргарет с многочисленной прислугой. Другими соседями молодых родителей были принцесса Алиса, герцогиня Глостерская, которой исполнился восемьдесят один год (она родилась 25 декабря 1901 года), с сыном и невесткой (принцем Ричардом, герцогом Глостером, с супругой Бригиттой) и принц и принцесса Кентские. Герцог и герцогиня Кентские располагались рядом в Рен-хаусе. Сестра Дианы с мужем, Робертом Феллоузом, жили в Старых казармах. Все они считались пансионерами милостью королевы. Чарльз и Диана могли поселиться в более роскошном Спенсер-хаусе с видом на Грин-парк. Этот особняк был оставлен молодым Спенсерам по завещанию отца, но на реставрацию пришлось бы потратить огромные деньги. Кроме того, считалось неприличным, чтобы принц Уэльский жил в доме, принадлежащем семейству супруги.

Жизнь во дворце представляется нам роскошной, но у Кенсингтонского дворца имелись свои недостатки, и очень серьезные. За великолепным южным фасадом скрывался лабиринт дворов и садов, окруженных жилыми особняками.

Апартаменты принца и принцессы Уэльских совершенно не подходили для потребностей наследника трона и его семьи. «Помещение было небольшое, – рассказывал один из слуг принцессы. – Им требовалось больше места. У каждого была гостиная и кабинет, а также общая гостиная и столовая, которая служила одновременно и залом приемов. Очень узкие коридоры… Словом, не самые комфортные условия. Зал для приемов должен был располагаться внизу, чтобы верхние помещения оставались жилыми, но никто об этом не подумал. Да и вообще, маленькая квартира была им попросту противопоказана. Уверен, что некоторые их конфликты были связаны именно с теснотой… Они мешали друг другу, и это сказывалось на их отношениях» [164].

Патрик Джефсон, который вошел в свиту принцессы в январе 1988 года и стал поначалу ее конюшим, а вскоре личным секретарем, был поражен теснотой и мрачностью апартаментов Уэльсов. По контрасту с огромными газонами и пышной зеленью Кенсингтонского парка квартира принца и принцессы казалась темной и неуютной. Дом, где они жили, располагался в центре дворцового комплекса. О личной жизни здесь можно было забыть. «Всем было слышно каждое сказанное слово, – писал Джефсон в биографии принцессы. – Для уединения здесь просто не было места» [165].

Чаще всего в доме царила мертвая тишина: принц и принцесса уезжали по делам, а персонал занимался своей работой. На улице сияло солнце, пели птички и играли дети, но тут царили торжественная тишина и полумрак. «Если отправить по домам прислугу, закрыть шторы и не включать весь свет, то никакие телевизоры, музыка и телефоны не смогут рассеять мрак», – вспоминал Джефсон [166]. Дворец, удобно располагавшийся в центре Лондона, так и не стал для Дианы домом. Скорее тюрьмой.

Желая привести жилище в порядок, Диана пригласила дизайнера Дадли Поплака, который прежде оформлял ее апартаменты в Хайгроуве. В интерьере дворца сочетались традиции и современность. Центральный зал XVII века с величественной лестницей и барочной лепниной на потолке (потолок был разрушен во время бомбардировок Второй мировой войны и восстановлен позднее) был отделан в зеленых и серых тонах и украшен геральдическим знаком – перьями принца Уэльского. Этот мотив повторялся и в интерьерах других помещений. На первом этаже располагались залы для приемов, гостиная и столовая. Здесь расставили свадебные подарки, мебель, украсили стены картинами и гобеленами из королевской

коллекции, одной из жемчужин которой была картина Веронезе «Мистическое обручение святой Екатерины».

Кабинеты Дианы и Чарльза располагались на одном этаже. Гостиная Дианы была отделана в женственных розовых и голубовато-серых тонах. Розовый диван, стол перед окном, школьная шкатулка с надписью «Д. Спенсер», где Диана хранила самые дорогие вещицы… Ее комната стала взрослым вариантом комнаты девочки-подростка: мягкие игрушки, подушки с надписями: «Хорошие девочки попадают в рай, плохие – куда угодно», школьные рисунки на стенах. Повсюду стояли фотографии в рамках, эмалевые коробочки, фарфоровые статуэтки. Комната Дианы была веселой, девичьей и сильно захламленной. Здесь пахло ее любимыми цветами – лилиями. Для запаха декоратор использовал надушенные саше и ароматизированные свечи.

Комната Чарльза выглядела подчеркнуто мужской. Здесь стояла лежанка его любимого кремового Лабрадора Харви. Стол украшала фотография принца с герцогом Эдинбургским, на которой Чарльз когда-то написал: «Я не рожден, чтобы идти по стопам отца». В спальне Чарльза центральное место занимала огромная дубовая кровать, которую перевезли из его апартаментов в Букингемском дворце. Плюшевые игрушки супругов смотрелись в этой спальне почти что жалко: потрепанный мишка Чарльза, которого тот всегда брал с собой – камердинер каждую ночь клал его в постель, – и «семейство» Дианы из Парк-хауса перекочевали с кровати на полки. Неловко уделять слишком много внимания любви царственных особ к игрушкам, но все же трудно представить подобную коллекцию в спальне, скажем, банкира с Уолл-стрит и его жены – светской львицы.

Хайгроув Диана и Поплак отделали скорее во вкусе Дианы, чем Чарльза. Друзья принца называли идеи Дианы и Поплака «ужасными»: «полное отсутствие традиций… Дизайнер именно так представляет себе гостиную современной принцессы… три свежих журнала на низком столике и дневные газеты… Это просто ужасно» [167].

После медового месяца в Балморале Чарльз и Диана вернулись именно в Хайгроув (апартаменты в Кенсингтонском дворце были еще не готовы). Стивен Барри вспоминает, что Чарльз не видел дома после свадьбы. «Восторженная принцесса повела его по особняку, показывая комнату за комнатой. „Тебе нравится?“ – спрашивала она. Ответ она прочитала по его лицу. „Ему все понравилось! – радостно сообщила она мне. – И теперь это дом моей мечты!“» [168]Но со временем Диана возненавидела

Хайгроув. Это был не ее дом, а Чарльза. Зимой он здесь охотился, летом играл в поло и общался со своими друзьями-лошадниками. Кроме того, совсем рядом находился особняк Паркер-Боулзов – Боулхайд-Мэнор.

Сразу после развода Чарльз, вкусы которого заметно отличались от вкусов Дианы, пригласил собственного декоратора Роберта Кима, чтобы тот переделал интерьер дома. Хотя Хайгроув Диана назвала «домом своей мечты», позже она твердила, что он ей никогда не нравился. Чарльзу же Хайгроув представлялся воплощением идеала. Он сам выбрал этот дворец вместо Шевенинга – роскошного дворца XVIII века в Кенте, который должен был стать его официальной резиденцией. Обосновывая свой выбор, Чарльз пояснил тогдашнему премьер-министру Маргарет Тэтчер, что Шевенинг находится слишком далеко от его поместий в герцогстве Корнуолл (герцогство Корнуолл принадлежит наследнику престола и является источником его персональных доходов). На самом деле Хайгроув нравился принцу, потому что находился в самом центре «страны лошадников». Здесь Чарльз мог без помех отдаться своим любимым увлечениям – поло и охоте. В Хаигроуве Чарльз к тому же смог реализовать давнюю мечту – создать роскошный сад. В этом ему помогали большие специалисты по садоводству, среди которых были ландшафтные дизайнеры Розмари Верей и Молли, маркиза Солсбери.

Диана ненавидела «лошадников». После рождения Уильяма она неуклонно скатывалась в глубокую послеродовую депрессию. В июле ей исполнился двадцать один год, но никто – даже ее родственники Спенсеры – не подумал устроить для нее праздник. К обеду пришла новая подруга, Сара Фергюсон, с которой Диана познакомилась на поло в Каудрей-парке двумя годами раньше, когда Чарльз еще только начинал ухаживать за ней. Сара близко подружилась с Дианой спустя четыре года, когда стала супругой принца Эндрю. Оставалось утешаться лишь тем, что в день первой годовщины свадьбы Чарльз устроил для Дианы пикник при свечах в доме королевы в Кью.

Осень супруги, как всегда, проводили в Балморале. Диана похудела, осунулась, часто устраивала истерики и плакала. Чарльз тревожился, но не понимал, что это следствие послеродовой депрессии. Никто из членов королевской семьи и не заподозрил, что у Дианы развивается булимия.

Нервная булимия – это пищевое расстройство, для которого характерно переедание и следующие затем попытки вызвать рвоту. О болезни можно говорить, если такие симптомы проявляются хотя бы два раза в неделю на протяжении трех

месяцев и более. Причины болезни до конца не выяснены, но многие ученые считают, что она связана с эмоциональными, физическими и социальными факторами. Булимия может быть вызвана низкой самооценкой (что очень характерно для Дианы), перепадами настроения – например депрессией, которая развилась у Дианы после рождения сына. Кроме того, причиной булимии может стать негативный эмоциональный фон – в частности, плохие отношения в семье.

Врач, который лечил Диану позднее, считал основной причиной ее булимии проблемы в отношениях с Чарльзом. Неудивительно поэтому, что в обстановке, которая пробуждала неприятные воспоминания, а также в сложных ситуациях – например на семейных праздниках в Сандрингеме или Балморале – болезнь обострялась.

В королевской семье Диану считали «очень утомительной девушкой» «с плохим характером», «с массой недостатков, которые трудно терпеть» [169]. Диана пребывала в состоянии постоянной депрессии. Даже ее собственный персонал называл ее «непредсказуемой». По ее словам, она, чтобы привлечь внимание Чарльза, начала наносить себе раны. Впрочем, порезы были неглубокими – иначе она не смогла бы носить открытые вечерние платья. Но в результате Чарльз снова отвез Диану в Лондон к психиатру. Аналитик, изучив семейную историю Дианы, счел причиной, лежащей в основе всех ее проблем, развод родителей. Разумеется, подобный вывод никоим образом не улучшил обстановку [170].

Принц просил своих друзей ничего не рассказывать посторонним (в письмах, где делился проблемами супруги), но неадекватность ее поведения уже заметили в обществе. Самый неприятный эпизод имел место в Поминальное воскресенье, на мемориальной церемонии в память о погибших в военных конфликтах, проходившей в Альберт-холле 13 ноября 1982 года. На этом ежегодном мероприятии всегда присутствуют старшие члены королевской семьи.

Тем вечером Чарльз и Диана в очередной раз поссорились, и Диана отказалась идти с мужем. Он уехал без нее. Но затем она передумала и решила поехать, хотя ее предупреждали, что делать этого не стоит: она приедет в Альберт-холл позже королевы, а это недопустимое нарушение протокола. Диана не обратила никакого внимания на эти слова и появилась в зале, вызвав полный переполох: ей пришлось искать место. Ссора с Чарльзом стала достоянием общественности.

Анна Робинсон, редактор *Sunday Mirror,* вызвала к себе Джеймса Уитакера: «Джеймс, необходимо выяснить, почему

принцесса Диана так ужасно выглядит… Она так похудела! Иди и узнай все, что сможешь». Уитакер позвонил своему главному информатору, Саре Маккоркодейл. Та подтвердила, что родные встревожены состоянием Дианы: «Нам кажется, что у нее развивается анорексия…» Робинсон напечатала материал Уитакера, вызвав неудовольствие дворца, и это стоило ей работы.

Стремление репортеров узнать, что же на самом деле происходит с Дианой, достигло апогея. Самый информированный репортер Найджел Демпстер, знакомый со многим друзьями Чарльза, сначала опубликовал статью, а потом выступил по американскому телевидению, где называл Диану «исчадием ада» и «чудовищем». Он утверждал, что Диана стремится «все держать под контролем», а Чарльз «абсолютно несчастлив». Впоследствии Демпстер заявлял, что получил информацию «непосредственно от человека из окружения принца Чарльза». Оберон Во иронично озаглавил свою статью «РЕПОРТЕР СВЕТСКОЙ ХРОНИКИ РАЗВЕНЧИВАЕТ СКАЗКУ О ПРИНЦЕССЕ. НАРОД В ЯРОСТИ».

Но обществу вовсе не хотелось, чтобы развенчивали его кумира. Сразу после рождения принца Уильяма Роберт Лейси, историк и писатель, автор книги о ставшей принцессой кинозвезде Грейс Келли, слышал, как сотрудница Королевской библиотеки Виктория Глендиннинг говорила: «Для нас всех очень важно, чтобы магия не кончалась. Вот почему мы надеемся, что сказка завершится должным образом и принцесса, ее принц и их сын будут жить долго и счастливо». Проблема, как ее видел Лейси, заключалась в том, что «Чарльз получил женщину, которую хотели „мы“, а не он сам». Впрочем, никто не желал верить, что этот брак несчастлив. Широкая публика получила свою сказку, которая постепенно превращалась в мыльную оперу в духе американских «Династии» или «Далласа», где царили неверность, шантаж и мошенничество.

«Однако в какой-то момент все стало очевидно. Диана рыдала на людях, меняла свои планы в последнюю минуту, и принцу приходилось в одиночестве появляться там, где ожидали их вдвоем… Пошли слухи о том, что брак дал трещину, – рассуждал известный медиааналитик. – Прессе это нравилось, потому что журналисты получили драму… к которой – в силу сложившегося у королевской династии отношения к прессе – никогда не получили бы доступа. Королевские пресс-секретари руководствовались принципом „не подтверждать, не опровергать“. А вот истории о Ди всегда показывали реальное состояние дел в этом браке – достаточно было заметить, что он был в Хайгроуве, а ее не было, или наоборот… Королевская „крысиная стая“ начала состязаться в том, кто заметит нечто

самое невероятное и успеет написать об этом раньше других…» [171]

Внимание прессы лишь усугубляло несчастье Дианы. Она злилась на журналистов, но буквально жила их статьями. Официально в ее апартаменты доставляли только The Times и Telegraph, но через черный ход она получала все таблоиды. Журналисты заметили, как критически относятся к Диане в королевских кругах и в особенности среди друзей Чарльза. Это добавило враждебности газетным заголовкам, что повергало Диану в отчаяние. Рут Фермой, всегда выражавшая мнение двора, в марте 1982 года заявила Рою Стронгу, что «Диане еще многому нужно учиться в королевской жизни» [172]. Ей вторил архиепископ Ран си: «Рут очень огорчало поведение Дианы. Она всегда была абсолютно предана Чарльзу: он вырос у нее на глазах и она любила его, как все придворные дамы. Рут считала Диану актрисой и манипуляторшей» [173].

Чарльз никак не хотел признать болезнь Дианы. Во время охоты в марте 1983 года он повернулся к двум своим спутницам и спросил: «А вы когда-нибудь были больны, очень-очень больны? Я этого не понимаю, и моя мать тоже…» [174]

Остается только гадать, почему семья Дианы не пришла ей на помощь, ведь ее худоба бросалась в глаза. Сара и Фрэнсис отлично знали, что это означает: Сара сама прошла через пищевой невроз. Фрэнсис Шэнд Кидд на целых два года после свадьбы полностью устранилась из жизни дочери. Диане не нравилась откровенность, с какой Фрэнсис рассказывала журналистам о своем разводе. К тому же в интервью газете Daily Mail она сообщила: «Я твердо верю в родительское невмешательство. Когда дочери выходят замуж, они начинают жить новой жизнью и не хотят, чтобы свекрови им мешали. Они должны быть совершенно свободны, чтобы принимать собственные решения и, возможно, совершать собственные ошибки». Но ведь Фрэнсис была матерью, а не свекровью, и даже в свите принца удивлялись, что она не принимает никакого участия в жизни дочери. «После свадьбы она просто исчезла», – вспоминал один из придворных.

Сестра Дианы, Джейн, находилась в неловком положении. Она была замужем за помощником личного секретаря королевы, поэтому ей нужно было соблюдать осторожность в общении с четой Уэльсов. К тому же Джейн, женщину спокойную и здравомыслящую, драмы Дианы мало трогали. Она изредка навещала сестру, но помочь ей или не могла, или не хотела.

У Дианы сложились более близкие отношения с сестрой Сарой, но та с мужем жила в Линкольншире и особого желания

общаться с Дианой после свадьбы не проявляла. Брат Чарльз постоянно отсутствовал – сначала учился в Итоне, потом в Оксфорде. Одним из первых Диану в Кенсингтонском дворце навестил Джонни Спенсер – об этом свидетельствует запись в книге посетителей.

Вскоре после его выздоровления Рейн начала распродавать сокровища Олторпа, из-за чего ее отношения с детьми Джонни окончательно испортились. Известие о продажах вызвало ожесточенную критику в прессе. Как писали журналисты The Times, в декабре 1982 года Спенсеры продали произведений искусства на два миллиона фунтов. Средства должны были пойти на реконструкцию и смену обстановки в Олторпе, но в сентябре этого же года Спенсеры купили три дома в Богнор-Реджис, поэтому подобные утверждения казались более чем сомнительными.

В течении депрессии – как и любой другой болезни – случаются временные ремиссии. В сентябре Диана почувствовала себя относительно здоровой и даже решилась поехать на похороны принцессы Грейс, которая погибла в автокатастрофе. Диана всегда восхищалась Грейс и испытывала к ней глубокое сочувствие. Они обе были чужаками, вошедшими в королевские семьи. И семейная жизнь обеих оказалась отнюдь не сказочной. «Помню, как познакомилась с принцессой Грейс, – говорила Диана о вечере, когда она надела „то платье“. – Она была замечательно красивой и очень спокойной. Но было ясно, что она несчастлива. Я это чувствовала» [175].

Чарльз воспротивился решению Дианы поехать в Монако на похороны, где ей впервые предстояло представлять королевскую семью в одиночестве. Но Диана была преисполнена решимости. Она написала письмо королеве и получила ее согласие. Один из придворных Дианы, сопровождавший ее в Монако, позже рассказывал тележурналистам: «Она держалась великолепно. Поехала одна. Только [на обратном пути] в самолете Диана разрыдалась от усталости, спросила: „Чарльз встретит нас?“ Мы видели, с каким нетерпением она смотрит на летное поле. Разглядев встречающих, Диана разочарованно сказала: „Только полицейская машина“. Это означало, что Чарльз не приехал». Другой придворный вспоминал: «Она позвонила и спросила: „Вы видели газеты?“ Я ответил: „Все в восхищении, мадам“. Она вздохнула: „Спасибо за добрые слова, потому что в Балморале об этом никто даже не упомянул“» [176].

«Для Дианы с детства было очень важно, чтобы ее ценили, – рассказывал Чарльз Спенсер в интервью после смерти сестры. – Она навсегда осталась ребенком – „Я все правильно делаю?“».

В марте 1983 года Диана и Чарльз вместе с маленьким Уильямом отправились в Австралию и Новую Зеландию. Поездка проходила, казалось бы, с блестящим успехом, но сопровождавшие заметили «легкую напряженность» между супругами. Началась мировая «дианомания». Вместо семи фотографов вокруг четы Уэльсов теперь крутилось семьдесят. Раньше визиты принца освещал один репортер от каждой газеты и несколько фрилансеров. Теперь же фотографы и репортеры приехали из Франции, Германии, Америки и Японии. Сто тысяч человек приветствовали Чарльза и Диану в Брисбене.

«Полиция была встревожена всеобщей истерией, охватившей людей, которые вышли встречать королевскую чету на улицы городов Нового Южного Уэльса – Сиднея, Ньюкасла и Мейтленда…» – писал журналист. Офицер службы безопасности признавался репортеру: «Мы никогда прежде не сталкивались ни с чем подобным во время королевских визитов. Больше похоже на битломанию». Обожание толпы сначала напугало Диану, а потом вдохновило. Общаться с толпой поклонников она умела, и делала это хорошо. Она будто родилась для этой роли.

Окружающие впервые заметили ревность, с какой принц Чарльз отнесся к успеху своей жены, что еще больше испортило отношения супругов. Хотя Чарльз вел себя сдержанно и даже шутил, но для мужчины, который с детства находился в центре внимания, было унизительно оказаться в тени женщины, бывшей абсолютным новичком в королевской жизни. Ему было неприятно слышать, как в толпе кричат: «Мы уже по горло сыты старым Ушастиком!», когда он оказывался рядом. Еще более неприятно было слышать истерические вопли: «Леди Ди! Леди Ди!» Он с беспокойством писал другу: «Такое безумное обожание и внимание не сумеет выдержать никто, не говоря уже о двадцатилетней девушке» [177].

Димблби видел письмо Дианы, где говорилось, что ее меланхолия исчезла и ей очень стыдно за то, как она вела себя в прошлом. Теперь, писала она, я думаю только о Чарльзе и о работе. И об Уильяме, которого они оставили с няней. Чарльз сообщал Хью и Эмили ван Катсем: «…Мы очень счастливы, когда нам удается ускользнуть. Какая радость, что мы снова наедине друг с другом…» [178]В то же время он не скрывал своего раздражения из-за отношения людей, какого он прежде никогда не испытывал. «Может быть, все это из-за чудесной свадьбы, которая была блестяще организована и произвела впечатление сказочного голливудского фильма? У людей сложилось совершенно искаженное представление о реальности! Как бы то ни было, это меня пугает, и я точно знаю, что Диана в ужасе» [179].

Может быть, она и была в ужасе – временами. Но в целом обожание публики ей нравилось. Диана открыла в себе талант оправдывать ожидания людей, разговаривать с ними, вдохновлять их. Общение с обычными людьми давало ей силы и успокаивало. Ее статус в средствах массовой информации утвердился раз и навсегда. В испанском журнале статью о королевском визите озаглавили так: «ДЕВУШКА С ОБЛОЖКИ». В журнале *Tatler*ее назвали женщиной «номер один, абсолютным лидером бренда».

Семнадцатидневная поездка по Канаде увенчалась таким же успехом – особенно для Дианы. В одной газете писали о том, как нравится она журналистам. В другой газете, Ottawa Citizen, Чарльза вообще назвали «вечным неудачником».

«По-моему, они были счастливы, путешествуя семьей, с Уильямом, – вспоминала помощница Дианы. – Но между ними стала заметна легкая напряженность. Он [Чарльз] просто не понимал, почему люди хотят ее видеть. Не понимал, что людям больше нравится красивая женщина, чем мужчина в строгом костюме. И это было очень печально, ведь вместе они могли стать чем-то из ряда вон выходящим – настоящим динамитом. Но он был очень обидчив, и ей, по-моему, было невероятно трудно с этим справляться. Да она и сама была довольно эмоциональна в то время… часто плакала… это было очень тяжело…» [180]

Ситуация со временем только усугублялась: обида Чарльза на популярность жены начинала отравлять их отношения. Его изумление при виде того, как люди реагируют на Диану, было почти физически ощутимо. Однажды он сказал другу: «Почему они все ее так любят? В конце концов, она всего лишь сказала мне „да“» [181].

Ощущение собственного успеха вернуло Диане уверенность, пусть даже и хрупкую. Жене редактора крупной газеты она говорила, что «волчья стая репортеров британских таблоидов» все еще ее раздражает. «Когда они пишут что-нибудь ужасное, у меня возникает неприятное ощущение вот здесь. – Она указала на грудь. – И мне не хочется никуда выходить». В разговоре с премьер-министром Ньюфаундленда и Лабрадора она упомянула о том, что «теперь справляется с работой принцессы Уэльской лучше, чем раньше». Как и многие до него, премьер-министр Брайан Пекфорд был поражен «ее мягким сочувствием к больным и страдающим. Она чуть не заплакала, когда ей сказали, что мальчик, подаривший ей букет, слеп».

Всеобщее восхищение Дианой продолжало расцветать. Один британский журнал назвал ее «королевской суперзвездой». Опросы, проведенные в Америке, показали, что она – «самая популярная женщина мира». В журнале Paris-Match написали, что

во Франции она популярнее, чем была Брижит Бардо. Редактор журнала Ladies Home Journal объявил: «Она, без сомнения, величайшая медиаперсона десятилетия. Такие люди появляются каждые десять лет – Джеки, Лиз Тейлор, а теперь Диана».

Назойливое внимание прессы было гарантировано: газеты и журналы с фотографиями Дианы распродавались в мгновение ока. Популярные женские журналы, такие как *Woman*и *Woman's Own,*отмечали увеличение продаж на сорок тысяч экземпляров в те недели, когда на обложке была Диана. Один редактор говорил, что стоит убрать Диану с обложки, и продажи падают на пятнадцать процентов. «Она делает новости – причем именно те, которые хотят знать. Мы часто думаем: „Она же красовалась на наших обложках целых семь месяцев, пора найти кого-нибудь другого“. Но это не срабатывает».

Между двумя государственными визитами супруги 30 апреля слетали из Лос-Анджелеса на Багамы на самолете Арманда Хаммера. Десять дней они провели на вилле Ромси. На фотографиях, сделанных папарацци и опубликованных в испанском журнале, мы видим Чарльза и Диану на пляже. Они счастливы и веселы. Вот они гуляют рука об руку, а вот принц хватает ее за плечи, чтобы она наконец окунулась. «В неофициальной обстановке становится ясно, что принц по-настоящему влюблен в Диану», – гласили подписи. Вернувшись в Англию ко второй годовщине свадьбы, супруги открыто демонстрировали свою любовь. «Создается впечатление, что у них был медовый месяц», – говорил один из тех, кто видел их в то время.

Но у публичного успеха и очевидного счастья есть и обратная сторона – разногласия наедине. Друзья принца Чарльза продолжали хулить Диану. Они не понимали и не хотели понять, что у этого брака еще остается шанс, и считали нужным заставить принца сожалеть о совершенном поступке. Никто из них не отдавал себе отчета, что, внушая Чарльзу мысли о безнадежности брака, они подталкивают его на путь, представляющий опасность для монархии. Каким бы диким это ни казалось, но люди из окружения Чарльза – вне зависимости от того, действовали они из добрых побуждений или попросту пытались укрепить свое влияние на принца, – на самом-то деле должны были всячески способствовать сохранению этого союза. Им нужно было спросить себя, чего они добиваются, каковы мотивы их поступков.

Снова замелькала информация, которая подтверждала слова Демпстера о том, что Диана – сущее чудовище. Из-за Дианы уволилось множество слуг, из-за Дианы пришлось избавиться от собаки. Первым ушел привилегированный камердинер Стивен

Барри, почувствовав, что его власти над принцем пришел конец. Персонал считал, что Диана «сместила» Барри. «Он удерживал принца в средневековье, она же хотела вернуть его в настоящее. Стивен… прославился тем, что, благодаря его усилиям, принц Уэльский из года в год попадал в список самых плохо одетых людей королевства, зато сам он всегда считался щеголем и франтом…» Во время медового месяца в Крейговане (доме, расположенном в миле от Балморала) Барри безобразно пренебрегал своими обязанностями. «В воскресенье утром Стивен с большим стаканом джина с тоником, радиоприемником под мышкой и стопкой газет под другой рукой появлялся в гостиной. „Дорогая, я отлучусь по делам…“ Через три часа он появлялся как ни в чем не бывало», – вспоминал один из служителей дворца [182]. Диана была не глупа и умела обращаться со слугами. Барри признавал, что с ее появлением счастливое время вседозволенности осталось в прошлом. И он предпочел уйти сам, пока его не уволили.

Алан Фишер, с которым Чарльз и Диана познакомились в Олторпе, куда его приглашали в качестве камердинера на время больших приемов, тоже предпочел уйти. Ходили слухи, что ему не нравилась Диана, но говорили также, что, поскольку в прошлом он работал у Виндзоров и Бинга Кросби, обстановка в Кенсингтонском дворце и Хайгроуве его просто не устраивала.

Самые несправедливые обвинения Диане пришлось выслушать из-за Харви, кремового Лабрадора, любимца принца и королевы, который сопровождал Чарльза повсюду. Говорили, что Диана запретила Харви появляться в доме – как и некоторым друзьям мужа. На самом деле Лабрадор был уже слишком стар, у него возникли проблемы с суставами и он просто не мог подниматься по лестницам в апартаменты принца. Собаку поручили заботам полковника Кризи.

Самой печальной потерей стал Оливер Эверетт, который был личным секретарем и помощником принцессы со дня ее свадьбы. Обаятельный, прекрасно образованный, отличный игрок в поло, Эверетт отказался от перспективной карьеры дипломата, откликнувшись на просьбу принца «присмотреть за Дианой». Сначала они отлично ладили: шутили, болтали – Диана предпочитала приятельские отношения с помощниками. Но, как всегда неожиданно, она за что-то на него обиделась, потребовала, чтобы Чарльз его уволил, что тот и сделал в конце 1983 года. Весь персонал и королевская семья считали, что с Эвереттом обошлись несправедливо; в порядке компенсации за моральный ущерб ему предложили весьма достойный пост управляющего Королевской библиотекой в Виндзоре.

Увольнение Эдварда Одена и Майкла Колборна тоже приписали Диане, что несправедливо и не соответствует истине. Оден, прекрасный адвокат, остроумный и энергичный человек, прекрасно ладил с Дианой, хотя они были совершенно непохожи.

Когда готовился визит в Австралию, он был шокирован ее невежеством – выяснилось, что будущая королева Англии не знает названия австралийской столицы [183]. Оден обиделся, когда после рождения Уильяма ему предложили отменить утренние встречи с Чарльзом: Диана настояла, чтобы принц это время проводил с сыном. До появления Дианы такое просто невозможно было представить.

Но уйти Одену предложил принц, а не принцесса. Одену нравилось, с какой тщательностью Диана занималась бумажной работой – принцу подобная аккуратность была совершенно несвойственна. Один из его помощников вспоминал: «Принц был очень неаккуратен с документами, но во всех промахах обвинял своих сотрудников. В таких случаях он воздевал руки к небу и восклицал: „Ох уж этот секретариат!“»

Эдварда Одена воспитывал отец, личный секретарь королевы, который считал абсолютно неприемлемым подобное ведение дел. Еще больше Одену не нравилось, что принц прислушивался к советам того, кто высказался последним, пренебрегая его мнением, и совершал поступки, о которых личный секретарь и понятия не имел до тех пор, пока не оказывалось слишком поздно. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Одена, стало пресловутое выступление принца 30 мая 1984 года во дворце Хэмптон-Корт на ужине в честь стопятидесятилетия Королевского института британской архитектуры.

В тот день принц сравнил новый дизайн крыла Национальной галереи на Трафальгарской площади с «чудовищным гнойником на лице близкого и элегантного друга», а затем обрушился на современную архитектуру и архитекторов. Эдвард Оден, заранее ознакомленный с планом выступления, был категорически против: речь была не просто оскорбительна для хозяев приема, современных архитекторов, но еще и определяла взгляды широкой публики на развитие и прогресс в этой области. Оден пытался отговорить принца от опрометчивого поступка даже в машине по пути в Хэмптон-Корт, но он не знал, что Чарльз уже отправил текст в The Times и Guardian, которые должны были опубликовать его на следующий день [184]. Через полгода Оден уволился – после следующей ссоры.

Отставка Майкла Колборна также была связана не с прихотями принцессы, а с высокомерием придворных принца Уэльского, которые не могли смириться с его довольно скромным

происхождением и образованием и распространяли про Колборна безобразные сплетни. Колборну было крайне сложно балансировать между принцем и принцессой. «Я не мог угодить сразу обоим, – говорил он. – Он хотел от меня одного, она – другого, поэтому я решил уйти, пока не перессорился со всеми. Я уволился в апреле 1984 года, но уйти смог только в декабре, потому что оба уговаривали меня остаться и сделать то-то и то-то».

Последней соломинкой для Колборна, как и для Одена, стало поведение раздраженного и одержимого ревностью принца во время апрельского визита в Канаду после австралийского вояжа 1983 года. По просьбе принцессы Колборн провел день с Дианой, а Чарльз выполнял свои официальные обязанности. По возвращении он накричал на Колборна и обвинил его в том, что тот слишком много времени уделяет Диане, пренебрегая своими обязанностями по отношению к нему, Чарльзу. Дверь кабинета осталась открытой, и Диана слышала каждое слово. Она горько расплакалась. Чарльз обнял ее, пытаясь утешить, но было уже поздно. Диана смертельно обиделась на мужа, но помочь Колборну ничем не могла.

Хотя Колборн уже привык к вспышкам гнева Чарльза, этот конфликт стал в его карьере последним. «Я почувствовал, когда ситуация начала меняться, – вспоминал он. – Но в моей жизни было десять замечательных лет». Приближенные королевы понимали, что Колборн – один из немногих, кому Диана доверяет и кого слушается. Они пытались уговорить Майкла остаться. После увольнения Одена и Колборна в секретариате принца не осталось искренне преданных ему людей.

Диана хотела, чтобы муж принадлежал только ей, и сначала он был готов сделать что угодно, лишь бы доставить ей удовольствие, а себя избавить от постоянных ссор. Поэтому он отдалился от самых близких своих друзей. Николас Соме, который на протяжении многих лет звонил принцу не реже раза в неделю, не общался с Чарльзом два с половиной года. Паркер-Боулзы и Трайоны не получали приглашений – в этом Диана была непреклонна еще с тех пор, как в 1981 году вычеркнула их из списка приглашенных на свадебный завтрак. В черный список попали Ромси, Брэберны и Палмер-Томкинсоны: во время одной из ссор Чарльз проболтался, что Нортон Ромси отговаривал его от женитьбы на Диане. Из списка рассылки поздравительных рождественских открыток Диана скрупулезно вычеркивала всех женщин, с которыми Чарльз был знаком ранее.

Семья Камиллы и близкие друзья Чарльза очень встревожились, когда он прекратил общение с ними. Они не

только искренне любили его, но еще и наслаждались неким ореолом избранности и близости к королевской семье. «Вероятно, они были разочарованы тем, что больше не могут с ним встречаться…» – рассказывал один из соседей Паркер-Боулзов [185]. Друзья Чарльза – и Камиллы – были крупными землевладельцами. Им принадлежали величественные особняки – Баувуд в Уилтшире, Чатсворт в Дербишире, они носили известные фамилии – Шелберн и Уиллоуби де Брок. Диана оскорбила множество людей – от поместных дворян до придворных, и они не собирались ее прощать.

Несмотря на то, что Диана была принцессой Уэльской и носила фамилию Спенсер, у нее не было такого широкого круга друзей и сторонников, как у Чарльза. «Изгнанники» с удовольствием распространяли слухи о ее ужасном характере, и все больше людей считали ее настоящим «чудовищем». Все полагали, что Диана расставила ловушку, поймала в нее ничего не подозревающего Чарльза, а теперь ловко им манипулирует. Она «ужасный человек», «с ней невозможно жить – вот почему многие служащие быстро уволились». С принцем Диана жестока, с самого начала она решила подмять его под себя.

Один из друзей вспоминал, как Чарльз и Диана заехали к нему во время помолвки. Диана забыла свое кольцо в другой комнате и велела Чарльзу принести его. Тогда это показалось восхитительным – какая твердость характера! – но позже мнение о Диане изменилось. По словам друзей, Диана мучила принца, твердила ему, что он никогда не станет королем, потому что никто этого не хочет. А на самом деле Диане приходилось постоянно слышать: «Они интересуются тобой только потому, что ты – моя жена» [186].

В августе 1984 года застрелился любимый дядя Дианы, лорд Фермой, не в силах справиться с длительной депрессией, и сразу заговорили о «дурной крови Фермоев»: Фрэнсис – выскочка, ее сестра Мэри – отшельница, лорд Фермой страдал депрессией – неудивительно, что Диана ведет себя подобным образом. Подливала масла в огонь и бабушка. Рут Фермой всем твердила: «Диана с раннего детства умела манипулировать людьми».

В этих словах была доля правды. Диана действительно хотела, чтобы Чарльз ради нее «бросил все», что было совершенно невозможно, поскольку у принца Уэльского имелись официальные обязанности. Да и не собирался избалованный холостяк кардинально менять образ жизни. Однако, как бы серьезно они ни ссорились, все же Диана любила мужа гораздо сильнее, чем он ее. «Принц Чарльз был настолько эгоистичен, что просто не мог понять поведение Дианы. Она его обожала и всегда

ставила интересы Чарльза выше собственных, – вспоминал один из ее слуг. – Принцесса очень любила мужа – в романтическом смысле слова, – но в то же время очень его боялась» [187].

Ирония ситуации заключалась в том, что Диана боялась потерять Чарльза, опасалась, что он вернется к Камилле, но ее истерические выходки все больше отталкивали мужа. Существует мнение, что Чарльз и Камилла вновь начали встречаться уже в 1983 году. Диана считала, что Камилла никогда и не исчезала из жизни принца и всегда общалась с ним.

Эндрю Нил, который в то время был редактором Sunday Times, считает, что брошенные Диане обвинения в попытке «властвовать над Чарльзом» совершенно несправедливы. Вместе с Чарльзом Дугласом-Хоумом, редактором The Times и кузеном Дианы, Нил в апреле 1984 года посетил чету Уэльсов в Кенсингтонском дворце. «Бросалось в глаза, что у супругов очень мало общего, – писал Нил. – Чарльз горячо рассуждал о современных проблемах… Диана почти не принимала участия в разговоре… а Чарльз и не пытался вовлечь ее» [188]. «Принцесса советовалась с принцем Чарльзом буквально обо всем, и это ему нравилось, – рассказывал один из служащих дворца. – Ей очень хотелось все делать правильно» [189].

И все же в то время супруги, безусловно, были близки. В День святого Валентина 1984 года было объявлено о второй беременности Дианы. Диана вспоминала: «Я плохо помню период между рождением Уильяма и Гарри. Мрачное было времечко – меня постоянно тошнило, и это было мучительно. Но рождение Гарри стало чудом. В течение полутора месяцев перед этим событием мы были очень, очень близки. Это самое счастливое время в моей жизни. Но когда Гарри родился, все внезапно разрушилось… Я знала, что родится мальчик, потому что делала УЗИ, а Чарльз хотел девочку. И вот родился Гарри – мальчик, к тому же рыжий. Увидев его, Чарльз воскликнул: „Господи, это мальчик!“ – и добавил: „И у него рыжие волосы“. Что-то внутри меня будто надломилось, я определенно почувствовала: он вернулся к своей любовнице…» [190]

Разговаривая со своим кутюрье Джаспером Конраном, Диана то и дело разражалась слезами и восклицала: «Пожалуйста, сделайте меня привлекательной для мужа…» Ей исполнилось всего двадцать три года, супруги жили вместе около трех лет.

Принц Генри Чарльз Альберт Дэвид, которого все называют Гарри, родился 15 сентября 1983 года. Больше детей у Дианы не было.

8. «Лучший дуэт в мире»

Как ужасна наша несовместимость, как разрушительны последствия поступков всех участников этой потрясающей драмы! Все это могло бы стать материалом для греческой трагедии.

Принц Чарльз в разговоре с другом [191]

«Диана была очень счастлива, когда носила Гарри и сразу после его рождения, – рассказывал помощник принцессы. – Я не верю, что принц Чарльз был разочарован рождением второго мальчика. Мне кажется, Диана придумала это гораздо позже… Он обожал Гарри» [192].

Чарльз и Диана были отличными родителями. Еще когда Чарльз подростком жил в Букингемском дворце, он любил заходить в детскую, чтобы поиграть с маленькими Эндрю и Эдвардом [193]. Он часто болтал с ними, пока их купали. Для Гарри и Уильяма он стал прекрасным отцом. Чарльз серьезно относился к родительским обязанностям, даже менял сыновьям подгузники. Он постарался свести к минимуму свои официальные обязанности: ему хотелось больше времени проводить дома с детьми – и это многие заметили.

Диана так описывала реакцию Уильяма на появление Гарри: «Уильям полностью поглощен своим братом. Нам с Чарльзом даже приходится его сдерживать, потому что он постоянно обнимает и целует малыша».

Восторженные подданные завалили маленького принца детской одеждой. «Реакция людей на рождение нашего малыша просто поразительна – за последние девять месяцев нам прислали миллионы костюмчиков розового (!) цвета» [194].

Крестины Гарри состоялись 21 декабря 1984 года в часовне Святого Георгия в Виндзоре. Крестными родителями стали леди Сара Армстронг-Джонс, художник Брайан Орган, Джеральд Уорд, принц Эндрю, леди Вести (дружившая и с Чарльзом, и с Дианой) и бывшая соседка Дианы Кэролайн Бартоломью. Принцесса Анна, сестра Чарльза, на крестинах не появилась, сообщив, что они с мужем, капитаном Марком Филлипсом, не смогут присутствовать на церемонии, поскольку имеют «обязательства личного

характера, принятые задолго до крестин». Когда выяснилось, что эти обязательства – всего лишь охота с отцом Марка, журналисты тут же решили, что «зазнавшаяся» Диана просто не пригласила Анну стать крестной матерью своего сына.

На официальных фотографиях Сноудона сразу бросается в глаза поразительная красота трех поколений – Дианы, ее матери и бабушки. Но если Диана на фотографиях сияет, а Рут Фермой излучает абсолютное спокойствие, бедная Фрэнсис Шэнд Кидд, выведенная из себя присутствием Джонни и Рейн и явным неодобрением королевской семьи, выглядит напряженной, печальной и отстраненной. Ее муж, Питер Шэнд Кидд, на церемонии не присутствовал, хотя брат и сестры Дианы приехали.

Теоретически Диана получила все, чего всегда хотела: дом, детей, любимого мужа. На рождественские подарки Чарльзу она прикрепила любовные записочки: «Моему обожаемому, замечательному муженьку с любовью в Рождество». Конечно, центром ее мира стали мальчики. Вся ее жизнь была связана с ними – тем более одинокой чувствовала она себя в конце жизни. Диана приклеивала на дверь их комнаты записки: «Я люблю Уильяма и Гарри». Она организовывала для них детские праздники, и шеф-повар Мервин Уичерли пек пирожные в форме их любимых игрушек.

«Все делалось только для мальчиков, – вспоминал один из дворцовых слуг. – [Принцесса Диана] постоянно что-то придумывала. На один день рождения она построила в центре Кенсингтонского дворца целый сказочный замок, и всем нам пришлось надеть костюмы и участвовать в этом празднике… Уильям был очень умный мальчик, он всех узнал по обуви» [195]. Уильяма прозвали Вомбатом, а Гарри – Гарри Улиткой. Диана была строга с сыновьями, следила, чтобы они не слишком увлекались шоколадом, и требовала, чтобы они аккуратно убирали свои вещи.

Диана была современной матерью, целиком преданной своим детям. «Больше всего ее волновали сыновья, – вспоминает друг и парикмахер Дианы Сэм Макнайт, который часто бывал в Кенсингтонском дворце. – Главная ее забота заключалась в том, чтобы сделать их жизнь максимально нормальной, насколько это возможно. Свою роль она видела в том, чтобы подготовить их к будущему» [196].

Диану часто называют бунтаркой, но она была предана монархии и понимала, кем предстоит в будущем стать ее сыновьям. Она считала, что монархи должны быть популярными, уметь общаться с людьми, творить добро открыто и сердечно, а не исключительно из чувства долга. Диана хотела, чтобы ее

мальчики знали, как живут другие люди, и настояла на том, чтобы они ходили в обычные детские сады и общались с другими детьми. Сначала мальчики посещали детский сад миссис Джейн Майнорс, а потом школу Уэзерби.

Кен Уорк, охранявший маленьких принцев, на вопрос, что он может рассказать о принцессе, ответил: «Я навсегда запомню, какое влияние она оказывала на мальчиков и как заботилась о них… Она точно знала, какими хочет их вырастить, с самого их рождения. Конечно, они занимали привилегированное положение и у них не было никаких серьезных трудностей, но она делала все, что могла, чтобы дать им нормальное воспитание» [197].

Розалинда Кауард так написала о тех годах в своей книге «Диана. Портрет»: «В то время вся ее жизнь вращалась вокруг Уильяма и Гарри. Ей нужно было отвезти их в школу, а потом постараться освободиться, чтобы забрать детей или хотя бы быть дома к их возвращению… Она приезжала утром в школу в обычном костюме, без макияжа, высаживала сыновей, здоровалась со всеми… Если кто-нибудь из родителей сообщал: „Мы хотели бы пригласить Уильяма завтра вечером в гости“, она чаще всего отвечала: „О, замечательно!“ Ее дети всегда могли общаться с друзьями».

Диана с удовольствием приглашала других детей к себе, «они собирались в детской, швырялись конфетами и устраивали возню в саду… Принцы совершенно естественно общались с друзьями, и с детьми всегда была принцесса, потому что принц предпочитал другие занятия… Думаю, именно поэтому Уильям и Гарри выросли такими, каковы они есть… Я абсолютно уверена, что большинство их друзей – это друзья, которыми они обзавелись в детском саду, школе, в Итоне.

Ее жизнь была гораздо богаче, чем жизнь других членов королевской семьи. Она не ограничивалась светскими рукопожатиями и букетами цветов… Ей нужно было выкраивать время на то, чтобы отвезти детей в школу, а потом забрать их оттуда. Она хотела дать им такое образование, которое поможет им во взрослой жизни. В ее доме для детей не устраивали торжественных чаепитий… с камердинерами, сэндвичами с помидорами и огурцами и всем таким прочим… Они просто усаживались с матерью перед телевизором и уплетали тосты с фасолью… Или все вместе отправлялись на кухню и находили там какое-нибудь интересное занятие. Ее дети часто общались с обычными людьми, и это было для них прекрасным уроком, хотя принц этого не одобрял: в его глазах такое поведение отдавало панибратством… Но для Уильяма и Гарри это было очень полезно» [198].

Диана очень старалась защитить мальчиков от прессы, ей помогал в этом великолепно исполнявший свои обязанности пресс-секретарь Вик Чепмен. Детей не перегружали, но все же фотографировали, если это было действительно необходимо. Диана не хотела, чтобы ее сыновья так же страдали от навязчивого внимания прессы, как и она.

«Как-то раз маленький Уильям, – вспоминала подруга, – принимал участие в школьном спектакле. По-моему, ему было тогда всего три с половиной года. И вот он появился на сцене со своими друзьями в рождественских костюмчиках. На всех деревьях и лестницах собрались фотографы, одетые в длинные плащи и шерстяные шапки. Они были повсюду, и у всех были огромные фотоаппараты. Страшная картина – а для маленького мальчика в особенности! И все кричали: „Уильям! Уильям! Уильям!“ Ребенку было трудно понять, почему они все его окликают. Зная, что внимание прессы очень тревожит Диану, я спросила: „Как ты с этим справляешься?“ Она ответила: приходится объяснять сыну, что сегодня в школе будут люди, которые захотят его сфотографировать. Если он будет хорошим мальчиком и спокойно даст себя сфотографировать, то на следующей неделе я поведу его гулять в Торп-парк» [199].

Вскоре после рождения Гарри Диана начала заниматься благотворительностью. По предложению принцессы Маргарет она заменила ту на посту президента детского благотворительного фонда «Барнардос». В 1984 году двадцатитрехлетняя Диана с головой ушла в благотворительную работу. Главный администратор благотворительного фонда Роджер Синглтон рассказывал, как быстро эта совсем молодая женщина находила общий язык с людьми разных возрастов и социальных групп: «Ее способность войти в обстоятельства любого человека была просто поразительна. Я видел, как она сидела в окружении молодых матерей, которые пытались утихомирить своих детей. Когда детей рядом не было, она могла закурить. Многие женщины, которые общались с ней, сами выросли в детских домах. Диана обсуждала с ними их повседневную жизнь, иногда просто молча слушала и всегда отвечала на вопросы о себе и своих детях.

Когда она уходила… женщины выражали бурный восторг от того, что им удалось поговорить с человеком, занимающим такое высокое положение… Она умела внушить им, что прекрасно понимает, о чем они говорят, и знает, каково им приходится…

Это удивительная способность! Главный вклад [принцессы Дианы] в работу фонда „Барнардос“ – это те перемены, какие производили ее визиты в жизни людей. Я инспектировал те же объекты спустя пять и даже десять лет, и, когда мне доводилось

встречать тех же людей, они обязательно приносили с собой фотографии Дианы и спрашивали: „Вы помните?“» [200]

Несмотря на молодость, Диана отлично справлялась с обязанностями хозяйки дома. «Она очень серьезно к ним относилась, – вспоминал один из служащих. – Каждую неделю составляла меню для всех. Она знала, что нужно делать, и делала это прекрасно» [201]. Каждый день она встречалась с камердинером и вручала ему список дел, гостей, приглашенных к обеду или к чаю, и встреч – своих и Чарльза. Сколько бы она ни жаловалась на то, что не понимает, в чем состоят обязанности принцессы Уэльской, Диана была очень «домашней», а жизнь в Олторпе научила ее вести хозяйство большого дома.

Она была успешнее, чем Чарльз, и в общественной жизни. Секретари принца сравнивали работу с ним с «попытками приколотить желе к стенке». Диана даже в первые годы брака тщательно занималась бумажной работой, была внимательна к персоналу. Главным ее помощником в тот период была Анна Беквит-Смит, фрейлина, исполнявшая обязанности личного секретаря. Один из знакомых говорил: «Анна сама об этом никогда не скажет, но никто лучше ее не сумел бы оказать поддержку девушке, вошедшей в королевскую семью и сразу оказавшейся под пристальным вниманием общественности. Диане приходилось справляться со многими сложными ситуациями. Особенно тяжелым для нее оказалось испытание популярностью – она стала более знаменитой, чем ее муж» [202].

Беквит-Смит начала работать с Дианой спустя несколько месяцев после свадьбы. На нее произвело глубокое впечатление, как обстоятельно принцесса провела собеседование, а потом прислала из Балморала записку, чтобы поздравить ее с первым рабочим днем в Букингемском дворце. Планы Дианы постоянно менялись, но вместе с Анной они с этим справлялись.

Диана звала своих помощников «Команда „Л“» – по названию американского сериала. После появления Анны Беквит-Смит команду следовало бы переименовать в «Команду „Б“». «Диана работала быстро и эффективно, – вспоминал один из помощников принцессы. – Она сразу схватывала суть дела, о котором ей докладывали, и как настоящий профессионал понимала, что нужно предпринять». Со временем круг ее обязанностей расширился, и Диана стала справляться с ними еще лучше. Патрик Джефсон, который стал ее личным секретарем в 1988 году, характеризовал ее как «быструю и решительную» и сообщал, что от него Диана ожидала такой же отдачи [203]. «И этим, – с улыбкой добавляет он, – она разительно отличалась от принца, чья способность затягивать дела вошла в легенду».

В офисе Диана первым делом открывала папку – которую с иронией, но и с уважением звала «Портфель», – куда складывали всю корреспонденцию, служебные записки и другие документы, поступившие в Кенсингтонский дворец из Сент-Джеймсского. «Она снимала маленькую пластиковую печать [с красной пластиковой папки], вскрывала молнию и заглядывала внутрь, – описывает Джефсон. – Пристраивала большую папку с множеством внутренних отделений на коленях и быстро разбирала бумаги на стопки. Сначала расправлялась с модными каталогами и счетами от модельеров, несколько минут уходило на записки о посещениях врача и школьных мероприятиях. Затем наступала очередь личной почты – некоторые письма она откладывала в сторону, чтобы прочесть их позже. После этого начиналась настоящая работа: документы, по которым нужно выработать решения, программы, черновики речей, приглашения и прочее…» [204]

Ровным, круглым почерком школьницы Диана заполняла листки поручениями для своих помощников – а порой и для себя самой. Ей всегда нравилось общаться с людьми, даже с малознакомыми, например с управляющим обувного магазина, которому она покровительствовала: узнав, что он потерял работу, Диана отправила ему сочувственное письмо. Она писала тем, кто работал у нее раньше, – в частности миссис Пендри, жене камердинера из Олторпа. Через три месяца после рождения Уильяма Диана сообщала ей: «Уильям для нас – источник счастья и волнений. Не могу дождаться, пока он подрастет…» [205]

Если верить Диане, после рождения Уильяма Чарльз стал редким гостем в ее постели, и ей так и не суждено было родить девочку, о которой она так мечтала. Диана считала, что зимой 1983/84 года Чарльз вернулся к любовнице. Димблби пишет, что это произошло лишь в 1986-м, когда, по словам Чарльза, «брак рухнул окончательно». Как бы то ни было, Диана не переставала думать о Камилле. Полагаю, Чарльз тоже. Постоянная ревность и некая «навязчивость» Дианы делали Камиллу еще более привлекательной для принца.

Вот что рассказывает об этом общий друг: «Привлекательность Камиллы трудно описать словами. У нее смеющиеся глаза. Она очень веселая и в то же время по-матерински заботливая. Сразу было видно: Чарльз страстно в нее влюблен. Увидев их вместе, я подумал: „Господи, в ней есть то, что полностью отсутствует в Диане – какая-то теплота…“ Недаром мои дети ее обожали. Она, несомненно, прекрасно понимала, что происходит… и точно так же ревновала к Диане, как и Диана к ней. Что она чувствовала, когда видела эту юную

девушку? Я знаю, она сама задумала брак Чарльза и искусно манипулировала всеми, но что она чувствовала, когда прекрасная юная девушка выходила замуж за Чарльза? Это было ужасно… понимать, что он должен жениться. Как она могла жить с этим?» [206]

На этот вопрос нетрудно ответить: как и предвидела принцесса Маргарет, Камилла никогда не исчезала из жизни принца Чарльза. Хотя Джонатан Димблби уверяет нас, что за исключением «нескольких телефонных разговоров за время четырехмесячной помолвки и единственного разговора после свадьбы (когда Чарльз позвонил, чтобы сообщить, что Диана беременна), они не общались», Камилла была прекрасно осведомлена о жизни принца. Информацию ей поставлял (по телефону) Стюарт Хиггинс, журналист таблоида.

«Это была уникальная, беспрецедентная история, – вспоминал хорошо информированный свидетель. – Женщина, которая стремилась быть как можно ближе к принцу Чарльзу – человеку, всегда сопротивлявшемуся любым контактам с прессой, – общалась с редактором самой популярной, самой желтой и самой бесцеремонной газеты страны, причем наиболее враждебно настроенной по отношению к принцу!»

В беседе с Салли Беделл Смит, одной из первых биографов Дианы, Хиггинс признался: «На протяжении десяти лет [1982–1992] я разговаривал с ней [Камиллой] раз в неделю… рассказывал о Диане и Чарльзе. Она поправляла, если я в чем-то ошибался, делала важные дополнения. О наших разговорах никто не знал. Я нигде не упоминал о ней, хотя в тот период общался с ней очень тесно. У меня создалось впечатление, что она имеет представление о всех делах [Чарльза], хотя в любовной связи они не состоят. Твердо убежден, что они действительно не виделись и что Чарльз старался сохранить свой брак… Наши долгие и подробные беседы были взаимовыгодными. Она хотела точно знать, как пресса относится к ней [и Чарльзу], поэтому мне приходилось держать ее в курсе» [207].

Эти любопытные отношения очень точно отражают характер окружения Чарльза. «Она всегда старалась выяснить, что ему [Стюарту Хиггинсу] стало известно. Не знаю, зачем ей это было нужно… – рассказывает очевидец. – Он звонил ей и поведывал очередную порцию историй о ней и Чарльзе. А она – вы только представьте! – прикрывала трубку рукой (но все было слышно) и кричала: „Эндрю, представляешь, что они о нас говорят!“… Даже Стюарт был шокирован подобной откровенностью между Камиллой и Паркер-Боулзом и – очевидно – между ней и Чарльзом… Он [Хиггинс] пересказывал ей целые статьи».

Хотя Камилла держалась в тени, существовала еще одна причина, которая разделяла супругов: Диана, не желая того, в общественной жизни затмевала мужа. Невозможно отрицать, что Диана любила поддразнивать мужа и делала это довольно часто. В ноябре, на открытии сессии парламента, она даже позволила себе публично совершить то же самое по отношению к королеве. Принцесса сделала новую прическу с шиньоном, сразу будто повзрослела и выглядела по-королевски.

Новый стиль не понравился ни почитателям, ни врагам принцессы. Редактор отдела моды газеты *Daily Express*Джеки Модлингер (которая впоследствии написала книгу «Диана. Королева стиля») переживала (как оказалось, напрасно): «Они превратили ее в настоящий клон королевы…» «Неужели это наша принцесса Ди?» – вопрошала газета. Прическе Дианы была посвящена целая колонка – больше, чем правительственной программе к новой сессии парламента. «Все популярные издания без единого исключения даже не попытались хоть как-то проанализировать законодательную программу правительства, зато каждое по нескольку колонок посвятило самой насущной теме – новой прическе принцессы Дианы».

Диана прибыла в Вестминстерский дворец в карете королевы. Елизавета, как обычно, ничем не выдала своих чувств. Но принц Филипп был в ярости, поскольку пресса и фотографы в тот день уделили гораздо больше внимания принцессе, чем королеве, – и это в столь торжественный день! Но журналисты просто реагировали на одержимость нации «нашей принцессой Ди». Вскоре после этого, 21 ноября в Уайтхолле, на церемонии в память о погибших в военных конфликтах, Диана продемонстрировала еще одну прическу в стиле 40-х годов. Она стояла на балконе вместе с королевой-матерью, принцессой Алисой, герцогиней Глостерской, принцессой Анной и королем Норвегии Олафом.

Две важные поездки, совершенные супругами в 1985 году, несмотря на то, что прошли с полным успехом, окончательно испортили их отношения. В апреле Чарльз и Диана отправились в семнадцатидневную поездку по Италии. Сопровождавшие их лица называли этот вояж «очень счастливым». В Милане Чарльз и Диана поселились во дворце. Один из рабочих, которых пригласили для перестановки мебели, застал принца и принцессу вальсирующими в большом зале. Принц Чарльз придавал этому визиту большое значение и очень его ждал, но ему вновь пришлось уступить первенство красавице жене и ее гардеробу. «Они оба были знаменитостями, – вспоминал один из придворных, – но принц Уэльский не мог пережить бешеной

популярности собственной жены» [208].

Супруги остановились на великолепной вилле «Ла Пьетра» известного эстета, сэра Гарольда Актона, расположенной на окраине Флоренции. Диана была очарована сэром Гарольдом, который обращался с ней со старомодной учтивостью. В галерее Уффици Диана в изумлении застыла перед огромной картиной Рубенса «Ужасы войны». «Неужели один человек сумел написать такое полотно?» – спросила она сэра Гарольда.

Когда Чарльз восхищался великолепным куполом Брунеллески над флорентийским собором, газеты писали: «Кого интересует церковь, когда есть кадры и фотографии Дианы, обошедшие практически все телевизионные каналы и газеты западного мира? Вот наряды принцессы – это действительно интересно». Пресс-секретарь четы Уэльсов Чепмен каждый день снабжал журналистов точным описанием костюма принцессы Ди.

В Риме принц и принцесса удостоились личной аудиенции у Папы Римского Иоанна Павла II. Диана была в полном восторге. Чарльзу очень хотелось присутствовать на частной мессе Папы Римского, но Букингемский дворец из осторожности запретил это принцу. Супруги обедали с президентом Италии Алессандро Пертини и ужинали в лучшем клубе Рима «Чирколо делла Качиа».

Еще больше усугубила ситуацию британская пресса. Журналисты принялись поучать Чарльза, как он должен относиться к Диане: «Чарльзу следует задумываться о том, как сложится в дальнейшем его судьба, и уделять больше внимания своей спутнице жизни, – писал римский корреспондент Mail on Sunday. – Итальянский тур ознаменовал собой новый этап в их отношениях. Никто не станет отрицать, что в тот момент, когда принцесса была беременна принцем Гарри, брак супругов переживал трудные времена… Однако многие из тех, кто сопровождает принца и принцессу в этой поездке, считают, что принц продолжает любить супругу. С самого первого дня их брака принц Чарльз на людях всегда поддерживает Диану под руку или под локоть.

В наше время такое случается редко, но два небольших эпизода окончательно убедили меня в том, как Чарльз и Диана относятся друг к другу. Первый произошел в ратуше Флоренции, где принц произносил речь на итальянском языке. Ему явно пришлось нелегко. Когда он закончил выступление и сел, принцесса наклонилась к нему и сказала: „Отлично выступил, дорогой!“ Ее глаза сияли от восторга, и он тепло улыбнулся ей в ответ.

А потом я видел, как принц остановился перед автопортретом Филиппо Липпи. Лицо художника явно напомнило ему кого-то.

Он обнял Диану за плечи и что-то шепнул ей на ухо. Она весело рассмеялась.

Подобные детали подтверждают, что мужчина и женщина по-настоящему влюблены друг в друга».

В такие моменты пара Чарльз – Диана действительно представляла собой лучший в мире дуэт. Всеобщий восторг сплачивал их. К сожалению, восторг чаще всего был связан с красотой Дианы и сказочной историей этого брака. Всем хотелось прикоснуться к сказке, все хотели верить в нее. Но с точки зрения королевской семьи, журналисты слишком увлеклись образом сказочной принцессы.

Супругам предстояла новая поездка – первый совместный визит в Соединенные Штаты, перед которым они должны были еще раз побывать в Австралии. К этому времени журналисты вовсю обсуждали семейные разногласия четы Уэльсов.

Известная английская журналистка Тина Браун, в то время возглавлявшая американский журнал Vanity Fair, опубликовала статью, в которой очень точно охарактеризовала различия супругов: «Диана – молодая двадцатичетырехлетняя девушка, Чарльз – старый тридцатишестилетний мужчина». Они любят разную музыку: все считают, что Диана не расстается со своим плеером и слушает только поп-музыку, а Чарльз организовывает классические концерты с участием Королевского филармонического оркестра. У них разные друзья – он зевает с ее подружками, она умирает от скуки в обществе его интеллектуальных гуру и «лошадников» из Глостершира. Оба имеют весьма слабое представление о реальности, но реальность никуда не делась – не нужно только от нее отворачиваться. «Когда-то он влюбился в воспитательницу детского сада в туфлях без каблука, в девушку, которая с нежностью относилась к морским свинкам и младенцам. Если он присмотрится как следует, то поймет, что девушка эта рядом…» – так заканчивалась статья.

Сказка еще не была обречена, счастье еще было так возможно.

К счастью для Букингемского дворца, своевременно появившееся интервью приглушило разговоры о разногласиях между супругами. Чарльз и Диана искусно сумели сохранить образ очень разных, но вполне счастливых супругов. Диана, с которой занимался актер и продюсер сэр Ричард Аттенборо, продемонстрировала полное доверие мужу: «Я всегда стараюсь поддерживать его, чем могу… это особенно важно для матери и жены». Только взгляд исподлобья выдает принцессу – она явно играет предназначенную ей роль. Чарльз признается, что «с

возрастом становится более эксцентричным», рассказывает о своем интересе к альтернативной медицине и неприятии современной архитектуры. «Я надеюсь, – говорит он, – бросить камень в пруд, чтобы круги разошлись как можно шире. Хочу, чтобы началась дискуссия, в которой родится нечто прекрасное…» Заявление Тины Браун было опровергнуто, даже Sun заявила, что «Ди и Чарльз до сих пор влюблены друг в друга».

Во время турне по Австралии и Соединенным Штатам Чарльз и Диана старательно изображали спокойных, счастливых супругов. 8 ноября после приезда из Австралии в британском посольстве Вашингтона их навестила Мэри Робертсон, в семье которой Диана когда-то работала. Она была поражена переменой, произошедшей с Дианой: «Наивная девочка-подросток превратилась в роскошную взрослую женщину». Больше всего Мэри удивила разговорчивость Дианы – куда делась прежняя скромница? [209]Обстановка была теплой, дружеской, супруги даже шутили о том, что «в следующий раз должна получиться девочка» [210].

На банкете и балу, устроенном президентом и миссис Рейган для восьмидесяти гостей, Диана выглядела потрясающе. На ней было черное платье с глубоким декольте от Виктора Эделстайна и жемчужное ожерелье в восемь ниток. Запечатленный на известной фотографии танец с Джоном Траволтой стал украшением вечера. На ужине в британском посольстве Диана блистала в изысканном платье из белого атласа, отделанном кружевом. На ужин в Национальной галерее искусства Диана приехала в еще более прекрасном вечернем платье, расшитом серебряной нитью. Стройная, улыбающаяся, сияющая, она казалась живым воплощением здоровья и счастья. Рядом на фотографиях Чарльз – далеко не столь радостный. Впрочем, когда он танцует с Дианой, которая на прием в Белом доме надела великолепное ожерелье с изумрудами как тиару, пара являет собой прекрасное зрелище – любящий муж с влюбленной женой.

В Австралии Чарльза опять обидело отношение к нему отдельных изданий и широкой публики. Там стало окончательно ясно, что все внимание привлекает к себе Диана. «Когда супруги выходили „работать“ с толпой, – писал Димблби, – с той стороны, куда подходил принц – вдали от Дианы, раздавался стон разочарования. Даже когда они проезжали по улицам, принцу постоянно приходилось видеть разочарованные лица и слышать жалобы: „О, она с другой стороны!“» [211]Хуже того, иногда встречающие поднимали плакаты, на которых в карикатурном виде был изображен принц Чарльз с его оттопыренными ушами. Он говорил другу, что страдает от «жестоких замечаний и

оскорблений… Люди выкрикивают грубости, делают неприличные жесты, размахивают карикатурными масками, оскорбительными плакатами» [212]. Неудивительно, что принц злился, обижался и стремился побыстрее закончить «общение с народом».

Гораздо счастливее он был там, где его ценили, – например в Аппервиле, поместье Банни Меллон в Вирджинии. Хозяйка поместья – *grandes dames*американского высшего света – увлекалась садоводством. Кроме того, у нее была великолепная конюшня. Расслабился Чарльз и во Флориде, куда они с Дианой приехали поиграть в поло. Диана вручила ему завоеванный трофей, а он любовно поцеловал ее.

Официальным предлогом для поездки в Палм-Бич был, разумеется, не матч по поло, но благотворительный ужин, который принц провел для детского фонда. На ужине присутствовал восьмидесятилетний президент компании Occidental Petroleum Арманд Хаммер, фигура сложная и неоднозначная. Хаммер познакомился с принцем в 1977 году, когда открывал выставку акварелей сэра Уинстона Черчилля. Одну из работ из своей коллекции Хаммер передал Чарльзу в качестве пожертвования на празднование двадцатипятилетия восшествия на престол королевы – Чарльз председательствовал на этом празднестве. Чарльз не видел ничего предосудительного в получении пожертвований от миллионеров вроде Хаммера и греческого корабельного магната Джона Лациса. Он воспользовался личным самолетом Хаммера, чтобы вместе с Дианой попасть из Лос-Анджелеса на Багамы.

Справедливости ради надо сказать, что в то время мрачные слухи о Хаммере – он сотрудничает с КГБ, финансирует советскую шпионскую сеть, подкупает ближневосточных лидеров, чтобы получить нефтяные концессии в Ливии, и использует средства компании в личных целях – еще не стали достоянием общественности. Чарльз ставил перед собой задачу собрать как можно больше средств для благотворительных фондов. Поскольку деньги предназначались не для него, он не считал, что совершает какой-то недостойный представителя королевской семьи поступок.

Один из жителей Палм-Бич написал письмо новому личному секретарю принца, сэру Джону Ридделлу: «Мы бы хотели, чтобы его королевское высочество знал, как оскорбит он многих честных американцев, если они увидят, что наследник британского трона сотрудничает с человеком, которого считают другом и союзником Советского Союза, который предает интересы Соединенных Штатов и, следовательно, Британии тоже». Другой

антикоммунист называл Хаммера «симпатизирующим Советам проходимцем сомнительной репутации… который использовал обман, золото и подкуп. Ему удавалось привлекать хороших, честных людей, в том числе представителей британской королевской семьи, с тем чтобы создать себе достойную репутацию» [213]. Принц не обратил внимания на эти заявления и вместе с Дианой отправился в Палм-Бич на самолете Хаммера. Там он выступил на благотворительном ужине и танцевал с кинозвездой Джоан Коллинз, чье остроумие не могло отвлечь принца от созерцания весьма соблазнительной ложбинки на ее груди.

Диана более чутко воспринимала чувства и настроения людей. Биограф Чарльза, Энтони Холден, писал, что она категорически запретила предлагать Хаммеру стать крестным отцом Уильяма. Диана назвала его «старой рептилией» и на ужине во Флориде не скрывала своей неприязни к нему. «Принцесса обладала поразительным чутьем на людей, которое изменило ей лишь в последние годы, – вспоминал один из ее помощников. – Она часто спрашивала Чарльза: „Зачем нам приглашать на ужин этих людей?“ – знала, что они добиваются приглашения на охоту в Сандрингем по весьма неблаговидным мотивам. Чарльз искренне не понимал, что, если бы он не был принцем Уэльским, те же самые люди не уделили бы ему и минутки своего внимания» [214].

Успех Дианы в зарубежных поездках вовсе не радовал ее мужа. Напротив, Чарльз страшно ревновал. «Он не понимал ее привлекательности и обижался, – говорил один из сотрудников принца. – Ему и в голову не приходило, что люди не испытывают восторга при виде мужчины в строгом костюме». Да и мало кому удалось бы посоперничать с этой высокой, стройной, красивой женщиной в великолепных нарядах. Со временем Диана стала одеваться с безукоризненным вкусом. Юная девушка превратилась в изысканную молодую женщину, научилась носить вещи, но сохранила свою свежесть, в которой и заключался секрет ее необыкновенной привлекательности.

Даже если бы Диана надела самый фантастический костюм – ни один человек не мог сопротивляться ее обаянию, если она приближалась к нему с улыбкой. «Она обладала поразительным даром общения. Пожалуй, даже слишком сильным. Она могла войти в любой дом, подойти к кому угодно – и в нее тут же все влюблялись, и мужчины, и женщины» [215].

Единственным человеком, оценившим публичный успех Дианы, была королева, для которой престиж монархии всегда стоял на первом месте. «Королеве нравился ее успех, нравилась та

гламурность, которую Диана придала монархии, – рассказывал один из придворных. – Диана всегда говорила, что ей было легко общаться с королевой, ей это очень помогало».

Королева никоим образом не способствовала успеху брака принца Уэльского. Каждый раз, когда при ней упоминали имя невестки, у нее делался встревоженный вид и она начинала вертеть в руках очки. Конечно, она хотела, чтобы брак был счастливым, и многое прощала Диане. «Диана могла позволить себе все, что угодно, – вспоминает один из членов королевской семьи. – Абсолютно все. Она очень быстро поняла, что никто, даже сама королева, ей не помешает. Королевская семья очень беспокоились о ней. Ничто не должно было тревожить Диану…» [216]

Журнал Time поместил большую статью об американском турне Чарльза и Дианы. История их брака была превращена в мыльную оперу на манер «Далласа», действие которой разворачивалось за неприступными стенами Виндзорского дворца. «Принцесса, которую когда-то называли „скромницей Ди“ превратилась в „Ди из „Династии““, а принц Чарльз, который когда-то казался человеком действия, бесстрашно занимавшимся скайдайвингом, сделался погруженным в себя мистиком». Но, как писал журналист, «если „Виндзоры“ и превратились в популярнейший сериал, то только потому, что к актерскому составу присоединилась леди Ди. До этого у сериала были серьезные проблемы с рейтингом… Затем опытный режиссер Чарльз подобрал на роль принцессы восхитительную инженю – девушку с соседнего двора. И – вуаля! – она стала главной звездой и превратила „Виндзоров“ в популярнейший сериал всех времен» [217].

Если королева и оценила вклад Дианы в успех королевской семьи (трудно предположить, что кто-нибудь спрашивал у нее, что она по этому поводу думает), то большинство придворных считало, что Диана затмевает не только Чарльза, но и саму их царственную работодательницу.

«Честно говоря, – поделился один из придворных, – невозможно понять, что чувствовала королева. Боюсь, что все, кто пытается рассуждать об этом, ошибаются, потому что королева никогда ни с кем не делилась. Придворные очень ревновали к Диане – я, конечно, имею в виду ранний период ее брака. Они видели в ней угрозу своей королеве. Между придворными всегда идет ожесточенная борьба. Человеку, который никогда здесь не работал, это трудно понять, но монархия и королевская семья – это обычная корпорация. Вы служите своему начальнику, и все остальные для вас враги».

Среди друзей Чарльза и окружения королевы сформировалось весьма негативное отношение к Диане. Как-то один из близких знакомых Дианы присутствовал на ужине вместе с придворными королевы. Разговор зашел о Диане, причем тон обсуждения был недоброжелательным. «Друг Дианы заявил: „Мне кажется, не стоит говорить о ней в таком тоне“. Он рассказал об этом Диане, а та – королеве. Королева очень сурово поговорила со своими подчиненными» [218].

И все же различия в подходе к исполнению королевских обязанностей становились очевидными и привлекали внимание общественности. Чарльз, ставший наследником трона в возрасте трех лет, воспринимал людское внимание как право, дарованное Богом при рождении. Он искренне пытался общаться с народом, но в глубине души ненавидел эту обязанность. Его беспокоили проблемы людей, и он в меру сил пытался проявить свою озабоченность, считая, что представляет собой человеческое лицо монархии, тогда как королева исполняет все церемониальные обязанности. В его представлении популярность была присуща монархии по определению, для ее достижения не следовало прикладывать каких-нибудь усилий. И уж конечно, члены королевской семьи не обязаны снисходить до уровня толпы.

Обаяние Дианы, ее умение общаться с больными, пожилыми и детьми, сочувствие, которое позволяло ей взять руку слепого старика и помочь ощупать свое лицо, остроумие, которое смягчало официальные диалоги, – все это изменило представление людей о том, каким должен быть член королевской семьи. Ее поведение ставило в тупик: возникали сомнения, не наносят ли ее действия ущерб королевскому достоинству.

Чарльз чувствовал себя несправедливо обделенным, а Диана не без оснований считала, что ее усилия по укреплению публичного имиджа монархии никто не ценит. Ей нравилось, что люди видят в ней суперзвезду, но за стенами Кенсингтонского дворца и Хайгроува Диана хотела жить жизнью, описанной в романах Барбары Картленд: любящая жена, нежный муж и счастливые дети. Но публичный успех все сильнее и сильнее осложнял семейную гармонию. Диана разрывалась между сияющим публичным образом и собственной неуверенностью. Она требовала от Чарльза то, чего он не мог и не хотел ей дать.

Диана все еще надеялась на любовь и одобрение Чарльза. Чем сильнее она его любила, тем меньше понимала. Чарльз с рождения смертельно боялся публичной демонстрации эмоций. Втайне от мужа Диана подготовила ему сюрприз. То ли ей казалось, что ему это понравится, то ли она просто хотела

показать, насколько желанной может быть, – сказать трудно. В честь дня рождения Чарльза был устроен торжественный прием в Королевском театре Ковент-Гарден. В конце спектакля Диана вышла из королевской ложи, переоделась в длинное, облегающее серебристое платье и с партнером, звездой Королевского балета Уэйном Слипом, исполнила заранее отрепетированный танец на песню Билли Джоэл «Девушка с окраины» *(Uptown Girl)*.

То, что принцесса Уэльская исполняет откровенный танец на сцене, стало для Чарльза настоящим потрясением. Ее поступок демонстрировал разницу в мышлении современной девушки и наследника трона. Диану восемь раз вызывали на сцену, устроили долгие овации. Только после этого она смогла вернуться к мужу в королевскую ложу. «Смотри, от чего ты отказываешься», – вот что хотела она сказать мужу своей эскападой. Но Чарльз ее не услышал: он пришел в настоящий ужас. Поступок Дианы принц счел не проявлением любви, а еще одним доказательством того, что она хочет постоянно быть в центре внимания.

Это происшествие стало поворотной точкой в их отношениях.

9. «Чарльз вернулся к своей любовнице»

Вы ведь знаете о Камилле, верно?.. Не представляю, как с этим справляться. Это просто есть, и я ничего не могу с этим поделать…

Диана – Кену Уорфу, 1986 [219]

К этому времени интимные отношения между супругами практически прекратились. Диане было всего двадцать четыре года. Публика ее обожала, но стоило ей вернуться домой, и оказывалось, что здесь ее никто не ценит. Вынести этот контраст было нелегко. Диана занималась сценической речью с Питером Сеттеленом. Сеттелен записывал их занятия на пленку. Как-то раз он спросил: «Между вами уже практически нет секса?» Она ответила: «Почему же, есть… Но все так странно, очень странно… Вот было же, было, а теперь – прошло семь лет и ничего не осталось… Нет, Гарри исполнилось семь… Значит, восемь…» Сеттелен поинтересовался, что же такого странного она замечает. Диана сказала: «Просто интуиция подсказывает… …Не знаю… Он никогда этого не требовал. Получалось один раз в три недели. Я долго об этом думала, а потом поняла: до нашей свадьбы он встречался со своей любовницей раз в три недели…» [220]

Судя по всему, секс никогда не имел для Дианы большого значения, она не воспринимала подобные отношения как проявление любви и привязанности. Да и сохранение девственности до свадьбы не говорит о сильном сексуальном темпераменте. Зная о Камилле и о нечастых сексуальных похождениях своего мужа, Диана, как многие красивые и неопытные женщины, сомневалась в собственной привлекательности. Ей нравилось флиртовать, и в этом она добивалась огромного успеха.

Мужчины всех возрастов – придворные, офицеры королевской охраны – ощущали дрожь в коленях, когда она смотрела на них из-под густых ресниц своими потрясающими голубыми глазами. Ее пикантные шуточки, снисходительность к рискованным анекдотам и интерес к любовным похождениям других людей выдают скорее заместительный, а не практический интерес.

Роль офицеров департамента охраны королевской семьи и

дипломатического корпуса в жизни их подопечных весьма необычна. Офицеры проходят самую серьезную подготовку – они умеют уходить от погони, отлично владеют оружием, постоянно занимаются физической подготовкой – и сдают сложные экзамены. «Сумасшедшие были всегда, но с 1972 года и по сей день самую большую угрозу представляет ИРА, – говорил один из офицеров. – В этой организации всегда считали, что члены королевской семьи работают на благо монархии, символизируют собой монархию, а следовательно, являются их основной целью». С того дня, как Диана символически вошла в королевскую семью, заночевав в Кларенс-хаусе, ей следовало привыкать к присутствию полицейской охраны.

Личный телохранитель сделался частью ее жизни. С ним она гуляла в парке, делала покупки, появлялась на приемах и вечерах, он играл с ее детьми. Одним из первых телохранителей Дианы стал Грэм Смит. Во время медового месяца он находился на «Британии» и стал для принцессы кем-то вроде отца. Он умер от рака, и Диана навещала его в больнице. Диана была предельно откровенна со своими телохранителями, чем часто смущала их. Грэм Смит предупреждал своих преемников об этом.

Кен Уорф вспоминает: «Откровенность – одна из сильных сторон Дианы, но в то же время ее слабость. Не уверен, что это хорошая идея – рассказывать людям о себе *все*» [221]. Со временем охраняемый и телохранитель неизбежно сближаются. В 1985 году Диана, одинокая и жаждущая любви, утешения и восхищения, сблизилась (пожалуй, даже слишком) со своим телохранителем Барри Мэннеки. Один из помощников принцессы запомнил его таким: «Очень симпатичный человек, очень земной… искренний… Рядом с ним всегда было хорошо. Из тех людей, в обществе которых думаешь: „Хорошо, что в трудный момент он будет рядом“» [222].

Об отношениях Дианы с Барри Мэннеки ходило много слухов и сплетен. В 1992 году Питер Сеттелен сделал записи нескольких бесед на занятиях с Дианой. После ее смерти, осенью 2004 года, эти записи предали гласности на американском канале NBC. Диана признается: «Я влюблена в человека, который работает в охране. Он – лучший парень из всех, кого я встречала»; «Постоянно хочу его видеть… Я влюблена и могу быть счастливой, только когда он рядом… Рядом с ним я чувствую себя маленькой девочкой… Мне страшно хочется, чтобы он оценил меня… Очень хочется…» Диана даже призналась – в шутку! – что ее порой посещают мысли сбежать с ним (хотя у него была жена и дети). Когда Сеттелен спросил, были ли у них интимные отношения, Диана однозначно ответила: «Нет!» [223]

Джеймс Хьюитт, который позднее стал ее любовником, утверждал, что плюшевый мишка на постели принцессы был подарен Мэннеки и что телохранитель все же был с ней близок. Вряд ли можно безусловно доверять словам Хьюитта, к тому же преемник Мэннеки, Кен Уорф, категорически отрицает то, что у Дианы был роман с Барри. Впрочем, это можно объяснить стремлением персонала защитить честь Дианы: в Кенсингтонском дворце многие говорили о том, что Мэннеки приходит к Диане, когда Чарльза нет дома, что он заботится о ней, утешает, выполняет все ее желания.

Однажды Мэннеки застали в гостиной Дианы. Он сидел без пиджака, пил чай, смеялся, шутил и обнял ее на прощание. Это было абсолютно недопустимо. Сеттелену Диана рассказывала: «Мне было очень тяжело… Люди такие ревнивые… Ему пришлось уйти… Все открылось, и его уволили» [224]. Слухи дошли до руководителя охраны, Колина Тримминга, который работал с принцем Уэльским. Тримминг был ставленником принца и его любимцем. Если бы его спросили, в чем причина столь стремительного увольнения Мэннеки, он в качестве причины назвал бы «чрезмерную фамильярность». Мэннеки перевели на другое место, а через несколько месяцев уволили с королевской службы. Никто из сотрудников Дианы не верил, что он спал с принцессой. «Он был просто глуп… фамильярен и высокомерен».

Знал ли об этом Чарльз? Конечно, он знал о Мэннеки достаточно – иначе он не стал бы спустя два года рассказывать Диане о его смерти в автомобильной катастрофе. Чарльз поведал об этом, когда они ехали в лимузине в аэропорт Нортхолт, чтобы отправиться на Каннский кинофестиваль. Диана сочла, что Чарльз сознательно хотел причинить ей боль. Она думала о Мэннеки, даже общалась с ясновидящими, чтобы вступить с ним в контакт. Ей казалось, что «после смерти он стал очень, очень несчастлив». Диана узнала, где он похоронен (Мэннеки кремировали, а пепел развеяли), и носила туда цветы. О смерти Мэннеки вспомнили во время расследования гибели самой Дианы. Мэннеки считал, что ему угрожает опасность. «Он считал, если между ним и Дианой что-то произойдет, с ним случится нечто ужасное, и боялся этого» [225].

Диана тоже была сторонницей теории заговоров. Она просила Эндрю Мортона выяснить правду. Но все было очень просто и трагично: Мэннеки ехал на заднем сиденье мотоцикла вместе с приятелем, и в этот момент сбоку выехала машина, за рулем которой сидела неопытная женщина-водитель. Мэннеки сбросило с мотоцикла, он пробил головой стекло автомобиля и погиб на месте. Такой «инцидент» запланировать было невозможно.

Даже если Чарльз действительно знал о влюбленности Дианы в телохранителя, нет никаких оснований считать, что его это сильно беспокоило. В придворных кругах событие расценили как еще один пример «неумения себя вести», свойственного Диане.

В этот критический момент у Дианы появилась новая лучшая подруга – Ферджи, Сара Фергюсон, веселая, энергичная и громогласная дочь менеджера команды по поло Рональда Фергюсона. Ферджи решительно вторглась в жизнь Дианы. Мортону Диана рассказывала: «…Казалось, ей известно все о королевской жизни… и ее это не пугает. Каким-то образом ей удалось оказаться на передней скамье во время нашей свадьбы… Она приходила на обеды в Букингемском дворце и чувствовала себя совершенно свободно. Я не знала, как к этому относиться» [226].

В королевской жизни, по словам блестящего сатирика П. Г. Вудхауса, «ничто так не сближает, как родство». В противоположность распространенному заблуждению, у королевской семьи совсем немного друзей. Супругов они ищут в узком кругу знатных и богатых. Королеву с принцем Филиппом познакомил дядя, лорд Маунтбаттен. Диана была «девушкой с соседнего двора». Пропуском Ферджи в королевский круг стал ее отец – и поло. Впрочем, поло всегда сближало людей, доказательством чему могут служить подружки Чарльза, в том числе и Камилла Паркер-Боулз.

Ферджи и Диана познакомились на поле для гольфа – на воскресном турнире в Каудрей-парке. Ферджи, хотя и имела связи в высшем свете, не была рождена, как Диана, в аристократической среде. У семьи не было грандиозного особняка, лишь небольшая ферма Даммер-Даун в Хэмпшире. Как и Диана, Ферджи не блистала интеллектом. Ее родители тоже развелись, хотя гораздо позже и не так скандально, как родители Дианы. Ферджи получила более скромное воспитание, чем будущая принцесса. В этом отношении она была типичной представительницей сельского среднего класса. Сара училась в Королевском секретарском колледже в Южном Кенсингтоне (в этом же заведении училась и Камилла) и окончила его в 1977 году с блестящей характеристикой: «Яркая, энергичная девушка. Слегка небрежна. Обладает хорошей интуицией и сильным характером, что с возрастом сможет использовать в полной мере».

Сара Фергюсон жила на южном берегу Темзы, где снимала квартиру вместе с подружками – такими же представительницами безденежного среднего класса. На работу она ездила на северный берег. Сара перепробовала множество занятий, чтобы свести концы с концами, но состояние ее финансов всегда оставляло

желать лучшего. Последним местом ее работы стала галерея Ричарда Бартона. Она встречалась с автогонщиком Пэдди Макнелли, собиралась выйти за него замуж, но потом узнала, что он вовсе не собирается на ней жениться. Сара страшно переживала из-за того, что в день свадьбы Дианы ее не пригласили на свадебный завтрак. И все же она, по ее собственным словам, «была очень близка с Дианой и обедала с ней каждую неделю».

Диана ввела свою новую подругу в королевский круг. Рональд Фергюсон был менеджером команды поло у принца Чарльза. Его работа не позволяла дочери быть официально представленной тем, кто входил в узкий круг королевской семьи. «При дворе менеджера команды поло, разумеется, не считали джентльменом, – рассказывает свидетель событий. – Такое положение не приравнивалось к придворному». «Ферджи – хорошая девушка. Никакого зла в ней нет, а вот вульгарность чувствуется. Это не ее вина, просто она родилась и получила воспитание в такой семье. Все дело в среде. Она – обыкновенная девушка, у которой случился роман с начальником. Она хотела выйти за него замуж, хотя была старше его детей, но он ее оставил. Ферджи рыдала на плече у Дианы».

Когда Диана захотела сделать Сару своей фрейлиной, ей твердо заявили, что это «совершенно неприемлемо». «Диана была в ярости, – вспоминал один из ее приближенных. – По-моему, ей впервые отказали… Она говорила мне, что это придворные, „мужчины в серых костюмах“, а вовсе не королева, посмели отклонить ее просьбу. Я сказал: „Но ведь она действительно не подходит для этой работы…“ Однако Диана ко мне не прислушалась. Она решила, что настоит на своем. Диана с самого первого дня решила поженить Ферджи и Эндрю» [227]. Диана пригласила Ферджи на ужин в Кенсингтонском дворце, чтобы познакомить ее с принцем Эндрю. Они сразу нашли общий язык – оба вели себя более чем свободно и любили «идиотские шуточки».

Диана издавна симпатизировала Эндрю. Они выросли вместе, Диана искренне сочувствовала ему после неудачного романа с американкой Ку Старк. (Ку пользовалась огромной популярностью. Роман с Эндрю льстил ей, но газеты раскопали пикантные снимки из фильма Генри Герберта, где Ку снялась в откровенной лесбийской сцене в душе. Их роман закончился так же, как и все романы с «подружками» у Чарльза.)

Дружеская привязанность Эндрю привела к тому, что он пригласил Ферджи на новогодний прием в Сандрингем и признался ей в любви. В феврале Ферджи вернулась из Европы,

где каталась на лыжах с Чарльзом и Дианой. Эндрю сделал ей предложение во Флорс-Касл, резиденции герцога Роксбурга. 15 марта королева дала свое согласие, через четыре дня о помолвке было объявлено публично, и Ферджи навсегда покинула дом на Лавендер-Террас в Клэпеме. Журналисты и публика были в восторге от нового королевского романа. Все считали, что Ферджи – это «глоток свежего воздуха», столь необходимый королевской семье.

В автобиографии «Моя история» Ферджи называет себя лучшей подругой Дианы. Но это не совсем так. С помощью Дианы Ферджи проникла в королевский круг, и с этого момента девушки начали соперничать друг с другом за внимание королевы и общества. Все началось в феврале в Вербье. Диана плохо себя чувствовала и предпочла остаться в доме. А опытная лыжница Ферджи блистала на склонах и веселила всех своими проделками. По словам Ферджи, с этого времени Чарльз начал изводить Диану неприятными вопросами: «Почему ты не можешь быть такой, как Ферджи?» И все же в обществе Ферджи Диана могла развлекаться, радоваться жизни и быть счастливой.

В день свадьбы, 23 июля 1986 года, в газете The Times Ферджи назвали «рассудительной и привлекательной молодой девушкой» – весьма широкое определение. Да, она была привлекательной, но рассудительной – никогда, и доказательством тому стал мальчишник Эндрю. 16 июля, за неделю до свадьбы, Эндрю устраивал мальчишник для друзей, на котором присутствовали и знаменитости шоу-бизнеса, в том числе Элтон Джон и Дэвид Фрост. «Мне страшно хотелось туда пробраться», – пишет в мемуарах Ферджи, но дом был окружен высокими стенами, а охрана была неподкупна.

Тогда вместе с Дианой и несколькими подругами Ферджи устроила девичник. Решив развлечься, они надели седые парики, переоделись в полицейских и разыграли сцену ареста «проститутки» у ворот Букингемского дворца, после чего сели в полицейский автомобиль и поехали по Мэлл. Тут один из настоящих полицейских узнал Диану. «Боже мой, это же принцесса Уэльская!» – воскликнул он.

Веселая компания отправилась в модный ночной клуб «Аннабел» на Беркли-сквер, рассчитывая сделать Эндрю сюрприз, но оказалось, что он уже уехал. Перекрыв движение на Беркли-сквер, они сумели усыпить бдительность полицейского у ворот дворца и набросились на машину Эндрю, когда тот подъехал. Подумав, что он попал в засаду террористов, принц дал задний ход. «В этот момент, – вспоминает Ферджи, – я решила, что мы перегнули палку». Использование формы полицейских –

уголовное преступление, на что позже указали члены парламента.

«Принцесса была буквально без ума от Ферджи, – вспоминает один из ее приближенных. – А та… втягивала Диану в неприятности, а потом исчезала» [228]. Диане никогда и в голову бы не пришло переодеться в полицейских и ворваться в клуб «Аннабел». Столь же рискованный инцидент произошел в Аскоте в 1987 году, когда две светские дамы решили подложить кнопки своим друзьям. Дики Арбитер, пресс-секретарь королевы Елизаветы II, вспоминал, что тогда были сделаны фотографии – сколь экстравагантные, столь же и компрометирующие. «Принцесса всегда с завистью говорила, что друзья Ферджи гораздо интереснее и веселее, чем ее, – рассказывает один из слуг Дианы. – Но Диана через какое-то время перестала с ней общаться, и Ферджи с ума сходила от желания вернуться в ее круг» [229].

Появление жизнерадостной, веселой, спортивной Ферджи с гривой рыжих волос и рубенсовским обаянием сделало жизнь Дианы более сложной. На свадьбе Сары, которая, как всем было очевидно, оказалась свадьбой по любви, Чарльз и Диана не обменялись и словом. «ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ ФЕРДЖИ», – гласил заголовок одной газеты. «Первая леди Флит-стрит» Джин Рук была менее восторженна. Она назвала Сару «нечесаным рыжим сеттером, который изо всех сил пытается вылезти из мешка для картошки».

«Всегда казалось, что они близкие подруги, – вспоминает Арбитер, – но на самом деле близости не было. Диана всегда желала быть первой. Она чувствовала себя главной в секретариате принца и принцессы Уэльских и хотела занимать такое же место в отношениях со всеми родственниками». Впоследствии Диана признавала, что почти все задумки Ферджи ей самой приносили только вред. Мортону Диана признавалась: «Неожиданно все вокруг стали твердить: „Ну разве она не чудесна? Настоящий глоток свежего воздуха! Слава богу, с ней веселее, чем с Дианой“».

Диана не могла не обращать на это внимания. «Я чувствовала себя ужасно неуверенно, считала, что мне нужно быть похожей на Ферджи, да и муж твердил: „Посмотри на Ферджи. Она такая веселая. Почему ты вечно выглядишь несчастной? Почему ты не можешь быть как бабушка [королева-мать]?“ Я так старалась быть похожей на Ферджи! Ходила с Дэвидом Уотерхаусом и Дэвидом Линли [сыном принцессы Маргарет от лорда Сноудона] на поп-концерты – например на Дэвида Боуи… Я влезла в кожаные штаны, старалась забыть, что я – будущая королева, а будущие королевы не носят кожаных штанов на публике. И я всего боялась,

боялась вести себя как обычная девушка моего возраста, но в то лето в Аскоте я ткнула кого-то зонтиком в спину. Мой астролог Пенни Торнтон говорила: „Тебе придется заплатить за все, что ты сделаешь этим летом“. И я заплатила. Но и многому научилась» [230].

Именно Ферджи познакомила Диану с психотерапевтами, астрологами и целителями, которые подпитывали темную сторону ее натуры всю оставшуюся жизнь.

За два месяца до свадьбы Йорков Чарльз и Диана совершили официальную поездку в Канаду на выставку «Экспо-86», затем в Японию. В марте того же года Чарльз, который наблюдал счастье своего брата и его невесты и не мог не сравнивать их отношения с собственным мучительным браком, писал другу: «Мучительно сознавать, что не всем это удается… Я словно заперт в темном тупике и не вижу возможности вырваться… Это так несправедливо по отношению к ней…» [231]

В Ванкувере Диана, страдающая от пищевого расстройства, тянулась за утешением к мужу, но не получала сочувствия. Диане казалось, что муж убежден: она делает все, чтобы добиться симпатии и отвлечь внимание от него. Когда Чарльз говорил о «душе человечества», о «красоте и гармонии», которые кроются где-то в глубине, словно отражения в «зеркально-спокойном озере», британские журналисты желчно советовали ему посмотреть на свое отражение. Но когда Чарльз сказал: «… Красоту и гармонию часто разрушают непредвиденные бури», он явно имел в виду собственную личную жизнь [232].

И все же придворные четы Уэльсов видели, что супруги пока еще сохраняют хорошую мину при плохой игре. После поездки Диана написала теплое благодарственное письмо камердинеру, сопровождавшему их в Канаде и Японии: «Эти поездки были очень сложными, и ваш рабочий день начинался гораздо раньше нашего, а заканчивался намного позже. Из-за постоянной смены часовых поясов и длительных перелетов вы, наверное, были совершенно без сил. Ваша поддержка и выносливость многое значили для нас. Только такой человек, как вы, мог сохранять спокойствие и встречать нас улыбкой. Мы оба хотим, чтобы вы знали, как высоко мы ценим все, что вы сделали для нас в Канаде и Японии…»

Несмотря на все проблемы, Диана старалась «сохранять лицо», чего не скажешь о принце Чарльзе. Он постоянно жаловался друзьям и знакомым, что не оставляет сомнений в угасании его чувства. В ноябре он открыто обратился к друзьям за помощью: «Мне часто кажется, что я в клетке, я бьюсь, не в силах вырваться, и жажду свободы. Как ужасна наша несовместимость,

как разрушительны последствия поступков всех участников этой потрясающей драмы! Все это могло бы стать материалом для греческой трагедии… Боюсь, мне необходима ваша помощь, и стыжусь этого…» [233]

И помощь, конечно же, пришла. Друзья Чарльза встали на его сторону против «этой надоедливой девчонки», которая пыталась изгнать их из его жизни. Брэберны, Ромси, Палмер-Томкинсоны и Николас Соме вновь появились в жизни принца. Паркер-Боулзы очень своевременно переехали из Боулхайд-Мэнора в Мидлвич-хаус, то есть еще ближе к Хайгроуву. Даже официальный биограф не может отрицать, что Чарльз снова начал общаться с Камиллой по телефону и они стали встречаться в Хайгроуве. Эндрю Паркер-Боулз получил новое назначение и всю неделю проводил в Лондоне.

Возможно, как пишет Димблби, именно Камилла Паркер-Боулз помогла Чарльзу справиться с депрессией и ощущением безнадежности из-за постоянного преследования журналистов: «В Камилле Паркер-Боулз принц нашел теплоту, понимание и силу, которых он так жаждал, но не мог найти в другом человеке…» [234]К сожалению, возможно, что из-за возобновления старого романа принц стал относиться к Диане менее внимательно, чем раньше. Чувство вины еще больше отталкивало его от жены.

Диана, которая давно подозревала, что муж вернулся к любовнице (не физически, но душой и сердцем), получила окончательное подтверждение воссоединения Чарльза и Камиллы. Они с Чарльзом проводили лето во дворце Маривент на Мальорке по приглашению короля и королевы Испании. У Дианы появился новый телохранитель, детектив Кен Уорф. Она была одна. «„Все ушли, принц отправился рисовать, а я не хочу выходить, – сказала она. – Думаю, вы должны кое-что знать“. „Вы о чем?“ – спросил Уорф. „Вы же знаете о Камилле?“ „Я знал, – вспоминает Уорф, – потому что коллеги давно об этом говорили“, но ответил: „Понимаете, мадам, мне не хочется об этом говорить, это не мое дело“. А она сказала: „Может быть, и так, Кен, но у меня бывают перепады настроения, и вы должны понимать их причину. Это не связано с вами, все из-за нее… Я не знаю, как жить… Это не началось снова – это никогда не прекращалось. На свадьбе я думала, что она – его давний друг, и надеялась, что все кончится…“ Я спросил: „А вы говорили об этом с мужем?“ „Он меня не слушает, – ответила она. – Пустая трата времени…“» [235]

Диана в очередной раз обиделась, и Чарльз раньше времени улетел в Балморал – единственное место, где он чувствовал себя защищенным от прессы и ее капризов.

В том же году Диана в отместку завела роман с Джеймсом

Хьюиттом, с которым познакомилась летом. Отношения с Хьюиттом, по словам Уорфа, начались «в знак протеста против поведения Чарльза». К несчастью для Дианы, Чарльз узнал об этом (да и не мог не узнать, потому что полиция ничего не скрывала), но почувствовал глубокое облегчение, а вовсе не гнев.

Хьюитт родился в 1958 году в семье военных в Лондондерри, в Северной Ирландии. Он учился в Миллфилдской школе и Сандхёрсте, а затем поступил в службу телохранителей и дослужился до майора. Высокий, с густыми вьющимися рыжеватыми волосами и спортивной фигурой, Хьюитт обладал прекрасными манерами и мальчишеским обаянием, столь привлекательным для женщин. Он был воспитан и внимателен, прекрасно играл в поло и не раз был противником принца Чарльза, который выступал за военно-морской флот. Они играли в Тидворте в 1981 году, и там Хьюитт впервые увидел Диану. Позже он вспоминал, что Диана плакала, ей казалось, что Чарльз не любит ее так, как любит его она. Вновь Хьюитт увидел Диану в Букингемском дворце в день свадьбы Йорков, когда он нес службу. Диана сидела на лестнице, сбросив туфли и жизнерадостно общаясь с кем-то из персонала. Она оперлась подбородком о колено и перебирала пальцы на босой ноге. Хьюитт был глубоко тронут ее обаянием.

В придворный круг Хьюитта ввел сэр Мартин Гиллиат, личный секретарь королевы-матери – как-то раз он пригласил его к себе, – и вскоре Хьюитт и Диана встретились вновь. Его представили принцессе на вечеринке, устроенной фрейлиной Хейзел Уэст и ее мужем, подполковником Джорджем Уэстом, в их квартире в Сент-Джеймсском дворце. Приглашение к Уэстам Хьюитта удивило: это была приватная вечеринка. Когда его спросили, не было ли это инициативой Дианы, он ответил: «Хейзел намекала на это. Я был совсем немного знаком с Хейзел и Джорджем, и они никогда не пригласили бы меня просто так» [236].

В разговоре с Уэстом Диана призналась, что боится лошадей после падения в детстве. Ей хотелось преодолеть свой страх и снова начать ездить верхом. В обязанности Хьюитта, как ей было известно, входил и надзор за конюшнями. Через несколько дней она ему позвонила и начала заниматься верховой ездой в казармах Найтсбридж, неподалеку от Кенсингтонского дворца. Диану сопровождала ее фрейлина, Хейзел Уэст. Она была единственной из фрейлин, которая могла ездить верхом. Кроме того, между ней и принцессой сложились дружеские отношения.

Позже Диана говорила Хьюитту, что придумала эти уроки, чтобы видеться с ним. Между ними с самого начала вспыхнула

настоящая страсть. Когда Хьюитта спрашивали об отношениях с Дианой, он отвечал: «Я не понимал, что во мне привлекательного, но теперь ясно, что она увлеклась мной. У нее был очень напряженный график, но она его изменила, чтобы видеться со мной. Она по-прежнему боялась лошадей и не получала удовольствия от верховой езды» [237].

Хьюитт был вполне во вкусе Дианы – она питала слабость к мужчинам в форме. Он не был интеллектуалом, и с ним она чувствовала себя вполне свободно. Анна Пастернак, которая написала биографию Хьюитта, говорила, что он «умел уважать и ценить женщин…» Первый роман у него завязался с женщиной на восемь лет старше, которая училась в школе верховой езды, принадлежавшей его матери. Хьюитт был опытным любовником, и Диана это чувствовала. Чарльз ее сексуально не удовлетворял, и она понимала, что мягкий, нежный Хьюитт – именно тот, кто ей нужен. Роман был рискованным. Они встречались в Кенсингтонском дворце, в Хайгроуве и в доме матери Хьюитта в Девоне.

В сексуальном отношении Диана была очень неопытной. Она признавалась Хьюитту, что до брака у нее были увлечения, но, по его словам, «она была куда более наивной», чем ее ровесницы. В ее отношениях с Чарльзом не было страсти – его избаловали опытные зрелые женщины вроде Кенги Трайон. Кроме того, он был давно влюблен в Камиллу Паркер-Боулз. После разговоров с Дианой Хьюитт понял, что «Чарльз обожал Камиллу и хотел спать только с ней… Ему явно не хотелось ложиться в постель с Дианой, а она нуждалась в этом. Знаете, влюбленность проходит, человек больше не нравится, вам становится скучно. Думаю, он начал отвергать ее». Диана даже признавалась Хьюитту – и другим своим друзьям, – что Чарльз как-то говорил о том, что он может быть геем. «Так он оправдывал себя перед ней».

Роман с супругой наследника престола осложнил отношения Хьюитта со старшими офицерами, но его трудно винить в этом. «Она была невероятно обаятельна, естественна, свежа и жизнерадостна и очень красива, – вспоминал он. – Между нами вспыхнула страсть – как ни печально это признавать!» [238]

Поначалу Диана пыталась скрыть свое отчаяние. «Получалось у нее очень хорошо, но постепенно я стал для нее плечом, на котором можно выплакаться. Диана привыкла делиться со мной своими тревогами и страхами. Она чувствовала себя ненужной, и это ее страшно мучило. Она старалась изображать счастье, таила в душе страдание, но временами оно вырывалось наружу… Мы разговаривали, и ей становилось легче» [239].

Тогда же зашел разговор о булимии. Хьюитт никогда об этом

не слышал. Когда Диана призналась в своей болезни, он испытал отвращение. «Но я был готов обсуждать ее проблемы, – вспоминал он. – Она сказала: „Когда я с тобой, болезнь отступает“, объяснила мне причины заболевания, и я смог с этим смириться. Но для меня было настоящим шоком, что в моменты отчаяния ее тянет к холодильнику, она наедается до отвала, потом начинается рвота, и все повторяется сначала…»

Пока Диана была с Хьюиттом, приступов не случалось. «Я проводил вместе с ней сутки, а то и двое, и обязательно заметил бы. Но в остальное время это случалось снова – в Кенсингтонском дворце и в других местах. Ужасно! Поставьте себя на ее место… Попробуйте ощутить… Она худела, кожа обвисала…» [240]Когда булимия отступала, состояние заметно улучшалось, нормализовалось дыхание…

Хотя о романе Дианы стало известно, никто не попытался его прекратить. Чарльз и Диана к тому времени достигли соглашения: они стараются пореже видеться и не причинять друг другу неудобств. Диана «рассказывала, что каждую неделю они сверяют свои графики, чтобы она знала его дела, а он – ее» [241]. По словам Хьюитта, на физической близости настояла Диана. «Это может показаться странным, – писал он, – но у меня не было выбора».

Диана была очень слаба эмоционально и физически. Ее мучила булимия, она была страшно худой. «Поведение мужа глубоко оскорбляло ее, – вспоминал Хьюитт. – Так это было или нет, но она считала себя абсолютно одинокой во враждебном мире» [242]. Во дворце помочь ей могла только королева. «Ситуация настолько ухудшилась, что она набралась храбрости и попросила аудиенции у королевы, чтобы все ей объяснить. Диана рассказывала, что королева реагировала с теплотой и дружеским участием и пообещала облегчить положение принцессы. (И действительно пресс-служба дворца обратилась к редакторам газет с просьбой ослабить нажим на Диану.) Но когда речь зашла о браке с Чарльзом, королева сказала, что ничего не может сделать. Вмешиваться в личную жизнь она считала неправильным» [243]. Позже Диана говорила, что королева ответила ей: «Не знаю, что вам делать. Чарльз безнадежен» [244].

Семейные проблемы пагубно сказывались на самооценке Дианы. С Хьюиттом она была счастлива. «Она приезжала и оставалась [в доме матери Хьюитта в Девоне]. Смеялась, улыбалась, была счастлива. В воскресенье вечером, когда наступало время уезжать, Диана мрачнела, но все остальное время в ее жизни были только смех, веселье и радость», – вспоминал Хьюитт [245]. С лета 1986 года до отъезда Хьюитта в

Германию Диана была вполне здорова и счастлива. «Он подходил ей, – говорил один из помощников Дианы, работавший с ней в то время. – С ним она была счастлива» [246].

10. Умирающий брак

Что еще могут сделать со мной газеты?

Диана о преследовании журналистов, 1987

«В 1987 году Кенсингтонский дворец стал свидетелем умирания брака. Стены его услышали немало горьких слов», – пишет в мемуарах новый секретарь Дианы, Патрик Джефсон. Он сменил на этом посту Ричарда Эйларда, который перешел на работу к Чарльзу. С этого времени секретариат Дианы – «Команда „А“» – располагался в Сент-Джеймсском дворце. Сотрудники поддерживали дружеские отношения с секретариатом Чарльза, который той весной тоже переехал из Букингемского дворца. Теперь работали сразу в трех дворцах – Букингемском, Сент-Джеймсском и Кенсингтонском. Переезд секретариата Чарльза стал знаковым событием: принц решил продемонстрировать матери и ее придворным свою независимость. Этот шаг еще более усложнил и отношения между супругами.

Джефсон сразу понял, что брак принца переживает трудные времена. Главная задача приближенных заключалась в том, чтобы скрывать семейные разногласия от публики – во имя блага монархии и юных принцев. Самыми опасными, с точки зрения помощников, были совместные зарубежные поездки супругов – в это время британские и иностранные журналисты пристально изучали состояние королевского брака.

Диана заказала фотографу Теренсу Доновану свой портрет. На нем мы видим новую, решительную принцессу: короткая стрижка, блестящие волосы, вечернее платье с глубоким декольте… Но выражение лица Дианы печальное и настороженное. Фотография была сделана во время первой совместной поездки нового года – в феврале 1987 года Чарльз и Диана отправились в Португалию, где отмечалось шестисотлетие брака дочери Джона Гонта, Филиппы Ланкастер, с королем Португалии Жуаном I.

Пресса сразу же обратила внимание на то, что супруги поселились в разных спальнях великолепного дворца Келуш XVIII века близ Лиссабона. Основная задача визита заключалась в активизации англо-португальской торговли, но прессе до этого не было дела. Диана пребывала в игривом настроении. Она явно хотела выйти на передний план и позлить принца Чарльза,

откровенно флиртовала с президентом Португалии. «Вам не холодно?» – спросил президент Суареш, глядя на ее открытое вечернее платье. «Нет, но если я замерзну, надеюсь, вы предложите мне свой пиджак?» – с улыбкой ответила Диана. Когда они сидели рядом, Диана заметила белые подтяжки под смокингом президента. Она протянула руку и потянула за помочи: «Вы же социалист, не следует ли вам носить красные подтяжки?» На другой вечер президент и гости были на балете. «Какого цвета ваши подтяжки сегодня?» – улыбнулась Диана. Суареш распахнул пиджак… Во время визита стояла пасмурная, хмурая погода, и настроение принца было под стать.

Флиртуя на людях, Диана пыталась поддразнить Чарльза. Это было ее последнее оружие, которым она могла воспользоваться, не рискуя прилюдно навлечь на себя гнев принца. Многие говорят о том, что она боялась Чарльза. Среди них и Джефсон: «Я понял, что Диана испытывает к принцу не только любовь и привязанность, но еще и страх. Да, у нее тоже бывали вспышки гнева, но чаще всего она старалась без нужды его не провоцировать. Когда он злился на нее, на лице Дианы я часто замечал страх – она будто снова становилась маленькой девочкой, которую сурово отчитывают взрослые…» [247]

Во время отдыха в Клостерсе Диана вместе с Ферджи дурачилась перед фотографами. Журналисты щелкали затворами, а братья-принцы, по словам одного из репортеров, «явно были недовольны». Принц Чарльз поспешил увести Диану. Даже в Daily Mail поведение Дианы назвали «недостойным». Без Чарльза Диана наслаждалась обществом молодых людей, с большинством из которых она была знакома через Ферджи. Среди них были Филипп Данн и Дэвид Уотерхаус. В Лондоне Уотерхаус стал партнером Дианы по бриджу (Чарльз не играл в эту игру).

Постепенно Диана заменяла старых школьных друзей людьми более изысканными. Ее подругами стали Джулия Сэмюэл, Кэтрин Соме (в то время она еще была замужем за Николасом Сомсом, они развелись в 1990 году) и Кейт Мензес. Диана заполняла свою жизнь людьми, которые были ей по душе. Когда Хьюитта спросили, скрывала ли Диана его существование от подруг, он ответил: «Они наверняка все знали, однажды мы были все вместе в опере… Впрочем, она старалась держать меня подальше от них» [248].

Хьюитт не принадлежал к лондонскому кругу Дианы, хотя постоянно присутствовал в ее жизни: они вместе проводили выходные в Девоне с его семьей. Диану сопровождал Кен Уорф. В Хайгроуве спутниками Дианы были ее преданная подруга Кэролайн Бартоломью и ее муж Уильям. Диана уже точно знала,

что в Хайгроуве Чарльза навещает Камилла, которая даже играет роль хозяйки дома. По словам Хьюитта, эта сторона новой жизни пугала ее больше всего – Диана была в ужасе от того, что Камилла «становится хозяйкой дома, когда ее там нет».

То, что Чарльз и в личном, и в сексуальном плане отдает предпочтение Камилле, было очевидно. И Диана неизбежно бросалась за утешением и любовью к другим мужчинам. Она была очень осторожна, завязывала дружбу только с представителями собственного класса. Эти мужчины, по словам Кена Уорфа, «всегда были красивыми, хорошо образованными и из аристократических семейств… Они неплохо играли в бридж, ходили с ней в кино, приглашали на ужины в самые модные рестораны, умели часами вести светские беседы ни о чем – это была их профессия. Они знали, как доставить удовольствие принцессе – рискованно шутили и играли во взрослые игры» [249].

Диана флиртовала с Филиппом Данном, которого за сходство с Кларком Кентом прозвали Суперменом, и Дэвидом Уотерхаусом. Пронырливый репортер Джейсон Фрейзер расположился напротив дома Кейт Мензес в Южном Кенсингтоне, который Диана считала «безопасным». Принцесса провела там вечер в обществе Уотерхауса. Репортеру удалось сфотографировать Диану в дверях. (Кен Уорф схватил репортера за шиворот и заставил засветить пленку.)

Димблби называет Уотерхауса «частым гостем в Кенсингтонском дворце». Он приходил с собакой и проводил там долгие часы, что доказывает, что он был ближе всех к Диане из ее друзей-мужчин. Вместе с Джулией Сэмюэл, Кэтрин Соме и Кейт Мензес они стали новым кругом Дианы, с ними она получила возможность вести более свободную жизнь. А для секса, романтики и обожания у нее был Хьюитт. Его присутствие и бескорыстная поддержка играли важную роль в повышении самооценки Дианы.

А тем временем Ферджи и Диана перестали быть близкими подругами. Теперь Диане уже не нравилось, когда американские журналисты называли Ферджи ее соперницей – не только в борьбе за симпатии королевской семьи, но и в мире моды. Летом в журнале Vanity Fair написали, что Ферджи похудела на двадцать восемь фунтов и заказала двадцать восемь костюмов у Ива Сен-Лорана, затмив Диану, которая хранила верность британским модельерам. На скачках в Аскоте журналисты выбрали Сару «победительницей в модном конкурсе». 19 июля фотография Ферджи появилась на обложке Sunday Times Magazine с заголовком: «ПРЕВЗОШЛА САМУ ДИАНУ». Автор статьи сравнивал двух женщин, явно отдавая предпочтение Саре. Диану

журналист называл «Красавица и Долг», тогда как Саре достался титул «Свобода и Веселье».

В том году газеты пестрели статьями о «потрясающей Ферджи»: Ферджи учится летать и позирует с двадцатью тремя миниатюрными макетами самолетов, приколотыми к прическе; Ферджи откровенно веселится в вечерней телевизионной программе. Чарльз категорически запретил Диане принимать участие в этом недостойном деле.

Во время визита в Португалию Диана явственно почувствовала, что журналистам более интересна Ферджи, чем она. В июле Сара вместе с Эндрю отправилась в Канаду, где имела шумный успех – особенно когда сфотографировалась в шляпе Дэви Крокетта и проплыла на каноэ. Не так давно журналисты критиковали Диану за походы на дискотеки, поп-концерты и танцы с Филиппом Данном на свадьбе в Вустере. Им не нравились ее спутники – владелец ночного клуба Питер Стрингфеллоу, поп-звезды Элтон Джон и Бой Джордж. Диану осуждали за то, что она предпочитает развлечения серьезным ужинам в обществе друзей и наставников своего мужа.

Печально, что Ферджи пользовалась большей популярностью и в королевской семье, главным образом у королевы. «Королева любила Ферджи, – вспоминает один из придворных. – Она принимала участие во всех затеях. Ферджи могла надеть ярко-розовые брюки, но королеве все равно нравилась» [250]. Ферджи прекрасно вписалась в семью, где обожали отдых на природе. В отличие от Дианы, она прекрасно ездила верхом и любила лошадей. Она училась управлять экипажем – принц Филипп это просто обожал, поскольку больше играть в поло не мог.

В Букингемском дворце, когда Эндрю пять ночей в неделю проводил на службе, королева приглашала Ферджи к ужину. Слуги любили и уважали Диану, а Ферджи их шокировала своим абсолютно некоролевским поведением. Она могла напиться в пабе за королевским дворцом или устроить вечеринку с лакеями, на которой она сама и ее отец обменивались весьма рискованными подарками. На официальных ужинах могла вести себя неподобающим образом. Когда крестная говорила, что ей нужно вести себя при дворе поприличнее, она пожимала плечами и отвечала: «Я просто буду самой собой». К несчастью для Сары и королевской семьи, так оно и было. Сара слишком часто совершала необдуманные поступки.

«Я страшно ревновала, а она ревновала ко мне, – признавалась Диана. – …Ей действительно нравилось жить в этих местах [Балморале и Сандрингеме], мне же приходилось там бороться за выживание. Я не могла понять, почему ей все дается

так легко, думала, что она станет такой, как я – опустит голову и будет вести себя скромно. Но получилось совершенно по-другому. Сара очаровала всех в той семье и сделала это блестяще. Она буквально втоптала меня в грязь… В Шотландии она делала все, чего не могла я. Я думала: „Так не может долго продолжаться! У нее когда-нибудь должны кончиться силы“. А на меня все смотрели и твердили: „Бедная Диана! Она такая тихая, вечно… пытается разобраться в себе, прирожденный интроверт“» [251].

Чарльз окончательно отдалился от Дианы, и ей становилось все труднее выдерживать его присутствие. Он всегда был одиночкой, теперь же искал в одиночестве избавления от семейной дисгармонии. В марте он на четыре дня уехал в пустыню Калахари вместе с Лоуренсом ван дер Постом. Затем три дня вел жизнь отшельника на Внешних Гебридах, заслужив жестокие нападки репортеров: «Опять один – странные поиски внутреннего удовлетворения».

Особое внимание королевский брак привлек к себе в октябре, когда журналисты делали ставки – сколько дней супруги проведут врозь. После совместной поездки на Мальорку Чарльз отправился в Италию, чтобы заняться живописью, а Диана вернулась в Англию. Все заметили, что шестую годовщину свадьбы супруги провели врозь – он был в Корнуолле, она – в Тидворте. После обычного посещения Балморала супруги соединились в Лондоне. 16 сентября они провожали Гарри в его первую школу. После этого Чарльз вернулся в Шотландию – супругов не видели вместе до 21 октября, когда они совершили краткую (шестичасовую) поездку в Уэльс, чтобы поддержать жертв наводнения в районе Кармартен. Принц и принцесса не обменялись и словом. Чарльз сразу же улетел в Шотландию, предоставив Диане возвращаться домой в одиночестве.

Для тех, кто был знаком с привычками принца, в его любви к тишине и покою Беркхолла не было ничего удивительного. Он привык к такому образу жизни и не собирался менять свои привычки, чтобы водить сына в школу или удовлетворять требования жены. «Принц всегда проводил это время года в Шотландии и не понимал, почему ему нужно отказаться от этой привычки, – говорит его помощник. – Когда Диана потребовала, чтобы они вернулись в Лондон, потому что начинается учебный год, Чарльз спросил, почему бы им не сходить в местную школу» [252].

В январе 1987 года обожаемая няня Уильяма, Барбара Варне, которая была рядом с ним четыре с половиной года, ушла «по взаимному согласию». Многие считали, что Диана ревнует сына к Барбаре. Последней каплей стало то, что бывшие работодатели

Барбары, лорд и леди Гленконнер, пригласили ее на Мюстик (один из Гренадинских островов). Диана не возражала, но по возвращении няню ожидал холодный прием. Ходили слухи, что Диана считала, что няня «не должна ездить в такие места к таким людям» – другими словами, должна знать свое место. Барбара удивилась: «Что я сделала не так?» – не получила ответа и ушла. Выносить напряженную атмосферу было более невозможно. Уильям сохранил теплые воспоминания о няне. Он приглашал ее на свое восемнадцатилетие и на праздник в честь двадцать первого дня рождения.

Контраст между Чарльзом, который отдыхал и писал картины на берегу реки Ди, и Дианой, которая возила ребенка в школу, слишком бросался в глаза, потому газеты захлестнула волна враждебности и жестокости, какой не было раньше: «33 дня врозь», «Чарльз и Диана не разговаривают», «Займись починкой своего брака, Ди». Говорили, что Чарльза видели с Кенгой Трайон (выяснилось, что этот слух пустил пресловутый «шакал» Флит-стрит Рокки Райан).

Медовый месяц с прессой закончился. Sun пришла в ярость, когда стало известно о словах Дианы: «Что еще газеты могут со мной сделать?» – и обрушилась на свою бывшую любимицу: «Sun может ответить ее восхитительности одним словом – ВСЁ! Газеты сделали ее одной из самых знаменитых женщин мира. Газеты окружили ее аурой блеска и романтики. Без них все семейство Виндзоров скоро станет скучным и никому не нужным, как семьи правителей Дании или Швеции. А когда это произойдет, люди начнут спрашивать, а зачем им вообще члены королевской семьи? В том числе и очаровательная принцесса Ди».

Слухи заставили репортеров выслеживать Чарльза в его убежище. По его словам, журналисты «запустили в газетах настоящий ураган лицемерия, цензуры… Целые караваны пронырливых фотографов и репортеров шныряли вокруг Балморала и выслеживали меня на озере Лох-Мьюик…» [253]В том же письме Чарльз даже сочувствует Диане, за которой в Лондоне гоняются папарацци на мотоциклах.

Известный психолог считает, что популярная пресса страдала от двойного заблуждения. Во-первых, журналисты считали себя создателями королевской пары и не могли смириться с тем, что их творение начинает вести себя незапланированным и непредвиденным образом. Во-вторых, им казалось, что стоит лишь пожелать, и они смогут уничтожить свое порождение. «Казалось, что сделать это очень легко», – замечал психолог.

В статье «Странный поворот сказочного сюжета» Алан Русбриджер писал о том, как репортеры подначивают людей

задавать королевской чете неприятные вопросы во время их поездок. Семейные проблемы принца Уэльского стали предметом обсуждения на американском и британском телевидении, но широкая публика продолжала надеяться, что все разногласия преодолимы, и не хотела верить слухам. В Букингемском дворце знали правду, но предпочитали скрывать ее как можно дольше.

Брак Дианы рушился, и она искала утешения в благотворительности. Особенно привлекали ее фонды, которые поддерживали детей, пожилых и страдающих людей. Она всегда умела находить общий язык с этими людьми. Особенно успешно Диана работала в детском благотворительном фонде «Барнардос», президентом которого стала в 1984 году. Кроме того, она работала с фондами помощи жертвам СПИДа и «Помощь пожилым людям».

«Диана великолепно умела общаться со всеми, – вспоминал один из членов попечительского совета фонда „Барнардос“ в 1988 году. – Она несла счастье… Ее магия была ощутима почти физически… Я никогда прежде не видел ничего подобного… Когда она набралась опыта, мы решили провести в Бирмингеме большую конференцию – слет всех волонтеров нашего фонда – тетушек в цветных платьях, которые работали в магазинах и собирали деньги. Это было важное событие… Люди не пошли обедать, потому что она приехала днем, вставали на стулья и тянулись, чтобы прикоснуться хотя бы к подолу ее платья. …К этому времени Диана уже набралась опыта, но атмосфера была настолько удивительной, что она, пораженная, не сдержала чувств и воскликнула: „Боже мой!“ После заседания она разговаривала с людьми. Я был рядом и видел их реакцию… У тех, к кому она подходила, буквально колени подкашивались… Они слабели и цеплялись друг за друга… Это какая-то магия… настоящее чудо. Все, с кем она встречалась, сразу же подпадали под ее обаяние – и мужчины, и женщины… Она действовала абсолютно на всех – и на простых людей, и на тех, кто занимал высокое положение».

Диана была одинаково привлекательна и для подростков-бунтарей, и для голливудских звезд. «Общаясь с детьми, она не сюсюкала, как многие, а приседала, чтобы их лица находились на одном уровне… Они спрашивали: „Ты – настоящая принцесса?“ Не хуже она общалась с подростками с безумными ирокезами на головах – блестяще справлялась и с этой задачей. Мы проводили конференцию, посвященную СПИДу. Она выступила с прекрасной речью, а потом пошла общаться с присутствующими. Мрачные, дерзкие подростки сидели на полу и даже не пошевелились, когда она приблизилась. Она посмотрела на них и спросила: „Вам

удобно?“ Это было именно то, что нужно. Они почувствовали себя полными идиотами, но в то же время Диана их не унизила».

На конференции «Барнардос» был организован обед для детей, проявивших особую смелость или добившихся выдающихся достижений. Сильвестр Сталлоне завалил руководство фонда просьбами о том, чтобы на обеде его посадили рядом с принцессой. «В конце концов ему пришлось сидеть поодаль: между Дианой и Сталлоне сидел ребенок, очень больной ребенок. Диана вела себя так, что малыш ни на минуту не чувствовал себя одиноким и смущенным. Она успевала и флиртовала со Сталлоне, и разговаривать с больным мальчиком. Помню, как она сказала Сильвестру: „Мы с Трейси хотим спросить, а сейчас вы женаты?“ Это было так весело! В какой-то момент Сильвестр Сталлоне поднялся и хотел уйти, а Диана с улыбкой спросила: „Получили лучшее предложение?“»

«Лишь после ее смерти я понял, какой след общение с ней оставило в жизни людей, которые сталкивались с очень серьезными трудностями. Она беседовала с ними, писала письма, переживала за них. Я этого не знал. Подобные отношения с людьми много значили для нее в жизни, давали ей возможность чувствовать себя хорошим человеком, а она всегда этого хотела. А когда после наших мероприятий она садилась в машину, лицо ее сразу блекло. Было ясно, что счастье кончилось. Это сразу чувствовалось… Ей предстояло вернуться в Кенсингтонский дворец, где с ней никто не разговаривал, не спрашивал, хорошо ли она провела день…» [254]

В большинстве благотворительных организаций заметили перемены, произошедшие в Диане. Из застенчивой юной девушки она превратилась в уверенную в себе молодую женщину, которая преодолела страх перед публичными выступлениями и могла защищать самые радикальные идеи. Они видели, как умело она устанавливает контакт с любой публикой – это раздражало правящие круги и в некоторой степени средства массовой информации. Диана была единственным членом королевской семьи, который умел достигать полного взаимопонимания с людьми, о котором современной монархии приходится только мечтать. Сегодня недостаточно всего лишь помахать рукой и улыбнуться. Люди хотят чувствовать, что кто-то действительно думает о них.

Несмотря на все личные проблемы, Диана в представлении людей по-прежнему оставалась «заботливой Ди». Кульминацией ее благотворительной деятельности стало открытие первого британского отделения по лечению СПИДа. Руководитель отделения, профессор Майк Адлер, обратился в Букингемский

дворец с просьбой о том, чтобы на открытие отделения приехал член королевской семьи. Конечно, лучше всего, если бы это был принц Чарльз. В то время СПИД считался «чумой гомосексуалистов». Во дворце опасались нежелательных коннотаций и предпочли послать на мероприятие Диану, а не наследника престола.

«В тот день она очень нервничала, – вспоминает помощник принцессы. – Мы все нервничали. Целую неделю нас осаждали журналисты и сотрудники дворца. Но как только она встретилась с пациентами, то сразу же расслабилась. Помните ту знаменитую фотографию, где она пожимает руку человеку, больному СПИДом? Она облетела весь мир. Ее поступок имел колоссальное значение» [255].

Основатель Национального фонда борьбы со СПИДом баронесса Джей вспоминает: «Все обратили внимание на то, что она не надела перчаток! Это заметили все, и журналисты сообщили об этом во всех своих статьях. В тот момент мы поняли, какое огромное влияние она оказывает на настроения общества – а ведь тогда она еще не обрела полной силы…» [256]

«На следующий день фотографии были во всех газетах, – вспоминает фотограф Артур Эдварде. – Диана с больными СПИДом. Она болтала с ними, шутила, улыбалась… Она подняла им настроение. Эта женщина обладала уникальной магией. Люди с удивлением узнали, что эта болезнь не распространяется, как чума, что общение с больными вполне безопасно. Она пошла против правил Букингемского дворца. Я уверен, что она одним своим поступком изменила отношение общества к СПИДу» [257].

«Консервативно настроенные придворные осудили ее смелость, – вспоминает Дики Арбитер, бывший пресс-секретарь королевы, а также принца и принцессы Уэльских. – Они считали, что члену королевской семьи не следует вести себя подобным образом» [258]. Спустя год (26 января 1988 года) на публичном выступлении принцесса Анна говорила о вине самого больного с синдромом приобретенного иммунодефицита. В этом и заключалась разница между Дианой и британским высшим светом. Она всегда сочувствовала слабым, пожилым, больным. Страдания людей находили отклик в ее душе, потому что она сама ощущала себя отверженной и неоцененной. После появления фотографии, на которой она пожимает руку больному СПИДом, люди начали интересоваться тем, что Диана делает, а не во что одета.

Главным вкладом Дианы в дело борьбы со СПИДом стал ее визит в Больничный центр Гарлема в феврале 1989 года в Нью-Йорке. Она встретилась с руководителем педиатрического

отделения. Визит Дианы заставил и американское общество проявить сочувствие к больным СПИДом.

«В общении с детьми Диана была настоящей волшебницей… Она сфотографировалась с больным ребенком на руках – значимость ее поступка я осознал лишь позже. Конечно же, этот снимок облетел весь мир… И случилось чудо! Нам начали звонить люди, которые не знали, что дети тоже болеют СПИДом, пока принцесса Диана не посетила Гарлемскую больницу… Многие выражали готовность усыновить детей со СПИДом… И я точно знаю, что это чудо совершила именно Диана» [259].

Враги принцессы считали, что она фотографируется с больными детьми только ради саморекламы. В ее защиту выступил фотограф Тим Грэм: «Она отлично понимала силу фотографий, но она не работала на камеру. Фотографы находились рядом с ней минуты две, а потом мы уходили, но я знаю, что она оставалась и разговаривала с другими пациентами…» [260]

Подруга принцессы Маргерит Литтман говорит: «Диана была человеком, которым восхищались, – это еще слабо сказано! Она сочувствовала больным СПИДом и старалась помочь им. Ей не нужна была реклама – она же не была кинозвездой… Никто не заставлял ее это делать. Поэтому мне кажется, что она поступала так только из сострадания…» [261]

Более того, Диана поддерживала контакт с некоторыми детьми и позже. Один такой ребенок, Шамир, печально «прославился» в отделении СПИДа своей нецензурной лексикой. «Шамир выскочил из палаты, бросился к принцессе Диане, забрался к ней на колени и что-то зашептал на ухо… Мы не расслышали, что он говорил, но она рассмеялась, усадила его рядом, и они стали болтать. Его усыновила семья из Бруклина. Диана несколько раз писала ему, но потом он умер» [262].

Люди начали видеть в Диане не только манекенщицу, демонстрирующую модные наряды. Да и сама Диана уже ощутила собственную силу, поэтому смогла выступать в поддержку начинаний, в которые верила. Принц Чарльз отверг ее ради более зрелой и значительно менее привлекательной женщины, и это унижало Диану. Теперь же она обрела новые силы.

«Когда ее брак дал трещину, она преобразилась в совершенно великолепную женщину, – говорил Виктор Эделстайн. – Занялась бегом… каждый день проплывала огромные расстояния в дворцовом бассейне, играла в теннис в модном клубе „Вандербильт“ в Шепердс-Буш. В июле она с партнером играла против пары, в составе которой была сама Штефи Граф» [263].

Тим Грэм опубликовал большой сборник фотографий Дианы,

сделанных за последние восемь лет. Сравните скромницу 80-го с уверенно улыбающейся принцессой 1988 года. «Принцесса Диана могла сделать значительным даже элементарное усаживание ребенка на заднее сиденье автомобиля, – писал фотограф. – Она делает это невероятно обаятельно. Восемь лет назад, когда я впервые ее фотографировал, такого не было. Тогда она просто смотрела на носки собственных туфель, лишь изредка поднимая глаза. Теперь же она уверенно смотрит на мир и, как только открывается дверца машины, выходит из нее с сияющей улыбкой».

Диану восторженно приветствовали на стадионе Уэмбли, когда она вручала кубок победителям. В костюме цвета хаки и розовых кроссовках она присутствовала на учениях полка королевских гусар. Она стреляла из семидесятишестимиллиметрового орудия и управляла бронеавтомобилем, а потом обедала в поле вместе с солдатами, за обе щеки уплетая стейк и пирог с почками.

Тем временем Чарльз с увлечением предавался своему хобби. Он превратился в убежденного защитника окружающей среды и создал себе круг единомышленников. В числе его друзей были Джонатан Порритт и новый помощник, Ричард Айлард, который некогда был конюшим Дианы. Айлард изучал зоологию в университете, но оставил академическую карьеру ради военно-морского флота.

К несчастью для принца, он во многом опередил свое время. Его начинания не встречали поддержки ни у министров правительства, которые всеми силами старались сохранить рабочие места в горнодобывающей промышленности, ни у глобальных корпораций, которым не хотелось терять прибыли. Миссис Тэтчер была в ярости из-за интереса принца к малым городам. А его высказывание в духе Дизраэли о том, что Британия поделена на имущих и неимущих, вообще вывело ее из себя.

Столкнувшись с нежеланием министров поддержать его инициативы, Чарльз решил действовать самостоятельно. В декабре 1987 года он выступил в Мэншн-хаус с речью, в которой обвинил застройщиков и их консультантов в том, что они нанесли британским городам вреда больше, чем люфтваффе. Особое внимание он уделил реконструкции площади Патерностер возле собора Святого Павла. Он сравнил тщательную работу по реконструкции европейских городов с «изнасилованием Британии», которое происходит в Бристоле, Бирмингеме, Ньюкасле и других городах. Выступая перед аудиторией, которая преимущественно состояла из архитекторов и планировщиков, принц сказал: «За последние пятнадцать лет, несмотря на

принятие строгих правил, призванных защитить великолепный вид на собор Святого Павла, ваши предшественники, которые реконструировали Сити, разрушили ландшафт Лондона и осквернили купол собора… Можете ли вы представить, чтобы французские архитекторы решили возвести подобные башни вокруг собора Парижской Богоматери? Или чтобы итальянцы обнесли стенами собор Святого Марка в Венеции?»

Газета Sunday Times с похвалой отозвалась о серьезности принца и его стремлении участвовать в жизни страны. Ведь принц был практически исключен из общественной жизни, пока мать его находилась на троне, то есть всю свою жизнь, а церемониальная роль, которая была ему отведена, не доставляла ему удовольствия. Он выполнял свои обязанности с достоинством, но в глубине души смертельно скучал.

По дневнику принца и его письмам складывается образ замкнутого, преисполненного жалости к себе и обиженного на весь свет человека. Врожденный пессимизм не позволял ему наслаждаться жизнью. Даже рождение сыновей не стало для него праздником. Навестив Диану с принцем Гарри в больнице, он записал в дневнике: «Я смотрел на него и думал: „Бедный малыш! Что я наделал? Зачем я привел несчастное дитя в этот мир?“» [264]

Но озабоченность принца Чарльза защитой окружающей среды не заставило его отказаться от других своих увлечений – дорогих автомобилей. «Как-то раз в Хайгроув доставили новенький, блестящий темно-зеленый „бентли“ с серебристой полосой на боку. Чарльз вышел из дома, чтобы осмотреть машину: „М-м… Цвета должны быть моими… Увезите!“» За десять тысяч фунтов принцу доставили именно такую машину, как он пожелал.

Однажды после охоты принц с телохранителем возвращался домой. После сильного дождя на проселочной дороге образовалась огромная лужа. На другом конце поля работали двое мужчин на тракторе. На полпути через лужу машину залило. Трактор до этого успел вытащить несколько автомобилей. Трактористы с нескрываемым злорадством пробормотали: «Посмотрите-ка, кого к нам занесло…» «Бентли» был безнадежно испорчен, вся электрика вышла из строя. Машину отправили к производителю с требованием доставить аналогичную на следующий же день, поскольку у принца было назначено очередное мероприятие. Таких машин нашлось всего две – одна в Шотландии, другая в Германии. Машину из Шотландии немедленно доставили на завод, где ее тюнинговали, как того требовал принц. Люди работали всю ночь, чтобы доставить автомобиль в Хайгроув вовремя. В восемь утра машина уже

стояла перед домом. Принц вышел, взглянул на автомобиль, возмутился: «Она же черная! Я ненавижу черные машины!» – и закрыл дверь. «Что ж, – сказал он помощникам, – поедем на „воксхолле“…» [265]

Чарльз не догадывался, что внимание публики теперь привлекают не только его общественные обязанности, но и личное поведение. Диану всегда обвиняли в том, что она не понимает своего долга перед монархией. На самом деле, это было вовсе не так. Несмотря на все несчастья в личной жизни, она относилась к обязанностям принцессы Уэльской очень серьезно. Скорее подобные обвинения следовало бы предъявить Чарльзу, который никак не мог связать свое стремление к Камилле и растущую неприязнь к супруге, матери будущего короля, с общественными обязанностями наследника трона. Постепенно он превращался в своего дядю Дэвида – а ведь лорд Маунтбаттен предупреждал его, что это плохой пример! Внешне Чарльз был очень похож на отца и «почетного деда», но по характеру – и даже по мелким движениям! – он все больше напоминал непутевого Эдуарда VIII. Он даже запонки теребил так же, как Дэвид, и точно так же, как он, постоянно поправлял галстук. Как и Эдуард VIII, Чарльз был склонен жалеть себя, страшно обижался на шуточки в свой адрес, терпеть не мог отца и превыше всего ставил свою страсть к «любимой женщине», не задумываясь о будущем монархии и об ожиданиях народа.

И все же трудно не испытывать к Чарльзу симпатии – ведь в том году в королевской мыльной опере ему досталась роль злодея. Пенни Джунор, автор биографии Чарльза, увидевшей свет в июне 1987 года, долго беседовала с принцем. Выступая на BBC Radio 4, она говорила, что Чарльз «потерял уверенность» и впал в отчаяние, оттого что «жена окончательно его затмила». Она называла его «самым одиноким человеком на земле», который «не получает поддержки даже от собственной жены». Закончила выступление Пенни Джунор выводом: «Принц женился не на той женщине».

Журналистка Линда Ли-Поттер опубликовала статью под броским заголовком: «Она – великолепная жена, так почему же они пытаются уязвить ее?» В статье говорилось, что Чарльзу крупно повезло – а вместе с ним повезло и всему английскому народу. Критики упрекали Диану в недостаточной интеллектуальности, но она обладала качествами, жизненно важными для женщины, занимающей подобное положение. Она была обаятельна, отличалась развитой интуицией, обладала обостренным чувством долга и здравым смыслом. К тому же у нее было отличное чувство юмора. Критикам Дианы журналистка

отвечала: «Достаточно увидеть Диану рядом с людьми старыми и больными или с детьми и сразу становится ясно, что поведение ее абсолютно искренне…»

Занимаясь благотворительностью, Диана представляла монархию именно такой, какой ее хотели видеть люди. Она соединила королевскую семью с английским народом на личном уровне, повторив успех королевы-матери. Благотворительная деятельность Дианы (сотрудничество с детским фондом «Барнардос» и программой «Помощь пожилым людям») широко освещалась в прессе. Занятия же Чарльза – охрана окружающей среды, городское строительство и современная архитектура – не привлекали внимания таблоидов. Его деятельность считалась причудами «странного принца». Диана, куда бы ни отправились супруги, всегда затмевала своего мужа. Когда королевская чета посетила Северную Ирландию после террористических актов боевиков ИРА, фотографы снимали только Диану.

В 1987 году популярность монархии резко упала. Поведение младших представителей королевской семьи никоим образом не улучшало ее публичный имидж. Эндрю, Ферджи, Эдвард и даже Анна приняли участие в весьма фривольной телевизионной передаче. На пресс-конференции после шоу Эдвард устроил настоящий скандал: его обидело отсутствие энтузиазма у журналистов. Проделки с зонтиками, устроенные Ферджи и Дианой на скачках в Аскоте, также произвели неблагоприятное впечатление. Прочная, идеально функционирующая машина, которую королева тщательно отлаживала с момента своей коронации в 1953 году, пошла трещинами, когда журналисты окончательно уверились в своем праве испытывать ее на прочность. Они отлично знали, что, сколь бы чудовищные обвинения ни выдвигали их газеты, ответ дворца будет одним и тем же: «Без комментариев». Катастрофическое состояние брака Чарльза и Дианы потрясло монархию до самого основания. Официальные представители дворца знали, что слухи справедливы, но у них не было выбора – оставалось лишь хранить молчание.

В газете Sunday Times писали: «Королевская семья привыкла, что в большинстве средств массовой информации к ее жизни относятся как к мыльной опере. И в результате некоторые ее члены начали вести себя как на телевизионном экране. На прошлой неделе принц Эдвард разыгрывал перед нами деликатного, не понятого всеми юношу, готового яростно обрушиться на циничных журналистов, которые не разделяют его увлечений. Принц Чарльз повел себя как раздраженный муж, сердито выговаривающий жене, которая посмела усесться на

капот его драгоценной спортивной машины… А тем временем беззаботная принцесса Диана бродит по Аскотскому полю, игриво тыча зонтиком в каждого, кто оказывается в пределах ее досягаемости. Герцогиня Йоркская в своем лучшем (или худшем) стиле возглавляет собственную команду против других членов королевской семьи в телевизионной благотворительной программе».

Похвалив принца Чарльза за серьезность, журналист замечал: «…есть нечто глубоко нездоровое в чудовищном аппетите публики ко всему королевскому. Газетам и журналам приходится увеличивать объем статей, чтобы удовлетворить этот аппетит, а младшие члены королевской семьи делают все, чтобы этот аппетит подогреть. Если королевская семья считает необходимым идти этим путем, то им следует понимать, что путь этот способен потрясти самые основы монархии. Современную увлеченность публики королевской семьей не удастся поддерживать в течение долгого времени, не нанеся ущерба самому институту монархии…»

Назвав королеву идеальным образцом для подражания, Sunday Times указывала, что этот фактор сыграл важнейшую роль в беспрецедентной популярности монархии в послевоенный период. «В отличие от XIX века, – писала газета, – в стране нет республиканского движения, о котором следовало бы беспокоиться…» [266]Но опрос, проведенный в том же году, показал, что в 1987 году популярность монархии упала на десять процентов.

Учитывая личные особенности Чарльза и Дианы и то, что они могли предложить народу, остается только глубоко сожалеть, что они постепенно все сильнее отдалялись друг от друга. Напряженность в личных отношениях самым пагубным образом влияла на здоровье Дианы. 5 декабря 1987 года она присутствовала на мемориальной службе по жертвам пожара на станции метро «Кингс-Кросс». В черном костюме она выглядела болезненно худой. Спустя четыре дня она вместе с принцем Чарльзом присутствовала на церемонии вручения премий в музее Виктории и Альберта. Директор музея, Рой Стронг, записал в своем дневнике: «Она очень, очень худа в своем темно-синем костюме. К тому же она очень высокая. Куда делась ее свежесть? Она полностью потерялась под чрезмерным макияжем и залитыми лаком волосами» [267].

У Чарльза и Дианы не осталось общих интересов, кроме детей. Супругов могла бы объединить музыка. Хотя все считали, что «Диско Ди» не интересуется ничем, кроме поп-музыки, она очень любила классику – особенно «Реквием» Верди, который

могла слушать бесконечно. В школе Диана училась игре на фортепиано, хотя и не была такой же одаренной пианисткой, как ее бабушка Рут. Она обожала балет и даже когда-то хотела стать танцовщицей, любила оперу – Верди и Россини, но не Вагнера, которого обожал Чарльз. «Хотя Диану критиковали за то, что она не ходит в оперу с принцем Уэльским, ее следует простить, потому что Чарльз вечно выбирал слишком сложные произведения. Все эти разговоры о поп-принцессе несправедливы… Да, она любила поп-музыку, но не чуждалась и классики. Ее называли поп-принцессой, иконой моды, но она носила одежду только британских модельеров, чтобы развивать британскую моду. Ей приходилось одеваться так, как это подобает истинной принцессе, и она была очень красива» [268].

В отношении к детям Чарльз со всей его ответственностью не мог соперничать с Дианой. В том году, когда Уильям пошел в школу Уэзерби, в день первых спортивных соревнований состязались не только дети, но и родители. Диана, которая всегда активно занималась бегом и плаванием, победила в соревнованиях матерей и радовалась заслуженному успеху. Чарльз же, несмотря на утреннюю зарядку и страсть к физическому совершенству, не преуспел в соревновании отцов. К счастью, журналисты на это внимания не обратили.

Диана никогда не интересовалась увлечениями мужа и не разделяла его любви к Хайгроуву. Чарльз же смертельно обижался на ее популярность и никогда не хвалил ее за успехи в общественной деятельности. Чаще всего он отпускал критические замечания, достаточно было сказать: «Не надевай больше это платье», и Диана сразу же лишалась уверенности в себе.

Разочарование Дианы было столь велико, что она чуть было не отказалась от участия в следующей официальной поездке – 1 ноября Чарльз и Диана должны были выехать в Берлин, где праздновалось семисотпятидесятилетие города. Но дворец приложил все усилия к тому, чтобы это не дошло до общественности, и «самая красивая пара мира» выступила наилучшим образом. «Принц и принцесса Уэльские прибыли в Западный Берлин… улыбаясь и радуясь жизни», – писали в The Times. Но популярный немецкий таблоид Bild am Sonntag замечал: «Все пристально наблюдают за состоянием их брака…»

Чарльз и Диана просто светились счастьем. Он называл ее «одним из самых блестящих полковников британской армии» (Диана была полковником Королевского хэмпширского полка) и шептал ей что-то на ушко, а она смеялась. «Счастье в Берлине» – под таким заголовком вышла Daily Mail. От взглядов журналистов не ускользнуло и то, что, садясь в лимузин после очередного

мероприятия, принц игриво обнял Диану за талию. «Триумф турне нежности, – писал репортер из Ганновера. – Германия вчера простилась с принцем и принцессой Уэльскими. Целую неделю королевская чета демонстрировала нежность и любовь друг к другу… Принц неловко, но с очевидной искренностью демонстрировал полную преданность супруге. Стоило им скрыться от журналистов, как он протянул ей шоколадку и прошептал: „Для тебя“». Только Диана знала, что «знак любви» – проявление неприязни. В тот период у нее обострилась булимия, и она прекрасно поняла, что означает этот жест Чарльза.

Ревность Чарльза к публичному успеху Дианы и нежелание его признать стали одной из основных причин крушения их брака. Поведение Чарльза обижало Диану, и эта обида явно обнаружила себя в последующие годы, окончательно похоронив королевский брак.

11. Диана наносит ответный удар

Он [Чарльз] превратил мою жизнь в настоящую пытку… но мы отдалились друг от друга, потому что… я предпочла пойти своим путем… и оставляю его позади.

Диана – в разговоре с Джеймсом Гилби [269]

В январе 1988 года Чарльз и Диана вылетели в Сидней на празднества в честь двухсотлетия образования Австралии. Супруги казались вполне счастливыми и спокойными, но Чарльз, как всегда, ревновал к успеху Дианы. В первый день визита Диана удивила всех, пропев австралийский национальный гимн, – Чарльз слов не знал. Почти два миллиона человек мгновенно были очарованы Дианой. Когда Диана с принцем Чарльзом шли к оперному театру Сиднея, толпа скандировала «Мы любим Ди!» Какой-то мужчина крикнул: «Трижды ура Диане!» – толпа отозвалась восторженным ревом.

На следующий день состоялся бал в Мельбурне. Чарльз и Диана увлеченно танцевали джайв под музыку Гленна Миллера. Журналисты не могли не обратить на это внимания: «Супруги, которые оказались в центре слухов о крушении их брака, вряд ли могут выглядеть настолько счастливыми». Фотографии счастливых супругов не обрадовали ревнивого Джеймса Хьюитта. Ведь Диана так уничижительно отзывалась о муже! Но в Мельбурне Диана вновь превзошла Чарльза, блестяще сыграв на рояле Рахманинова, – Чарльз отказался сыграть на виолончели и в очередной раз упустил возможность показать себя в выгодном свете.

В марте того же года Чарльз с Дианой отправились на любимый горнолыжный курорт Клостерс. Вместе с ними поехали Ферджи, Патти Палмер-Томкинсон, ее муж Чарльз и их друг, бывший конюший королевы, майор Хью Линдсей. Все члены королевской семьи испытывали симпатию к Линдсею. Этому человеку хватало смелости и честности отчитывать младших принцев, когда это было необходимо. Однажды в Балморале он взорвался: «Почему вы так чертовски грубы со слугами?!» [270]Возможно, именно из-за своей честности он оказался ближе к Диане и Ферджи, чем к Чарльзу.

10 марта Диана слегла с жестокой простудой. Она осталась в

шале. Днем вернулась бледная и потрясенная Ферджи. Катаясь на лыжах – на четвертом месяце беременности, – она упала и чуть было не получила травму. Она отъехала, а остальные находились на склоне, когда сошла лавина. Чарльз, Чарльз Палмер-Томкинсон и проводник группы, Бруно Шпрехер, спаслись. Патти Палмер-Томкинсон оказалась под лавиной, а Хью Линдсей погиб. Линдсей женился всего за восемь месяцев до этой поездки. Его жена Сара была на шестом месяце беременности.

Диана с гордостью рассказывала Эндрю Мортону, что взяла все заботы на себя: упаковала вещи Линдсея, обеспечила транспортировку тела и утешала Сару в Хайгроуве. Не сказала только, что, услышав о трагедии, решила, что под лавиной погиб Чарльз – когда-то ей предсказали, что он «умрет от удушения в чужой стране». «Диана всегда прислушивалась к словам экстрасенсов, – вспоминал Хьюитт, – и она верила, что Чарльз погибнет из-за несчастного случая. Это пророчество чуть было не оправдалось, когда погиб Хью Линдсей. Она позвонила мне из Швейцарии и сказала: „Это чуть было не случилось…“» [271]

Смерть Линдсея глубоко потрясла Чарльза. Не улучшило его настроения и желание британских таблоидов обвинить его в трагедии. «Официальный отчет: Чарльз вызвал лавину-убийцу», – гласил заголовок Sun спустя неделю после происшествия. Однако в официальном отчете не содержалось никаких обвинений. Никто из лыжников не мог стать причиной лавины. «Каждый должен был оценить опасность и отвечать сам за себя».

Тем летом страдавшая от семейных неурядиц Диана не смогла найти утешения у матери. Фрэнсис Шэнд Кидд ранее несколько раз безуспешно пыталась помочь супругам, но к этому времени разрушился и ее собственный брак. Питер Шэнд Кидд бросил ее ради другой женщины. В июне они развелись. Фрэнсис была убита очередным разводом. Муж, для которого она столько сделала, бросил ее. Один из родственников лаконично замечал: «Брак распался, потому что они оба слишком много пили». Четыре года Фрэнсис находилась в депрессии и не могла помочь ни Диане, ни себе самой. Отношения между матерью и дочерью не складывались, они часто ссорились по телефону. Фрэнсис жила на острове Сейл, ее осаждали репортеры, она мечтала, что муж вернется, и ей не очень хотелось ехать к Диане в Кенсингтонский дворец.

По мере ухудшения отношений с Чарльзом усиливалась и булимия Дианы. Под давлением Кэролайн Бартоломью она начала лечиться у доктора Мориса Липседжа, который лечил и ее сестру Сару. Роман с Хьюиттом укреплял ее уверенность, но любой контакт с Чарльзом приводил к очередному срыву.

Двадцать седьмой день рождения Дианы превратился в национальный праздник. Журналисты наперебой называли ее «звездой», «идеалом женственности», «лучшим, что могло случиться в королевской семье». Мортону Диана рассказывала, что к этому времени ей стало ясно, что ее выходки в Аскоте, появление в узких кожаных брюках и танцы до упаду с посторонними мужчинами – это вовсе не то, чего ждет публика от принцессы. Она поняла, что тем самым дает козыри своим врагам из лагеря Чарльза. И Диана постаралась сменить этот фривольный образ образом благотворительницы и идеальной матери.

Существование Джеймса Хьюитта, как это ни удивительно, до сих пор оставалось секретом. Но что бы Диана ни говорила о муже Джеймсу Хьюитту наедине (а по его словам, принцесса не стеснялась в выражениях), в глубине души она по-прежнему стремилась завоевать его одобрение и уважение. Хьюитт вспоминал: «Она все еще пыталась заставить его полюбить себя. Ей было не все равно». В день седьмой годовщины свадьбы Диана приготовила мужу подарок: станцевала под музыку из своего любимого мюзикла «Призрак оперы» и записала этот танец на видео. Она выбрала номер «Все, что я прошу у тебя» (All I Ask of You) – это было и поддразнивание, и мольба. Трагедия заключалась в том, что Диана все еще была влюблена в Чарльза и в глубине души надеялась его вернуть.

14 ноября 1988 года королева устроила в Букингемском дворце бал в честь сорокалетия принца Чарльза. «Хотя к этому времени оба жили собственной жизнью, Чарльз позволил Диане пригласить на бал ее друзей, чтобы она чувствовала себя более свободно, – писал Хьюитт. – Я никогда прежде не встречался с Дианой на официальных мероприятиях. Впервые я ощутил ту невероятную ауру, которая окутывала эту женщину. Она мгновенно затмевала и превосходила всех – и мужа, и его родителей. Она говорила мне, что самое главное ее „преступление“ – то, что она привлекает внимания больше, чем Чарльз. Особенно заметно это стало во время поездки в Австралию…» [272]

Оказавшись в окружении враждебно настроенного королевского дворца, столкнувшись с необходимостью общаться с любовницей собственного мужа и его друзьями, осознав окончательный крах своего брака, Диана, как всегда, впала в состояние эмоционального паралича. Клайв Джеймс познакомился с ней в прошлом году в Каннах. Тогда Диана буквально сияла. «Она была похожа на солнце, – вспоминал он. – Сияла и смеялась». В Букингемском же дворце он увидел

совершенно другую женщину: «Свет в ее глазах почти погас… Она вроде бы присутствовала на балу, но душа ее находилась где-то далеко…» [273]

Всего неделей раньше Диана с Чарльзом совершили официальный визит в Париж. Это был самый триумфальный публичный вояж. Диана надела красно-черный костюм от Chanel, созданный Карлом Лагерфельдом. Она выбрала его по видео, присланному в Кенсингтонский дворец. На этот раз блеснул и Чарльз. На отличном французском языке он произнес речь о политическом будущем Европы. Диана же французский понимала, но не говорила на этом языке. Французы по достоинству оценили костюмы принца с Сэвил-роу. «Они покорили Париж – он своим обаянием и политическими целями, она улыбкой и костюмом от Шанель».

Диана заранее договорилась о возможности посетить институт Пастера и встретиться с профессором Люком Монтанье, ученым, открывшим в 1983 году вирус СПИДа. «Она много знала об этой болезни, – вспоминал он. – Очень важно, чтобы публичные люди поддерживали кампанию борьбы со СПИДом и действовали в интересах больных».

На банкете, устроенном министром культуры Жаком Лангом в замке Шамбор Чарльз сидел рядом с принцессой Монако Каролиной, которую когда-то называли его невестой (они страшно скучали в обществе друг друга, и фотографии, сделанные в Шамборе, показали, что чувства эти не изменились). После выступления звезды французского кабаре Зизи Жанмер Диана устроила очередное представление – она весьма соблазнительно танцевала перед собственным мужем. Что подумал об этом Чарльз, неизвестно, но Диана вновь совершила ошибку, пытаясь привлечь внимание мужа способом, который вызывал у него раздражение и неприязнь.

На церемонию памяти павших в двух мировых войнах у Триумфальной арки Чарльз надел парадную форму полковника уэльской гвардии. На этот раз ему точно удалось затмить скромную Диану в длинном черном пальто и шляпке с вуалью. «Вчера принц Чарльз удачно дебютировал в роли европейского государственного деятеля, – писала английская газета. – Финальное выступление принца придало этому государственному визиту особое звучание. Принц Чарльз завоевывает все большее уважение своими выступлениями по поводу архитектуры и европейского единства. Во многих отношениях Чарльзу удалось превзойти свою супругу…»

Однако этот визит остался в тени из-за того, что как раз в это время в Sunday Times начали печатать биографию принца,

написанную Энтони Холденом. Публикация была организована к сорокалетию принца Чарльза. Такие фразы, как «их брак достиг состояния взаимного холодного безразличия» и «муж Дианы более не понимает ее – да, пожалуй, и не любит» [274], повергли нацию в изумление. Те, кто не хотел верить в окончание сказки, и те, кто боялся, что крушение королевского брака пагубно скажется на монархии, начали ожесточенно опровергать услышанное. Но еще в Париже репортеры заметили, что на мероприятии в музее Орсэ раздраженная Диана постоянно толкала Чарльза коленом, а на параде у Триумфальной арки что-то ему говорила, не получая ответа. Тем не менее, добавлял журналист, парочка часто обменивалась любовными взглядами, и Чарльз всегда переводил Диане то, что ей говорили. Холден был абсолютно прав, но знал об этом лишь самый узкий круг.

Лечение доктора Липседжа пошло Диане на пользу. Как он и предсказывал, всего за полгода она стала другим человеком. Доктор связал булимию Дианы с семейными проблемами. Чарльз не понимал болезни Дианы. Она вызывала у него отвращение. Иногда за столом, глядя, как Диана ест, он брезгливо замечал: «И все это впустую!» Лечение успокоило Диану. Если раньше рвота возникала у нее по четыре раза в день, то теперь приступы случались раз в три недели, а то и реже. Причиной всегда были поездки в Балморал, Сандрингем или в Хайгроув, который принцесса считала вражеской территорией.

Внутренне собравшись, она решила открыто выступить против Камиллы, которую не без оснований считала первопричиной всех своих несчастий. Случай подвернулся быстро. Отмечали сорокалетие сестры Камиллы, Аннабел Эллиот. Прием в своем прекрасном доме Хэм-Коммон в Ричмонде устраивала общая подруга, леди Аннабел Голдсмит. Все гости принадлежали к «кругу Хайгроува» – Диана их не любила и боялась. Первоначально планировалось пригласить одного Чарльза, без Дианы. Когда об этом узнала леди Аннабел, она категорически это запретила: если прием будет проходить в ее доме, то Диана должна быть приглашена. Невозможно представить, но никто из друзей Камиллы (и даже Аннабел) не верили, что Диана придет – не верил в это и Чарльз. Здесь была исключительно его территория, и, как ему казалось, Диана должна обладать достаточным здравым смыслом, чтобы это понимать. Всю дорогу до Хэм-Коммон он мучил Диану вопросами, почему она все же решила поехать.

После ужина Диана заметила, что Чарльз отсутствует – и Камилла тоже. Твердо решив расставить все точки над «i», она вызвала своего телохранителя. Кен Уорф в это время находился в

кухне. Диана нашла Чарльза и Камиллу в детской игровой комнате за оживленной беседой. Несмотря на мольбы Дианы, Уорф твердо решил удалиться, чтобы не быть свидетелем неприятной сцены. Он извинился и ушел, поэтому мы можем полагаться только на слова Дианы. Там присутствовал, говорит она, еще один мужчина, поэтому она села и присоединилась к разговору. Вскоре кто-то предложил вернуться к остальным гостям, и все встали. Вдруг Диана сказала: «Камилла, мне бы хотелось с вами поговорить». Когда мужчины ушли, Камилла и Диана уселись на диван. «Я бы хотела, – обратилась к сопернице Диана, – чтобы вы знали: для меня не секрет то, что происходит между вами и Чарльзом. Я не вчера родилась». Но тут в комнату кто-то вошел. Диана поднялась и перед уходом сказала: «Мне жаль, что я на вашем пути. Я понимаю, что мешаю вам, и вам обоим это не нравится… Не держите меня за идиотку».

В другом варианте Диана велела Камилле «оставить моего мужа в покое». Кен Уорф сопровождал Чарльза и Диану в Кенсингтонский дворец. По его словам, атмосфера была «холодной и напряженной». Диана снова и снова повторяла: «Как ты мог так со мной поступить? Это унизительно! Как ты мог?» [275]Принц молчал – ни извинений, ни объяснений. Диана всю ночь проплакала. Ей казалось, что брак рухнул. Но это не помешало ей продолжить попытки вернуть мужа. В следующем году она не раз «полушутливо, полусерьезно» говорила друзьям, что планирует вернуть мужа, и в первую очередь – в свою постель. «Она хотела иметь еще одного ребенка, она очень хотела ребенка… и продолжала любить Чарльза» [276].

Каковы бы ни были чувства и мысли Дианы, свои официальные обязанности она выполняла безукоризненно. Она была фанатично пунктуальна. «Она великолепно справлялась с домашней работой, – вспоминал Патрик Джефсон. – Точно представляла все пункты программы еще до выхода из дворца… В официальной обстановке ее ничто не отвлекало. Она гордилась своим положением и уважала людей, которые ценили ее. Вот почему огромные толпы были готовы в любую погоду ждать, чтобы увидеть ее хоть одним глазком» [277].

Когда лопасти вертолетного винта начинали замедляться, она отстегивала ремень безопасности и подходила к двери, ожидая, когда ее откроют. Она напоминала спортсмена, приготовившегося к старту. Иногда в перерывах между мероприятиями Диана снимала напряжение сладостями – могла съесть целый шоколадный батончик с изюмом и орехами. Порой она разряжала торжественную атмосферу официального мероприятия шутками и смехом. «Чаще всего она шутила на темы

секса, – вспоминал Джефсон. – Ей было чуждо смущение, и она не думала, что может смутить других людей. Публично она никогда не переходила грань хорошего вкуса, но, почувствовав себя в безопасности, Диана могла шутить весьма рискованно… Желание шокировать перевешивало то удовольствие, какое она могла получить от шутки». Иногда она называла своих родственников по мужу собственными прозвищами – принц Чарльз был у нее «чудо-мальчиком» или «большой белой надеждой», принц Филипп – «Ставросом», а свекор со свекровью «немцами» [278].

До более близкого знакомства с Дианой Джефсон считал ее «поверхностной и недалекой девушкой», но перед ним предстала изысканная и уверенная в себе женщина, осознающая свой статус знаменитости: «Каждый ее жест, каждый взгляд и каждое слово, по крайней мере на публике, были тщательно продуманы. Иногда это занимало всего долю секунды, что лишний раз доказывает, насколько быстро она мыслила и как хорошо чувствовала толпу… За красивой внешностью и дорогой одеждой скрывалась отнюдь не карикатурная глупышка, какой ее часто представляли критики. С самого первого дня я понял, что Диана обладает мощной, почти гипнотической харизмой». Она умела произвести нужное впечатление всего несколькими словами. Ее непосредственность разрушила миф о британских социальных амбициях. Она инстинктивно выступала против помпезности.

Оказываясь среди наркоманов, пациентов психиатрических больниц или женщин, пострадавших от насилия в семье, она выслушивала выступление специалиста, а потом в точно рассчитанный момент наклонялась к слушателям и громко шептала: «Он всегда такой?» Диана мгновенно устанавливала контакт с людьми, и все начинали смеяться. Этот прием создавал у слушателей ощущение близости – важнейший компонент симпатии. В самых остроумных замечаниях Дианы всегда присутствовали симпатия, понимание и озабоченность. «Может, она и не была интеллектуалкой, но она всегда была искренним и глубоким человеком» [279].

Джефсон сопровождал Диану на сотнях мероприятий. Он, как никто другой, понимал, что «сочувствие принцессы всегда было очень искренним»: «Я видел ее у постели умирающего ребенка. Она держала девочку за холодную руку, утешала несчастных родителей. Она разделяла их горе. Она не была спокойной, как посторонний человек, или отстраненной, как психолог… Ее окутывала атмосфера невероятного покоя. Рыдающая мать и страдающий отец понимали, что могут поделиться с ней своей скорбью – и это будет правильно…» [280]

Диана, по словам Джефсона, действительно глубоко

сочувствовала тем, с кем общалась. Эта способность – результат поразительного эмоционального роста и развития. «Проявляемое ею сочувствие не было неким внутренним качеством. Скорее, это было отражением потребности во внимании. Когда мы привозили Диану в ее безлюдный дворец, я ощущал, насколько она обессилена, опустошена… Отсутствие внимания к ней самым пагубным образом сказывалось на ее самооценке. Я понял, что такое положение причиняет ей невыносимую боль, – добавляет Джефсон. – Даже со стороны было видно, что высокая оценка положительных качеств, которыми она обладала, не удовлетворяла жажды признания, которая постоянно жила в душе принцессы Уэльской» [281].

Причина низкой самооценки Дианы кроется еще в родительском разводе. Мать покинула ее, и это оставило неизгладимый след в ее психике. У души яркой, блестящей, остроумной, доброй девушки была и темная сторона. Низкая самооценка вела к булимии, перепадам настроения, сложностям в близких отношениях. Диана с трудом верила, что люди ее любят такой, какая она есть. Часто она ложно истолковывала человеческие мотивы и совершенно незаслуженно вычеркивала людей из своей жизни. У Дианы были периоды страшной депрессии, резкие перепады настроения; булимию она лечила прозаком.

«Когда ей было плохо, она ела, ела, ела, начиналась рвота, потом настроение ее резко улучшалось – она хохотала, как безумная», – рассказывала близкая подруга [282]. Друзья семьи, которые привыкли к подобному поведению старшей сестры Дианы, Сары, считали, что ей нужно обратиться к врачу, которому она могла бы доверять. Побеседовав с Дианой, психиатр пришел к однозначному выводу: с Дианой все в порядке, избавить ее от страданий может лишь любовь принца Уэльского. Она по-прежнему была страстно влюблена в Чарльза и мечтала о его уважении и признании, но именно этого он ей дать не мог. Чарльз постоянно отвергал Диану, унижал ее при любом удобном случае, и это приводило ее в отчаяние.

«Из-за мужа я чувствую себя абсолютно неадекватной. Каждый раз, когда я выныриваю, чтобы глотнуть свежего воздуха, он снова топит меня…» [283]«Она не была безумной, она была несчастной», – говорила подруга Дианы [284]. Роза Монктон называла Диану «раненым зверем». Темная сторона уязвленной души вела ее к саморазрушению, паранойе и удивительной жестокости. Хрупкая психика Дианы расщеплялась, делилась – в ней жило сразу два человека – добрый и жестокий.

«Диана переживала глубокий внутренний конфликт,

связанный с расщеплением личности, – писала Роза Монктон. – Она одновременно была и очень сложным, и очень простым и наивным человеком. Две личности сосуществовали в ней порой гармонично, порой вступая в конфликт. Жизнь ее становилась гораздо сложнее, чем ей следовало бы быть. Темная сторона Дианы – это раненое, загнанное в ловушку животное. Светлая – радостное и сияющее существо… Раненое животное испытывает страх и ужас… ему хочется причинить боль тем, кто его предал…» [285]

И все же Диана была совсем непохожа на ту хнычущую, погруженную в жалость к себе женщину, какой она предстает в звукозаписях и книгах. Там она сознательно старалась выставить себя жертвой (в этом она очень похожа на своего мужа, которому, по сути дела, было не на что жаловаться). «На самом деле, – говорит Джефсон, – она была поразительно жизнерадостна и позитивна. И это не переставало меня удивлять. Сколь бы тяжелым ни было ее положение – а в жизни каждого из нас случаются черные дни, – она всегда откликалась на шутки, обладала превосходным чувством юмора. Она всегда была готова видеть светлую сторону в самой мрачной ситуации. Как жаль, что Диана из-за низкой самооценки и непреодолимого желания выставить себя жертвой редко была самой собой. Когда ей предоставлялась возможность предстать жертвой, она всегда ею пользовалась. Друзей и советчиков она выбирала по тому же принципу: ей были нужны только те, кто подпитывал это желание… Трагическая фигура, которая возникла в представлении общества, не совсем соответствовала действительности. Трагедия заключается в том, что той Диане, какой она была на самом деле, так и не удалось выйти на свет» [286].

Осознав, что муж не любит ее и не собирается хранить ей верность, Диана пыталась решить свои проблемы с помощью астрологов, психотерапевтов, массажистов, экстрасенсов и гадалок по картам Таро. С некоторыми из них ее познакомила Ферджи по предложению своей близкой подруги, хозяйки ресторана «Сан-Лоренцо» в Найтсбридже, Мары Берни. Хотя близкое окружение Дианы не одобряло подобной склонности, сама Диана с удовольствием отправилась в духовное странствие. Общение с подобными людьми успокаивало ее и давало ей силы мириться с реалиями повседневной жизни. Она верила в астрологию безгранично. И ей давали те ответы, какие она хотела услышать. Первым ее астрологом была Пенни Торнтон. Ферджи консультировалась у нее в 1986 году. В феврале 1989 года, по-видимому после эпизода на вечеринке у леди Голдсмит, Диана

обратилась к другому астрологу, Дебби Фрэнк. Пытаясь решить свои проблемы, Диана становилась невероятно доверчива.

С декабря 1988 года Диана консультировалась и у Стивена Твигга. Этот «специалист» пропагандировал энергичный массаж, строгую диету и духовное развитие в стиле нью эйдж. По его предложению Диана начала принимать витамины, занялась детоксикацией и села на диету доктора Хэя. Она занималась ароматерапией, гипнотерапией и акупунктурой – ей хотелось расслабиться физически и эмоционально и обрести внутренний покой. Диана, по словам ее биографа Салли Беделл Смит, была «очень легковерной… Она полностью полагалась на астрологов – как полагалась на друзей и любовников» [287]. Диана звонила им в любое время дня и ночи. Уна Шэнли-Тоффоло, которая начала посещать Диану в сентябре 1989 года, подтолкнула принцессу к занятиям медитацией. С самой первой встречи Уна поняла, что перед ней очень скромный и уставший человек, печальный и уязвимый.

А тем временем в личной жизни Дианы – в ее отношениях с Джеймсом Хьюиттом – произошли серьезные перемены. Хьюитт, который старался поддержать нуждающуюся в помощи Диану, порой переходил границы допустимого. Об этом вспоминает журналистка Анна Пастернак. Диана осыпала своего любовника подарками – ей всегда нравилось одевать любимых мужчин по своему вкусу. Хьюитта, по ее собственным словам, она «одела с головы до ног». Но и ее верность тоже имела границы, и Хьюитт скоро в этом убедился.

В мае он, а не принц Чарльз отправился с Дианой на бал в Олторп в честь шестидесятилетия Рейн (на самом деле мачеха Дианы родилась в сентябре). Вечером они с Дианой отправились в павильон с бассейном и занялись там любовью. Хьюитт понимал, что главный его грех в глазах Дианы – это готовность оставить ее ради карьеры. Той осенью полк Хьюитта перевели в Германию. Несмотря на слезы, протесты и обвинения Дианы, Джеймс отправился к новому месту службы.

16 сентября 1989 года любимый брат Дианы, Чарльз, женился на Виктории Локвуд. Диана присутствовала на церемонии в Грейт-Брингтоне, а затем на приеме в Олторпе. Отношения между детьми Спенсера и мачехой не улучшились – после выздоровления отец преисполнился глубочайшей благодарности к Рейн и теперь полностью находился в ее руках. Она беззастенчиво распродавала серебро, антикварную мебель, архивы, нотные рукописи, рисунки и картины – причем, чтобы избежать публичности, делала это приватно и по заниженным ценам.

В апреле 1987 года в журнале Harpers & Queen напечатали большую статью о продаже имущества Спенсеров с подробной описью. Многое было продано через лондонского посредника в обмен на услуги по «реставрации» интерьеров Олторпа. Эта «реставрация» вызвала слезы и стоны у людей, обладавших истинным художественным вкусом. Появилась яркая позолота; великолепные деревянные полы Длинной галереи закрыли ковром, кресла из Большой гостиной вытащили – шесть из них отдали дилеру в качестве оплаты работ. Прекрасные бело-золотые стулья XVIII века с зеленой обивкой были полностью покрыты блестящей позолотой и обтянуты бархатом оранжевого цвета. Два золотых ведерка для льда, сделанных по заказу герцога Мальборо, были проданы через дилера за миллион фунтов. Эти деньги, как утверждали лорд и леди Спенсер, тоже были потрачены на реставрацию Олторпа.

И действительно, двойная облицовка стен избавила от постоянной сырости, столь свойственной Нортгемптонширу, а толстые ковры на полах сделали комнаты более уютными, хотя и менее аутентичными. Но в красивых конюшнях, любовно отреставрированных еще отцом Джонни, Джеком, и предназначавшихся для семейного музея, расположился сувенирный магазин – «образец вопиющей безвкусицы», по мнению многих. Некоторые полагали, что продажа фамильных ценностей стала своеобразной местью Джонни своему суровому и жестокому отцу, Джеку Спенсеру, для которого сохранение Олторпа и его сокровищ стало главной целью жизни. Рейн же руководствовалась обычными деловыми соображениями: дом должен приносить доход и способствовать улучшению ее имиджа (большой безвкусный портрет Рейн занял почетное место в доме – наверху главной лестницы). Она приобрела три виллы в Богноре – «Пассаты», «Гасиенду» и «Дом у воды» – и пятиэтажный дом в Мэйфере.

Диана высказала мнение всех детей Спенсеров на свадьбе Чарльза. «Я сказала ей все, о чем думали члены моей семьи. Я вступилась за маму – мама говорила, что за двадцать два года это произошло в первый раз… Я была так зла! Сказала, что ненавижу ее, что все в семье ее ненавидят. Она разрушила наш дом, она истратила деньги отца – и на что?» [288]Один из свидетелей говорит, что Диана даже толкнула Рейн в спину так, что та чуть не полетела с лестницы.

Тем летом на дне рождения Джулии Сэмюэль Диана встретилась с мужчиной, которого она знала с самых первых дней жизни в Лондоне. Теперь у них было много общего – он рассказывал ей о своем неудачном романе, она ему – о неудачном

браке. Обаятельный и общительный Джеймс Гилби продавал дорогие машины. Его семья сделала состояние на производстве и продаже джина собственной марки. Он был племянником самого известного католического священника Англии, монсеньора Альфреда Гилби. Джеймс являлся членом «Клуба путешественников» на Пэл-Мэл. Джеймс и Диана начали встречаться в Лондоне – у Мары Берни или в квартире Гилби в Леннокс-Гарденз в Найтсбридже. Как-то раз они провели выходные на снятой специально для этой цели ферме близ Блейкенхэма в Норфорлке.

Из печально известных записей, обнародованных в канун 1989 года и опубликованных два года спустя, ясно, что осенью 1989 года после отъезда Хьюитта в Германию отношения между Дианой и Гилби стали более серьезными. Диана была на шесть лет моложе Гилби, он был буквально очарован ею. Их разговоры, записанные журналистами, носили ярко выраженный эротический характер. «Люблю тебя, люблю тебя, люблю…» – шепчет Гилби. Влюбленные условливаются о тайном свидании в Лондоне следующим вечером. Диана говорит, что объяснит свое отсутствие сеансом акупунктуры и массажа. Записи показывают также, в каком состоянии находилась в тот момент Диана и какими были ее отношения с мужем и его царственными родственниками.

Рождество в Сандрингеме в тот год было необычно холодным. Неудовлетворенность Дианы семейной жизнью скрыть было невозможно. Когда Гилби спросил ее: «Ну, дорогая, что у нас плохого?», она ответила: «Все плохо. Мне было так плохо за ужином – я чуть не разрыдалась. Мне было грустно, пусто… Я думала: „Черт побери, после всего, что я сделала для этой проклятой семейки…“» Удивила Диану королева-мать: «Его бабушка всегда очень странно смотрит на меня. Это не ненависть, а какая-то смесь интереса и жалости. Хотя не уверена… Я ее не понимаю. Каждый раз, когда я ловлю ее взгляд, она отводит глаза и улыбается… Это симпатия, симпатия – точно симпатия… Ну уж никак не враждебность…»

Интуиция Дианы, в которую она так верила, обманула ее. Любимая бабушка Чарльза не испытывала к Диане никакой симпатии и считала ее лгуньей. Королева-мать Елизавета требовала от своего окружения строжайшего следования этикету, но ее преданность принцу Чарльзу была абсолютной. Ради него она была готова на все. Она не осуждала даже роман с Камиллой. Когда Чарльз навещал любовницу, королева продолжала приглашать к себе Паркер-Боулзов, словно ничего не происходит. Главным для нее всегда было счастье обожаемого старшего внука.

Ведь Чарльз был таким одиноким маленьким мальчиком! Он страдал из-за брака с Дианой – значит, во всем виновата Диана. В присутствии королевы Елизаветы обсуждать брак Чарльза было строжайше запрещено, но в личных разговорах она винила во всех проблемах «безответственное поведение» Дианы. Королева-мать была женщиной умной и расчетливой, и Диане никогда в жизни не удалось бы стать такой же. Диана очень хотела верить в то, что королева-мать, матриарх королевской семьи, человек, пользующийся всеобщим уважением, относится к ней с «симпатией». И это говорит о том, что она совершенно не представляла, как живет и работает королевская семья.

Постепенно Диана окончательно поверила в то, что является «жертвой» и бунтаркой. О своих отношениях с Чарльзом она говорила: «Это так трудно, так сложно… Он превратил мою жизнь в настоящую пытку. Я поняла, что мне нужно уйти и самой – как я ненавижу это слово! – завоевывать мир. Я должна пойти своим путем. Знаю, как это сделать, и оставляю его позади. Я понимаю, что это неизбежно».

В канун 1990 года, после десяти лет брака с принцем Уэльским, Диана уже осознала свою силу, поняла, как «оставить его позади». В беседе с епископом Норвича она рассказала о своей обиде на властные круги и готовности восстать против его условностей. Несчастный епископ попытался успокоить ее, но Диана восприняла его тон как попытку оправдать королевскую семью.

В записанном Джеймсом Гилби разговоре Диана пересказывает беседу с епископом, и понятно, что Гилби ей сочувствует:

«Диана: …Он спросил: „Расскажите, как вы беседуете с больными и умирающими. Как это у вас получается?“

Гилби: Он хотел научиться у тебя, потому что ему это совершенно не удается.

Диана: …а я ответила: „Я просто остаюсь самой собой“.

Гилби: Они неспособны этого понять. У тебя прекрасная душа… Они не могут даже представить, что ты обладаешь огромным душевным богатством.

Диана: Я знаю. Он продолжал болтать: человек не должен думать, что он превосходно справляется со своим делом… Всегда есть чему поучиться. Я ответила: „Если люди меня знают, то им известно, что я не горжусь своими способностями“.

Гилби: Да, ты абсолютно права. Значит, ты задала ему жару?

Диана: Да уж, особенно в конце. Я сказала: „Наверно, это прозвучит странно, но я уже жила на этой земле“. Он спросил: „Откуда вы знаете?“ А я ответила: „Потому что я старая, мудрая

женщина“.

Гилби: О дорогая, ты правда так сказала? Очень, очень смело…

Диана: Правда?

Гилби: Да! Ты заслужила высшую оценку! Девяносто шесть из ста!

Диана: Я добавила: „Уверена, что люди, которых я любила и которые умерли, сейчас находятся в высшем мире и помогают мне“. Он прямо вздрогнул! А я подумала: „Он епископ, и это он должен говорить мне нечто подобное…“

<…>

Диана: Я сказала: „Я понимаю боль и страдания других людей гораздо лучше, чем вы можете себе представить“, а он ответил: „Это заметно по тем усилиям, которые вы предпринимаете в борьбе со СПИДом“. А я говорю: „Это касается не только больных СПИДом, но и всех страждущих. Я чую страдание за несколько миль“».

После таких слов сбитый с толку епископ предпочел перевести разговор на другую тему. Диана одержала полную победу и с удовольствием рассказывала об этом Гилби.

Когда Диана говорила о том, что Чарльз превратил ее жизнь в «настоящую пытку», она не преувеличивала. Ревность и обида заставляли его вести себя жестоко. Он отлично знал слабые стороны Дианы и при каждом удобном случае подпускал ей шпильки – и у нее пропадала уверенность в своих силах. Он не стеснялся выставлять Диану в самом унизительном свете в присутствии посторонних. Патрик Джефсон стал свидетелем неприятного инцидента во время поездки Чарльза и Дианы по странам Залива в марте 1989 года.

«Принимавший принца представитель королевской семьи и его гость занялись собственными делами… Оставленная без внимания принцесса чувствовала себя крайне некомфортно. Она не принимала участия в разговоре, и ни принц, ни представитель королевской семьи к ней не обращались.

Она чувствовала, что будто окружена невидимым барьером, отчуждена от беседы. Мне она показалась очень расстроенной и несчастной. Наверное, хозяин это тоже почувствовал, потому что наклонился к ней и вежливо спросил, чем она собирается заниматься во время визита. Диана не ожидала такого внимания, на глазах расцвела, вспомнив (и я вместе с ней!) о своей серьезной программе: посещение дневного стационара для детей с замедленным развитием, клиники для женщин-иммигранток, бизнес-классов для девочек…

Принц тоже повернулся к Диане, словно увидел ее в первый

раз. Он смотрел на нее с неприятной, покровительственной улыбкой. Чувствовалось, что он не упустит возможности ее уколоть. И прежде чем она успела ответить, он невинно произнес: „Покупками, наверное… Да, дорогая?“ Эти слова прозвучали в полной тишине. Принцесса покраснела, что-то пробормотала и погрузилась в молчание. Наступила неловкая пауза, а потом принц спокойно продолжил разговор со своим собеседником, который был крайне удивлен репликой Чарльза. Присутствующие при этой сцене чувствовали себя крайне неудобно.

Когда мы вышли, я отозвал в сторону Джона Ридделла [бывшего личного секретаря принца и принцессы Уэльских] и сказал: „Поверить не могу! Как так можно!“

Он с жалостью посмотрел на меня: „Да, Патрик, все так и есть. Вот в таком мире нам приходится жить“» [289].

Но Диане жить в таком мире становилось все труднее и труднее.

12. Война Уэльсов

Диана была одержима Чарльзом. Все свои ошибки она совершила только из-за него… чтобы причинить ему боль или чтобы привлечь его внимание.

Близкая подруга Дианы [290]

В июне 1990 года принц Чарльз сломал правую руку – упал с лошади во время игры в поло в Киренчестере. Этот случай сыграл значительную роль в крахе королевского брака. Чарльз недвусмысленно дал понять, что внимание и забота Дианы совершенно нежелательны, а единственный человек, который может способствовать его выздоровлению, – это Камилла. Диана была унижена и разозлена. Чарльз дважды ложился в больницу на операцию. Диана посещала его, чтобы журналисты ее видели, но в Хайгроуве, где принц проводил большую часть времени, его поджидала Камилла.

Впрочем, к этому времени журналисты прекрасно знали, какое место занимает Камилла в жизни Чарльза. Тогдашний редактор Daily Telegraph Макс Хастингс приводит слова одного из друзей принца: «Вы должны понимать, что в жизни Чарльза есть только одна женщина, и это Камилла». В разговоре с биографом Дианы, Салли Беделл Смит, Хастингс сказал: «…в тысяча девятьсот девяностом году… все понимали, что брак рушится, но никто не предполагал, что дело дойдет до развода» [291]. Правда, широкая публика узнала о серьезности отношений Чарльза и Камиллы лишь спустя три года, когда гласности были преданы печально известные записи телефонных разговоров, сделанные в декабре 1989 года – незадолго до новогодних разговоров Дианы с Джеймсом Гилби.

Тогда стало ясно, что Чарльз и Камилла самозабвенно влюблены, их притягивало друг к другу – и эмоционально, и чувственно. Они постоянно хотели друг друга – в буквальном смысле слова. Чарльз, скажем, откровенно заявляет, что ему хотелось бы стать «тампаксом» в трусиках Камиллы, на что она отвечает: «Это именно то, что мне нужно… Не представляешь, как мучительны воскресные вечера без тебя…» Для Чарльза Камилла была главным утешением и родственной душой. «Ты мой умный старикан! – обращается к нему Камилла. – У тебя отличные мозги! А я не совершила в жизни ничего стоящего». «Главное твое

достижение – это любовь ко мне», – отвечает Чарльз. «Что ты, дорогой! – смеется Камилла. – Это легче, чем упасть со стула!» «Бедная, ты так страдаешь из-за всех этих непристойных обвинений и наветов», – сочувствует подруге Чарльз. «Ради тебя я готова выдержать все, что угодно. Это любовь. Такова сила любви», – отвечает Камилла.

К счастью для Дианы, эти записи стали достоянием общественности лишь в январе 1993 года, когда заговор друзей Чарльза по организации свиданий любовников стал очевиден. Роман был окружен густой паутиной обмана. Люди, которых Диана считала друзьями, предоставляли Чарльзу и Камилле дома и квартиры для свиданий. Верные слуги в Хайгроуве были абсолютно преданы своему главному работодателю, и им дела не было до страданий Дианы. Еще задолго до развода те, кто работал на Уэльсов, разделились на два лагеря. Многие не хотели обманывать Диану. А Чарльз слуг не стеснялся. Как-то раз камердинеру пришлось упаковывать подарки для Камиллы и Дианы – любовнице досталась брошь с сапфирами и бриллиантами, Диане – простенькая соломенная шляпка с украшениями в виде фруктов, купленная во время поездки в Корнуолл.

В отличие от других неверных мужей, которые, стыдясь измены, относятся к женам с подчеркнутой нежностью, Чарльз буквально ненавидел жену. Хотя Диана всегда говорила, что любит Чарльза, ее скандалы и истерики только отдаляли его. Разлад между супругами тщательно скрывался от посторонних, но, конечно, заметно усиливал напряженность отношений. Тем летом стали очевидны проблемы в браке Уэльсов и Йорков. Атмосфера в Балморале была очень непростой. Даже королева выказала свое неудовольствие принцу Чарльзу. Рука Чарльза все еще была в гипсе. Он не захотел воспользоваться услугами врача королевы, отдав предпочтение тому, кого ему посоветовали ван Катсемы. Отмечали шестидесятилетие принцессы Маргарет, но обстановка в доме была далека от сердечной. На вечерних пикниках принц Чарльз появлялся весьма хмурым. Колин Гленконнер «сворачивал смешные фигурки из салфеток, чтобы развлечь Ферджи и Ди, все смеялись – кроме принца Чарльза». Когда его спросили, ну не забавно ли это, он холодно ответил, явно намекая на жену и невестку: «Мелкие забавы развлекают мелкие умы» [292].

В Балморале Ферджи и Диана вновь подружились, но, как пишет секретарь Дианы, Патрик Джефсон, «Диана по-прежнему не доверяла Ферджи» [293]. В разговоре с Гилби накануне нового, 1989 года Диана отозвалась о Ферджи достаточно осторожно:

«Рыжая меня активно поддерживает…» Гилби предупреждал Диану, что доверять Саре нельзя, у нее есть собственные планы и она явно хочет использовать Диану в личных интересах. Ферджи более не пользовалась любовью у народа и журналистов. Никто не одобрил ее поездки в Австралию: тогда Сара на полтора месяца оставила малышку Беатрис на попечение няни. Критике подвергалась ее внешность, манера одеваться, склонность к развлечениям. При дворе популярность Сары таяла на глазах. «… Она отчаянно пытается вернуть прежнее положение. Знает, что у тебя отличная служба по связям, и, боюсь, попытается ее использовать».

Диана говорила Гилби о том, что Чарльз старался помочь Ферджи – договорился с любимчиком королевской семьи, сэром Джимми Сэвилом, чтобы тот поспособствовал Саре в ее стремлении. Диана, более осторожная и чуткая, чем Ферджи, наблюдала за тем, как «рыжая» уверенно идет по пути саморазрушения. Диана всегда очень внимательно относилась к своему публичному имиджу. Она понимала, что влюбленность Ферджи в американца, которую она и не думала скрывать, и ее открытый конфликт с придворными королевы, в том числе с ее кузеном и «серым кардиналом», сэром Робертом Феллоузом, ни к чему хорошему не приведут. Ферджи часто называли «желтой канарейкой»: эту птичку шахтеры брали с собой в забои, чтобы она предупреждала о наличии опасных газов.

Впрочем, к советам Сэвила Ферджи прислушалась не больше, чем к чьим-нибудь другим. К августу 1990 года ее брак находился на грани краха. Муж Саре давно наскучил: он служил во флоте и его частые отлучки заставляли ее искать развлечений на стороне. Подруге Сара рассказывала, что в 1988 году Эндрю провел дома лишь сорок две ночи. Ферджи не была готова вести жизнь жены морского офицера. Ей не хотелось существовать в семейной казарме или снимать дом возле базы, где служил Эндрю. Когда он возвращался домой, ее это тоже не радовало. Эндрю любил смотреть видео и играть в гольф. Если они выбирались куда-то вместе, поведение мужа ее раздражало: на ужинах его обслуживали первым и он сразу же принимался за еду, не обращая внимания на других гостей. Эндрю любил рассказывать грубые и несмешные морские анекдоты. В доме королевы считали, что он не может контролировать поведение жены, а Сара обижалась на то, что Эндрю не защищает ее перед придворными собственной матери. Эндрю все еще питал нежные чувства к своей жене, а Ферджи, как говорил отец Сары своей любовнице, влюблена не в своего мужа, а в королевскую семью. Теперь же оба «любовных романа», с точки зрения Сары, подошли к концу.

Сара увлеклась красавцем Стивом Уайеттом, уроженцем Техаса. Она познакомилась с ним в Хьюстоне, в доме его матери, наследницы империи «Сакс», Линн Саковиц Уайетт. Отчим Стива, Оскар, был одним из самых богатых и влиятельных людей Техаса. Он мог предоставить Саре роскошное большое ранчо и целую эскадрилью личных самолетов. На самолете Уайеттов Сара летала в Нью-Йорк и за их счет жила в отеле «Плаза Атене».

Роман с Уайеттом продолжился и в Лондоне. Журналисты сфотографировали Сару и ее дочерей с Уайеттом на его вилле в Кап-Ферра (прежде эта вилла принадлежала Сомерсету Моэму), а потом на загородной вечеринке в Глостершире. Тем же летом стали известны скандальные подробности этого романа. Ферджи отклонила приглашение на ужин к лорду и леди Макальпин и вместо этого по настоянию Уайетта устроила в своих апартаментах в Букингемском дворце ужин для иракского торговца нефтью Рамзи Султана. И это в тот момент, когда Ирак вторгся в Кувейт, а Рамзи Султан считался персоной нон грата! Не понимая, какой промах она совершила, Сара, взяв с собой Рамзи и Уайетта (которых никто, естественно, не приглашал), отправилась к Макальпинам, где вела себя более чем откровенно. Нисколько не стесняясь, она добилась для Уайетта приглашения на рождественский бал – в том году бал устраивала королева, на нем должны были отмечать девяностолетие королевы-матери, шестидесятилетие принцессы Маргарет и тридцатилетие принца Эндрю.

Через год обеспокоенная мать вызвала Уайетта в Соединенные Штаты. Собирая вещи, он забыл на шкафу альбом с фотографиями Ферджи и ее дочерей. Фотографии нашла уборщица и тут же продала журналистам. (Позже Сара утверждала, что квартиру обыскивали, а фотографии подбросили нечистоплотные журналисты Daily Mail.) К этому времени у Ферджи уже начался новый американский роман – с Джоном Брайаном, – который и привел к ее окончательному падению.

А вот Диане, которой всегда не хватало уверенности в себе, было ясно, что роман с Джеймсом Хьюиттом, пусть даже самый скромный и временный, может разрушить ее репутацию. Она все еще соперничала с Ферджи за популярность. «В какие бы неприятности ни ввязывалась ее невестка, – писал Джефсон, – принцесса продолжала терзать себя мыслями о том, что та – ее соперница, вместо того чтобы просто использовать ее в собственных интересах» [294]. Иногда соперничество между Дианой и Ферджи вспыхивало с особой силой. Прочитав статью, где журналисты отметили филантропические усилия Ферджи, Диана бросилась к Джефсону: «Патрик! Они слишком много

внимания уделяют этой рыжей…» [295], и началась борьба благотворительности. И пусть некоторые благотворительные мероприятия были организованы по, прямо скажем, довольно циничным мотивам, вела себя Диана абсолютно искренне.

Часто ей приходилось заниматься благотворительностью в тяжелые моменты жизни – Диане было тоскливо, ее изводили в Балморале, невыносимо хотелось перемены обстановки, – но, посещая хоспис, она вовсе не думала, что это – хорошая реклама и занятие более достойное, чем охота, которую так любила ее невестка. Чем меньше королевская семья ценила Диану, тем сильнее была ее потребность в признании и восхищении со стороны народа. Леди Ди хотелось почувствовать любовь и понимание, которых так не хватало дома.

Джефсон часто сопровождал Диану на благотворительных мероприятиях и так отзывался о ней: «С первого дня я увидел, что ей действительно небезразлично… Она была предельно искренна. Я наблюдал чуткую, отзывчивую женщину, обладающую потрясающим материнским инстинктом и знающую о боли не понаслышке… Даже самая лучшая актриса не могла бы так долго и убедительно изображать сочувствие. Тех, на кого это чувство было направлено, невозможно было обмануть» [296].

Придворные королевы, как и члены королевской семьи, надеялись, что брак Уэльсов все же сохранится – хоть в какой-то форме. Личный секретарь королевы, сэр Уильям Хезелтайн, в том году ушел в отставку. На прощание Диана сказала ему: «Не волнуйтесь. Я выдержу» [297].

В 1990 году Чарльз и Диана совершили две официальные поездки – на Дальний Восток и в Венгрию. Они упорно пытались убедить мир, что в их семье все в порядке. Джефсон называет эти поездки «последним красивым жестом единства». Журналисты наживку проглотили – в газетах появились статьи о том, как влюблены друг в друга Диана и Чарльз. Их сфотографировали во время романтической прогулки по Дунаю, на верхней палубе небольшого корабля, они выглядели абсолютно счастливыми. Нужно было знать всю подноготную их отношений, как Джефсон, чтобы понять, какие страсти кипели за красивым фасадом. Диана искусно вела игру против Чарльза.

Во время церемонии встречи она держала за руку жену президента Венгрии (об этом написали все газеты без исключения!), позировала вместе с колоритными мадьярскими табунщиками.

Через пять лет Патрик Джефсон уйдет от Дианы, но в то время она просто покоряла его умением сочетать в себе искренность и расчетливость. Конечно, писал он, ей хотелось

«привлечь к себе внимание, подчеркнуть свою независимость от мужа, продемонстрировать свою силу, которую она не могла выказать открыто. Зарубежные поездки и официальные мероприятия в Англии позволяли ей сказать миру: „Я – не глупая вешалка для одежды! Я не младший партнер в браке, который меня раздражает! Я – личность и буду вести себя так, как сочту нужным“» [298].

В личной жизни Диана вела опасную игру. Перед Рождеством из Германии вернулся Хьюитт, но в январе его должны были отправить в Залив. Страстный роман возобновился. Принц Чарльз об этом знал. Знал он и о романе с Джеймсом Гилби – по-видимому, об этом ему доложил суперинтендант Колин Тримминг, начальник охраны четы Уэльских. В самом конце года Диана узнала, что газета Sun заполучила записи ее телефонных разговоров с Гилби. Владелец Sun и News of the World Руперт Мердок и исполнительный директор News International Эндрю Найт решили, что материал слишком опасен для публикации. Записи заперли в сейф, где они и пролежали два с половиной года. Редакторы News of the World располагали также информацией о романе Дианы с Джеймсом Хьюиттом – об этом журналистам рассказал ординарец Хьюитта, капрал Малколм Лит. Эту историю Найт тоже придержал: просто не поверил, что Диане удалось так искусно скрывать эти отношения.

Диана все еще была влюблена в Хьюитта. Его полк отправился на Ближний Восток – с августа там шла настоящая война. Диана внимательно следила за сообщениями военных корреспондентов и писала Хьюитту нежные письма – порой по четыре в день – о своей любви и одиночестве, доверяя бумаге самые потаенные мысли. Диана призналась, что «наконец-то попыталась понять себя», что больше не может выносить обмана в браке и предъявит Чарльзу ультиматум: «пора что-то делать»… Писала, что с ума сходит из-за того, что «правда о Чарльзе и Камилле… так до сих пор и остается секретом» [299]. Конечно, кое-кто знал об их связи, но из верности монархии и, возможно, из нежелания оказаться в суде (Эндрю и Камилла Паркер-Боулз подали в суд на Пенни Джунор) эти люди предпочитали держать язык за зубами. Диана преисполнилась решимости вывести мужа на чистую воду – и сохранить роман с Хьюиттом в тайне.

Но ситуация осложнилась. Daily Mail получила не только компрометирующие Диану записи. Главный дворцовый репортер газеты, Ричард Кей, сдружился с Хьюиттом на Ближнем Востоке. Журналист даже одалживал Хьюитту свой спутниковый телефон, чтобы тот звонил матери и Диане. Их номера сохранились в памяти телефона [300]. И все же, хотя Диана была хорошо знакома

с редактором газеты, Дэвидом Инглишем – впоследствии Инглиш даже стал ее главным консультантом по вопросам общения с прессой, – в феврале 1991 года имя Хьюитта было названо публично. Сделал это Найджел Демпстер. «Демпстер выследил его, – вспоминал другой журналист. – Я уверен, что информацию ему дал Эндрю Паркер-Боулз. Вероятно, это было сделано для того, чтобы отвлечь внимание от самих Паркер-Боулзов». В следующем месяце газета News of the World опубликовала интервью с бывшей подружкой Хьюитта, Эммой Стюардсон. Она рассказала, что Диана отправляет на Ближний Восток письма и дорогие подарки (Ричард Кей тоже обратил внимание на деликатесы, которые появлялись у Хьюитта).

Однако никто не рискнул назвать Хьюитта и Диану любовниками. Впрочем, Диане было достаточно намеков. Как всегда, она подозревала, что ее используют, что Хьюитт становится «серьезной проблемой», влюблен он не в нее, а в то положение, которое она занимает в обществе. Это было несправедливо: Джеймс Хьюитт искренне любил Диану и их отношения были для него и его карьеры почти столь же опасны, как и для нее. В письмах Диана вселяла в него надежду: писала, что в июле ее жизнь изменится. «Желание Дианы освободиться не ослабевало, – позднее вспоминал Хьюитт, – и у меня появилась надежда, что когда-нибудь в будущем мы можем быть вместе» [301]. Но публикация в News of the World поставила крест на их ожиданиях.

После возвращения Хьюитта из Залива любовники несколько раз встретились, но потом Диана позвонила и сообщила: им лучше расстаться, нужно время, чтобы журналисты забыли об этой истории. Расставание произошло самым обычным образом: когда Хьюитт звонил во дворец, на его звонки просто не отвечали. Его снова отправили в Германию. После возвращения в Англию его полк был расквартирован в казармах Найтсбридж, в миле от Кенсингтонского дворца. Но мечта рухнула. Кен Уорф, с которым Диана обсуждала свои отношения с Хьюиттом, говорит, что она занялась решением других жизненных проблем и этот роман уже был ей не нужен. Однако, когда Хьюитт с достоинством смирился со своей отставкой, Диана слегка разозлилась: она предполагала, что любовник будет протестовать, предпримет хоть какие-то попытки вернуть ее.

Забыв о Хьюитте, Диана сосредоточилась на войне с Чарльзом. Впрочем, во время очередного официального визита, на этот раз в Бразилию, супруги вновь продемонстрировали всему миру полное семейное согласие, и журналисты преисполнились оптимизмом. В газете Sunday Mirror писали: «Они вновь

выступили единым фронтом… их близость воодушевляет практически всех журналистов – и мужчин, и женщин». А ведь еще в декабре Диана говорила Джеймсу Хьюитту, что порой даже не может находиться в одной комнате с Чарльзом.

Во время поездки в Бразилию, несмотря на все попытки сохранить хорошую мину при плохой игре, Чарльз не смог скрыть своей ревности к Диане. Эта ревность проскальзывала в уничижительных замечаниях, причем не только наедине, но и в присутствии британского посла в Бразилии и недавно назначенного посла Бразилии в Великобритании, Пауло Флеча де Лима, и его супруги Люсии. Кстати, Люсия вскоре стала одной из самых близких и верных подруг Дианы. Окружающие замечали, что отношения супругов раскалены до предела: «Они общались друг с другом, но были очень напряжены. Их разговор нельзя было назвать обычным общением мужа и жены. Конечно, иногда он к ней обращался, она кратко отвечала. Но все остальное время он просто игнорировал ее. В самолете она читала газеты, пояснив супруге посла: „Это мое домашнее задание по Бразилии“. Чарльз тут же вмешался: „Да уж, маловато она знает о вашей стране!“» [302]Публичные унижения со стороны наследника трона в присутствии высокопоставленных чиновников только усиливали желание Дианы избавиться от кошмара, в который превратился ее брак.

По словам Хьюитта, Диана планировала «бегство» в июле, после своего тридцатилетия и десятилетия брака. Она говорила, что этот период станет неким рубежом в ее жизни, но при этом не уточняла, что именно она собирается сделать. Возможно, Диана полагала демонстративно порвать с Чарльзом (и обнародовать его отношения с Камиллой), но при этом не разводиться, но жить отдельно, сохраняя положение матери будущего короля. Хьюитт говорил, что Диана медлила, выбирала время для решительных действий, потому что брак Йорков тоже трещал по швам. Сара часто звонила Диане, чтобы посоветоваться, что ей делать. Любовница Рональда Фергюсона (и одно время Стива Уайетта), Лесли Плейер, рассказывала, что Сара и Диана договорились бросить мужей одновременно. Если это действительно так, то Диана была достаточно осмотрительна, чтобы не опережать время. Хьюитт полагает, что на нее активно давил Букингемский дворец, который «не мог позволить, чтобы обе королевские четы одновременно объявили о разрыве отношений. Диане недвусмысленно дали понять, что подобный шаг станет настоящей катастрофой для королевской семьи» [303].

Тем не менее Диана все же обдумывала разрыв с мужем, свидетельством чему могут служить записи ее разговоров с

Гилби: «Я собираюсь завоевать мир самостоятельно, и я оставлю его [Чарльза] позади…» Близкая подруга говорит: «Диана была одержима Чарльзом. Все свои ошибки она совершила только из-за него… чтобы причинить ему боль или чтобы привлечь его внимание». «Она была очень, очень необычным человеком. У этой замечательной женщины, яркой, смелой и непохожей на других, имелась и темная, разрушительная сторона натуры» [304]. Беседы Дианы с Эндрю Мортоном, изложенные в книге «Диана: ее истинная история», эта подруга считает «первым шагом к саморазрушению». Диана же объясняла свое решение настоятельной психологической потребностью: «Я сделала это, потому что жизнь моя стала невероятно сложной. Чтобы выжить, я должна была рассказать людям, какие муки мне пришлось пережить» [305]. Но в то же время ее откровения могли быть местью Чарльзу и Камилле.

Мортон сам был удивлен, что она решилась откровенничать с совершенно посторонним человеком. «Если она решила подобным образом отомстить мужу, то это был безжалостный и довольно глупый шаг, – сказал он в интервью. – Если она хотела изменить свою жизнь, проще было бы поговорить с королевой и принцем Чарльзом» [306]. Диана не сразу решилась сделать с Мортоном книгу, она знала, что Мортон был членом «королевской стаи». С этим симпатичным, образованным и довольно талантливым человеком она была уже знакома, и они иногда общались. Мортон также приятельствовал с доктором Джеймсом Колтхерстом, давним другом Дианы. Колтхерст выступил в роли посредника между Мортоном и Дианой. Через него Мортон оказывал Диане некоторые услуги: посоветовал ей самый удобный и безопасный способ общения со своим парикмахером, Ричардом Далтоном, чтобы тот не передавал в прессу ненужную информацию, – рекомендовал Диане написать Далтону честное письмо, купить ему хороший подарок и договориться. Стратегия сработала. Мортон не раз радовал Диану, благожелательно отзываясь о ней в своих статьях.

«Думаю, она хотела, чтобы люди узнали, какова на самом деле ее жизнь. Я назвал ее „узницей дворца“, что соответствует истине. Диане было тесно в ее окружении. Она чувствовала, что выхода нет, и была абсолютно беспомощна – и как женщина, и как человек. Она ощущала себя в ловушке – не в браке, а в системе в целом. Диане понравилось, что хоть кто-то захотел сделать ей приятное. А я писал симпатичные небольшие статьи и помог ей с Далтоном. Подобные мелочи много значат. Когда человек не может наладить собственную жизнь, ему необходимо иметь возможность контролировать хотя бы кого-то другого,

например меня» [307].

В мае 1991 года Колтхерст приехал в Кенсингтонский дворец с магнитофоном и списком вопросов. Ни он, ни Мортон не были готовы к тому, что работа окажется столь грандиозной – Диана говорила несколько часов без перерыва. «Первая запись была… не могу подобрать верного слова… настоящей отчаянной исповедью… Ей хотелось рассказать обо всем, о десяти годах предательства и несчастья, депрессии и страха… Словно плотину прорвало… Продумала ли она все заранее? Могу точно сказать: нет! Потому что нам с Майклом [Майкл О'Мара, издатель Мортона] и Джеймсом пришлось многое продумывать за нее. Например, идея пригласить друзей, которые могли бы поддержать ее, принадлежала не ей, а нам» [308]. Добавьте к этому аристократическую небрежность, унаследованную от Спенсеров, да еще и от матери, «скакалки» Фрэнсис, которая всегда шла напролом, не думая о последствиях. Мортон считает, что Диана решилась на этот шаг, чтобы выставить на всеобщее обозрение роман Чарльза с Камиллой прежде, чем станет известно о ее собственных отношениях с Джеймсом Хьюиттом. Диана хотела всем рассказать о кошмаре своего брака, о своей роли в королевской семье, о поведении Чарльза и Камиллы, о собственной беспомощности перед супружеским предательством.

Друзей Дианы было решено привлечь после того, как стало ясно, что версия событий, изложенная принцессой, не всегда соответствует истине. В книге «Диана: ее истинная история» принцесса рассказывает о реалиях своей жизни, как они представлялись ей в 1991–1992 годах (позже Диана часто говорила, что в 1996 году она многое видит не так, как в 1991-м). Тогда ее более всего занимали отношения Чарльза и Камиллы, ее собственная болезнь, предсказания астрологов и те ограничения, которые сковывали ее как члена королевской семьи. Самое тяжелое свидетельство – это слова Кэролайн Бартоломью, которая знала Диану еще со школы. Она с тревогой следила за тем, как ухудшается здоровье и состояние подруги. «Сейчас она абсолютно несчастлива, но когда-то была счастливой…» – призналась Кэролайн Мортону. Друзья Дианы считали себя обязанными помочь ей, рассказав о той лжи, в которой ей приходилось существовать.

Диана, безусловно, страдала от условностей и ограничений «системы», а королевский круг всегда остерегался Дианы, еще до июня 1992 года, когда вышла книга Мортона. Диана всегда была какой-то чужой и непонятной. Хаос, царящий в секретариате принца Уэльского в Сент-Джеймсском дворце, Букингемским дворцом всегда воспринимался как нечто забавное и

малозначимое. «Букингемский дворец функционирует спокойно и эффективно, потому что люди несколько десятилетий назад усвоили, чего хочет королева и как этого добиться, – говорил один из помощников Дианы. – Думаю, что с точки зрения Букингемского дворца Сент-Джеймсский казался сумасшедшим домом, главным пациентом которого была эта странная, очень высокая, очень красивая, обворожительная, очень сильная и царственная женщина – Диана» [309].

До 1990 года личным секретарем принца и принцессы Уэльских был обаятельный сэр Джон Ридделл. Аристократ, за плечами которого был Итон, Стрелковая бригада принца-консорта и Сити, отвечал за отношения с Букингемским дворцом, где главным личным секретарем стал зять Дианы, Роберт Феллоуз. Помогал ему Робин Жанрен, учившийся в Мальборо-колледже и служивший затем в Министерстве иностранных дел. Но даже он воспринимал помощников принцессы, Анну Беквит-Смит и Патрика Джефсона, весьма несерьезно и снисходительно: «Ее королевское высочество делает очень мало, но отлично с этим справляется… У принца был свой секретариат еще до появления Дианы. Чарльз никогда не рассчитывал, что она будет чем-то заниматься. Когда же Диана стала приобретать все большую самостоятельность, секретариат не смог предложить ей ничего, кроме чисто декоративной роли. И когда она прекрасно справлялась со своими королевскими обязанностями, к этому относились со снисходительным удивлением», – вспоминал помощник принцессы [310].

Ридделл с радостью покинул беспокойную службу у Уэльсов ради Сити. На какое-то время его пост занял сэр Кристофер Эйри, а затем его заместитель, командор Ричард Эйлард, бывший морской офицер, преподававший зоологию в университете Ридинга и с 1985 по 1988 год занимавший должность конюшего Дианы. Когда он покинул ее, чтобы стать помощником личного секретаря принца и главой аппарата принца и принцессы, Диана посчитала его изменником. И позже она видела в нем врага – ведь в 1991 году он стал личным секретарем и казначеем принца.

Сторонники принца при дворе считали Диану «загадкой и угрозой, которую следует всячески унижать, обманывать и избегать, а также сдерживать всеми возможными способами. Часто можно было слышать, что „ее нужно было бы запереть в клетку, чтобы она причиняла как можно меньше вреда…“» [311]Если главные помощники королевы Роберт Феллоуз и Робин Жанрен «изо всех сил старались оставаться объективными, чтобы не тревожить королеву неприятными известиями… люди из лагеря принца – а к ним относились не только сотрудники Сент-

Джеймсского дворца – стремились настроить двор и королевскую семью против Дианы. На мой взгляд, это было проявлением высокомерия и двойных стандартов, особенно если учесть, что корона предпочитала сохранять спокойный нейтралитет» [312].

Британский высший свет – от придворных до аристократов и их близких по всей стране – представляет собой уникальную и очень изолированную силу. Неудивительно, что Диана чувствовала себя запертой в ловушку и очень одинокой. Ей приходилось бороться за выживание. Она не могла рассчитывать на поддержку семьи: слишком часто она ссорилась с матерью и бабушкой. Фрэнсис была далеко. Она жила собственной жизнью на западе Шотландии – держала небольшой сувенирный магазин и занималась общественной деятельностью, которую высоко ценили местные жители. Но за советами и утешением Диане приходилось обращаться к леди Аннабел Голдсмит и супруге посла Бразилии. Фрэнсис Шэнд Кидд была очень красивой женщиной. Внуки ее обожали и назвали «супербабушкой». Но к дочери она относилась на удивление беспечно, и рассчитывать на поддержку матери Диана не могла.

«Боюсь, что члены ее [Дианы] семьи, не могли да и не хотели поддерживать Диану в сложных ситуациях, когда ей это было крайне необходимо. Она слишком часто и серьезно ссорилась с матерью…» [313]По словам Эндрю Мортона, Диана «постоянно испытывала чувство разочарования в отце». «Судя по книге посетителей дворца, он мог приехать в шесть часов и уже через восемь минут уехать. Диана обожала его… Она очень сильно его любила… Помню, как он позвонил из Японии, чтобы спросить, какой подарок доставил бы ей самую большую радость. А она ответила: „Мне не нужны подарки. Мне просто хочется, чтобы ты был здесь, рядом со мной“» [314]. Но Джонни чувствовал себя плохо и целиком зависел от Рейн. К тому же в сентябре 1991 года вследствие продажи сокровищ Олторпа в семье Спенсеров произошел очередной скандал.

Диана не могла рассчитывать и на поддержку обожаемого брата Чарльза и сестер. Они были заняты собственными проблемами. Брак Чарльза сложился неудачно. Джейн полностью была занята карьерой мужа в Букингемском дворце. А Сара, по словам общей подруги, «предпочитала держаться от Дианы на безопасном расстоянии».

Поэтому Диане приходилось полагаться только на друзей и союзников. Война против Чарльза приобрела публичный характер. К сожалению, Диана и многие журналисты решили сделать акцент на том, какой плохой отец Чарльз и какая прекрасная мать Диана. Любимая газета Дианы Daily Mail

напечатала большую статью о ее прогулках с детьми в Торп-парке. Заголовок был многозначительный: «ЧАРЛЬЗ – ВЕЧНО ОТСУТСТВУЮЩИЙ ОТЕЦ». Журналист задавался вопросом: «Почему мы не наблюдаем в нем той же теплоты, любви и нежности по отношению к сыновьям, как в Диане?» Потом Диана с Уильямом и Генри отправилась кататься на горных лыжах в австрийский Лех. И снова Чарльз с ними не поехал, и пресса обратила внимание на его отсутствие.

В июне журналисты обрушились на Чарльза по очередному поводу: Уильям получил сильный удар по голове во время игры в гольф в частной школе Ладгроув – был поврежден лоб. Чарльз и Диана привезли сына из Ладгроува в детскую больницу на Грейт-Ормонд-стрит. Чарльз счел операцию несложной, поэтому решил выполнить свои официальные обязанности – вместе с британскими и европейскими официальными лицами присутствовал на «Тоске» в оперном театре, а потом отправился в Йоркшир на очередную деловую встречу. Диана же провела ночь у постели сына. На следующий день об этом писали все газеты. Журналисты противопоставляли безразличие Чарльза и исключительную материнскую преданность Дианы. «ЧТО ЖЕ ТЫ ЗА ОТЕЦ?» – вопрошала Sun. Другой заголовок гласил: «УТОМЛЕННОЕ ЛИЦО ЛЮБЯЩЕЙ МАТЕРИ». Чарльз страшно обиделся. Он обвинил Диану в том, что она преувеличила серьезность травмы сына в собственных интересах. Но у Дианы было куда больше поводов обижаться. Она не получала ни малейшей поддержки со стороны Чарльза, и ей приходилось делиться чувствами с друзьями.

В действительности поведение Чарльза и Дианы объяснялось тем, что они не могли выносить общество друг друга. Судя по всему, детям было лучше с одним из родителей, чем в присутствии обоих. Естественно, сыновья не могли не знать об ожесточенных ссорах родителей. Уильям подслушивал под дверью, ловя каждое слово. Позже Диана рассказывала журналистам, что, когда она уходила плакать в ванную, старший сын подсовывал под дверь бумажные салфетки. Как-то раз Гарри буквально набросился на отца. Он колотил его кулаками, пинал ногами с криками: «Я тебя ненавижу! Я тебя ненавижу! Из-за тебя мамочка плачет…»

Диана продолжала свою кампанию в прессе. Популярные газеты с большими тиражами вроде таблоида для среднего класса Daily Mail были на ее стороне. Немалую роль в этом сыграл редактор Дэвид Инглиш и репортер Ричард Кей. Инглиш назначил Кея ответственным за общение с принцессой. С симпатией к Диане относились и другие известные журналисты –

Энтони Холден и Эндрю Мортон. В то время Мортон был фрилансером. Работая над книгой о Диане, он печатал благожелательные статьи о ней во влиятельной газете Sunday Times. В таблоидах сторону принцессы приняли Джеймс Уитакер и Гарри Арнольд. А Найджел Демпстер из Mail и Росс Бенсон из Express принадлежали к кругу Чарльза и, естественно, горой стояли за принца.

Диана собиралась использовать свое тридцатилетие (1 июля 1991 года) и десятую годовщину свадьбы (29 июля 1991 года) для того, чтобы как-то определиться со своим семейным положением. Конфликт перешел в следующую стадию. Она была увлечена работой с Мортоном над книгой и собиралась на торжествах сделать какие-то драматические заявления. Диане не хотелось упускать возможность для демонстрации своих чувств. 28 июня в Mail была опубликована статья о том, что Диана намеревается отпраздновать свой день рождения без мужа [315]. Судя по всему, инициатором статьи стал Дэвид Инглиш. Диана предполагала отметить день рождения в Лондоне – близкие друзья были приглашены на вечеринку в «Савой». Чарльз же останется в Хайгроуве. «Эта информация поступила исключительно от Дианы», – сообщил Найджел Демпстер биографу Дианы Салли Беделл Смит. Через два дня ему позвонила одна из подруг Чарльза и дала совершенно другую информацию: «Чарльз предложил ей отметить день рождения как угодно – устроить обед, ужин, бал… Но она отказалась, потому что хотела казаться жертвой».

Демпстер в большой статье в Mail под заголовком «ЧАРЛЬЗ И ДИАНА: ПРИЧИНЫ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА» писал, что Диана отклонила все предложения Чарльза по празднованию ее дня рождения. «Холодность и отчуждение между супругами явно усиливаются» [316]. Статья произвела фурор. Супруги довольно скромно отметили десятилетие своего брака в Хайгроуве. Мортон опубликовал статью в Sunday Times, в которой уверял, что принц и принцесса помирились. Впрочем, он выдавал желаемое за действительное: Мортон признавался, что опубликовал статью только для того, чтобы отвлечь журналистов от темы несчастливого брака и укрепить свою репутацию королевского репортера. Он чувствовал, что его коллеги вот-вот возьмут след и смогут его опередить. «Я написал эту статью, чтобы сбить их с толку, – говорил он, – и специально для Дианы. Главным для нее в тот момент была моя книга… План заключался в том, чтобы повысить собственную репутацию, показать искушенным наблюдателям… что я знаю, о чем говорю, но в то же время не позволить им проникнуть в суть происходящего» [317]. Для книги

Мортону были необходимы серьезные доказательства измены Чарльза, и в августе Диана нашла письма Камиллы к Чарльзу (как ей это удалось, неизвестно). Эти письма глубоко ее оскорбили, и она показала их Мортону.

По словам Сары Фергюсон, в 1991 году они с Дианой впервые заговорили о немыслимом ранее: о разводе с членами королевской семьи. Они целыми ночами болтали по телефону, делясь секретами и перебрасываясь шуточками, понятными только им одним. Сара даже прислала Диане видеокассету с фильмом «Великий побег». Придворные королевы и ее помощники, которых Сара и Диана называли «серыми людьми», и в особенности «мистер Зет» (явно Роберт Феллоуз), чувствовали, что Сара выходит из-под контроля. Ситуация с Рамзи Султаном привлекла внимание к отношениям Сары со Стивом Уайеттом. «Новые американские друзья» были не теми людьми, с которыми следовало бы общаться членам королевской семьи. У Сары имелись немалые долги. Для покрытия ее расходов для нее был открыт неограниченный кредит в «банке королевы», Courts & Co. Она свободно летала по всему миру, и дорожные расходы явно превышали расходы на исполнение официальных обязанностей.

В 1990 году список мероприятий, в которых должна была принять участие герцогиня Йоркская, оказался самым коротким в королевской семье – даже у девяностолетней королевы-матери было на десять больше. Сара Фергюсон была симпатичной, веселой и энергичной женщиной, но, по словам одного из приближенных королевы, «она не была скроена для роли принцессы» [318]. «Ферджи, – говорит другой придворный, – всегда жила полной жизнью. Запереть ее при дворе было все равно что посадить в клетку дикое животное. Зверь всегда захочет вырваться» [319].

Тем летом в Балморале Сара и Диана вели себя как девочки-подростки. Как-то вечером после ужина они выскользнули из дома через черный ход, взяли квадроцикл и помчались по полю для гольфа, уродуя газон. Мало того, они остановились перед домом Роберта Феллоуза и стали звонить в дверь, хотя была почти полночь. Затем они «освободили» лимузин королевы-матери. Диана надела шоферскую фуражку, а Сара уселась на заднем сиденье, изображая престарелую дому. После этого лимузин сорвался с места и начал нарезать круги вокруг замка. Принцессе Уэльской было тогда тридцать лет, герцогине Йоркской – тридцать два.

Две испорченные принцессы привыкли к тому, что каждое желание члена королевской семьи должно исполняться беспрекословно. Но они не понимали своего истинного

положения. «Самое печальное заключается в том, – говорит одна из фрейлин королевы-матери, – что ни Диана, ни Сара Фергюсон не получили никакого образования. Они не представляли, что такое конституционная монархия, им казалось, что это некая смесь Голливуда и фильмов с Уильямом Хикки. Они считали, что жизнь их станет бесконечной сказкой в обществе романтических принцев, а все вокруг будут радоваться и приветствовать их. Не думаю, чтобы они понимали, что такое жизнь королевской семьи» [320].

Они принадлежали к поколению, которое не было готово идти на компромиссы, стремились лишь к удовлетворению своих желаний, не представляя реальных последствий своих действий. Именно они несут ответственность за самый серьезный кризис британской монархии наших дней – катастрофу подобной силы Букингемский дворец переживал лишь в 1936 году, когда Эдуард VIII отрекся от трона, чтобы жениться на любимой женщине.

13. Извержение вулкана

…вокруг ощущалась атмосфера грядущего несчастья… Во дворце все понимали, что вулкан готов взорваться, и были в ужасе, потому что не знали, что делать. И Диана перед выходом книги писала: «Я чувствую, что вулкан вот-вот взорвется, но я справлюсь…»

Эндрю Мортон [321]

Люди из королевского окружения из последних сил старалась сдерживать бури, бушующие в браках Уэльсов и Йорков. И никто не удосужился предупредить королеву о том, что может произойти. В 1992 году должно было праздноваться сорокалетие восшествия Елизаветы на престол. В рождественском обращении к народу королева, не подозревая, какие страсти бушуют рядом с ней, особое внимание уделила семейным ценностям и заверила в своей готовности служить народу как достойный монарх: «Вашими молитвами и с вашей помощью, с любовью и поддержкой моей семьи я буду стараться помогать вам в предстоящие годы…»

Первый удар ожидал королевскую семью в первый же месяц наступившего года. 15 января газета Mail опубликовала фотографии Стива Уайетта и Сары Фергюсон с детьми на отдыхе. Фотографии случайно нашла уборщица в лондонской квартире Уайетта после того, как тот оттуда съехал. На этот раз у наивного и терпеливого принца Эндрю, по выражению его тестя, «снесло крышу». «Это были всего лишь отпускные фотографии, – говорил Рональд Фергюсон Лесли Плейер, – но на них этот техасец развалился в плетеном кресле, обняв ее [Сару]. Но больше всего Эндрю разозлили фотографии маленькой Беатрис – она была совершенно голенькой, и Стив играл с ней…» [322]

Через шесть дней после публикации Эндрю и Сара решили развестись. Они отправились в Сандрингем, чтобы сообщить королеве о своем решении. Как вспоминает Сара, королева попросила их подумать и не делать скоропалительных заявлений. В автобиографии Сара писала, что решила развестись с Эндрю, чтобы избавиться от «фирмы», где «серый человек Z» (Роберт Феллоуз) объединился с «серым человеком X» (Чарльзом Энсоном). Не упоминая о событиях личной жизни, которые

привели ее к решению о разводе, Сара винит во всем «серых мужчин» и их прямолинейную тактику. По ее словам, они вознамерились устранить ее и защитить Диану. Сара не упоминает об Уайетте, который в том месяце отбыл в США, поклявшись в вечной любви, равно как и о другом техасце, который его заменил, Джоне Брайане. Сара явно ожидала, что Диана последует ее примеру и выйдет из семьи, но очень скоро стало ясно, что принцесса Уэльская делать этого не собирается – пока. Решив, по-видимому, дистанцироваться от сплетен, окружающих Сару, Диана ушла в тень.

18 марта Daily Mail напечатала материал Ричарда Кея и Эндрю Мортона, где журналисты писали: «Дворец собирается объявить о разводе герцога и герцогини Йоркских». Статья заставила дворец действовать. На следующий день было опубликовано заявление о том, что адвокаты герцогини Йоркской инициировали процесс официального развода. В заявлении содержалось обращение к журналистам с просьбой оградить герцога, герцогиню и их детей от «навязчивого вмешательства». Эта надежда, естественно, оказалась тщетной. Сара немедленно заподозрила в произошедшем Диану, поскольку Ричард Кей и Эндрю Мортон считались друзьями принцессы Уэльской. Вполне возможно, что именно она «натравила» журналистов на невестку, чтобы скрыть собственную семейную ситуацию и отвлечь от себя внимание в преддверии июньской публикации книги Мортона.

В Саннингхилл-парк пригласили специалиста по связям с общественностью. Он приехал, но нашел только Эндрю. Сара была наверху с Джоном Брайаном, который теперь занимался всеми ее делами. Позже они спустились в гостиную в состоянии явного возбуждения. Сара сразу набросилась на пиар-агента, обвинила его в плохой работе и заявила, что Джон Брайан был бы ей куда полезнее. Страсти накалились, Йорки покинули гостиную. Затем последовала неприятная сцена с битьем посуды. Свидетели заметили, что Эндрю явно боится Сары и – под явным влиянием брата Чарльза – ненавидит Диану, с которой раньше был дружен.

Диана была занята собственными делами. Она не собиралась ввязываться в неприятности невестки, которые та сама накликала на свою голову. Она отдалилась от Сары и начала свою рекламную кампанию. В феврале Чарльз и Диана отправились в Индию. Там была сделана знаменитая фотография «одинокой принцессы» – задумчивая Диана сидит на фоне Тадж-Махала, романтического памятника вечной любви Великого Могола Шах-Джахана к своей умершей супруге Мумтаз Махал. Эта фотография свидетельствует, что Диана превосходно понимала, как следует

подать себя публике, хотя снимок был самым обычным, сделан с единственной точки, куда позволили пройти журналистам. Чарльз сам сидел на той же скамье двенадцатью годами раньше. Тогда он произнес пророческие слова: «Когда-нибудь мне хотелось бы привести сюда свою жену». Когда фотографы снимали Диану, Чарльз находился на встрече с бизнесменами в Бангалоре – во время подобных визитов супруги часто исполняли официальные обязанности порознь.

«Проблема подобных визитов, – вспоминал пресс-секретарь королевской четы Дики Арбитер, – заключалась в том, что длились они всего четыре дня, максимум пять, обязанностей было много, и, чтобы все успеть, Чарльзу и Диане приходилось разделяться и исполнять свой долг» [323]. Журналисты же, чуя неладное, истолковали фотографию по-своему – именно так, как и хотела Диана. Столь же хитроумно она поступила во время «поцелуя, которого никогда не было». После игры в поло Чарльз наклонился, чтобы поцеловать Диану для официальной фотографии, но она в последний момент отвернулась, и он неловко ткнулся ей в шею. «О, ЧАРЛЬЗ, ТЫ МОГ БЫ И ЛУЧШЕ!» – иронизировала Mirror. Столь продуманные образы семейных трудностей вызывали у дворца беспокойство. До чиновников уже доходили слухи о готовящейся к публикации книге Мортона. Делалось все, чтобы сохранить брак наследника престола, но ситуация с каждым днем ухудшалась.

29 марта в больнице Веллингтона на севере Лондона неожиданно умер от сердечного приступа Джонни Спенсер. Он лег в больницу с воспалением легких, и смерть его стала полнейшей неожиданностью. Еще 25 марта Диана навещала отца, взяв с собой Уильяма. Он чувствовал себя неплохо, и на следующий день Чарльз и Диана с детьми улетели в Австрию кататься на лыжах. Умер Джонни в одиночестве. Даже Рейн и та уехала в Олторп на какое-то благотворительное мероприятие. Печальное известие настигло Диану в Лехе. В Англию она вылетела без Чарльза. В таком горе она не хотела снова демонстрировать журналистам «счастливую семью». Чарльз, его личный секретарь Ричард Эйлард и Дики Арбитер пытались убедить ее в том, что лететь нужно вместе с мужем. Только так можно было спасти публичный имидж принца и королевского брака. Королева лично позвонила Диане, чтобы та прилетела в Лондон с мужем. Диана уступила. Но отчуждение между супругами уже достигло такого уровня, что, прибыв в Кенсингтонский дворец, Чарльз сразу же отправился в Хайгроув, а Диана оплакивала обожаемого отца в одиночестве.

1 апреля она отправилась в Олторп на похороны. Церемония

проходила в семейной церкви в Грейт-Брингтоне. Чарльз прилетел на вертолете, чтобы прибыть в церковь вместе с женой, как и подобает хорошему супругу. Сразу же после поминальной трапезы он улетел в Лондон. Стоя у гроба отца рядом с Рейн, Диана решила сделать первый шаг к окончанию бесконечной вражды с мачехой. «На похоронах Джонни Диана совершила очень трогательный поступок, – вспоминал один из родственников. – Они сидели по разные стороны от гроба. Когда все кончилось, Диана подошла к Рейн, взяла ее под руку, и из церкви они вышли вместе. Это произвело на меня потрясающее впечатление. Я почувствовал, что Диана готова примириться – поэтому она сделала этот шаг перед всем приходом… Заметили все. И я подумал, как это трогательно – поддержать Рейн в такую минуту, чтобы она не осталась в одиночестве» [324]. Фрэнсис Шэнд Кидд на похоронах не присутствовала, но 19 мая она все же посетила мемориальную службу в Лондоне.

В те дни Диана уже стояла на краю бездны – началась предварительная публикация фрагментов из книги Мортона, и это еще сильнее отдалило принцессу от королевской семьи. Какое-то время Диана пребывала в эйфории. Ей казалось, что это триумф, она победила Чарльза и Камиллу, выставив их отношения напоказ и рассказав всем о крушении «сказочного» брака века. Но не прошло и месяца, как она начала испытывать на себе последствия необдуманного поступка. «Я был с ними на выставке „Экспо-92“ в Севилье, – вспоминает один из приближенных принцессы. – Диана сказала: „Вы не представляете, что я сделала“. Она была напугана, по-настоящему напугана…» [325]

Бывшему кинопродюсеру и будущему пэру Дэвиду Патнему она говорила: «Я совершила такое, о чем буду жалеть всю жизнь…» В марте она сидела рядом с Патнемом на ужине для представителей медиаиндустрии в отеле «Клариджес». Диана призналась, что смертельно боится последствий своего шага. Патнем в то время управлял Национальным фондом борьбы со СПИДом, а Диана была президентом фонда. «Она говорила о том, что хочет сделать нечто необычное, серьезное, – вспоминал Патнем, – поэтому я организовал встречу так, чтобы она смогла обратиться ко всем медиамагнатам: Руперту Мердоку, Конраду Блэку… Она была просто в ужасе, поэтому я ей помог. Мы спланировали все ее действия… Она была великолепна – и знала об этом. Ее выступление по поводу распространения СПИДа среди женщин было очень „взрослым“ и „серьезным“».

Возможно, увидев перед собой руководителей крупнейших английских изданий, Диана впервые поняла, во что ввязалась. За

ужином, к удивлению Патнема, она «неожиданно начала рассказывать о своей несчастной семейной жизни: „Никто из нас не идеален, но я совершила огромную глупость. Я позволила написать об этом книгу. Мне казалось, что это хорошая идея, что книга разрядит атмосферу, но теперь я думаю, что это была самая большая глупость в моей жизни, которая породит массу проблем. Мне бы хотелось прокрутить пленку назад“» [326].

В тот день, когда началось издание фрагментов книги Мортона, Диана в панике позвонила пресс-секретарю королевской четы Дики Арбитеру: «Что мне делать?» «Поздно что-то делать, – ответил Арбитер. – Почему вы не обратились ко мне раньше? Ведь я еще четыре месяца назад спрашивал, не нужна ли вам какая-нибудь помощь в связи с книгой Мортона? Вы категорически отказались». И с того дня Диана постоянно повторяла: «Мне никто не хотел помочь» [327].

В этот период Диана смогла продемонстрировать и личную смелость по отношению к семейным проблемам, и свою ценность как представителя королевской семьи и британской нации. 10 мая она отправилась с официальным визитом в Египет. Личный секретарь принцессы, Патрик Джефсон, вспоминал, что принцесса отправилась в официальный визит на самолете, оплаченном британскими налогоплательщиками, но самолету пришлось сделать промежуточную посадку в Турции, чтобы высадить принца и его друзей (надо отметить, что это был восьмой «отпуск» Чарльза за тот год). Когда Диана возвращалась в Лондон, тому же самолету пришлось совершить второй рейс в Турцию, поскольку планы принца не совпали с официальным графиком принцессы. В самолете Диана немного всплакнула, предвидя скандал с книгой Мортона, но старалась держать себя в руках. Ей не хотелось показывать свою слабость друзьям принца. Перед прилетом в Каир она окончательно собралась и провела визит блестяще.

«Сколь бы близка ни была Диана к краю, – вспоминал Джефсон, – она всегда умела собраться и превращала неминуемую катастрофу в истинный триумф». Во время встречи в аэропорту Диана выглядела безукоризненно. Она буквально излучала достоинство, профессионализм и уверенность в себе. «Интересно, – писал Джефсон, – представляли ли ее враги истинный характер этой женщины, которую они всеми силами пытались затянуть в болото королевской жизни?» [328]Диане удалось завоевать сердца не только президента Хосни Мубарака и его супруги, но и всех сопровождавших ее журналистов. Она не проявила ни малейшей слабости. Репортер Sunday Times восхищался ее смелостью: «Требуется недюжинная уверенность в

себе, чтобы после только что появившихся известий о ее браке войти в комнату, где собралась целая толпа репортеров таблоидов. Преображение Дианы просто невероятно! Она никогда не была блестящей интеллектуалкой, но это очень умная, резкая женщина, обладающая немыслимо сильным характером!» [329]

И все же Диана недооценила эффект разорвавшейся бомбы, какой произвели ее откровения о семейной жизни. Большинство населения твердо верило или хотело верить в то, что в 1981 году началась настоящая сказка. Первая публикация появилась на страницах Sunday Times 7 июня 1992 года. Диана откровенно рассказала о своих психологических проблемах, булимии и депрессии – в том числе и о попытке самоубийства в Сандрингеме, которой вообще-то не было. Столь же откровенно она сообщала о неверности Чарльза, о его романе с Камиллой и жестокости к жене. Нация была шокирована и потрясена. Разочарование в королевской семье и в институте монархии в целом было колоссальным.

Нельзя сказать, что откровения Дианы были полной неожиданностью. К этому времени все уже знали о выходках Сары и Дианы. Герцог и герцогиня Йоркские продали свои семейные фотографии с детьми журналу Hello! В 1992 году принцесса Анна развелась с Марком Филлипсом – развод сопровождали слухи о ее романе с телохранителем. Жители Средней Англии, которые привыкли видеть в королевской семье образец для подражания, стимул к тому, чтобы «вести себя лучше», были потрясены. Наследник трона оказался настоящим чудовищем: циничный изменник, который жестоко обошелся со своей невинной невестой и эгоистично пренебрегал отцовскими обязанностями. Эту тему Диана особенно любила, снова и снова повторяя журналистам: «Он – плохой отец, отец-эгоист. Дети для него ничего не значат».

Образ жертвы освобождал Диану от гнета ультратрадиционной семьи. Холодный муж, имеющий любовницу на стороне, помог ей завоевать сердца широкой публики, на что Диана и надеялась. Ей умело удалось представить себя невинной жертвой, принесенной на алтарь династии, и образ получился довольно убедительным. Сначала была сделана попытка представить статьи как чисто журналистские инсинуации. Диана не раз говорила, что ее зять, Роберт Феллоуз, отказался ей помогать. Феллоуз убеждал председателя Комиссии по жалобам на прессу, лорда Макгрегора, в том, что принцесса не имеет отношения к этим публикациям. Он сделал заявление, в котором обвинил журналистов в «желании копаться грязными руками в душах людей». Друзей принцессы, которые принимали участие в

создании книги Мортона, обвинили в предательстве – якобы они сознательно открыли секреты Дианы журналистам. По просьбе мужа Кэролайн, Уильяма Бартоломью, была организована фотосессия. Уильям был преисполнен решимости доказать всему миру, что Диана поддерживает его жену [330]. Один из фотографов рассказывал кузине королевы о том, что Диана сама позвонила ему и сообщила, в какое время будет в доме Бартоломью в Фулеме [331]. Диана продемонстрировала, что одобряет действия Кэролайн, а фотографии из семейного альбома Спенсеров придали книге Мортона необходимую достоверность. Одна из участниц проекта, подруга директора News International Эндрю Найта, Анджела Сирота, говорила Найту о том, что Диана сама позволила своим друзьям сотрудничать с Мортоном [332].

Когда появились фотографии из дома Бартоломью, Макгрегор, положившийся на слова Роберта Феллоуза, сразу же позвонил ему в Париж, где тот находился с королевой. Макгрегор обвинил Феллоуза в обмане. Феллоуз несколько раз спрашивал у Дианы, участвует ли она в проекте Мортона, и та каждый раз категорически это отрицала. Разумеется, Роберт ей поверил. Он очень нежно относился к сестре своей жены, которую знал с детства. Будучи честным человеком твердых христианских принципов, он даже представить не мог, что Диана ему лжет. Он извинился перед лордом Макгрегором и всей комиссией за то, что ввел их в заблуждение, и попросил у королевы отставки. Королева ему отказала.

Все это пагубно сказалось на отношениях Дианы с сестрой и ее мужем – она солгала Феллоузу, предала его доверие и повредила карьере. Диана продолжала отрицать свое участие в создании книги, она отрицала даже факт своего общения с автором. Но ей никто уже не верил. Истина вышла на свет лишь после смерти Дианы, когда Мортон опубликовал выдержки из записей своих разговоров с принцессой.

Диане удалось добиться цели: она продемонстрировала ужасы своего брака и завоевала симпатии широкой публики. Но британские влиятельные круги были в ярости. Поведение Дианы сочли предательством по отношению к королеве и монархии. Это был саморазрушительный шаг на пути окончательного разрыва с принцем. Диана никогда не хотела развода. Она все еще любила Чарльза – любила до одержимости. И она хотела, чтобы он оставался ее мужем. Диана надеялась, что сможет сохранить свое положение – останется членом королевской семьи, будет жить с детьми, останется принцессой Уэльской и будет иметь собственный двор. «Диана никогда не собиралась разводиться», – подтверждает Дики Арбитер.

Хотя на личной встрече с Чарльзом в день после начала публикации книги Мортона супруги согласились расстаться на основании полной несовместимости, Диана продолжала обижаться на холодное отношение к ней. Она не собиралась играть роль покладистой королевы Александры в пьесе, где Чарльзу и Камилле отводились роли Эдуарда VII и миссис Кеппел. Как и Сара Фергюсон, Диана была представительницей современного поколения. Молодые женщины не собирались участвовать в светском браке, где ни верность, ни любовь не играли никакой роли. Но, в отличие от Сары, по эгоистическим соображениям бросившей мужа, который любил ее и прощал ей все выходки и неверность, у Дианы были основания жаловаться. Жестокий, эгоистичный муж цинично использовал и отбросил любящую, неопытную жену. Он был неспособен дать ей ни любви, о которой она мечтала, ни нормальной семейной жизни. Она видела, что Чарльза поддерживает светское общество и правящие круги – и невозможно сказать, что Диана ошибалась. Королевская семья целиком и полностью была на стороне Чарльза, а Диане отводилась роль молчаливой жертвы.

Вот что писал Джонатан Димблби о начале публикации книги Мортона: «После публикации первого фрагмента книги многие ближайшие друзья принца, в том числе Ромси и ван Катсемы, решили рассказать королеве и принцу Филиппу, как стоически принц выдерживал невыносимый брак. Ошеломленные этим вмешательством и шокированные тем блицкригом, в который вылилась публикация книги, королева и герцог, которые не собирались принимать какую-либо сторону, все же решили поддержать принца. Герцог написал ему длинное письмо, в котором хвалил выдержку Чарльза, достойную святого. Вот в такой обстановке королева и принц впервые обсудили возможность развода с принцессой» [333]. Принц проконсультировался с известным адвокатом лордом Гудменом, но никаких других шагов не предпринял.

Поскольку Димблби был официальным биографом Чарльза, он отлично представлял позицию принца и разделял ее. Официальный биограф просто не может быть абсолютно объективным. Он не стал писать о том, что, несмотря на первоначальный шок после публикации фрагментов книги, которые разрушали барьер конфиденциальности, традиционно окружавший королевскую семью, королева и принц Филипп не отвергли Диану окончательно, хотя она и обманула их доверие. Сначала принц Филипп страшно разозлился на невестку, которая вынесла семейный скандал на всеобщее обсуждение. Он написал ей, что книга Мортона «все разрушила». И все же королева и

принц Филипп категорически не одобряли роман Чарльза с Камиллой. Поведение Чарльза вредило монархии больше, чем книга Дианы.

Светская дама рассказывала о том, как Чарльз, сидевший рядом с ней на пасхальном балу, в ярости обрушился на отца: «Знали бы вы, какое он написал мне письмо!» [334]А невестке принц Филипп отправил сочувственное письмо: «Поступок Чарльза совершенно недопустим!» Королева и принц Филипп были – и остаются – религиозными людьми твердых убеждений. Развод был для них чем-то немыслимым, самым пагубным образом сказался бы на жизни молодых принцев и монархии в целом, повредил бы репутации королевской семьи, как никакое другое событие. Они искренне надеялись, что до этого не дойдет.

Во дворце и светском обществе существовала партия принца. Эти люди всячески осуждали и унижали Диану, не упуская случая заявить, что та сошла с ума – «знаете, эта дурная кровь Фермоев…» Генеральная линия королевской семьи (но не королевы!) заключалась в презрении к Диане, которая открыла семейные секреты, и в симпатии к «бедному принцу». То, что Диана рассказала правду, никого не интересовало. Она не смела нарушать правила! И все же, несмотря ни на что, королевское шоу продолжалось. Диана как член семьи принимала участие в праздновании официального дня рождения королевы. Рядом со всеми стояла на балконе Букингемского дворца, словно ничего не случилось. А вот Ферджи нигде не было видно.

Вторая часть книги Мортона была опубликована 14 июня. Королевская семья находилась в Виндзоре и готовилась к скачкам в Аскоте. На следующий день королева и принц Филипп встретились с Чарльзом и Дианой. Зашла речь о разводе, но эта идея была отвергнута. Королева считала, что Диана должна остаться с Чарльзом. Она предложила супругам подумать обо всем еще полгода. Диану снова спросили, принимала ли она участие в подготовке книги, и она снова со слезами это отрицала. Принц Филипп был «разозлен и очень суров» [335]. В королевской ложе на скачках явно царила напряженная атмосфера [336].

В день открытия королева и другие члены королевской семьи в открытых экипажах проехали по полю. Отверженная Сара взяла своих дочерей на скачки, чтобы те помахали бабушке с трибуны. Королева помахала им в ответ. Лишнее доказательство неблагополучия в королевской семье явно причиняло ей страдание. Гости, приглашенные на обед в замок, заметили, что королева была в очень плохом настроении. Ей не удалось скрыть своего раздражения во время общения с гостями. После обеда в королевской ложе воцарилась полная тишина.

В конце июня Диана вновь продемонстрировала свое умение общаться с народом – это качество делало ее незаменимой для королевской семьи. Во время визита в Белфаст (накануне ее приезда информация об этом просочилась в прессу, что было явным нарушением правил безопасности) она с колоссальным успехом посетила самое сердце республиканского района, Фоллзроуд, где безраздельно правила ИРА. Около двадцати тысяч человек собралось приветствовать ее. Откровения Мортона явно произвели впечатление, и симпатии народа были на стороне принцессы. Газета Daily Mirror вышла под заголовком «МЫ ХОТИМ ДИ!». Репортер писал, что поездка в Белфаст стала недвусмысленным сигналом для королевской семьи. Даже самые антимонархические дублинские газеты писали о принцессе с удивительной симпатией. О популярности принцессы напомнили очень своевременно, и враги Дианы не могли не отреагировать. В тот же день, когда большинство газет восторженно писали об успехе Дианы в Северной Ирландии, другие публиковали статьи, явно инспирированные ее врагами и рассказывающие о психической неустойчивости принцессы [337].

В конце июля Чарльз и Диана присутствовали на ужине в честь сорокалетия восшествия на престол Елизаветы, а в августе после короткого и мучительного «семейного отпуска» на яхте миллионера Джона Лациса они вылетели в Балморал, где королевская семья традиционно воссоединялась. 20 августа все находились в Балморале, и тут Daily Mirror опубликовала печально известные фотографии Сары и ее «финансового консультанта» Джона Брайана. Вместе с маленькими принцессами они проводили отпуск на юге Франции. Эндрю спустился к завтраку и увидел газеты с кричащими заголовками и откровенными фотографиями. В 9.30 королева вызвала к себе Сару. Она была в ярости – можно только представить, о чем шел разговор. В прессе бушевали скандалы, в Балморале же жизнь текла так, словно ничего не произошло. Сара пробыла в королевской резиденции еще три дня. Она, как всегда, сидела за столом рядом с Эндрю. Свидетели происходящего вспоминали: «Вы не поверите – никто не произнес ни слова… Ферджи сидела рядом с Эндрю, а на столе лежали газеты с ее фотографиями топлес…» [338]

Через четыре дня после публикации откровенных фотографий Сары и Джона Брайана настала очередь Дианы. Газета Sun опубликовала записи ее разговора с Джеймсом Гилби в канун нового 1989 года. Статью венчал заголовок: «МОЯ ЖИЗНЬ – ПЫТКА». Эта запись лишний раз доказала серьезнейшие разногласия между Дианой, Чарльзом и всей королевской семьей.

Но самое печальное заключалось в том, что всем стало известно о ее романе с Гилби. Дворец не мог смириться с тем, что Диана указала на неблагодарность королевской семьи и на нежелание оценить ее успех на официальных мероприятиях. После этого Sun сообщила, что у Дианы и Хьюитта была «связь», правда, делая выводы лишь на основе «языка телодвижений», запечатленных на совместных фотографиях. Диана заподозрила заговор против себя. И действительно, таблоиды объявили настоящую войну королевской семье и Диане. В таких обстоятельствах публикация книги Мортона, сколь бы ни сожалела об этом Диана, по-прежнему оставалась ее «манифестом», протестом против мучительного брака. Неудивительно, что Диана отказалась от участия в совместном визите в Южную Корею.

«Сотрудники аппарата принца голову сломали, соображая, как объяснить корейским властям, что принцесса не будет сопровождать супруга во время его первого официального визита в эту страну», – пишет Димблби. Он продолжает: «Помощник личного секретаря королевской четы, Питер Уэстмакотт, был вынужден взять на себя все заботы по организации совместного визита. После разговора с принцессой он понял, что она категорически не собирается ехать. В Балморале принц попытался уговорить Диану изменить свое решение. Даже королева советовала невестке поехать. В конце концов принц заявил, что Диане придется найти вескую причину для того, чтобы остаться в Англии. Принцесса уступила, сказав, что королева попросила ее сопровождать супруга» [339].

Диана отлично понимала, что предстоящий визит превратится в настоящий кошмар. Мрачные лица супругов показали всему миру, насколько велики возникшие проблемы. Никто больше не притворялся, что брак можно спасти. Направляясь в Англию, принц в самолете написал одно из самых мрачных, проникнутых жалостью к себе писем. Он был в отчаянии от того, что Диана больше не может быть ему «другом», ему страшно хотелось отменить все официальные мероприятия: «Я оказался совершенно неприспособленным к чудовищному человеческому интриганству и нечистоплотности… Я не знаю, что произойдет, но боюсь этого» [340].

А вот личный визит Дианы в Париж 13 ноября, по выражению Джефсона, стал ее триумфом. Диану встречали плакатами «СМЕЛАЯ ПРИНЦЕССА!». Она идеально справилась с тщательно продуманной программой, демонстрируя потрясающую красоту и профессионализм. Диана очаровала президента Миттерана, французскую публику и прессу. Джефсон считает, что это был самый успешный ее визит. Привлекательности ей добавляла

книга Мортона, и Диана еще не столкнулась со всеми проблемами, которые сулило ей стремление к независимости. «На мой взгляд, – писал Мортон, – эта женщина была настоящей героиней – если учесть, что ей уже пришлось пережить и что ждало ее в ближайшем будущем».

Конец первого этапа игры был близок. Последний скандал произошел на ежегодной ноябрьской охоте в Сандрингеме. Охота была запланирована на 20 ноября, чтобы Уильям и Гарри могли приехать из Ладгроува. Желая продемонстрировать свою независимость, Диана заявила Чарльзу, что не поедет в Сандрингем, а собирается отвезти детей в Виндзор, чтобы те повидались со своей бабушкой. Если остаться там не удастся, она с детьми приедет в Хайгроув. Принц стукнул кулаком по столу – он не собирался позволять жене позорить его перед друзьями. Диана стояла на своем. Несдержанность принца позволила ей написать демонстративное письмо: «Учитывая ту ситуацию, которая сложилась между нами, я не уверена в том, что хочу общаться с вашими друзьями. И еще меньше мне хочется, чтобы мальчики общались с вашими друзьями, поскольку мы с вами оба знаем, кто именно там будет» [341].

Димблби пишет: «Королевская чета традиционно приглашала около шестнадцати друзей на трехдневный отдых с охотой и прогулками» [342]. На практике все «друзья» были друзьями Чарльза, а не Дианы. У супругов вообще не было общих друзей. Диана отлично знала, что друзья Чарльза предоставляли ему свои дома и квартиры, чтобы он мог встречаться с Камиллой. Джефсону Диана жаловалась: «Это лишь *его* друзья. Я там совершенно лишняя» [343]. Подруга Дианы вспоминала: «Ей приходилось год за годом проходить испытание Сандрингемом… Приятели принца терпеть ее не могли… Все старались подчеркнуть его царственное положение, а он охотно разыгрывал короля в доме королевы…» [344]Положение Дианы было совершенно понятно, хотя попытки помешать мальчикам общаться с отцом непростительны. К сожалению, именно дети стали ее главным оружием, и Диана не стеснялась использовать их в войне с мужем.

Терпение Чарльза в конце концов лопнуло. Он не собирался терпеть унижения перед лицом своих друзей, и об этом пишет Димблби: «Не видя будущего у подобных отношений, он решил, что остается только просить у супруги официального развода» [345]. 25 ноября Чарльз и Диана встретились в Кенсингтонском дворце и решили передать дело в руки адвокатов. Несколько недель велось обсуждение различных проблем: организации быта детей, условий финансового содержания Дианы и прочее.

Главный вопрос – определение будущей роли Дианы как члена королевской семьи. По выражению Джефсона, который принимал участие в переговорах, Диане предстояло стать «полуотстраненным членом королевской семьи».

«Примерно в то время, – с нескрываемым отвращением вспоминает Джефсон, – у всех на устах была фраза „от нее можно ожидать чего угодно“» [346]. По его словам, даже королеве было трудно сохранять нейтралитет. Советники же принца (Джефсон их не называет, но намекает, что это были не адвокаты) всеми силами стремились не позволить Диане стать независимым членом королевской семьи, запрещая ей пользоваться королевским самолетом и поездом и разрабатывая «облегченный» протокол для ее официальных визитов. Однако королева отказалась полностью принять сторону принца, поэтому Диана получила почти все, что хотела. Только финансовые условия были оговорены по завершении развода в 1996 году. Единственное требование королевы – Диана не должна представлять ее за границей. Пытаясь сохранить справедливость и достоинство в отношениях между персоналом двух дворцов, лорд Чемберлен обратился к сотрудникам с письмом, в котором просил проявить понимание и поддержку с обеих сторон. Возымело ли письмо хоть какое-то действие, неизвестно, но все же оно было полезно, поскольку подтвердило нейтралитет королевы в спорах между Чарльзом и Дианой.

9 декабря премьер-министр Джон Мейджор, выступая в палате общин, зачитал заявление, подготовленное в Букингемском дворце: «Из Букингемского дворца с прискорбием сообщают, что принц и принцесса Уэльские решили расстаться. Их королевские высочества не собираются разводиться, и их конституционное положение не изменится. Решение было принято по взаимному согласию. Оба будут принимать полное участие в воспитании детей.

Их королевские высочества продолжат совместно в полном объеме исполнять все свои публичные обязательства, а также посещать семейные и национальные праздники».

Это заявление было выслушано членами парламента в полной тишине. Но когда премьер-министр произнес: «Нет никаких причин, по которым принцесса Уэльская не могла бы в свое время стать королевой-супругой», парламентарии ахнули. Мысль о том, что принцесса Уэльская, которая будет жить отдельно от супруга и прекратит поддерживать с ним отношения, может стать королевой-супругой, большинству из них показалась абсурдной. Кроме того, принцу Уэльскому предстояло стать еще и главой англиканской церкви, что требовало дополнительного

осмысления. Заявление дворца обсуждалось с архиепископом Кентерберийским, и тот сказал, что расставание супругов может быть принято при соблюдении двух важнейших условий: «Народ должен видеть, что оба супруга сохраняют тесные узы со своими детьми, а все внебрачные связи, которые могут привлечь внимание общественности, будут прекращены» [347]. Скоро стало очевидно, что второе условие архиепископа никто исполнять не собирается.

В пятницу 20 ноября, когда должен был начаться судьбоносный уикенд в Сандрингеме, в Виндзорском замке случился пожар. Высокие языки пламени поднимались над величественным дворцом, который на протяжении почти тысячи лет служил резиденцией британских монархов. Эта картина поразила людей во всем мире. Пламя символизировало костер, на котором окончательно сгорел брак Дианы и Чарльза. Столь тщательно культивировавшемуся образу «семьи» пришел конец.

14. Первый шаг к бездне

Без него она потерялась.

Замечание подруги о Диане после расставания с Чарльзом

После расставания напряжение в атмосфере Кенсингтонского дворца стало спадать, а персонал ощутил некую солидарность, чего не было раньше. Все работники теперь принадлежали к команде принцессы. Во дворце устраивались вечеринки, Диана играла на рояле, все пели и танцевали. «…Возникло удивительное ощущение, что все взрослые куда-то уехали и вернутся не скоро… если вернутся вообще», – вспоминал Джефсон [348]. Но когда Джеймс Хьюитт позвонил Диане, чтобы поздравить ее с успешным осуществлением «великого побега», она разговаривала с ним «очень спокойно и холодно». Личные вещи принца (в том числе и туалетные принадлежности) были вывезены из Кенсингтонского дворца, а Диана забрала свои из Хайгроува. Дизайнерам по интерьерам, Роберту Киму и Дадли Поплаку, было приказано истребить все следы совместной жизни.

Первым следствием расставания стало разделение персонала. Кому-то предложили выбрать, с кем он хочет остаться, кому-то пришлось подчиниться принятому решению. Обаятельный, преданный и очень искренний, главный камердинер Кенсингтонского дворца предпочел остаться с принцессой. В Кенсингтон против своей воли пришлось отправиться камердинеру Хайгроува Полу Баррелу. Баррел был вполне доволен жизнью в Хаигроуве, где у него, его жены Марии и двух сыновей был собственный коттедж. Ему совершенно не хотелось переходить к принцессе. «Он постоянно ворчал и ругал ее», – вспоминал один из сотрудников. Сама Диана не нуждалась в двух камердинерах, но Баррел был любимым слугой королевы в Букингемском дворце, а его жена работала на герцога Эдинбургского, поэтому им пришлось подчиниться. Да и принц не хотел, чтобы Баррел оставался в Хайгроуве, поскольку тот слишком часто совал нос в личную жизнь Чарльза. Со временем Баррел стал абсолютно предан Диане и сумел вытеснить из ее сердца Гарольда Брауна.

У принца Уэльского главную роль стал играть его камердинер Майкл Фосетт. Шеф-повар Уэльсов, Мервин Уичерли, остался с принцессой. Уорф вспоминал: «Мускулистый,

жизнерадостный и невероятно остроумный Мервин с искренней симпатией относился к принцессе, и та отвечала ему тем же. Он был не просто человеком, который готовил еду, он стал близким и верным другом Дианы. Однако были и такие, кто хотел разрушить их близость, воспринимая ее как угрозу собственному положению» [349]. Баррел и Фосетт очень ревниво относились к своим работодателям и пытались устранить любого, кто хоть в какой-то степени угрожал их привилегированному положению.

Сначала казалось, что Диана победила. Она получила все, что хотела, – право общаться с детьми и вести абсолютно независимый образ жизни. В феврале 1993 года журнал Vanity Fair вышел под заголовком «ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ ДИ». 13 января были опубликованы записи телефонных разговоров Чарльза с Камиллой, что окончательно выбило почву из-под ног принца. Взаимная страсть любовников и чрезмерная откровенность Чарльза, граничащая с непристойностью, доказали, что Мортон был прав, представив Диану обманутой женой. Репортеры таблоидов наперебой писали, что эти записи будут стоить Чарльзу трона. Даже если оставить в стороне ханжеские заявления, факт оставался фактом: принц Уэльский на протяжении долгого времени обманывал жену, мать своих детей, и в этом ему помогали друзья-аристократы. Популярность Чарльза упала почти до нуля. Диана же предстала в глазах общественности невинной жертвой обмана. Она была отомщена.

Со времен, когда прапрадед Чарльза, Эдуард VII, наслаждался общением с прабабушкой Камиллы, миссис Кеппел, в Биаррице или на роскошных охотах в загородных имениях своих друзей, пресса заметно изменилась.

И все же Диана тосковала по Чарльзу – ведь на протяжении последних одиннадцати лет он был центром ее жизни. Как бы враждебно и неприязненно он к ней ни относился, Диана не привыкла жить одна, без мужа. Будущее казалось неопределенным, хотя материальных проблем не предвиделось. Диана неожиданно оказалась в вакууме, без предсказуемой общественной жизни, которая ей нравилась, хотя порой и раздражала. Раньше ее существование определялась королевской семьей. Теперь же ей предстояло жить, руководствуясь исключительно собственной интуицией (не самый мудрый образ жизни) и полезными советами Патрика Джефсона.

Диана начала собирать вокруг себя группу преданных друзей и помощников. Верной подругой ей была Кэролайн Бартоломью. Она всегда могла положиться на Лору Грейг (в замужестве Лонсдейл). К сожалению, некоторые члены ее круга – Джулия Сэмюэль, Кейт Мензес и Кэтрин Соме – не выдержали характера

Дианы. Она могла внезапно прекратить все отношения из-за истинной или мнимой неверности или предательства. Самой давней ее подругой была Роза Монктон, дочь виконта Монктона из Бренчли, жена журналиста Доминика Лоусона, редактора престижного журнала Spectator. Умная и амбициозная Роза Монктон возглавила компанию «Тиффани». В их отношениях с Дианой были взлеты и падения. Иногда Диане казалось, что Роза использует ее в собственных целях, но женщины всегда мирились. Отношения у них были доверительные: по предложению Дианы мертворожденного ребенка Розы похоронили в саду Кенсингтонского дворца. Позднее Диана стала крестной матерью дочери Лоусонов, Доминики. Она серьезно относилась к своей роли и всегда помогала Доминике, когда та в ней нуждалась.

Кроме Розы, рядом с Дианой до конца ее жизни были две замечательные подруги постарше – леди Аннабел Голдсмит и супруга бразильского посла, Люсия Флеча де Лима. Диана часто изливала душу еще одной зрелой даме, леди Эльзе Баукер.

Леди Аннабел, дочь восьмого маркиза Лондондерри, была замужем за основателем самого стильного лондонского ночного клуба «Аннабел» Марком Бирли. Элегантная, популярная, общительная леди Аннабел была многодетной матерью. От Бирли у нее было два сына и дочь. Затем она вышла замуж за невероятно богатого финансиста сэра Джеймса Голдсмита и родила ему еще двух сыновей и дочь. Леди Голдсмит дружила с Аннабел Эллиот, сестрой Камиллы Паркер-Боулз. В доме Голдсмитов отмечали тот день рождения Камиллы, на котором произошел неприятный разговор с Дианой. Связь Аннабел Голдсмит с Камиллой неким извращенным образом привлекала Диану, как позднее – брак очаровательной дочери Аннабел, Джемаймы, с пакистанцем Имраном Ханом.

Аннабел была ровесницей матери Дианы, Фрэнсис, и хорошо ее знала. Старший ее сын, Руперт Бирли, родился в 1955 году, а младший, Зак Голдсмит, в 1980-м. Вокруг Аннабел постоянно роились племянники, племянницы, собственные и приемные дети. В доме царила теплая, семейная атмосфера, которая так нравилась Диане. Бен Голдсмит был всего на два года старше Уильяма. Отправляясь на воскресные обеды в Ормли, Диана часто брала детей с собой. Когда приезжала одна, чтобы немного отдохнуть и расслабиться, она становилась самой собой – остроумной, веселой и обаятельной. «Да, Диана умела быть веселой, – вспоминает один из гостей леди Аннабел. – Она приезжала на воскресный обед, врывалась в дом, целовала всех слуг, проносилась по комнатам и усаживалась в гостиной. Она очаровывала всех. Иногда брала с собой мальчиков, и они

отправлялись играть в теннис. Бывало, что присылала одного Уильяма – она всегда говорила, что [в Кенсингтонском дворце] Уильям как лев в клетке» [350].

Супруга бразильского посла, Люсия Флеча де Лима, была самой близкой подругой Дианы. Посольство на Маунт-стрит стало для принцессы настоящим убежищем. Она часто проводила там выходные. Посол, его жена и дети стали для нее почти что второй семьей. Красивая, стильная, прямая и общительная Люсия была верным и надежным другом. Они поссорились лишь однажды: Люсия высказала Диане что-то нелицеприятное по поводу ее поступков – Диана не сдержалась. В общении с Люсией, Аннабел и другими женщинами в возрасте, которых она любила и уважала, Диана никогда не позволяла проявляться «темной» стороне своей натуры. В числе ее друзей были также Маргерит Литтман и Памела Харлек. С ними она всегда была веселой, обаятельной, свободной. Иногда она разговаривала с Люсией о своем несчастливом браке и о том, какую боль причиняла ей жестокость Чарльза. Диана доверила Люсии хранить копии писем принца Филиппа. Роза Монктон помогала Диане составлять ответы.

Принц Филипп написал Диане после публикации книги Мортона, что этим поступком она разрушила свою жизнь. Диана была в ярости, но понимала, что свекор искренне пытается помочь. Апеллируя к свойственному Диане чувству долга, принц рассказывал о том, что когда они с Елизаветой поженились (очень трогательно, что в письмах Филипп называет себя «Па», а королеву «Ма»), то рассчитывали несколько лет пожить в свое удовольствие. Но после смерти отца королеве пришлось забыть о личной жизни, а ему отказаться от карьеры во имя семьи. Филипп хотел, чтобы Чарльз и Диана жили собственной жизнью, но при этом оставались вместе и исполняли свой долг. Он писал, что не одобряет поведения Чарльза – роман с Камиллой ему не нравился. Он не понимал, как мог его сын предпочесть женщину возраста и внешности Камиллы. Филипп очень трогательно писал о том, что «мы с Ма» обеспокоены сложившейся ситуацией [351].

«Что бы ни говорили люди, она [Диана] отлично ладила с принцем Филиппом, – вспоминала подруга принцессы. – Он был очень мил с ней. Однажды он похлопал ее по плечу и сказал: „Послушайте, юная леди, если вы когда-нибудь соберетесь завести роман, ради всего святого, заводите его в семье, где можно сохранить тайну“. Она была просто ошеломлена такими словами! <…> А в другой раз, когда у нее начались проблемы и возникла перспектива развода, он сказал: „Если будешь плохой девочкой, то потеряешь титул“. А она ответила: „Нет, Па, не

потеряю, у меня же есть свой“. Это было очень смешно, и он расхохотался» [352].

«Королева и принц Филипп никогда не были суровы к Диане, как думают многие», – вспоминает один из придворных. Диана продолжала водить мальчиков на чай к бабушке, хотя ей было очень грустно, оттого что она никак не могла найти общий язык с королевой. Один из придворных говорил, что, принимая Диану и мальчиков за чаем, королева была особенно неприветлива, но это была скорее не холодность, а застенчивость и определенная неловкость. Сказывалось и различие в возрасте: представления королевы и Дианы о воспитании детей были полностью противоположны. Однажды в Балморале, когда Уильям был еще маленьким, его няня уехала в отпуск, и о сыне заботилась Диана. Королева страшно удивилась: «Я не понимаю, почему Диана это делает. В доме миллион слуг!»

Принцесса Маргарет сразу же полюбила Диану и всячески старалась помочь ей справиться с королевскими обязанностями. Брак Маргарет тоже был неудачным, поэтому она искренне сочувствовала девушке. Даже после публикации книги Мортона Маргарет не изменила своего отношения к Диане. Она обожала принца Чарльза, но все же говорила ему: «Я не собираюсь от нее отказываться. Диана мне нравится, она мой друг». Когда в августе 1993 года Диана отправила ей в подарок на день рождения шарф от Hermes, Маргарет написала благодарственное письмо, начинавшееся словами: «Дорогая Диана». Дети Сноудона и Маргарет, Дэвид Армстронг-Джонс, виконт Линли, и Сара Армстронг-Джонс, Диану просто обожали.

К этому времени у Дианы начался новый роман – с обаятельным человеком, специалистом по исламскому искусству, выпускником Итона Оливером Хором. Он был женат на богатой француженке Диане де Вальднер. Хор был красив и невероятно популярен. Он сам и его жена были друзьями принца Чарльза. В жизнь Дианы Хор вошел как посредник – он пытался примирить Диану с принцем в 1991 году. «Невероятно обаятельный мужчина, – вспоминал один из его друзей. – Он был просто ослепителен… Думаю, Диана положила на него глаз, потому что он был одним из близких друзей Чарльза и разделял его интересы. Он любит искусство, любит литературу – как Чарльз» [353]. «Оливер Хор выглядел просто божественно, очень обаятельный мужчина, – вторит еще один из друзей. – Но он был близким другом принца Чарльза – отвратительная ситуация. Они вместе отдыхали. К ним часто присоединялся художник и наставник Чарльза Дерек Хилл. Они вместе ездили в Италию, изучали там весь этот ислам. Я хорошо отношусь к Оливеру, но

вел он себя всегда ужасно… Бедный принц Чарльз ни о чем не догадывался, пока не стало слишком поздно» [354].

Впервые Диана встретилась с Оливером Хором и его женой во время Аскотской недели в Виндзоре в середине 80-х годов. Родители Дианы Хор, барон Жоффруа де Вальднер и его супруга Луиза, были друзьями королевы-матери. Богатые англофилы, страстно увлекающиеся (как и королева Елизавета) скачками, они отлично вписывались в аскотский круг. Луизе де Вальднер принадлежал замок на юге Франции, куда Чарльз часто приезжал рисовать, а позднее и на свидания с Камиллой. Оливер был очарователен, но вечно не при деньгах. К английским банкирам, носящим ту же фамилию, он имел самое отдаленное отношение. Его мать, Ирина, эмигрировала из Чехии, отец, Реджинальд, был госслужащим. Родители сделали для сына все – сначала послали его в Итон, потом в Сорбонну. За итонским обаянием и манерами скрывался экзотичный, богемный тип. Одно время он входил в экстравагантный круг Рудольфа Нуреева, а потом возглавил исламский отдел аукционного дома «Кристи». У него было множество друзей, в том числе и Дэвид Сульцбергер из семьи владельцев New York Times. Позднее Дэвид стал деловым партнером Хора. Они познакомились в Тегеране, где Хор изучал арабский и фарси. Именно там он увлекся ближневосточным искусством и древностями. Карьеру Хор начинал в качестве протеже красивой и влиятельной светской дамы Армуш Боулер, принцессы из династии Хаджар. «Это была очень богатая, стильная и элегантная иранская дама, – вспоминал один из друзей. – Она открыла Оливера и научила его всему: истории Востока, умению разбираться в искусстве… Он и раньше это изучал, но она пробудила в нем истинный интерес. Помню, как он сидел у ее ног и играл на гитаре… Она была очень щедра, но Оливер сумел всего добиться сам» [355]. В 1976 году Оливер женился на красивой и умной Диане де Вальднер, но вскоре у него начался четырехлетний роман с очаровательной турчанкой, женой известного магната Азиля Надира.

Оливер Хор со своими густыми темными волосами, четкими чертами лица, обаятельный и подвижный, был невероятно привлекателен. Хотя он был совершенно непохож на тех мужчин, которыми Диана увлекалась раньше, в Хора она влюбилась с первого взгляда. Объединила их любовь к балету. Оливер и его жена стали друзьями семьи – такими же, как Эндрю и Камилла Паркер-Боулз. Диану Оливер привлекал не только физической красотой. Ей нравилось, что он – друг Чарльза и Камиллы. Это придавало их отношениям пикантность. Турецкие друзья Оливера охотно предоставляли ему дома, квартиры и даже яхты, и роман с

Дианой развивался стремительно [356].

Как и в случае с Джеймсом Хьюиттом, скрытная Диана сумела утаить свои отношения с Оливером Хором от газетчиков, хотя порой она звонила ему по двадцать раз в день. Связь началась в сентябре 1992-го, но эти звонки оставались в тайне еще два года [357]. Она звонила ему в машину, иногда поздно ночью домой, ждала, когда Хор ответит, и вешала трубку. Любовники встречались в домах друзей Дианы – у Флеча де Лима и у леди Эльзы Боукер. Иногда Диана тайком привозила его в Кенсингтонский дворец. Бывало, что он прятался в багажнике ее зеленого «ровера» с тонированными окнами, а порой его под одеялом провозил Пол Баррел. Впрочем, вся эта конспирация была пустой тратой времени: Кенсингтонский дворец строго охранялся и никто не мог проникнуть в этот маленький город в городе тайно.

Один из сотрудников принцессы Маргарет вспоминал: «Рассказы Баррела о том, как он тайно провозил кого-то во дворец, сущая чепуха. Полицейский у ворот всегда был в курсе, что происходит. Баррел подъезжал к дому принцессы Маргарет, где не было камер слежения, но все догадывались, куда направляется его машина: перед въездом во двор была старая дренажная труба, которая каждый раз предательски звякала. Иногда принцесса Маргарет подходила к окну, чтобы посмотреть, кто приехал. Она [Диана] парковалась возле секретариата принцессы Маргарет, и, конечно же, сотрудники видели Хора… Это не было ни для кого секретом…» [358]«Она приезжала, принцесса Маргарет спрашивала: „Чья это машина? – хотя у нее не было никаких сомнений. – Пойдите и выясните, кто это“, – приказывала она. Я шел, стучал в окно и спрашивал: „Почему вы не уезжаете?“… А потом мне приходилось лгать принцессе Маргарет, что водитель заблудился, а я объяснил ему дорогу… Она знала, что я лгу… Когда я позднее встречал ее [Диану], то советовал „привозить гостей к своему подъезду – там-то нет лишних глаз…“» [359]

То же самое рассказывает и телохранитель Дианы, Кен Уорф: «Ко мне обратился старый сержант: „Сэр, у нас проблемы с безопасностью… Принцесса вернулась вечером, сэр… Из багажника вылез мужчина, сэр…“ Я спросил: „И кто это был?“ – „Думаю, мистер Хор, сэр“. Все сходятся в том, что эта игра была придумкой Баррела. Он сказал, что лучше всего провозить его в багажнике машины, и, хотя это была глупая затея, Диана так и поступила» [360].

Уорф и Хор явно не любили друг друга. Уорф получил огромное удовольствие, когда в Кенсингтонском дворце в

половине четвертого утра сработала пожарная сигнализация. В холле апартаментов Дианы Уорф обнаружил Хора, курившего сигару. Диана не выносила запаха дыма. По-видимому, она выгнала курильщика в холл, забыв о том, что от дыма может сработать сигнализация [361].

«На следующее утро, – писал Уорф, – я попытался все перевести в шутку, хотя Диана не хотела об этом говорить. Я предположил, что она играла в карты, возможно в стрип-покер. Она страшно покраснела и убежала в свою комнату. Несомненно, я перешел черту дозволенного, но к этому времени она уже почти не контролировала собственные поступки, знала это, но не была готова признаться. Я понимал, что скоро все выйдет наружу, это лишь вопрос времени…» [362]

Кен Уорф не первый раз наблюдал за появлением мужчины в жизни Дианы. Он считает, что Диана «обожала» Оливера Хора – до одержимости. Любовь к нему определяла ее жизнь на протяжении трех лет. Надо сказать, что страсть была взаимной. (Близкая подруга говорила: «Он очень сильно любил ее».) Диана надеялась на совместное будущее, но этим романтическим мечтам так и не суждено было осуществиться. «Думаю, Хор сильно повлиял на жизнь принцессы, полностью изменил ее…» – вспоминал Уорф [363].

Уже вскоре после развода Диана поняла, что не стала свободнее. Впрочем, дворцовая клика – личный секретарь королевы Роберт Феллоуз, его помощник Робин Жанрен и пресс-секретарь Чарльз Энсон – относилась к ней без враждебности. Ей всегда были готовы прийти на помощь. Ее собственная «команда» состояла из личного секретаря Патрика Джефсона и пресс-секретаря, австралийца Джеффа Кроуфорда. Джон Мейджор и его правительство тоже относились к Диане с симпатией. Но «друзья Чарльза» следили за каждым ее шагом. Популярность Дианы их просто убивала. Чтобы победить недоброжелателей и сохранить свое положение в сердцах англичан, Диана прибегла к оружию, пользоваться которым научилась давно: решила использовать прессу. У нее были доверенные журналисты, которые помогали ей вести войну против Чарльза. Репортеры, редакторы и медиамагнаты не могли устоять перед ее красотой, остроумием и невероятным обаянием.

Ей в помощь была еще и череда психотерапевтов, экстрасенсов и астрологов, к которым Диана обращалась в надежде разобраться в самой себе и обрести душевный покой. Кенсингтонский дворец посещали многие влиятельные люди. Они щедро делились с Дианой советами и помогали развивать публичную карьеру. Дэвид Патнем, Джейкоб Ротшильд, Питер

Паламбо, Пол Джонсон, Клайв Джеймс, Гордон Риз, Макс Хастингс, Пирс Морган и Оберон Во давали ей полезнейшие рекомендации, к которым Диана, правда, обычно не прислушивалась.

Один из них вспоминал: «Я постоянно внушал ей две вещи. Первое: никогда, ни при каких обстоятельствах не иметь дела с прессой. Она страшно удивилась. Я пояснил: „Вы думаете, что можете манипулировать ими, но на самом деле это они в конце концов начнут манипулировать вами, потому что мы живем в стране, где газетчики правят бал… Лучшая защита от них для человека в вашем положении – это не иметь с ними никакого дела. Никогда и ни при каких обстоятельствах не общайтесь с ними. Тем самым вы минимизируете опасность и тот вред, который они могут вам нанести“. Она согласилась… но, конечно же, поступила по-своему, потому что думала, что сможет [манипулировать ими], и они получили что хотели.

Второе, что я сказал: „Никакого секса. Вас это уничтожит. Вы должны обходиться без секса и вести праведный образ жизни“. Она ответила: „Да, вы так правы, так правы…“ – и тут же отправилась в постель с Х…» [364]

Редактор газеты Telegraph Макс Хастингс никогда не считался дамским угодником. Но даже он не смог устоять перед приглашением в Кенсингтонский дворец. К принцу Чарльзу он всегда относился весьма холодно, и его симпатии были на стороне принцессы. Диану с ним познакомили ее друзья, Питер и Хайят Паламбо. Принцесса сразу же очаровала его – впрочем, как и большинство мужчин. В дневнике он писал: «Должен признать… что, как и многие другие, я не смог сохранить дистанцию… Диана… превратилась в опытного газетного лоббиста. Она постоянно приглашала к себе избранных журналистов и редакторов. Большинство из нас обманывали себя, пытаясь сделать вид, что мы даем ей советы. Не уверен, что она прислушалась хоть к одному нашему слову. Но очаровывала она нас просто блестяще» [365].

Энтони Холден, писавший для Vanity Fair, разработал прекрасный план обретения Дианой самостоятельности: «Сотрудники Дианы стремительно переводят ее на первый план, превращая из второстепенного игрока в исполнителя главной роли в драме, сюжет которой с каждой минутой становился все более захватывающим» [366]. Отличным примером мог служить частный визит Дианы в Париж, где ее принимал президент Миттеран. Казалось, что она – глава государства, а не скромный «полуотстраненный член королевской семьи».

Диана хотела стать послом по особым поручениям и пыталась

убедить в своих способностях Джона Мейджора и симпатизировавших ей министров, в том числе министра иностранных дел Дугласа Херда (и его преемника Малькольма Рифкинда). Главной целью был Херд, который мог способствовать ее зарубежным вояжам. Всего через два дня после объявления о расставании Чарльза и Дианы Херд, который находился на европейском саммите в Эдинбурге, писал: «Она обладает невероятным сочетанием красоты и обаяния, перед которыми не может устоять ни один мужчина. Президенты, премьер-министры и министры иностранных дел понятия не имели, что происходит в нашей королевской семье, но готовы были душу заложить, лишь бы час-другой провести рядом с этой потрясающей женщиной» [367]. Херд понимал, что и речи быть не могло об официальном назначении послом, но благотворительная деятельность Дианы часто требовала зарубежных поездок, и справлялась она с ними блестяще. «Она обратилась ко мне за помощью в одном очень важном для нее деле… работе за рубежом. Я был рад – даже, вернее будет сказать, счастлив – всячески ей помочь» [368].

В марте Диана отправилась в Непал, желая изучить перспективы предоставления британской гуманитарной помощи этой стране. Ее сопровождала министр Линда Чалкер. Принц Чарльз, представлявший для журналистов куда меньший интерес, в это время посещал ферму павлинов в Мексике. Принцесса же на фоне экзотического Катманду являла собой мечту репортера. Журналисты заметили, что по прибытии Дианы в Непал государственный гимн не исполнялся. Все решили, что это происки дворца, но на самом деле все было не так. Это был обычный рабочий, а не государственный визит. Никто не обращал внимания на отсутствие гимна во время аналогичных поездок в Египет, Пакистан и Венгрию до объявления о расставании с Чарльзом.

Дуглас Хьюм всячески подчеркивал, что дворцовые политики никоим образом не собирались понижать статус Дианы или как-то ограничивать ее контакты с Министерством иностранных дел. А вот в аппарате принца в Сент-Джеймсском дворце считали по-другому. Примерно в то же время, когда Диана отправилась в Непал, в Сент-Джеймсском дворце проходила конференция, посвященная сохранению исторических зданий в Праге. Один из гостей «был в ужасе от того, что все собравшиеся только и делали, что всячески поносили Диану; об исторических зданиях Праги никто и не вспомнил» [369].

Диана добилась успеха не только в Непале. В июле она отправилась в Зимбабве. О своих планах она известила не только королеву, но и принцессу Анну, которая считала, что

благотворительность в Африке – это исключительно ее дело. Диана не стремилась встречаться с главами государств – ей это было не нужно. Очарованный Роберт Мугабе говорил журналистам: «Она будто освещает жизнь… рядом с ней сразу ощущаешь прилив сил и счастья!» [370]Присутствие и поддержка представителей трех крупных благотворительных организаций – Красного Креста, «Помощи пожилым людям» и «Миссии прокаженных» – придали значения и весу ее поездке. Посещая приют для детей, осиротевших из-за СПИДа, Диана плакала. Всем детям не было еще и пяти лет, и никому из них не суждено было дожить до шести [371]. Самые уважаемые корреспонденты, сопровождавшие Диану в этой поездке, призывали относиться к ее работе серьезно. Роберт Хардман, сотрудничавший с газетой Daily Telegraph, которая всегда придерживалась «традиционного», скептического взгляда на Диану, одобрительно писал: «Последняя поездка стала настоящим триумфом – не только столь любимых ею благотворительных организаций, но и самой принцессы. Африка, которая до сегодняшнего дня считалась бесспорной территорией принцессы Анны, получает нового покровителя…» Для более образованных и циничных читателей Хардман писал: «Эти визиты очень важны, если принцесса собирается поддерживать свой международный авторитет и продолжать работу, которую она считает своей миссией. Но ей нужно использовать их разумно и, если так можно выразиться, разнообразить диету. Избыток того, что циники называют „рутиной матери Терезы“, приведет к несварению у репортеров» [372].

Но Диана всегда была абсолютно искренна в сочувствии – хотя эпизодов в стиле «матери Терезы» у нее тоже хватало. Из Хараре она отправилась в благотворительный центр Красного Креста Мазерера в саванне. Диана стояла у огромной металлической кастрюли и раздавала еду маленьким детям, которые пешком прошли семь миль, чтобы получить свою порцию – единственный раз в день. Фотографии получились потрясающие. Одна британская газета вышла под заголовком «„ОБЕДЕННАЯ ДАМА“ – ДИАНА ПО-КОРОЛЕВСКИ ОБСЛУЖИВАЕТ ГОЛОДНЫХ ДЕТЕЙ».

Кен Уорф вспоминает, что в тот день Диана с трудом сдерживала слезы, зная, что назавтра она вернется к своей комфортной жизни, а эти дети останутся в нищете и голоде. «Тем, кто считал, что работа Дианы – это всего лишь фотосессия в экзотических местах планеты, – писал он, – следовало бы увидеть в тот день эту усталую, измученную женщину и послушать, что она говорит о тех душераздирающих сценах, свидетельницей

которых она стала» [373].

Дома Диана сосредоточилась на проблемах женщин. Преисполнившись решимости стать настоящим профессионалом, она начала брать уроки сценической речи. Питер Сеттелен заметно улучшил ее ораторские способности. В апреле 1993 года Диана посетила в Чизвике убежище для женщин, ставших жертвами домашнего насилия. Она побывала там несколько раз, а затем приняла участие в большой конференции, посвященной этой проблеме, в конференц-центре королевы Елизаветы ЧП. Посещение больницы на Грейт-Ормонд-стрит, где молодые женщины лечились от пищевых расстройств (очень близкая Диане тема!), позволило ей в апреле 1993 года выступить в ратуше Кенсингтона. Ее выступление привлекло внимание общества к весьма актуальной теме. Диана была удовлетворена своими выступлениями. Сеттелен научил ее правильно выражать эмоции (по мнению помощников, Диана с этим даже перебарщивала). Кроме того, ее выступления всегда были окрашены личным опытом и пережитыми страданиями. Диана входила в попечительский совет благотворительного фонда «Поворотный момент».

В июне 1993 года она выступила на конференции и призвала поддержать психически больных женщин. Председателем этого форума была Либби Первис. Она сказала: «Принцесса – одна из нас. Она жена, мать, дочь… В ее жизни много проблем. И она смело использует собственный опыт, чтобы помогать другим людям». Диана никогда не пряталась от народа, как другие члены королевской семьи, и действительно использовала свой опыт для того, чтобы помогать страдающим и поддерживать нуждающихся.

Диана уверенно завоевывала позиции на мировой, а скорее европейской, сцене. Вместе с кронпринцем Люксембурга она присутствовала на британской торговой ярмарке. Как попечитель фонда «Помощь пожилым людям» выступала в Брюсселе на различных мероприятиях, посвященных положению пожилых людей в Евросоюзе. Общалась с комиссаром Евросоюза по социальным проблемам, пила чай с королевой Фабиолой, присутствовала на приеме в резиденции британского посла.

По приглашению американского медиамагната Конрада Блэка она присутствовала на балу прессы, проходившем в Спенсер-хаусе, все еще принадлежавшем ее семье. Здесь она получила возможность пообщаться со сливками британских и американских медиа. В Кембридже по предложению лорда Сент-Джона Фосли Диана заложила камень в основании нового корпуса Эммануэль-колледжа. «Какова бы ни была система взаимодействия королевской семьи и правительства, – писал

Джефсон, подводя итоги года, – реальность очень проста: принцесса Уэльская по-прежнему играет важную роль в общественной жизни – по крайней мере, в глазах средств массовой информации».

Одно из последних публичных выступлений 1993 года напомнило обществу о «королевском» статусе Дианы, который она успешно поддерживала весь год. С одобрения королевы Диана возглавила 8 ноября мемориальную службу в День памяти в Эннискиллене, в Северной Ирландии. Церемония была тем более трогательной, поскольку напоминала о трагических событиях, произошедших в тот же день шестью годами ранее: одиннадцать человек погибли во время взрыва, устроенного боевиками ИРА. На площади сохранились следы от осколков.

Не забыли об этом и те, кто собрался на церемонию. Стройная, элегантная, очень торжественная Диана стояла перед скорбящими и солдатами – она являла собой идеальную цель для террористов, если бы те вновь решили повторить это преступление. После двух минут полной тишины над площадью пролетели два лебедя. Их отчетливо было видно на фоне чистого предзимнего неба. «Вы видели птиц? – спросила у Джефсона Диана. – Так трогательно! Не могу избавиться от ощущения, что это какой-то знак…» «Вы имеете в виду души павших?» – спросил помощник. «Да, что-то в этом роде… Или символ мира…» [374]

Но за безупречным царственным фасадом скрывались серьезнейшие проблемы в личной жизни, которые подталкивали Диану к очередному саморазрушительному, противоречивому решению. Закрылась еще одна дверь в прошлое – летом умерла Рут Фермой. Леди Фермой была очень огорчена книгой Мортона и расставанием внучки с принцем Уэльским. Поведение Дианы позорило Рут в глазах придворных – внучка не должна была предавать гласности проблемы своего несчастливого брака. Еще до публикации книги Мортона Диана числила собственную бабушку в стане врагов. Мортону она рассказывала, что в день девяностолетия королевы-матери (4 августа 1990 года) царила «мрачная и унылая» атмосфера. «Все были настроены против меня, – говорила Диана. – Моя бабушка разнесла меня в пух и прах» [375]. И до этого бабушка и внучка часто ссорились. В какой-то момент, когда Рут чрезмерно резко высказалась о поведении внучки, Диана просто отказала ей от своего дома. Перед смертью леди Фермой Диана дважды навестила ее, так что у них была возможность помириться. На похороны леди Фермой Диана вылетела со старой подругой бабушки, королевой-матерью, которая, вне всякого сомнения, разделяла мнение своей фрейлины о поведении Дианы.

Незадолго до того Диана завершила еще одну семейную распрю – примирилась с графиней Спенсер, Рейн. Она пригласила Рейн с новым мужем, графом де Шамброном, на обед в Кенсингтонский дворец. С этого времени Диана и Рейн начали встречаться довольно часто. Примирение было частью программы расставания с неприятным прошлым. Она спешила помириться и с братом Чарльзом, с которым недавно рассорилась.

Чтобы начать новую жизнь, Диана стала подыскивать себе загородный дом подальше от крепости Кенсингтонского дворца. Ей хотелось проводить с мальчиками лето и выходные за городом. В июне брат Чарльз предложил ей снять за двенадцать тысяч фунтов в год Гарден-хаус в поместье Олторп. Диана тут же отправила Дадли Поплаку план дома, чтобы тот составил проект. Мысль о собственном новом доме приводила ее в восторг. Через две недели все надежды рухнули. Брат отозвал предложение. Диане нужна была постоянная охрана, вокруг нее вечно роились репортеры. Нормальная семейная жизнь в поместье стала бы невозможной. Чарльз посоветовал ей снять дом за пределами парка, если он ее устроит. «Диана часто говорила, вспоминал один из ее приближенных: „По крайней мере, моя собственная семья никогда меня не предавала… Но вот и они это сделали“».

Письмо Чарльза Диана дала прочитать своему помощнику (несмотря на заявления Пола Баррела, это был не он). Она была страшно расстроена, а потом, обозлившись, написала брату ответ, в котором, несомненно, высказала все, что о нем думает. Когда он позвонил, она бросила трубку. Чарльз Спенсер вернул письмо нераспечатанным с запиской, в которой говорилось, что «вряд ли чтение этого письма улучшит наши отношения» [376]. Брат с сестрой не общались несколько месяцев. Казалось, их отношения никогда уже не станут такими, как до скандала с Гарден-хаус.

По мнению Кена Уорфа, который как телохранитель принцессы был в курсе происходящего, «Спенсер действительно старался помочь. Он предложил ей дом на территории поместья, но тот был слишком маленьким и располагался слишком близко к внешней ограде. Он даже предложил ей собственный дом… но местная полиция просто сошла с ума. Когда я увидел их план безопасности, то лишь руками развел…» [377]Этот случай произвел сильное впечатление на Диану, она постаралась отказаться от многочисленной охраны. «Он [Спенсер] прав, – говорила Диана Кену Уорфу. – Ну кто захочет терпеть все эти связанные со мной неудобства?» [378]

Весной 1993 года Диана рассорилась с двумя ближайшими подругами. Эта история получила название «скачок Леха» – она была чрезмерной даже для порывистой Дианы. В конце марта

Диана с сыновьями отправилась кататься на лыжах в Австрию. С ней поехали Кэтрин Соме и Кейт Мензес с детьми. Международные папарацци будто с ума сошли, довели Диану до крайности. На снимках Дианы можно было прилично заработать, поэтому фотографы состязались друг с другом, кто сделает лучший, самый крупный и драматичный. Не удовольствовавшись фотографиями на склонах, они не давали принцессе и ее сыновьям проходу в отеле «Арльберг». Диана почему-то начала паниковать, кричала: «Убирайтесь прочь!» Кен Уорф оттолкнул одного из самых навязчивых журналистов так, что тот упал. Началась суматоха. Уорф с большим трудом провел Диану с мальчиками в отель.

Во время этого отпуска Диана вообще была на грани эмоционального срыва. «Ее тревожили собственные чувства по отношению к Хору. Она была очень рассеянной, не могла сосредоточиться… Диана всегда была эксцентричной, но прежде всегда умела собраться и вовремя отойти от края» [379]. Однако не в этот раз. Рано утром, когда двери отеля были накрепко заперты, Диана спрыгнула с балкона своего номера на первом этаже (высота составляла около двадцати футов) в глубокий снег и ушла, не сообщив об этом никому из телохранителей.

Она вернулась в половине шестого. Сразу пошли слухи, что она встречалась с Оливером Хором, который остановился в Цурсе, но для этого ей пришлось бы брать такси, а это было слишком рискованно даже для такой авантюристки, как она. Скорее всего, она просто сбежала от своих спутников, чтобы встретиться со знакомым журналистом.

Кейт Мензес и Кэтрин Соме, самые близкие подруги Дианы, знали о Джеймсе Хьюитте и, конечно же, об Оливере Хоре. Романтические эскапады принцессы были им понятны и близки. Но общение с журналистом, каким бы достойным человеком он ни был, – это уже слишком. По-видимому, подруги выказали Диане свое неудовольствие и удивление, и ей это не понравилось. Диана, как и ее брошенный муж, не любила критики.

В тот период главным делом жизни для Дианы оставалась публичная война с мужем. В собственных интересах она использовала даже отдых с мальчиками. Ее фотографировали во флоридском Диснейленде и на пляжах. Уильям и Гарри доказывали широкой публике, какая она прекрасная мать. В этом она заметно выигрывала у своего эгоистичного и безразличного к детям мужа.

В августе 1993 года Диана с детьми приехала в Диснейленд. Кен Уорф отметил, что журналист Ричард Кей, пользующийся ее безусловным доверием, приехал сразу за ней и остановился в том

же отеле, что и Диана. Мало того, номер был забронирован в день, когда Диана сообщила Уорфу, что хочет съездить во Флориду. К несчастью для британских журналистов, система безопасности ВИП-персон в компании Диснея была отлажена идеально: ни одна фотография не появилась в газетах. Из Флориды Диана с детьми отправилась на Багамы, в дом Мензесов в Лайфорд-Кэй. Туда ей позвонил адвокат, сообщил, что ей необходимо вернуться. Диана пыталась фотографироваться и на Багамах, что страшно раздражало Кена Уорфа. «Я буду делать то, что я хочу, – заявила телохранителю Диана. – Несправедливо запрещать мне это. Я просто хочу быть нормальной…» [380]

По возвращении в Англию Диана долго дулась на Уорфа – нехороший знак. Их отношения стали настолько холодными, что Уорф решил уйти сам, прежде чем его уволят. Ситуация обострялась постепенно: Уорф действительно пытался мешать Диане делать то, что она хочет, он всегда критиковал ее, когда она поступала «неправильно». И принцессе надоело. Кое-кто считает, что Диана решила расстаться с Уорфом, потому что тот слишком много о ней знал и видел ее в весьма неподобающих ее положению ситуациях. Сам Уорф считает, что к его увольнению приложил руку Оливер Хор – они недолюбливали друг друга, а Уорф отлично знал о романе принцессы. Шофер Дианы, Саймон Солари уволился почти одновременно с Уорфом. Диана всегда была очень подозрительна, а шофер знал о всех ее поездках. Она начала сомневаться в том, можно ли ему доверять. Позже Солари устроился в штат принца одним из камердинеров, но не сработался с Майклом Фосеттом.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Уорфа, стали «фотографии в спортивном зале». В мае 1993 года репортеры сфотографировали Диану в спортивном зале на западе Лондона. В ноябре фотографии были опубликованы в Sunday Mirror. Снимки вызвали настоящий скандал. Газету обвинили во вмешательстве в личную жизнь, и Диана даже подала на Mirror в суд. Уорф – и не он один! – подозревал, что Диана сама организовала эти снимки с помощью владельца зала, Брюса Тейлора, чтобы впоследствии использовать их против Mirror. «Я убежден, – писал он, – что она сама придумала отличную наживку для газеты, получила свою долю рекламы и симпатий публики, отплатив репортерам по полной» [381]. Уорф отлично знал Диану и понимал, что подобный хитроумный план ей вполне по силам. И все же, несмотря на то что происходило между ними, верный детектив всегда высоко оценивал уникальные качества Дианы: «Она была потрясающей женщиной, которая умела менять мир и делать его лучше. Она знала, как поднять людей над серой

повседневностью и заставить их почувствовать себя особенными. Она сделала это и со мной» [382].

Несмотря на конфликты из-за «вмешательства в личную жизнь» – а Диана организовывала все так, чтобы получить максимум позитивной рекламы для себя, – практически отсутствие этой самой личной жизни и ограничения, связанные с публичной ролью, начинали мучить Диану. Она чувствовала, что больше не может выносить постоянного присутствия телохранителей, которые знают о каждом ее шаге, не может выносить страха перед тем, что газетчики или муж раскроют ее тайны.

В ноябре, когда разразился скандал с фотографиями в спортивном зале, Диана задумала второй необдуманный шаг к бездне. 3 декабря она выступала в Дорчестере в пользу благотворительного фонда «Хэдвей» и единым махом уничтожила все, чего с таким трудом добивалась целый год. Она сказала, что собирается сократить свое участие в общественной жизни: «Я надеюсь, что вы сердцем поймете мой поступок и дадите мне то время и пространство, которых мне так не хватало в последние годы… Когда двенадцать лет назад я только начинала свою публичную жизнь, то понимала, что средства массовой информации будут интересоваться моими поступками. Я понимала, что их внимание неизбежно будет приковано и к нашей личной жизни. Но я не знала, насколько мучительным окажется это внимание. Я не представляла, в какой степени оно будет влиять на мои общественные обязанности и личную жизнь. Это просто невыносимо…»

Диана заявила, что ее поддерживают королева и принц Филипп (которые на самом деле безуспешно пытались отговорить ее от чрезмерной драматизации ситуации), и сознательно не стала упоминать принца Чарльза, хотя всячески давала понять, что развернутая им кампания против нее сыграла не последнюю роль в ее решении. Диана сидела, опустив голову и закусив губу. На глаза наворачивались слезы.

Первыми забеспокоились газеты и благотворительные организации – они имели наибольшую выгоду от публичного имиджа Дианы. Их чувства выразил один из журналистов в своем риторическом вопросе: «А не сами ли мы убили гусыню, которая несла нам золотые яйца?» Таблоиды недолго искали виновника своих несчастий. «ЧАРЛЬЗ ВЫНУДИЛ ДИАНУ УЙТИ: ГРУСТНАЯ ПРИНЦЕССА ПРЕКРАЩАЕТ УЧАСТВОВАТЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ», – гласил заголовок Sun. Журналист писал о кампании, которая настойчиво принижала роль Дианы, об изощренной пропагандистской машине Чарльза, которой удалось добиться

успеха. Но, как это всегда бывало в жизни Дианы, мотивы ее драматического поступка были далеко не так однозначны.

15. Странные годы

Я не могу поверить тому, что мне говорили о ней… причем не верю буквально ни одному слову.

Джонатан Димблби [383]

Решение прекратить общественную жизнь было продиктовано множеством причин. Одна из них заключалась в том, что ей действительно было нужно «время и пространство» для себя самой. После расставания с Чарльзом она все делала одна, стараясь справляться с общественными обязанностями, столь необходимыми для имиджа. Она пыталась понравиться публике, вела медиавоину с мужем и пыталась манипулировать своей публичной репутацией. В беспощадном свете софитов она тревожилась о том, сохранят ли ей верность близкие, не откроют ли они темные тайны ее жизни. Постепенно Диана превращалась в параноика. Легко винить ее в стремлении к саморекламе. Решение превратить свой отказ от общественной деятельности в драму повергло в ужас и ее помощников, и Букингемский дворец. Начались растерянные попытки ослабить эффект от этого выступления.

Диана, несомненно, подвергалась сильнейшему давлению. После расставания с Чарльзом она чувствовала себя одинокой, брошенной, несчастной, неуверенной в будущем. «Думаю, у нее всегда была эта проблема, – говорит дочь одной из ближайших подруг Дианы. – Она хотела быть принцессой Уэльской, женой Чарльза и при этом вести нормальную семейную жизнь. Ничего этого она не получила. Она не была больше женой Чарльза… Она хотела быть любимой, постоянно искала одобрения – постоянно, не отвлекаясь ни на минуту. Я думаю, она чувствовала себя преданной – собственной матерью, мужем. Женщине в таком положении очень тяжело, а Диана еще подвергалась колоссальному давлению: за каждым ее шагом следили тысячи глаз, и так было каждый день. Я бы этого не выдержала» [384].

В стремлении к личной свободе Диана совершила ошибку, которая имела самые фатальные последствия: она отказалась от права на полицейскую охрану. Хотя она и почувствовала себя на какое-то время свободной, но тут же стала мишенью для папарацци, которые становились все более и более бесцеремонными. Через несколько месяцев, в мае 1994 года, Диана отправилась с друзьями в Малагу. Уже в аэропорту она

оказалась абсолютно беззащитной. В течение всего времени отдыха ее беспрерывно преследовали фотографы. Одному из них удалось сфотографировать Диану, «загорающую топлес», хотя на самом деле она всего лишь опустила бретельки. Владелец журнала Hola! Эдуардо Хунко вовремя узнал о снимках и купил их, чтобы предотвратить публикацию. В Лондоне фотографы запечатлели, как Диана в панике пробирается между припаркованными машинами у дома своего психотерапевта Сьюзи Орбах. Ее поджидали везде, где она могла появиться, – таковы последствия отказа от телохранителей, и со временем ситуация лишь ухудшалась.

Но у подобного опрометчивого решения были личные причины. Когда у близкой подруги Дианы спросили, почему она так поступила, та ответила: «В тот момент ей казалось, что она сможет вести нормальную жизнь с кем-то еще… Так она думала в то время» [385]. Этим «кем-то еще» был Оливер Хор. В 1993 году возобновились «анонимные» телефонные звонки, которые не могли не раздражать Диану Хор. Шофер Оливера рассказывал журналистам, что жена его хозяина становится все более подозрительной. Примерно в то же время, когда принцесса объявила о прекращении общественной деятельности, Диана Хор вышвырнула мужа, и тот поселился в квартире друзей в Пимлико. Неудивительно, что Диана начала мечтать о «нормальной жизни». Эльза Баукер, с которой ее познакомил Хор, сообщила биографу Дианы, что та хотела выйти замуж за Хора и поселиться с ним в Италии. Хор говорил Эльзе Баукер, что «в Диане есть внутренний свет, и ему это очень нравится».

По словам Эльзы, «Хор много сделал для нее. Он вселил в нее уверенность, но этого было недостаточно. Диана была великолепным, сердечным человеком, но в то же время страшной собственницей. Если она кого-то любила, то этот человек должен был бросить ради нее всех, включая детей. Собственнические замашки пугали мужчин. С ней всё превращалось в драму» [386]. Биограф Дианы Салли Беделл Смит заверяла: Оливер Хор почувствовал на себе всю силу собственнического инстинкта Дианы, когда пришлось вернуться домой, чтобы посидеть с больной дочерью, поскольку его жене нужно было срочно уехать. Диана отказывалась верить, что он не придумал это, чтобы помириться с женой. Когда он вез ее домой, она выпрыгнула из машины в пробке на Слоун-сквер и исчезла. Хор был настолько обеспокоен, что даже не поехал к дочери. Он три часа колесил по всему Лондону, разыскивая Диану. В конце концов он нашел ее всю в слезах в Кенсингтонском саду, неподалеку от дворца [387].

В январе 1994 года, после двухмесячной разлуки с семьей,

Хор вернулся к жене. Диана рассталась с иллюзией, что он бросит жену и детей. «Он был очень хорошим отцом и хорошим человеком, – вспоминает общий друг. – Он всегда говорил, что никогда не уйдет из семьи» [388]. И все же отношения между Оливером и Дианой продолжались, и журналисты не могли этого не заметить. В декабре 1993 года их заметили в его машине, где они просидели целый час. Диана положила голову на плечо Хора. Они завтракали вместе в семь утра в Харбор-клубе в Челси, где Диана занималась. В марте 1994 года фотограф снял, как они возвращаются в Кенсингтонский дворец после обеда с друзьями. Интерес журналистов пока оставался довольно благожелательным, а не злобным. Репортеры писали о том, как Диана со слезами изливает душу верному другу [389].

После возвращения Хора к жене безмолвные звонки в его дом продолжились. Диана Хор еще в октябре пожаловалась в полицию, и на домашнем телефоне установили специальное оборудование, позволявшее отслеживать звонки. За шесть дней полиция зафиксировала десяток безмолвных звонков из Кенсингтонского дворца и с мобильного телефона Дианы [390]. По совету полиции Хор предупредил Диану о слежке, звонки прекратились, а потом начались снова – на сей раз из телефонов-автоматов, установленных в Кенсингтоне и Ноттингхилле. Скотланд-Ярд предупредил руководителя департамента охраны королевской семьи и дипломатического корпуса. На Диану могли подать в суд. Прекратились звонки, но не отношения Дианы с Оливером Хором.

Эндрю Мортон готовил вторую книгу о жизни Дианы после расставания с Чарльзом («Диана: ее новая жизнь»). Публикация была намечена на 1994 год. Он считает, что на решение Дианы несомненное влияние оказали ее астрологи. Диана верила в то, что ей не суждено стать королевой. Но знала она, что и Чарльз не станет королем: либо он добровольно отречется в пользу Уильяма, либо погибнет. Один из астрологов предсказывал, что из-за своей непопулярности Чарльзу придется отречься от трона и королем станет Уильям [391]. Другой утверждал, что принц уедет в Италию с Камиллой и займется живописью. Диана видела свое будущее в роли королевы-матери, направляющей судьбу будущего короля Уильяма.

«Мои мальчики»… Дети всегда оставались центром жизни Дианы. Оба учились в подготовительной школе Ладгроув, и Диана чувствовала себя страшно одинокой в Кенсингтонском дворце. Она скучала по своей любимой подруге Люсии Флеча де Лима и по ее семье. Ей было так хорошо с ними! Но муж Люсии получил новое назначение, и в ноябре 1993 года семья

отправилась в Вашингтон. Когда мальчики приезжали домой на выходные или каникулы, вся ее жизнь сосредотачивалась на них.

Диану часто представляют глупой пустышкой, думающей только о себе. Но она выросла в аристократической семье и отлично понимала, как много значит *наследник.*Она сознавала, какое место занимает Уильям в наследственной монархии. Несмотря на все сложности в отношениях с мужем и его семьей, Диана не перекладывала проблемы на плечи детей. Она твердо решила воспитывать их максимально «нормальными» (ее любимое словечко). И в этом она не ограничивалась прогулками в Торп-парке и посещениями Диснейленда или походами за покупками, во время которых маленькие принцы, в отличие от других членов королевской семьи, расплачивались собственными деньгами. Диана знакомила их с жизнью людей, которым повезло не так, как им. Некоторые члены королевской семьи – в том числе и отец мальчиков – не одобряли подобного ультрадемократизма. Диана же считала, что сыновья должны представлять, какова жизнь за пределами королевского анклава, хотя их отец никогда этого не знал.

Уильям вместе с матерью общался с бездомными. Когда Гарри стал старше, Диана начала привлекать к благотворительности и его. В июне 1989 года она уже посещала центр для бездомных «Пассаж». Под влиянием своего друга, католического архиепископа Вестминстера, кардинала Бэзила Хьюма, Диана дважды посещала этот центр дневного и ночного пребывания при Вестминстерском соборе. Один раз она брала с собой Уильяма, а во второй – обоих мальчиков. Диана и Уильям приехали в центр 20 декабря 1993 года без предупреждения, с ними не было журналистов. Директриса центра, сестра Бриди Дауд, вспоминает: «Они шли по длинному „Пассажу“, где люди сидели за столами вдоль стен… Диане было трудно продвигаться и разговаривать, потому что все хотели прикоснуться к ней. Люди были тронуты тем, что к ним приехала Диана». По словам сестры Бриди, «она обладала уникальным даром выслушивать людей. Создавалось впечатление, что она слышит каждое обращенное к ней слово – даже то, что осталось невысказанным… Она слушала не только ушами, но и глазами. Зрительный контакт с ней был каким-то особенным» [392].

Диана призналась сестре Бриди, что она желала бы, чтобы «Уильям увидел изнанку жизни. Ей не хотелось, чтобы он вырос высокомерным аристократом. Диана рассказывала ему о центре, показывала фотографии, и Уильям выразил желание поехать с ней. Это был его первый визит в центр для бездомных – смелый шаг, потому что тут было чему напугаться. У нас обычно бывает

около сотни человек. Это люди со сложной судьбой, они пережили невероятные трудности и по разным причинам оказались вышвырнутыми из общества. За плечами некоторых был университет… даже два университета… Среди них были бывшие священники, лекторы – самые разные люди… Многие жили на улице, другие – в общежитиях и приютах… Среди них были больные, алкоголики… Там были люди, которые служили в армии, а демобилизовавшись, просто не смогли приспособиться к обычной жизни, две медсестры, которые сами болели и не могли работать, люди, у которых не сложилась семейная жизнь, словом, лишние» [393]. В «Пассаже» им предлагали чашку чая, завтрак, ланч. Там можно было помыться, сменить одежду, пройти курсы, получить психологическую помощь.

Как к этому отнесся Уильям? «Сначала он очень стеснялся и держался поближе к маме, – вспоминает сестра Бриди. – Но все были к нему очень добры и отлично понимали, что нужно мальчику. Кто-то заговорил с ним о футболе. Стоило ему разговориться, и он тут же освоился. Он был довольно замкнутым, но в этом ребенке явно чувствовался потенциал» [394]. Позже Уильям и Гарри вместе с матерью приезжали в ночной центр и играли в шахматы с его обитателями. «Народная монархия», столь близкая сердцу Дианы, оказалась весьма жизнеспособной концепцией.

Диана беспокоилась об Уильяме. Мальчик был очень чувствительным, во многом похожим на отца. Он дежурил у дверей и слышал то, о чем ему лучше было бы не знать. Несмотря ни на что, его отношения с матерью были совершенно нормальными, без малейшего оттенка невроза. Те, кто слышали записи Сеттелена по *NBC,* сразу заметили, с каким юмором мальчики поддразнивали мать, когда им казалось, что она зашла слишком далеко: «Ну разве она не *ужасна!*» За Гарри Диана волновалась меньше. Этот жизнерадостный, пухлощекий мальчик унаследовал оптимистичный темперамент матери, но, к счастью, не ее проблемы. Понимая, что будущее мальчиков будет очень разным, Диана стремилась с самого детства готовить сыновей к отведенным им ролям. Уильям будет королем, а Гарри должен всячески поддерживать его – Диана считала это очень важным.

Два года после расставания длились мучительные переговоры о разводе. На встрече в октябре 1993 года на этом продолжал настаивать Чарльз. Диана же постоянно твердила друзьям, что не хочет развода. Обе стороны старались завоевать симпатии публики.

С лета 1992 года в лагере Чарльза планировали ответ на книгу Эндрю Мортона. «Принц Чарльз хотел восстановить

справедливость», – вспоминал один из его близких друзей [395]. Таким ответом стала биография, написанная Джонатаном Димблби, которого принц всегда уважал за «зеленые» убеждения. Когда-то Димблби даже работал на виндзорской ферме. Он собирался написать авторизованную биографию, где были бы интервью с друзьями и сотрудниками принца, хотел также использовать письма и дневники Чарльза. Официальным поводом послужило двадцатипятилетие получения Чарльзом титула принца Уэльского.

«Сначала мне предложили сделать юбилейный документальный фильм в честь годовщины, – вспоминает Дики Арбитер. – Нечто незатейливое, спокойное, больше об организациях, чем о самом принце… И мы принялись за работу. А потом Эйлард внес новое предложение: „Принц решил, что [нужно осветить и личные вопросы тоже]“. Я ответил: „Уверен, что принцу это не нужно. Наверняка ты сам это придумал. Ты представляешь, во что это выльется?“ Эйлард заверил: „Мы справимся!“ Я пытался его отговорить: „Ричард, это будет очень и очень непросто!“ „Да я понимаю“, – отмахнулся он. „Ну что ж, – согласился я. – Я сделаю все, что входит в мои обязанности, но мне это не нравится“».

Дворец очень осторожно отнесся к такому предложению. Впрочем, его хотя бы можно было контролировать. Сотрудники же Дианы категорически отказались участвовать в проекте, который, как они и ожидали, превратился в панегирик принцу и порицание принцессы. Осуждать за это принца и его друзей трудно: Чарльзу нужно было восстановить репутацию и рассказать о своих добрых делах, которые так часто оставались незамеченными. Влияние книги Мортона на имидж принца оказалось убийственным, и все попытки его друзей переманить журналистов на свою сторону не увенчались успехом. Редактор таблоида вспоминает: «Друзья Чарльза, Ромси, ван Катсемы и другие, постоянно звонили мне и давали советы и наставления» [396]. Чарльзу никак не удавалось победить. Диана сумела очаровать даже Джонатана Димблби. Хотя она отказалась давать интервью, общение за обедом возымело свое действие.

«Принцесса, – писал Джефсон, – превосходно умела общаться. Царственность гармонично сочеталась в ней с простотой. Она могла очаровать самого сурового своего критика. За обедом она ела с большим аппетитом. Со смехом говорила о том, что Димблби взвалил на себя геркулесовы труды во имя принца. Сердечно распрощавшись с журналистом, она уехала. Я заметил на лице Джонатана то изумленное выражение, какое не раз видел на лицах тех, кого Диана собиралась очаровать…»

Когда у Димблби спросили, изменилось ли его представление о Диане после личной встречи, он довольно неловко ответил: «Я не могу поверить тому, что мне говорили о ней… причем не верю буквально ни одному слову» [397].

Телевизионная программа вышла в эфир 29 июня 1994 года. Маловероятно, что дворец принимал какое-то участие в ее создании – только предоставил условия для работы. В кругу королевы эту затею не одобряли – и, как оказалось, правильно делали. «Он ничего не добился» – таким было общее мнение. Все надеялись на то, что программа хотя бы не ухудшит положения принца. Королевская семья даже не подозревала, насколько личной окажется передача. Все умоляли принца не делать этого. Один из его помощников даже уволился. Главная цель программы – рассказать об официальных обязанностях принца, о его благотворительной работе и политических взглядах. Планировалось создать благоприятный портрет хорошего человека с самыми серьезными намерениями. Создатели хотели показать будущего короля серьезным, глубоким человеком, а не скучной телевизионной фигурой. Много внимания было уделено работе принца по защите окружающей среды. Чарльз говорил очень интересно, страстно, без шпаргалок.

К сожалению, публика запомнила не это, а его ответ на вопрос Джонатана Димблби о том, был ли он верен своей супруге. Чарльз ответил, что был – до тех пор, пока брак «не рухнул без всяких надежд на будущее». А потом он назвал Камиллу Паркер-Боулз «своей близкой подругой» и сказал, что продолжает с ней встречаться. Ничто не могло больше разозлить Диану. Чарльз напрашивался на ответ – и этот ответ не замедлил появиться.

Широкая публика аплодировала принцу за честность, но люди близкие к королевской семье, Чарльзу, Диане и Камилле буквально рвали на себе волосы. Чарльз часто жаловался, что журналисты не думают о том, как их освещение ситуации «Чарльз против Ди» повлияет на чувства его сыновей. Но тут на глазах миллионов телезрителей он сам сначала показал, как прекрасно умеет общаться с сыновьями, а потом заявил, что был неверен их матери. Высший свет был шокирован.

Главным преступлением Дианы всегда считалось общение с журналистами. Но теперь наследник трона публично признался в супружеской измене, в преданности своей любовнице и желании и дальше вести себя точно так же, как раньше. Даже симпатизирующие принцу люди считали, что он и Диана «просто сошли с ума из-за этих журналистов». «Все говорили ему: „Не нужно говорить о своем браке. Пусть Джонатан задает любые вопросы, но нужно ему сразу сказать: мой брак похож на брак

любого из вас и это исключительно личное дело… это не касается ни вас, ни зрителей. И тогда вся Англия встала бы и сказала: „Ты абсолютно прав!“ Какой смысл был говорить об этом? Это все равно что показать красную тряпку быку“» [398].

В Балморале Чарльз спросил у близкой знакомой, герцогини Вестминстерской, что она думает об интервью. «Она была весьма сдержанной женщиной и ответила: „Честно говоря, сэр, не думаю, что это была удачная мысль“. Он пришел в ярость и не разговаривал с ней два дня – Чарльз крайне обидчив. Отправился прямо к своему секретарю [Эйларду], обвинил его во всех неудачах, накричал… Чарльз вообще ужасно избалован…» [399]

Каким бы ни был рейтинг принца в глазах общества, его интервью, по выражению одного из сотрудников дворца, «все перевернуло с ног на голову». Это действительно была «красная тряпка для быка». Даже для нескольких быков, если быть точнее. Общение с журналистами считалось смертным грехом, непозволительным для члена королевской семьи. Наследник трона не мог публично признаваться в супружеской измене и верности своей любовнице. Преданные слуги были в ярости. Камердинер Чарльза, Кен Стронах, «самый верный и преданный из всех» по отзывам коллег, отправился в газету, чтобы рассказать об отношениях Чарльза и Камиллы. Впоследствии он раскаялся и попытался отозвать свое интервью, но безуспешно. Это разбило ему жизнь.

Его коллега вспоминает: «Все считали, что говорить что-то против своего хозяина, – это абсолютное и непростительное предательство» [400]. Надежные слуги, воспитанные в абсолютной преданности, последовали примеру королевы и герцога Эдинбургского. Они были в ужасе, им казалось, что монархия рушится. Очень характерна реакция одного из помощников королевы. После просмотра интервью принца он сказал: «Боже, храни королеву! Пусть она правит нами как можно дольше!»

Программа имела еще одно последствие – Эндрю Паркер-Боулз решил развестись с Камиллой. Он мирился с романом жены с принцем Чарльзом – пока все оставалось в рамках приличий и об этом не знала широкая публика. Признание же Чарльза, сделанное после публикации его телефонных разговоров с Камиллой, поставило Паркер-Боулза в нетерпимое положение. На следующий день после трансляции интервью личный секретарь принца, Ричард Эйлард, на пресс-конференции признал, что женщина, о которой говорил Чарльз, – это Камилла. В январе 1995 года Эндрю и Камилла развелись.

Диана демонстрировала полное безразличие. В тот день, когда программа вышла в эфир, она принимала участие в

открытии выставки в галерее Серпентайн. На ней было облегающее черное платье, выгодно подчеркивающее стройность загорелых ног. Диана излучала уверенность в себе. «Она вышла из машины, сразив всех наповал своей эффектной внешностью», – вспоминает директор галереи Питер Паламбо [401]. Всем своим видом Диана словно говорила: «Посмотрите на меня… Посмотрите, от чего вы отказались, и убедитесь, что мне нет до вас дела».

Ее фотография появилась на первых страницах всех газет. *Sun*сопроводила ее подписью: «Ослепительная красавица, которую он бросил ради Камиллы», поместив рядом весьма неудачный снимок соперницы. Конечно, Диана злилась, но в глубине души она восхищалась смелостью и честностью Чарльза перед лицом английского народа. Ответный удар она нанесла в пресловутом интервью для программы «Панорама» спустя полтора года.

Несмотря на блестящий и уверенный вид, Диана волновалась, что ее имидж ухудшается. Журналисты знали, что Диана манипулирует ими, сообщая доверенным лицам о своих планах и перемещениях, которые нужно было осветить в прессе. В начале июня 1994 года Диана совершила ошибку – ее сфотографировали с Ричардом Кеем из Daily Mail в его машине. Редактор Дэвид Инглиш «прикрепил» Кея к Диане. Кей работал с ней с 1993 года. Высокий, поджарый, красивый и исключительно надежный, Кей по-настоящему сдружился с Дианой и семьей Спенсеров. Когда конкурирующая газета опубликовала фотографию, доказывающую близость принцессы и журналиста, в прессе поднялся ханжеский вой.

Но настоящие неприятности были еще впереди. В марте по настоянию Дианы интервью Анне Пастернак дал Джеймс Хьюитт. Интервью было опубликовано в Daily Express. Хьюитт весьма сдержанно рассказывал об отношениях с Дианой. В свое время она просила его дать интервью Эндрю Мортону, но журналист отказался. Анна Пастернак показалась ему заслуживающей доверия. Хьюитт говорил: «Это интервью было упреждающим ударом со стороны Дианы, но слухи оказались более серьезными, чем раньше».

Стратегия Дианы провалилась. Она полагала, что публика поверит в историю о невинной дружбе. Хьюитта все клеймили за расчетливость в отношениях. «Диана сама была инициатором этого интервью, – рассказывал Хьюитт Беделл Смит. – Но когда реакция оказалась не той, на какую она рассчитывала, поддержка с ее стороны резко прекратилась…» Хьюитт уже подвергся гонениям в высших слоях общества, когда стало известно о его романе. Офицеру и джентльмену не подобало иметь связь с

супругой наследника престола. В марте Хьюитту пришлось уйти в отставку, и его будущее представлялось весьма неопределенным. А теперь еще и Диана отказала ему в помощи. Он чувствовал себя преданным. Результатом стала слезливая книга Анны Пастернак «Влюбленная принцесса», которая вышла в свет в октябре 1994 года.

В середине августа 1994 года Диана отдыхала со своими друзьями Флеча де Лима на модном курорте – острове Мартас-Виньярд у побережья Массачусетса. Салли Беделл Смит, которую пригласили на пляжный пикник, заметила, что Диана явно чем-то озабочена: поставила свое кресло в стороне и о чем-то долго беседовала с Люсией, а потом неожиданно решила уехать – раньше, чем предполагалось. Волнение Дианы было связано с планируемой осенью публикацией книги Анны Пастернак о ее романе с Джеймсом Хьюиттом. Основой для книги стали страстные письма, которые Диана писала Хьюитту во время войны в Персидском заливе. Диана была страшно встревожена, считала, что Хьюитт предал ее. Да, если бы она была более предусмотрительной и порвала отношения с бывшим любовником, этого можно было бы избежать.

Август стал для Дианы очень трудным месяцем. Газеты с удовольствием подхватили сплетни о Хьюитте, а тут еще поступили новости о телефонных звонках в дом Оливера Хора – читатели с изумлением узнали, что Диана превратилась в «телефонного маньяка», а это явственно говорило о ее психической нестабильности. Диана попросила Хора сделать публичное заявление, но тот отказался, что было совершенно понятно, если учесть ситуацию в его семье. Женщины понимали Диану – одинокой, несчастной принцессе просто хотелось услышать голос Хора – и сочувствовали ей. Но Хор был женат, и у него были дети, что выставляло Диану в неблагоприятном свете. Скандал понемногу затих, но негативная реклама, связанная с обнародованием информации о двух ее романах, нервировала Диану.

Книга Анны Пастернак о романе Дианы с Хьюиттом вышла в свет 3 октября. Впрочем, Диана отделалась легким испугом. В конце концов, Чарльз сам бросил ее ради любовницы, а Хьюитт был не женат, поэтому святые узы брака никто не нарушил. Хуже всех пришлось Хьюитту, на которого обрушились все таблоиды. Sun называла его «крысой», и этот эпитет прочно к нему приклеился. Но ведь это Диана бросила Хьюитта, когда он ей надоел и на горизонте появился новый любовник, Оливер Хор. Хьюитт был действительно влюблен в Диану, да и она сама, если верить ее признаниям в телевизионных интервью, его любила. Он

поддерживал ее в трудные для нее времена. В его объятиях она обретала уверенность, которой ей так не хватало. Хьюитт был наивным, доверчивым, бесхитростным человеком. Он должен был держать рот на замке и ни в коем случае не общаться с Пастернак. Но он заговорил – и заплатил за это. Он утонул, а Диана на всех парусах с блеском прошла мимо.

Но в тот момент она сильно переживала его предательство. 11 октября 1994 года она написала рефлексотерапевту Крисси Фитцджеральд: «Это была самая тяжелая неделя в моей жизни». Придя на сеанс, она была «в состоянии шока и сильно переживала из-за откровений Хьюитта». Не меньшую боль ей причинило известие о том, что сказала о ней Сара, герцогиня Йоркская. Обе принцессы посещали одних и тех же психотерапевтов и экстрасенсов – у Сары подобных «специалистов» было даже больше. Несмотря на разногласия, возникшие между Сарой и Дианой в последние два года, у них было много общего: обе порвали отношения с королевской семьей, обеим не хватало глубины в личных отношениях, обе были страшно ревнивы. Сара очень часто и всегда неразумно делилась с первыми встречными своими чувствами по отношению к Диане. Она могла высказать свое мнение любому, кто ее об этом спрашивал. На сей раз она излила душу Крисси Фитцджеральд. «После откровений Хьюитта я не думала, что кто-то еще может меня так ненавидеть, – писала Диана. – Мне было очень больно узнать от вас, Крисси, что Сара меня ненавидит…» После этого дороги Крисси и Дианы разошлись – не редкость в отношениях Дианы с друзьями.

Главной книгой той осени стала биография принца Чарльза, написанная Джонатаном Димблби. Диана ожидала публикации с душевным трепетом – и неудивительно. Димблби изо всех сил старался быть справедливым. Его слова, сказанные Джефсону после ланча с Дианой, явственно показывают, какую информацию о ней он получил от друзей Чарльза. Конечно, его книга должна была улучшить имидж Чарльза – как книга Мортона имидж Дианы. Поскольку Диана в книге Мортона уже рассказала о своей депрессии, отсутствии уверенности в себе, булимии и попытках самоубийства, ей не на кого было жаловаться, когда о том же самом написал Димблби. Ей достаточно было взглянуть на указатель к книге, чтобы страхи ее усугубились: «похудение», «нестабильное поведение», «ревность к Камилле Паркер-Боулз», «попытки контролировать жизнь принца», «пренебрежение интересами принца», «самовлюбленность», «неразрешимые противоречия»… [402]Димблби был вынужден указать, что эти самые «неразрешимые противоречия» возникли в 1986 году, приведя в пример визит Чарльза и Дианы в Канаду на выставку

«Экспо-86». «Он перестал поддерживать супругу, поскольку запасы сочувствия и симпатии окончательно иссякли».

На самом деле Чарльз не мог дать ей любви, в которой Диана так нуждалась. Он не понимал ее проблем со здоровьем, хотя в свое время спокойно отнесся к анорексии ее сестры Сары. И это стало очевидно еще до лета 1986 года. Диана страдала не только от послеродовой депрессии после рождения Уильяма, но и от осознания того, что Чарльз ее не любит и что брак, на который она возлагала такие надежды, не соответствует ее романтическим мечтам. Любовь и сексуальное влечение Чарльза к Камилле Паркер-Боулз сделали эти мечты несбыточными. Это Чарльз бросил Диану, а не она его. С точки зрения монархии, которую отстаивал Димблби, крушение брака принца Уэльского стало трагедией упущенных возможностей.

16. В Новый Свет

Однажды ее спросили, играет ли она в азартные игры… «В карты нет, с жизнью – да».

Из книги Брайана Макартура [403]

Проблемы нарастали как снежный ком. Диана начала задумываться, не начать ли новую жизнь в Соединенных Штатах. Посольство Флеча де Лима в Вашингтоне стало для нее надежным убежищем – точно таким же, каким был их дом в Лондоне до отъезда в Америку. 19 мая 1994 года от лимфосаркомы умерла Жаклин Кеннеди Онассис. Ей было всего шестьдесят четыре года. Об этом событии писали все газеты. Жаклин считали «королевой Америки», и похороны ее проходили очень торжественно. Скорбящие зрители следили за ее квартирой на Пятой авеню, где собрались тележурналисты со всего мира.

После убийства в 1963 году президента Кеннеди Джеки оказалась под пристальным вниманием журналистов, как и Диана, но вдове удалось найти защиту у Аристотеля Онассиса. Колоссальное богатство, собственный остров и океанская яхта нового мужа дали ей ту приватность, о которой она мечтала. После смерти Онассиса Джеки вернулась в Америку. Друзья стали ее преторианской гвардией. Почти что королевский статус гарантировал ей уважение и защиту от папарацци (единственным исключением стал Рон Галелла). Если это удалось Джеки, то почему не удастся Диане? Джеки покинула Америку ради брака с Онассисом в 1968 году. Ей было тридцать девять лет, она была красива и элегантна. В 1975 году она вернулась столь же красивой, но ей было уже за сорок. Поклонники считали ее холодной и загадочной.

Диане было тридцать, она находилась в расцвете красоты и элегантности. Было наивно предполагать, что ее оставят в покое. У нее даже появился собственный Онассис – миллиардер Тедди Форстман, один из основателей компании Forstmann Little, председатель совета директоров Gulfstream Aerospace. С ним Диану познакомил один из близких друзей и наставников, Джейкоб Ротшильд. Лорд Ротшильд входил в консультативный совет компании Форстмана. Он представил Диане Тедди на ужине в честь Дня независимости в Спенсер-хаусе. Форстман был обаятельным, красивым мужчиной, и они быстро подружились.

Тем летом они встретились вновь. В гостях у Люсии Флеча де Лима на Мартас-Виньярд Диана и Тедди часто играли в теннис.

«Он два или три раза приезжал, чтобы увидеться с ней, – вспоминала подруга. – Это были чисто дружеские визиты. Они, по-моему, даже за руки не держались. <…> У них не было романа, – продолжает она, – хотя он был ею очарован… да и она посматривала на него с интересом… Тедди был бы для нее идеальным партнером, но он оказался слишком большим эгоистом». Хотя Диана явно этого хотела, Форстман оказался не готов к подобным отношениям. Он обладал трезвым умом и не желал тех проблем, которые неизбежно привнесла бы в его жизнь Диана. «Она думала о браке, – вспоминает подруга, – но ему это было не нужно. Ей нравилась эта идея еще и потому, что у него был личный самолет. Она могла бы летать через Атлантику, чтобы повидаться с детьми, ведь ей было бы сложно с ними видеться, живи она за пределами Англии. Она, кажется, понимала, что лучший для нее вариант – это неангличанин с большими деньгами» [404].

Патрику Джефсону, который сопровождал Диану во время ее второй поездки в Америку, Форстман понравился: «Думаю, что его здравый смысл, твердость и уверенность, которые можно получить только благодаря жизненному опыту и самостоятельно заработанным деньгам, могли бы сослужить хорошую службу принцессе. <…> Кроме того, он был очень добр к ней» [405].

В октябре Диана приехала в Соединенные Штаты на пять дней. Этот визит увенчался грандиозным успехом. После явной враждебности британского высшего света и охлаждения к ней интереса британской прессы в Америке Диана наслаждалась восторженным приемом. Здесь ее никто и не думал критиковать. Нью-йоркский художник Нельсон Шенкс, автор лучшего портрета Дианы, устроил в ее честь ужин в Национальном художественном клубе. Там Диана встретилась с одним из самых больших своих почитателей – Лучано Паваротти. Она остановилась в отеле «Карлайл». Управляющий отеля, Джеймс Шервин, постарался устроить ее так, чтобы она чувствовала себя как дома. Затем она вылетела в Вашингтон на личном самолете Форстмана «Гольфстрим IV». Там Диана встретилась со своими друзьями Флеча де Лима. На ужине в ее честь, устроенном самой влиятельной дамой Вашингтона, Кэтрин «Кэй» Грэм, владелицей газеты Washington Post, ее спутником был Тедди Форстман.

Кэй Грэм познакомилась с Дианой, когда та приехала к ней на Мартас-Виньярд вместе с Флеча де Лима. Позже она вспоминала, что сразу была очарована «естественным обаянием» Дианы. «Мы сразу понравились друг другу, – писала она. – Во

время долгих прогулок по пляжу мы вели задушевные разговоры». Диана с любовью рассказывала о своих сыновьях: «Я хочу, чтобы они росли, зная, что в мире есть не только дворцы, но и хижины бедняков». «Стоило пообщаться с ней, – продолжала Кэй Грэм, – как сразу чувствовалась ее необыкновенная сила в сочетании с удивительной хрупкостью и потрясающим чувством юмора. <… > Как-то я спросила ее, не собирается ли она поступить в колледж. Мой вопрос очень ее удивил. Она иронично ответила: „Я уже получила образование“. Друг Кэй Грэм, который познакомился с Дианой на Мартас-Виньярд, поинтересовался, играет ли Диана в азартные игры. „В карты нет, – ответила она. – С жизнью – да…“» [406]

В августе, сразу после приезда на Мартас-Виньярд, Диана узнала, что на острове живет Элизабет Глейзер. Диана переписывалась с этой женщиной, больной СПИДом. Естественно, что она отложила все дела, чтобы навестить ее. В октябре в Вашингтоне Диана пыталась определить, в какой сфере приложить свои силы. Она получила множество предложений, но пока так и не решила. «Выбирайте то, что важно для вас, – посоветовал ей один из друзей. – Иначе вы не сможете заинтересовать этим других» [407]. Диана говорила Кэй Грэм, что ей нужно сначала самой хорошо разобраться в проблеме, все обдумать. Она предпочитала заниматься только теми делами, в которых ее участие приносит ощутимую пользу [408].

На следующий день британский посол, сэр Робин Ренвик, с супругой давали обед в честь Дианы. Рядом с принцессой сидели люди, которые играли важнейшую роль в общественной жизни Америки: супруга президента Хилари Клинтон и герой войны в Персидском заливе генерал Колин Пауэлл. Генерал только что покинул пост председателя Объединенного комитета начальников штабов. Диана и Колин Пауэлл сразу же нашли общий язык. После обеда Диана уединилась с Хилари Клинтон, с которой познакомилась еще в июне, на праздновании Дня высадки союзных войск в Европе. У них было много общего. «Мы говорили о проблемах публичной жизни, о том, как защитить наших детей от жестокости мира, – вспоминала Хилари. – Она рассказывала мне о своих надеждах и планах. Диана хотела использовать свое положение для того, чтобы привлечь внимание к проблемам страждущих. Хотя она была не уверена в будущем и не знала, как в дальнейшем сложится ее жизнь, я почувствовала в ней огромный запас твердости и упорства. Эти качества помогали ей управлять собственной жизнью и помогать другим людям, несмотря на все препятствия». Позже Диана с поразительной откровенностью говорила Хилари об ужасной «болезни» –

ощущении себя нелюбимой [409].

Вернувшись в Лондон и находясь под впечатлением от поездки, Диана написала Патрику Джефсону записку, в которой благодарила его за «силу и поддержку» и писала об ощущении восторга от осознания «нового пути, на который мы вышли» [410]. Джефсону казалось, что считать обычный отдых большим успехом, который сулит светлое будущее, – это большое заблуждение, но хотя бы позитивное. После года отказа от любой общественной деятельности (Диана отказалась даже принимать участие в работе Международного комитета Красного Креста) Диана с прежним энтузиазмом вернулась к благотворительности. Она посетила две психиатрические лечебницы – Карстерс в Шотландии и Бродмур на юге Англии. В Карстерсе ее сопровождала Джейн Зито – жениха Джейн убил шизофреник, которого по ошибке выписали из больницы. В Бродмуре Диана присутствовала на заседании совета пациентов – одна! «Я видел, как она заняла свое место на заседании совета пациентов, – писал Джефсон. – Ее окружали мужчины, которые представляли серьезную опасность. Когда двери закрылись, я услышал ее голос, а потом веселый, радостный смех» [411].

В конце года Диана отправилась в Париж как президент фонда «Барнардос». Она занималась благотворительностью в бедных районах города. Закончился визит грандиозным банкетом в честь Дианы в Зеркальном зале Версаля. Диане удалось очаровать не только президента Миттерана: когда она уезжала, ей аплодировали девятьсот гостей. Было совершенно ясно, что Диана продолжает завоевывать мир.

А тем временем осенью Джонатан Димблби начал публикацию биографии принца Чарльза в Sunday Times. Вернувшись, Диана обнаружила, что публика занята не ею, а мужем, и это ей не понравилось. Естественно, что хорошо написанная и вполне авторитетная книга отражала лишь одну точку зрения: во всем, что в жизни Чарльза было плохо и неправильно, винили других – чрезмерно занятую официальными обязанностями мать, сурового отца, который «не мог или не хотел… проявить любовь и теплоту», столь необходимые его сыну. Брак с Дианой рухнул исключительно из-за неврозов молодой жены. Только Камилла удостоилась теплых слов от принца, охваченного острой жалостью к себе. Как замечал один из рецензентов, Камилла была представлена в биографии принца как героиня мелодрамы: «Ее теплота, полное отсутствие честолюбия и хитрости, прекрасное чувство юмора и мягкость характера сделали Камиллу всеобщей любимицей…» – писал Димблби.

В середине сентября перед публикацией книги у Чарльза возник серьезнейший конфликт с королевой. Елизавета узнала о том, что принц передал Димблби множество личных бумаг, причем не только свои детские дневники, но и государственные документы, даже не удосужившись проверить их содержание. Перед этим он провел несколько дней у своей бабушки в Беркхолле. «Он приехал только на один день», – сообщила королева. «Принц выбрал для этого день бала, когда времени для серьезных разговоров не было», – добавил один из придворных [412]. И члены королевской семьи, и люди, входившие в ближний круг, считали, что «эта книга была серьезной ошибкой. Человек, занимающий подобное положение, не должен полоскать свое грязное белье на глазах у всех. Это настоящая глупость. То, что раньше члены королевской семьи никогда не общались с журналистами и не давали интервью, было очень правильно». «С этого момента ситуация осложнилась, но потом все как-то успокоилось» [413].

«Помню, мы долго беседовали с Чарльзом о его детях и о том, что он не должен своими поступками причинять им боль. И как он поступил?! Он издал эту книгу – самое ужасное, что только можно было сделать» [414]. Чарльз публично обвинил отца и мать во всех своих проблемах. Это было жестоко и несправедливо. Принцесса Анна и ее братья позвонили Чарльзу, чтобы высказать свое неодобрение: с родителями так поступать нельзя, «а он неделями на них дулся», – вспоминал один из помощников принца [415]. Все вокруг винили в неосмотрительном поступке Чарльза Ричарда Эйларда, которому досталась роль козла отпущения.

Монархисты, которые после выхода книги Мортона обрушились на Диану, с еще большей яростью напали на Димблби. Даже отъявленный монархист Чарльз Мур заявил: «Когда принц и принцесса разошлись, я написал целую колонку в Spectator, где осуждал принцессу за то, что она потакала „стремлению к личному счастью“. Свою статью я закончил словами: „Как знать, не страдает ли и принц от столь же неприемлемого стремления? Неизвестно, но, поскольку он – наш будущий король, мне не кажется, что мы должны обсуждать этот вопрос“. Теперь же, когда появилась надежда, что все уже кончено, он вынудил нас вновь вернуться к обсуждению его самого и его несчастий» [416].

Книга Димблби обострила конфликт между Букингемским и Сент-Джеймсским дворцами. Война между принцем и принцессой раздражала и смущала Букингемский дворец. То, что Чарльз позволил Диане манипулировать прессой и даже сам

провоцировал ее на это, а потом потерял моральное превосходство, страшно мучило королеву. «Думаю, что подавленность, гнев и разочарование королевской семьи были направлены исключительно на принца, – говорил один из помощников Чарльза, – и порой эти чувства казались абсолютно оправданными» [417]. Создавалось ощущение, что ситуация окончательно выходит из-под контроля.

Да, Диане действительно удалось завоевать господствующие высоты. Гуру в области связей с общественностью, Гордон Риз, на которого безусловно полагалась Маргарет Тэтчер, познакомил Диану с редактором Daily Mail Дэвидом Инглишем. Компания Associated Press, которой принадлежала газета, приносила извинения представителям принца, оправдывая решение поддержать Диану исключительно коммерческими причинами. Диана помогала продавать газеты, принц – нет. Влиятельнейшие издания Мердока, The Times, Sunday Times, Sun и News of the World, тоже приняли сторону Дианы по тем же совершенно понятным причинам.

«Диана поддерживала прекрасные отношения с самим Мердоком, – рассказывал некий эксперт в области средств массовой информации. – Они переписывались, часто встречались» [418]. Мердок не был монархистом и ненавидел наследственные привилегии. Неудивительно, что с Чарльзом он не общался. В конце восьмидесятых годов бывший греческий король Константин организовал встречу Мердока и Чарльза, но эффект оказался не тот, на который он рассчитывал. «…Мердок окончательно убедился в том, что принц – чудаковатый тип с „левыми“ убеждениями, если не сказать больше…

В выражениях он не стеснялся! Принц же стал считать Мердока фашистом, одержимым манией величия. Из их встречи ничего хорошего не вышло. Думаю, что у *News Corporation*имелась собственная программа, и Диана идеально в нее вписывалась. В коммерческом отношении она была очень успешна» [419].

Самая консервативная и промонархическая корпорация, The Telegraph Group, в то время принадлежала медиамагнату Конраду Блэку. «Конрад Блэк и принц Уэльский никогда не ладили, – вспоминает помощник принца. – Макс Хастингс в бытность свою редактором [Daily Telegraph] буквально не выносил принца Уэльского. Он считал, что Чарльз недостоин быть королем и должен отречься в пользу Уильяма… Дружественно к принцу была настроена только группа Express Newspapers. Диана командовала журналистами – в этом не было ни малейшего сомнения. Достаточно было одной ее фотографии, чтобы мгновенно распродать тираж» [420]. Принц общался с репортерами

через своих помощников, Диана же все делала сама. Она изо всех сил старалась очаровать редакторов – и высоколобых изданий, и таблоидов. Перед ней не могли устоять такие влиятельные журналисты, как Оберон Во и Пол Джонсон, и знаменитости вроде Клайва Джеймса.

Диана сумела обворожить даже одного из самых безжалостных редакторов таблоидов, тридцатилетнего Пирса Моргана из Daily Mirror. После смерти принцессы он рассказал о ее любопытных методах. Они встретились на благотворительном вечере детского фонда в отеле «Савой» в январе 1996 года. Диана с улыбкой спросила Моргана, как могут редакторы утверждать, что знают о ней все, если ни разу с ней не встречались. «„У вас есть возможность просветить меня, ваше королевское высочество“, – ответил я. Она посмотрела на меня исподлобья: „Да? Боюсь, у меня сейчас нет времени… – А потом рассмеялась и добавила: – Или желания!“». Диана отправилась общаться с другими гостями, оставив восхищенного Моргана. «Даже просто наблюдать за ее работой было сущее удовольствие, – писал он. – Все вокруг, и я в том числе, буквально таяли в ее присутствии. Она была блестящей, сексуальной и очень непосредственной. При общении с ней возникало ощущение, что в этот момент для нее не существует никого, кроме тебя. Это был высший класс» [421].

8 мая Диана пригласила Моргана на обед в Кенсингтонский дворец. Морган был счастлив, как школьник. «Диана – главная звезда нашего мира, и я получу личную аудиенцию… Вау!!!» [422]А уж когда за обедом к ним присоединился Уильям, восторгу Моргана не было предела. Разговор был честным. Морган получил возможность задать принцессе любые вопросы, несмотря на присутствие Уильяма. В мемуарах Морган писал: «Уильям совершенно свободно чувствовал себя в ее причудливом мире. Он вполне привык к мужчинам, которые время от времени появлялись рядом с ней» [423]. Но, несмотря на кажущуюся откровенность в общении, Морган отлично понимал, что все козыри на руках у Дианы. «Она знает, чего хочет, – писал он позднее. – Если я желаю получить от нее больше, то должен играть по ее правилам» [424].

С редактором The Times Питером Стотхардом, который, не поддавшись ее чарам, относился к ней, напротив, крайне неодобрительно, Диана встретились в мае 1994 года. Она была обеспокоена утечкой информации о ее расходах, которые составляли более трех тысяч фунтов в неделю. «Мой муж рассказал об этом на прошлой неделе за ужином, – сказала Диана Стотхарду. – На ужине были Росс Бенсон и Найджел Демпстер…» [425]С интеллектуалом Стотхардом Диана общалась совсем не так,

как с Пирсом Морганом. Стотхарду она показалась изысканной и знающей. «Она точно знала, как может использовать газеты и как газеты могут использовать ее».

Интервью проходило на ее условиях, по строгим, хотя и удивительным, правилам. Стотхарду польстило, что Диана не стала уклоняться от разговора «о тех аспектах жизни, которые большинство людей предпочитает не обсуждать с журналистами. Она говорила о муже, его любовнице, его родителях, собственной неуверенности. Через несколько минут я уже чувствовал, что разговариваю с человеком, которого хорошо знаю. Когда она справилась с заказанными фуа-гра и ягнятиной, я знал о ней то, чего не знал о самых близких друзьях… Скорость, с которой она обсудила все важные вопросы, сделала бы честь президенту банка, опаздывающему на поезд в Аскот» [426].

Потрясенный изысканностью Дианы, Стотхард совершенно забыл о той истории, которую Диана ему приготовила, – о том, как она спасла бродягу, чуть было не утонувшего в Серпентайне. Хотя она потащила его с собой в университетскую больницу, где лежал спасенный бродяга, Стотхард так ничего и не понял, до тех пор пока эта история не появилась во всех газетах, включая его собственную, но к этой статье он не имел никакого отношения. Диана решила использовать образ доброй самаритянки, чтобы вытеснить из общественного мнения образ транжиры.

Диана совершенно не представляла, что ей делать в качестве «полуотстраненного члена королевской семьи», и полностью положилась на близких друзей, в том числе на Люсию Флеча де Лима, хотя та находилась в Вашингтоне. Камердинер Дианы, Пол Баррел, говорил, что Люсия стала для Дианы лучшей подругой, матерью и психологом в одном лице. Несмотря на разницу во времени между Англией и Америкой, что заметно осложняло общение, их дружба крепла с каждым днем. Люсия в Вашингтоне заводила будильник на три часа утра, чтобы поговорить с Дианой в самом начале дня. «Если принцессе нужен был совет или хотелось излить душу, она звонила Люсии», – писал Баррел [427]. Люсия отвечала подруге в любое время. «Я отправлял ей бесконечные факсы», – продолжал Баррел. Диана постоянно твердила, какая замечательная женщина Люсия и как без нее тяжело, не раз называла Люсию второй матерью [428].

Баррел отлично знал всех членов «суррогатной семьи» Дианы – Люсию, леди Аннабел Голдсмит, Розу Монктон, Сьюзи Кассем и врача Дианы доктора Мэри Лавдей. Ричард Кей стал не просто звеном, соединяющим Диану со средствами массовой информации, но доверенным лицом. Она сообщала ему все, что считала нужным, а он помогал ей писать речи и письма. В это

время Диана была близка и с Сарой Фергюсон. Сара рассталась с Эндрю, но еще не развелась. Вместе с дочерями Беатрис и Юджинией она жила в Роменда-Лодж, Вирджиния-Уотер. Диана часто приезжала к ним на обед, особенно по выходным. Когда мальчики были дома, она брала их с собой, чтобы они пообщались с кузинами. Диана обожала девочек Йорк. Их рисунки украшали стены ее комнаты. В то время Сара и Диана часто звонили друг другу, сплетничали, жаловались на неприязнь королевского окружения и журналистов или обсуждали последние советы своих гуру.

Помимо ближнего круга у Дианы было немало и других советчиков – например Клайв Джеймс. Они часто обедали у нее в Кенсингтонском дворце и с удовольствием давали советы, когда она о них просила. В отношениях с друзьями и знакомыми существовала строгая иерархия. Кто-то приезжал по ее приглашению в Кенсингтонский дворец, с другими она встречалась наедине в ресторанах. Диана точно знала, что и как следует сказать каждому из них, она всегда полностью контролировала отношения с друзьями. Все ее советчики были мужчинами – единственное исключение составляла Рейн де Шамброн, – это были знающие, успешные люди. Очарованные Дианой, они стремились, как могли, поддержать и защитить ее.

Клайв Джеймс всегда был поклонником Чарльза, но даже он не устоял перед шармом Дианы. «До встречи с ней я считал, что она умелая интриганка… При любой провокации она выходила из себя, а когда давление на нее усиливалось, то впадала в ярость, – вспоминал он. – Но, даже имея такое нелицеприятное мнение о принцессе, я был абсолютно очарован. Все, что я узнал от нее самой – особенно рассказы о ее промахах и ошибках, – только увеличивало мою симпатию…» [429]Джеймс прощал ей даже откровенную ложь: в свое время она заявила, что не имеет никакого отношения к книге Мортона. «„Лишь когда друзья договорились с ним о книге, мне пришлось помочь“, – сказала она, глядя мне в глаза. Мне оставалось только удивляться, насколько убедительна она может быть, даже сообщая заведомую неправду» [430].

Еще одним другом и доверенным лицом Дианы был Дэвид Патнем. Именно он организовал ей встречу с медиамагнатами в 1994 году. Вместе с Патриком Джефсоном он посоветовал ей создать Фонд принцессы Уэльской для финансирования благотворительной деятельности. (Позже она отказалась от этой идеи, по-видимому, по совету Колина Пауэлла – чтобы ее фонд не противопоставляли любимому детищу Чарльза, Фонду принца.)

«Она мгновенно втягивала вас в свою жизнь, – говорит один

из ее друзей. – Диана делилась с друзьями малейшими подробностями своей жизни, полагая, что человек никогда ее не предаст. Вы становились членом ее тайного общества» [431]. О своей личной жизни Диана могла говорить более чем откровенно, раскрывая собеседнику «порой… самые мучительные детали».

Диана обожала кино и сравнивала себя с некоторыми кинозвездами, в частности с Мэрилин Монро. «Она любила Мэрилин Монро, очень любила, – вспоминала подруга принцессы. – Мне прислали из Америки потрясающий документальный фильм о жизни кинодивы. Прежде чем отправить биографическую ленту Диане, я решила посмотреть ее сама. И не стала посылать. Решила, что Диане видеть этого не следует. Я понимала, что Диана – человек очень хрупкий и уязвимый. Ей было бы слишком тяжело увидеть человека, которым она восхищалась, в совершенно ином свете… Уверена, что у Дианы были суицидальные наклонности. Но люди, с которыми я об этом говорила, считали, что она слишком эгоистична и никогда не сможет покончить жизнь самоубийством – кроме того, у нее же дети…» [432]

Интересно, что Диана умерла в том же возрасте, что и Монро. (Ходили слухи, что Чарльз, который лучше всех знал о ее безрассудстве и храбрости, говаривал, что она или убьет себя, или окончит жизнь в инвалидном кресле.) Тема смерти не раз возникала в разговорах Дианы. Оглядываясь назад (а эти беседы имели место спустя восемь лет после смерти Дианы), Клайв Джеймс писал: «Я был убежден… что она покончила бы с собой» [433].

17. Изгнание из рая

В результате событий последних недель… общественность начала по-другому воспринимать принцессу. Она предстала хищницей, которая охотится на мужчин, принадлежащих другим женщинам.

Mail on Sunday, 20.08.1995 [434]

В начале 1995 года Диана составила документ, который секретарь принцессы назвал «ее собственным, глубоко личным манифестом». Она хотела, чтобы люди узнали ее «настоящую», какова она есть на самом деле, и намеревалась использовать свои «интерес и способности к целительству» в решении сложных мировых проблем, вносить свой вклад в жизнь всего мира и отдельных стран [435]. Главную цель она видела в том, чтобы «бороться с силами, которые стремятся удушить ее».

В этом году Диана совершила не больше десяти зарубежных поездок. Джефсон сожалел о том, что эти по-настоящему успешные визиты, которые в гораздо большей степени способствовали улучшению имиджа Британии за рубежом, чем длительные торговые переговоры и деловые инициативы, Букингемский дворец и Министерство иностранных дел воспринимали с подозрением. «По-моему, все боятся принцессы Уэльской», – заявил в то время один из членов королевской семьи [436].

Диана была дружна с министром иностранных дел Дугласом Хердом. Он относился к ней «с отцовским интересом», но в этом году его сменил Малькольм Рифкинд. Красота, обаяние и слава Дианы не могли покорить только бюрократов, этих «серых людей». Все остальные встречали Диану с восторгом – куда бы она ни приехала. «Мне приходилось постоянно бороться с чиновниками Букингемского дворца и Министерства иностранных дел, которые строго следовали пожеланию королевы, чтобы Диана не представляла ее за рубежом, – писал Джефсон. – Но президенты, короли и даже император Японии – все хотели встретиться с принцессой Уэльской, когда она оказывалась в их странах» [437].

Перед поездкой в Японию Диана обратилась к своему лучшему советчику – Клайву Джеймсу, писателю, поэту,

журналисту, известному острослову. На протяжении последних лет он входил в легион ее платонических почитателей. Джеймс вел на телевидении программу, в которой японские каскадеры показывали головокружительные трюки. Он серьезно изучал японский язык и литературу. Диана попросила его посоветовать, что ей следует сделать в Японии: не хотелось ограничиваться лишь больницами, которые она планировала посетить. Джеймс порекомендовал выучить несколько фраз на японском и прислал своего учителя. Он вспоминал: «Диана отправилась в Японию и обратилась к ста двадцати пяти миллионам человек на их родном языке. Это произвело потрясающее впечатление» [438].

Основная цель визита заключалась в знакомстве с работой благотворительных центров для престарелых, детей и инвалидов. Кроме того, Диана должна была заключить договор о сотрудничестве между детской больницей на Грейт-Ормондстрит, президентом которой она являлась, и токийской Национальной детской больницей. Джефсон писал: «Даже столь невинные цели подверглись осуждению со стороны тех, кто был убежден, что принцесса Уэльская – это опасная ракета с боеголовкой, которая может взорваться в любой момент, уничтожить все усилия британской дипломатии и умалить престиж британской королевской семьи» [439].

Диана была приглашена на чай в императорский дворец – самая высокая честь для гостя Японии. К этому визиту Диана подошла творчески. Она и так была намного выше миниатюрного японского императора и его супруги. Отправляясь в императорский дворец, она надела туфли на самых высоких каблуках. «Очень важно надеть по-настоящему высокие каблуки, – весело сказала она Джефсону. – Я и без того выше императора, а так буду *значительно*выше его!» На следующий день во всех газетах появились потрясающие фотографии. Во время встречи с императором Диана присела в глубоком реверансе, и фокусом всех снимков стали «великолепные, спортивные королевские ноги» [440].

Затем Диана предприняла очень успешный благотворительный визит в Гонконг под патронажем предпринимателя Дэвида Танга и губернатора Криса Паттена. За один вечер она собрала четверть миллиона фунтов на медицинские и молодежные благотворительные программы в Гонконге и Китае. Большая их часть пошла на борьбу с проказой – Диана уделяла большое внимание этой филантропической миссии. Она собирала средства на благотворительные цели в Венеции, Париже и Нью-Йорке, совершила два официальных визита – в Россию и Аргентину. Она выступила на ста двадцати

семи мероприятиях – сравните с десятью в 1994-м после просьбы о «времени и пространстве». Во время одной такой поездки спутники принцессы стали свидетелями неожиданного эпизода. Они летели первым классом. Во время ужина Диана слушала свой плеер и вдруг, выдернув наушники, вскочила и бросилась в обычный салон. Оттуда она вернулась, держа на руках плачущего младенца. Несмотря на все ее усилия, ребенок продолжал плакать. Тут появилась встревоженная мать. Диане ничего не оставалось, как передать так и не успокоившегося ребенка матери.

Хотя благотворительная деятельность Дианы заметно активизировалась, что внушало уважение, ее не оставило стремление к саморазрушению. В феврале шофер Оливера Хора пришел в редакцию газеты News of the World и весьма откровенно рассказал о романе своего хозяина с принцессой Уэльской. К этому времени уже и Диана поняла, что у отношений с Хором нет будущего. После откровений шофера продолжать их стало опасно, и она рассталась с любовником. Тот написал ей вежливое письмо с благодарностью за подаренное счастье и вернул запонки ее отца, которые она ему преподнесла. Несмотря на крайне успешную общественную деятельность, личного счастья Диана так и не обрела.

1995 год стал для нее особенно тяжелым и нестабильным. Ей было очень одиноко в Кенсингтонском дворце. Мальчики учились в пансионе и приезжали редко. В спортивном клубе она познакомилась со знаменитым регбистом Уиллом Карлингом. Он был красив и знаменит, и это привлекало Диану. Они встречались в клубе и в Кенсингтонском дворце. Карлинг рассказывал, что его брак переживает трудные времена, Диана ему искренне сочувствовала. Диана с удовольствием общалась с Карлингом, называла его «мой щенок» [441](он всегда приходил во дворец со своим черным Лабрадором).

В августе бывшая личная помощница Карлинга, Хилари Райан, сообщила репортеру News of the World, что Диана тайно встречается с Карлингом в Кенсингтонском дворце. Она рассказала о тайных встречах, долгих телефонных разговорах и о ласковых прозвищах, которыми пользовались Диана и Уилл. Никаких доказательств физической близости не имелось, хотя поговаривали, что знаменитый регбист весьма не по-джентльменски отзывался о Диане в разговорах с товарищами по команде. Позднее Карлинг дал интервью журналистам, в котором заявил, что встречи с Дианой были ошибкой, что он глубоко сожалеет о той боли, какую его поведение причинило жене Джулии.

Джулия Карлинг и сама не была нежной фиалкой – умела общаться с журналистами. Репортеру той же газеты она заявила, что не хочет, чтобы ее муж виделся с Дианой: «На этот раз она выбрала неподходящую пару». (А принц Уильям, который всегда был готов поддержать мать, в присутствии журналиста Пирса Моргана сообщил Диане, что повесил фотографию Джулии Карлинг на доску для игры в дартс и метал в нее дротики.) Джулии Карлинг удалось уязвить Диану и, как никогда прежде, поколебать ее репутацию в глазах общества.

После романа с Хором и истории с Карлингом журналисты таблоидов начали выставлять Диану разрушительницей семей. В спортивной программе канала BBC английский крикетист Дэвид Гауэр и футболист Гэри Линекер весело смеялись над шутками известной комической актрисы Джо Брэнд об отношениях Дианы с мужчинами. Все знали, что Диана приглашала Линекера на обед, но его жена решительно воспротивилась. На вопрос ведущего Ника Хэнкока, обедал ли Линекер с принцессой, тот довольно грубо ответил: «От этой женщины слишком много неприятностей» [442]. А вот Карлинг не смог отказаться от Дианы. В конце сентября брак Карлингов потерпел крушение, супруги расстались; роман тут же возобновился. Эта история отозвалась и в ближайшем окружении Дианы: когда Кейт Мензес и Кэтрин Соме выказали свое неодобрительное отношение к роману с Карлингом, Диана отвернулась от них [443].

20 августа 1995 года на Диану набросилась газета Mail on Sunday, которой руководил Найджел Демпстер. Заголовок гласил: «ДИАНА УМЕЛО ДЕРГАЕТ ЗА НИТОЧКИ». Подзаголовок был еще более едким: «Психическая нестабильность привела к крушению образа „святой“ Дианы». «В результате событий последних недель, связанных с так называемой „дружбой“ Дианы с недавно женившимся капитаном английской команды по регби Уиллом Карлингом, общественность начала по-другому воспринимать принцессу. Она предстала хищницей, которая охотится на мужчин, принадлежащих другим женщинам», – писал журналист. Те, кто хотел исключить Диану из британской общественной жизни, прозвали ее «Зулейкой» (так звали роковую героиню романа Макса Бирбома «Зулейка Добсон»). Ее сравнивали с матерью, «скакалкой», неспособной сохранить семью. «Яблочко от яблони недалеко падает», – едко замечал «наблюдатель». А самым неприятным были намеки автора на психическое заболевание Дианы.

Враги Дианы из Сент-Джеймсского дворца давно распространяли слухи о ее эмоциональной неустойчивости. Поговаривали, что в то время, когда Димблби работал над

биографией принца Чарльза, Диана находилась в состоянии пограничного расстройства личности. Это состояние характеризуется восемью симптомами, которые несомненно присутствовали в поведении Дианы – все они были перечислены в статье Mail on Sunday. Димблби не стал включать подобные теории в свою книгу, сочтя их надуманными и далекими от истины.

Слухи стали очередным проявлением затяжной войны между лагерем принца и лагерем принцессы. Всех особенно занимал вопрос: была ли Диана психически нестабильна еще до брака или причиной ее булимии и иррационального поведения стала измена мужа и обстоятельства его романа с Камиллой? Диана отлично знала, о чем говорят в окружении Чарльза. Его защитники из Букингемского дворца постоянно твердили, что у Дианы проблемы с психикой и это результат воздействия «дурной крови» (излюбленное выражение в аристократических кругах) Фермоев. Особенно усилились эти слухи в августе 1984 года после самоубийства дяди Дианы, Эдмунда.

В 1994 году разговоры о пограничном расстройстве личности посчитали слишком скандальными, чтобы привлекать к ним внимание публики. Но для врагов Дианы подобных барьеров не существовало, доказательством чему может служить колонка Демпстера. Эти слухи всплыли в конце года в телевизионной программе, но первой официальной их констатацией стала книга сторонницы принца Чарльза Пенни Джунор «Чарльз: жертва или злодей?», увидевшая свет лишь в 1998 году, уже после смерти Дианы.

Джунор утверждает, что проблемы у Дианы возникли за несколько лет до того, как их заметил Чарльз. По ее словам, Диана всегда была безумной и опасной – задолго до знакомства с принцем. Отец одной из школьных подружек Дианы даже интересовался, в какую школу после начальной пойдет девочка, – считал, что дружба с Дианой пагубно влияет на его дочь. В книге Джунор приводились и слова Рут Фермой, которые та якобы сказала Димблби на смертном одре. Бабушка Дианы винила себя в том, что ей не хватило смелости рассказать принцу правду о внучке до брака. Вряд ли подобное заявление можно принимать на веру, поскольку оно идет вразрез с тем, что *в действительности*происходило в 1980 году. Пенни Джунор хотела своей книгой сказать, что несчастный принц связал свою судьбу с безумной женщиной. Однако подобное упрощение так и не получило никаких убедительных доказательств.

Когда *Mail*опубликовала статью об умении Дианы манипулировать людьми, принцессе и без того было несладко:

она мучилась ощущением усиливающейся неуверенности в себе, доходящей до паранойи. Одиночество в Кенсингтонском дворце кого угодно довело бы до клаустрофобии, Диана постоянно была погружена в собственные мысли. Ей казалось, что ее апартаменты прослушиваются. «У нее было сильно развито воображение, – вспоминал помощник принцессы. – Знаете, эти разговоры о жучках… Это был абсолютный бред, потому что, кроме личных линий, все остальные шли через коммутатор Букингемского дворца. Если бы Диану хотели прослушивать, для этого не пришлось бы устанавливать никакие жучки. И она, и все остальные прекрасно знали, что большинство ее звонков проходит через Букингемский дворец – таковы были требования безопасности. Ей ведь могли звонить какие-нибудь безумцы. Чтобы защититься от подобных звонков, она давала сотрудникам коммутатора номера, и они производили отбор: никого не соединяли, пока человек не сообщал имя и цель звонка…» [444]

Бывший полицейский также отрицает прослушку апартаментов Дианы: «Некоторые готовы поверить в то, что их личная жизнь вызывает нездоровый интерес, что их письма вскрываются, а телефонные разговоры записываются… На самом деле получить разрешение на подобные действия крайне сложно… Невозможно установить прослушку в мгновение ока… Да и технически это очень непросто. И все же люди продолжают думать, что их прослушивают, записывают и тому подобное… Как правило, это симптом паранойи» [445].

Однако у Дианы имелись основания для подозрений. «Ей было очень трудно, – вспоминает близкая подруга. – За ней следили, у меня нет в этом ни малейших сомнений. Когда она отказалась от полицейской охраны, полиция продолжала следить за ней. Они говорят, что делали это ради ее же безопасности, но на самом деле… Диану всегда окружала масса любопытных. Многим доставляло извращенное удовольствие знать, с кем она встречается, а потом сообщать об этом журналистам» [446].

Однажды хорошо информированный журналист Daily Mail рассказал Джефсону, что принцесса не верит в преданность даже самых близких своих сотрудников. «Я достаточно хорошо знал свою работодательницу, чтобы понять: мне пора готовить резюме», – писал Джефсон. В том году Диана уволила многих искренне преданных ей сотрудников, в том числе главного камердинера Гарольда Брауна и шеф-повара Мервина Уичерли. Принцесса Маргарет высоко ценила преданность и профессионализм Брауна и сразу же пригласила его работать у себя. При этом он сохранил свою квартиру.

От этих перестановок выиграл только Пол Баррел. Ему так не

хотелось покидать уютный семейный коттедж в Хайгроуве, когда Диана и Чарльз решили расстаться в 1992 году! «Он чувствовал себя там вполне комфортно, – вспоминал бывший помощник Дианы. – Ему нравилось жить за городом. Диана его не приглашала. Это принц решил от него избавиться, потому что не мог положиться на его преданность. Но нельзя увольнять человека только за то, что он принадлежит к противоборствующему лагерю. Следует найти ему другую работу. Именно так принц и поступил».

К 1995 году Баррел стал доверенным лицом – или доверенным слугой – принцессы Дианы. Баррел, человек женатый и отец двоих детей, был настолько очарован принцессой, что сделал бы все, что угодно, лишь бы доставить ей удовольствие. Он проводил в Кенсингтонском дворце долгие часы, что раздражало его жену. По словам Дианы, жена Баррела даже говорила, что у них сложился «брак втроем». Это была настоящая эмоциональная зависимость: Диана стала центром мира Пола Баррела. «Она избавилась от всей своей прислуги, – вспоминал шофер принцессы Маргарет Дэвид Гриффин, с которым Диана часто болтала, пока он ожидал принцессу возле дворца, – и тогда Баррел стал играть главенствующую роль. Мы даже прозвали его „миссис Денвере“ [зловещая экономка из романа Дафны Дюморье „Ребекка“]. Куда бы Диана ни отправилась, он всегда был рядом. Доходило до смешного. Диана иногда просила меня сделать техосмотр ее машины, но однажды Баррел пришел и заявил: „Теперь это буду делать я!“ Ему казалось, что Диана оказывает мне невероятную честь подобным поручением» [447].

Все, кто работал в Кенсингтонском дворце, любили Диану и терпеть не могли ее камердинера. Конечно, немаловажную роль играла ревность. Но даже люди, которые привыкли служить королевской семье, не могли не заметить, что отношения между принцессой и ее камердинером выходят за рамки обычных. «Иногда мы называли их „странной парочкой“, – вспоминает Гриффин. – Нет, в этом не было ничего плохого, но все же это было как-то неправильно» [448].

Однако даже Баррел не был избавлен от подозрительности Дианы – и порой ее подозрения имели под собой основания. Однажды Гриффин проходил мимо парадного входа в апартаменты Дианы. Как раз в этот момент она выходила и «…так хлопнула дверью, что окна задрожали. Я подумал: „Что-то произошло!“ – поздоровался: – „Доброе утро! Не самое лучшее настроение?“ „Да“, – ответила она. „Что случилось?“ – спросил я. И она ответила: „Он должен уйти!“ – „Кто?“ – „Баррел! Я видела, как он роется в моих бумагах!“ – воскликнула Диана». Диана

серьезно собиралась уволить Баррела, когда узнала, что он беззастенчиво пользуется ее телефоном – суммы в счетах оказались запредельными.

Состояние Дианы осенью 1995 года характеризует знаменитое «письмо», в котором она утверждала, что муж готовил ее убийство. Это письмо было опубликовано Полом Баррелом. По его словам, оно было написано в октябре 1996 года.

«Октябрь. Я сижу у себя за столом. Мне хочется, чтобы кто-нибудь обнял меня и… сказал: будь сильной. Я чувствую, что моя жизнь в опасности. Думаю, муж хочет подстроить автокатастрофу – тормоза откажут, я получу серьезную травму головы, и Чарльзу будет открыта дорога к новому браку. Вот уже пятнадцать лет система пытается меня доконать, оказывает психологическое давление. Но я не чувствую злости, во мне нет ненависти. Я устала бороться, но никогда не сдамся. Я сильная, и, может быть, именно это не нравится моим врагам. Спасибо тебе, Чарльз, что заставил меня столько страдать, потому что твоя жестокость послужила хорошим уроком. Я быстро пришла в себя, но никто не знает, сколько слез я пролила, как чуть не умерла от боли, которую ты мне причинил, но… меня так просто не сломаешь. К тому же в трудное время мне помогали друзья. Разве это не счастье, что вокруг меня были люди, которые старались оградить меня от бед?» [449]

Друзья Дианы говорили, что настроение этого письма точно отражает ее состояние осенью 1995-го, а не 1996 года. Кроме того, в октябре 1996 года развод уже был оформлен, и у Чарльза не было необходимости убивать Диану, чтобы жениться повторно. Бывший сотрудник департамента охраны королевской семьи и дипломатического корпуса Колин Теббат, который сегодня руководит собственной охранной фирмой, опекал Диану в 1995 году. Когда в этом была необходимость, он водил ее машину и обеспечивал двух телохранителей. Теббат сильно сомневается в подлинности этого письма: «…Я отвечал за транспорт и был дружен с личным секретарем, Майклом Гиббинсом… [Если все это правда] Почему она не обратилась ко мне? Почему никто ничего не сказал тем, кто обслуживал машину?.. Автомобиль всегда находился под замком, стоял в гараже под охраной. Почему мне не приказали лишний раз проверить тормоза, никто даже не намекнул, что кто-то покушается на ее жизнь? Почему Баррел не распорядился поговорить с шофером или службой безопасности?» [450]

Не поверили этому письму и другие люди, которые работали на Диану. Текст явно написан рукой Дианы, письмо якобы адресовано Полу Баррелу. «Если она писала Полу, то наверняка

обратилась бы к нему „дражайший Пол“. В таком случае Баррел был бы заинтересован в том, чтобы показать письмо. Но мы этого письма не видели, а в опубликованном тексте не было ни обращения, ни подписи, что очень настораживает. Я считаю, что она не собиралась никому этого отсылать, просто записывала собственные мысли» [451]. Другой приближенный подтверждает эту версию: «…взять хотя бы письмо Баррелу… Да, это ее бумага, ее почерк, но это были всего лишь заметки для себя».

Возможно, записи были сделаны после какого-то недавнего разговора или сеанса у психотерапевта или экстрасенса – Диана решила изложить свои переживания на бумаге. В любом случае эта записка отражает душевное состояние Дианы. Она доказывает, что Диана неуклонно движется к величайшей ошибке своей жизни – к интервью для программы «Панорама». Через год она бы ни за что не написала ничего подобного. Однако, когда книга Баррела, в которой он опубликовал этот документ, увидела свет, к ней отнеслись настолько серьезно, что возглавлявший в те годы Столичную полицию лорд Стивене даже допрашивал принца Чарльза в 2005 году, в период расследования гибели Дианы.

В 1995 году Диану больше всего занимала идея большого и яркого телевизионного интервью. К этой мысли ее подтолкнули встречи с двумя гигантами американского телевидения – Опрой Уинфри и Барбарой Уолтере. Она даже пригласила их на обед в Кенсингтонский дворец. Друзья принцессы, Клайв Джеймс и Дэвид Фрост, тоже очень хотели заполучить ее в свои программы [452]. В конце концов победу одержал гораздо менее знаменитый Мартин Бэшир. Он убедил Диану дать ему самое печально известное телевизионное интервью всех времен. В то время Бэшир работал в программе BBC «Панорама», и ему удалось добиться успеха там, где потерпели крах настоящие профи. Сделал он это, играя на страхах Дианы за свою безопасность. Изначально он собирался провести журналистское расследование, касающееся деятельности служб безопасности по охране жизни знаменитостей и членов королевской семьи. Интерес к этой теме возник после публикации записей телефонных переговоров Чарльза с Камиллой и Дианы с Гилби в 1992 и 1993 годах соответственно [453].

В последней книге о Диане, опубликованной в 2004 году, Эндрю Мортон писал, что интервью «Панораме» не состоялось бы, если бы Бэширу не удалось выявить тайные страхи Дианы. Мортон пишет, что летом 1995 года Бэшир встретился с братом Дианы, Чарльзом, в Олторпе, чтобы обсудить с ним слухи о прослушке. Чарльз в это время подал в суд на Daily Express.

Газета опубликовала ряд статей, в которых обвинила

Спенсера в том, что он был посредником в отмывании денег в процессе многомиллионной сделки, осуществленной его близким другом (и шафером на свадьбе) Дариусом Гуппи. По решению суда газета выплатила Спенсеру пятьдесят тысяч фунтов и принесла извинения. Тогда же он добился судебного запрета на разглашение информации о личной жизни Спенсеров и членов королевской семьи для бывшего начальника своей службы безопасности Джеймса Уоллера. Подобное судебное решение было продиктовано тем, что в марте 1994 года газеты опубликовали письмо, написанное Чарльзом Спенсером Диане в декабре 1993 года. Чарльз предупреждал Диану, что ее публичные выступления вредят ее популярности.

По-видимому, Спенсер уговорил Диану тайно встретиться с Бэширом. Тот еще больше усугубил ее страхи, убедив в том, что ее квартира прослушивается. Мортон, а в апреле 1996 года и газета Mail on Sunday написали, что Бэшир с помощью художника-дизайнера подделал банковские документы, чтобы доказать несуществующие выплаты Джеймсу Уоллеру и его бывшему деловому партнеру, Роберту Харперу, от газеты Today, где было опубликовано письмо Спенсера Диане, а также от некой компании, зарегистрированной на острове Джерси, за неназванные услуги. Как бы то ни было, произошло нечто такое, что убедило Диану дать интервью. Если вспомнить атмосферу, в которой Диана жила в 1995 году, и строки о «врагах» и умыслах Чарльза из октябрьской записки, относящейся ко времени переговоров с Бэширом, то становится ясно, почему главным мотивом телевизионного интервью был страх Дианы за собственную безопасность и стремление добиться такой популярности, которая сделала бы ее неуязвимой. Интервью должно было стать превентивным ударом.

Биограф принцессы, Салли Беделл Смит, считает, что паранойя развилась у Дианы вследствие разговоров с Бэширом. Именно в период их встреч Диана стала настаивать на проверке своей квартиры и машины на предмет подслушивающих устройств. Бэшир внушил Диане, чтобы она не доверяла Кэтрин Соме и Кейт Мензес, а также Джулии Сэмюэль, самой умной и образованной из ее подруг. И Диана действительно порвала со своими приятельницами [454].

Диана обсуждала предстоящее интервью с тремя своими наставниками в деле общения с прессой – с Дэвидом Патнемом, Клайвом Джеймсом и Дэвидом Эттенборо. «Мы посоветовали ей не делать этого, – вспоминал один из них. – И у каждого из нас сложилось впечатление, что она прислушалась к нашим словам… Мы были потрясены, когда она дала это интервью» [455]. «Мой

аргумент был прост и даже циничен… Еще когда она задумалась о возможности подобного интервью, ей следовало сказать себе: „Ты сошла с ума! Ответив на вопросы Бэшира, ты дашь своим врагам оружие против себя, ранее в их арсенале отсутствовавшее. И тогда ты станешь жертвой обстоятельств, которые не сможешь контролировать. Если же ты не сделаешь этого, то удержишь контроль над ситуацией“. Такова была моя позиция… И она отвечала: „Вы абсолютно правы, конечно же, вы правы. Я это прекрасно понимаю“» [456]. После смерти Дианы Клайв Джеймс написал в воспоминаниях: «Я пытался отговорить ее. Убеждал, что ее интервью станет началом „ядерной войны“ между двумя лагерями и война будет идти до полного уничтожения. Ей придется бежать, а бежать будет некуда… И мне показалось, что я ее уговорил, но, конечно же, она притворялась. Она все уже решила» [457].

К роковому интервью для «Панорамы» Диану подтолкнули сразу несколько причин. Ей хотелось обратиться к народу через головы своих великосветских «врагов», показать себя «без посредников». Она верила, что интуиция ее не обманывает, и отказывалась прислушиваться к мнению тех, кто искренне желал ей добра. Она хотела опровергнуть обвинения в пограничном расстройстве личности, и, конечно же, ей хотелось отомстить – и это совершенно понятно. Желание отомстить чувствуется даже в выборе даты трансляции интервью. По настоянию Дианы [458]BBC должна была выпустить пресс-релиз 14 ноября – неприятный подарок ко дню рождения Чарльза и его визиту в Токио. Фотографы запечатлели принца за разрезанием праздничного торта, но на лице его видна не радость, скорее скорбь [459].

Тем утром Диана позвонила во дворец, чтобы сообщить о своем пятидесятипятиминутном интервью, которое выйдет в эфир через шесть дней. Члены королевской семьи были в ужасе от поступка, который они совершенно справедливо расценили как предательство. Но делать было нечего. Оставалось только ждать.

20 ноября Диана появилась на экране в черном платье, с минимумом украшений, со скромным макияжем. Ей хотелось предстать перед зрителями жертвой, но в то же время уверенной в себе женщиной. Она точно знала, какое значение ее слова будут иметь для будущего монархии. Выступление Дианы перекликается с октябрьской запиской 1995 года. Она говорит о своих страданиях, о предательстве мужа, о стремлении уничтожить ее слухами о безумии и булимии. Диана призналась в романе с Хьюиттом – но ни с кем другим! («Да, я его обожала, была в него влюблена. Но я была тогда подавлена, разочарована в своем браке».)

Диана решилась на интервью, чтобы нанести удар мужу, его любовнице и их друзьям. Они – «ее враги» – говорили, что она «… больна, ее нужно поместить в психиатрическую лечебницу». Когда Бэшир спросил, согласен ли с ними Чарльз, Диана ответила цитатой из книги Брайана Кинана, проведшего четыре с половиной года в заложниках в Бейруте: «Нет лучшего способа подавить личность, чем полная изоляция». Бэшир спросил, какую роль Камилла Паркер-Боулз сыграла в крушении ее брака. И тут Диана произнесла самую яркую фразу вечера: «В этом браке нас было трое – слегка тесновато, вы не находите?»

Диана призналась, что участвовала в работе над книгой Мортона, потому что хотела сделать достоянием общественности историю своего несчастливого брака: «Я была доведена до предела, была в отчаянии, но не хотела, чтобы меня считали психически нездоровым человеком. Я знала, что это породит серьезные проблемы для системы, в которой я живу, и для меня самой, но я сильная…» Слово «сильная» Диана повторила несколько раз. «Когда я вышла замуж, многие решили, что я обречена на неудачу. Потому что я поступала по-другому, не подчинялась правилам и всегда действовала от сердца, а не по расчету». Диана хотела стать королевой – не официальной, но королевой сердец (фраза, позаимствованная у сводной бабушки, Барбары Картаенд), послом доброй воли, дарить любовь и поддержку «страдающим людям».

Ключевым моментом программы стали окончательно отдалившие Диану от монархии и королевской семьи слова о том, что Чарльз неспособен быть королем и вряд ли когда-нибудь взойдет на престол. «Это очень ответственная роль, быть принцем Уэльским, но значительно более ответственно – быть королем… Высший пост, как я это называю, связан с огромными ограничениями, и, зная его характер, не уверена, что он сможет это выдержать». Со скромной улыбкой Диана добавила: «Мне хотелось бы, чтобы мой муж обрел душевное равновесие». Говорить о себе в третьем лице – дурной знак, но Диана сказала, и в тоне ее послышалась уверенность и угроза: «Она так просто не уйдет!»

Это поразительное – и шокирующее! – выступление увидели пятнадцать миллионов англичан и миллионы людей во всем мире. Друзья Дианы были в ужасе. «Диана совершила ужасную ошибку», – написала Роза Монктон. «Великолепная предсмертная записка», – сказала другая подруга. Камилла смотрела программу в кругу семьи. Она посмеялась над театральностью «сумасшедшей коровы», как она часто называла Диану, но эффект от этого публичного выступления оказался даже более сильным, чем от

книги Мортона. Николас Соме в серьезной новостной программе BBC заявил, что интервью «демонстрирует явные симптомы паранойи».

За неделю до передачи, когда менять что-либо было уже поздно, Диана наконец-то рассказала Патрику Джефсону, что дала интервью Мартину Бэширу. Джефсон сразу же позвонил пресс-секретарю королевы. Чарльз Энсон сумел сохранить присутствие духа, но нет сомнения, что намерения Дианы серьезно обеспокоили королеву и ее приближенных. Диана отказалась сообщить содержание своего интервью. Тот факт, что выступление должно было выйти в «Панораме» – основной новостной программе BBC, – только усиливал нервное напряжение. Даже председатель совета директоров корпорации, сэр Мармадьюк Хасси, оставался в неведении, поскольку он был женат на одной из любимых фрейлин королевы, леди Сьюзен Хасси. Узнай он о проекте, он горы бы свернул, лишь бы остановить его. Генеральный директор Джон Берт был в курсе событий, но решил не сообщать об этом председателю, дабы тот не попытался отменить программу или как-то повлиять на ее содержание.

В результате между дворцом и корпорацией возникли серьезные разногласия. Ни дворец, ни Джефсон, ни даже адвокат Дианы, лорд Мишкон, не сумели уговорить принцессу передумать или хотя бы сообщить о содержании интервью. После просмотра «Панорамы» Джефсон и пресс-секретарь Дианы, Джефф Кроуфорд, были буквально вне себя. Кроуфорд сразу же подал в отставку, однако через два дня все же отправился вместе с принцессой в Аргентину. Планы Джефсона возвратить Диану в круг королевской семьи рухнули. Он решил уволиться при первой же возможности.

Диана же была твердо убеждена, что поступила совершенно правильно. Накануне вечером она позвонила одной из своих старших подруг: «„Я дала просто великолепное интервью, – сказала она. – Я все сделала правильно!“ Меня ее слова слегка обеспокоили. „Ты же будешь смотреть, будешь? А утром позвони мне обязательно!“ Я посмотрела. Это было ужасно! Мне казалось, я никогда больше не смогу с ней общаться… Кошмарное интервью! Утром телефон зазвонил в восемь – Диана, как и я, была ранней пташкой… Я не смогла притвориться… что в восторге от ее интервью, и она пришла в ярость… Я сказала, что это ужасная ошибка. Ей это не понравилось. Она вообще не терпела критики. Но это было отвратительно. Здравый смысл ей окончательно изменил» [460].

Подруга Дианы, которая хорошо знала Чарльза и Камиллу и

была принята в придворных кругах, прекрасно выразила реакцию людей, желавших принцессе добра. Диана в буквальном смысле спрыгнула с обрыва. Королевского будущего у нее больше не было. Это интервью положило конец дружбе с принцессой Маргарет – та была в ярости от замечаний Дианы о Чарльзе и его королевских перспективах. Маргарет написала Диане жесткое письмо. После этого интервью дети принцессы Маргарет, которые очень любили Диану, стали ее избегать. Интервью оказало самое пагубное влияние на Уильяма и Гарри. Диана не задумалась об их чувствах и, как это ранее сделал Чарльз, публично призналась в супружеской измене. Говорили, что после этого Уильям несколько дней не разговаривал с матерью.

С точки зрения пиара интервью можно было считать весьма успешным. Диана понравилась своим многочисленным поклонникам. Благоприятные результаты опросов общественного мнения окончательно убедили ее в том, что она все сделала правильно. Через два дня после интервью, преисполнившись уверенности в себе, она отправилась в благотворительную поездку по Аргентине. Эта страна была злейшим врагом Британии после Фолклендского конфликта 1982 года. Президент-демократ Карлос Менем воспринял визит Дианы как подтверждение того, что «Аргентина постепенно возвращает себе надолго утраченное положение в мире».

Лишь вернувшись в Лондон, Диана наконец-то начала понимать, *что именно*она совершила и каковы будут последствия этого поступка. Патрик Джефсон холодно комментирует: «Она решила принять самую большую возможную дозу любимого лекарства [внимания публики], но от него ей стало еще хуже, чем раньше» [461].

Сент-Джеймсский дворец с нескрываемым удовольствием наблюдал за публичным позором Дианы. Букингемский дворец был не столь счастлив. Джефсон, который все еще пытался наладить отношения Дианы с дворцом, представил план дальнейшего взаимодействия. По его предложению секретариат Дианы должен был переехать в Букингемский дворец, чтобы пресс-служба королевы следила за публичными выступлениями принцессы. Он предложил избавить Диану от финансовой зависимости от Чарльза: оплату апартаментов в Кенсингтонском дворце должен был взять на себя Букингемский дворец. Кроме того, он предлагал четко определить общественные и благотворительные обязанности Дианы на родине и за рубежом.

Джефсон вместе с Дианой прибыл на совещание во дворец, и там стало ясно, что королевские службы не спешат принимать его предложения, считая, что от Дианы слишком много хлопот.

Интервью для программы «Панорама» было всего лишь очередной проблемой из множества. 29 ноября Джефсон и Диана встретились с королевскими чиновниками. Вел совещание зять Дианы Роберт Феллоуз (в 1991 году он получил рыцарский титул). Почувствовав негативную реакцию на свои предложения, Джефсон понял, что они обречены. «С какой бы симпатией Букингемский дворец ни относился к Диане, – вспоминал он, – а я уверен, что такая симпатия была, и не только со стороны Роберта, – нанесенное ею оскорбление оказалось слишком серьезным. Это был классический пример воплощения заповеди „Возлюби грешника, возненавидь грех“» [462]. Кроме того, команда принца вовсе не горела желанием видеть, как принцесса (по предложению Джефсона) переходит под крыло Букингемского дворца. «Этот переход в центр королевской власти сделал бы поступок Дианы не столь маргинальным, как на то рассчитывали сторонники принца», – замечал Джефсон.

Все еще не осознавая серьезности своего положения, Диана вместе с Джефсоном вылетела на «конкорде» в Нью-Йорк, где ее давний поклонник Генри Киссинджер 12 декабря вручил ей гуманитарную премию. Американские вояжи всегда поднимали Диане настроение – столь разителен был контраст с гнетущей атмосферой, царящей на родине. «Ей предоставили эскорт, ее сопровождали агенты секретной службы, ее встречали восторженные толпы, она очаровала многих богатых, влиятельных и красивых людей», – писал Джефсон о своей последней зарубежной поездке с принцессой.

В знак благодарности Диана назначила свою старинную подругу и сторонницу Лиз Тилберис почетной фрейлиной. Некогда Лиз возглавляла Лондонское отделение журнала Vogue, а теперь работала в Нью-Йорке в Harper's Bazaar. Она была тяжело больна – позднее выяснилось, что у нее рак в последней стадии. Диана посетила детскую больницу в Гарлеме, где уже бывала шесть лет назад. Теплый прием в Америке повлиял на нее благотворно. Джефсон вспоминал, что в Нью-Йорке Диана была совершенно не похожа на себя в Лондоне.

В мрачный Кенсингтонский дворец Диана вернулась преисполненная решимости повергнуть в прах «своих врагов». И первым из этих врагов стала Александра «Тигги» Легги-Бёрк, которую Чарльз взял на работу присматривать за Уильямом и Гарри. Диана и раньше ревновала Тигги к своим сыновьям. Фотография, запечатлевшая Чарльза, который целует Александру на лыжном курорте, окончательно (хотя и беспочвенно) убедила ее в том, что у Чарльза и Тигги роман. В том году Тигги несколько раз посещала гинеколога, и Диана вообразила, что она

сделала аборт от принца Чарльза.

14 декабря на рождественском обеде для сотрудников дворца Диана обрушилась на несчастную молодую женщину. «Как печально было услышать о ребенке», – с ядовитой улыбкой процедила она. Тигги была так потрясена, что чуть не упала в обморок. Ее поддержал и вывел из комнаты камердинер Чарльза, Майкл Фосетт. Диана торжествовала, но в Букингемском и Сент-Джеймсском дворцах, где Тигги все любили, поступок Дианы вызвал отвращение.

Тигги обратилась к своим адвокатам. Сэр Роберт Феллоуз позвонил Диане, чтобы выяснить суть проблемы. Диана торжествующе изложила свою версию событий. Сэр Роберт провел расследование, выяснил, что никакого романа не было, и отправил Диане суровое официальное письмо с требованием опровержения и извинений. «Подобные обвинения совершенно беспочвенны, – писал Феллоуз, – у Тигги никогда не было никаких отношений с принцем, кроме профессиональных… В день предполагаемого аборта она находилась в Хайгроуве с Уильямом и Гарри. В ваших интересах как можно быстрее отозвать свои обвинения…» К официальному письму была приложена личная записка: «Это письмо отправлено человеком, который искренне верит в то, что вы ужасно заблуждались. Вы *должны* это понять – пожалуйста!» [463]

В том же месяце Диана обедала с друзьями в своем любимом итальянском ресторане «Ла Фамилья» в Челси. Оттуда ей предстояло ехать в Итон и вместе с Чарльзом присутствовать на рождественской службе. Диана была мрачна и сильно нервничала. «Губы у нее были сжаты, голова опущена, она почти все время молчала», – вспоминал один из друзей [464]. Богиня Нью-Йорка волшебным образом преобразилась в «гадкую девчонку», которой предстоит общение со взрослыми. Мысли о несчастной Тигги не оставляли Диану. По отношению к своим мальчикам она всегда была страшной собственницей, и ревность подталкивала ее к неразумным и непростительным поступкам.

Удар был нанесен за неделю до того, как Диана должна была везти Уильяма и Гарри в Сандрингем на Рождество. Королева прислала Диане письмо, написанное от руки. Елизавета обращалась к ней «дорогая Диана» и закончила подписью: «С любовью, мама». Однако тон послания был весьма суровым. Проконсультировавшись с премьер-министром и архиепископом Кентерберийским, королева решила, что в интересах государства следует положить конец неопределенности в отношениях Чарльза и Дианы, потому пора вплотную заняться разводом. По словам Баррела, Диана показала ему письмо королевы и села писать

ответ. Она сообщала свекрови, что ей нужно подумать. Но времени никто ей давать не собирался. Тут же пришло письмо от Чарльза: восстановить брак невозможно, и это является «национальной и личной трагедией». Поскольку развод неизбежен, нужно оформить его как можно быстрее и тем самым разрешить «печальную и сложную ситуацию» [465]. Сказке пришел конец.

В качестве жеста доброй воли королева приглашала Диану провести Рождество в Сандрингеме. Королевское приглашение равнозначно приказу, но Диана зашла слишком далеко, чтобы подчиниться. Обсуждая письмо королевы с камердинером, Диана не проявила никакого интереса к конституционной стороне развода. Она была в ярости от того, что правительство и церковь обсуждают проблемы ее брака. Она кричала: «Мой брак никого не касается!» Фраза королевы про «интересы государства» вызвала особенно яростный взрыв эмоций. Диана воскликнула: «В интересах государства! Надо же! А как же мои интересы? Как же интересы моих мальчиков?» Чтобы продемонстрировать свою обиду, Диана отказалась приехать в Сандрингем и провела Рождество в Олторпе. Это Рождество трудно назвать счастливым: браки обоих младших Спенсеров переживали трудные времена и закончились разводом.

18. В трудном положении

Она знала, что ей некуда идти.

Один из друзей Дианы

К концу невероятно тяжелого для нее 1995 года Диана оказалась в полном вакууме. Дав интервью для программы «Панорама», она окончательно порвала все связи с королевской семьей – основным источником своего влияния и статуса. Она стала главным – но не единственным – архитектором своего падения. Сент-Джеймсский дворец давно считал Диану главной помехой для популярности Чарльза. Друзья наследника трона старались всеми возможными способами унизить ее, журналисты пристально следили за каждым шагом и каждым сказанным публично словом. В 1995 году у Дианы имелись все основания для паранойи, которая только усилилась в процессе переговоров о разводе.

В январе 1996 года подал в отставку Патрик Джефсон. Он так и не смог простить Диане, что она ни слова не сказала ему об интервью для «Панорамы», пока не стало слишком поздно что-то предпринимать. Поступок принцессы окончательно убедил его, что после восьми лет службы с Дианой пора расстаться. Он был ею очарован, как и все мужчины, которым довелось с ней общаться. Диана относилась к нему по-дружески, делала дорогие подарки – всем знакомым мужчинам она дарила галстуки от Hermes, – оплачивала счета из роскошных ресторанов. А он служил принцессе верой и правдой, жертвуя ради нее даже личной жизнью. Секретность, которой было окутано интервью для «Панорамы», раскрыла ему глаза на истинное положение дел, и он решил уйти сам, пока его не попросили.

Возможно, Диана с ее потрясающей интуицией это почувствовала и перехватила инициативу, заменив Джефсона в качестве спичрайтера Ричардом Кеем, а затем Мартином Бэширом, который иногда также исполнял обязанности ее личного секретаря. Джефсон вспоминает, что Диана долго еще присылала ему едкие анонимные сообщения на пейджер – так она поступала и с другими сотрудниками, впавшими в немилость [466]. Увольнение Джефсона, официально оформленное 22 января, она восприняла как измену. Диана заранее подготовила ответный удар: на следующий день в Mail была запланирована статья о профессиональной некомпетентности Патрика Джефсона. Он своевременно уволился, и от статьи пришлось отказаться.

Почти все, кого Диана исключила из своей жизни, сохранили верность и симпатию к ней. Это касалось и мужчин, и женщин. Да, в первое время они испытывали обиду, но потом плохое забывалось. Через четыре года Джефсон опубликовал мемуары «Тени принцессы». Он честно писал о слабостях и недостатках принцессы, но не скрывал и восхищения ее потрясающей смелостью и обаянием. «Уйти от принцессы Уэльской и забыть о ней просто невозможно», – писал он [467].

Обижена была и Диана, которая посчитала уход Джефсона личным предательством. Но, надо отдать ей должное, она звонила друзьям, которые могли взять его на работу, и даже на время рассорилась с одним из своих наставников, Дэвидом Патнемом: ей казалось, что это он переманил у нее Джефсона. Люди, когда-то работавшие у Дианы, понимали, насколько непроста ее жизнь, и ни в чем ее не винили. Ни один из них не упоминал о психической нестабильности Дианы, а в ее проблемах они обвиняли тех, кто не захотел понять и помочь ей в трудной ситуации.

После ухода Джефсона главным доверенным лицом Дианы стал ее камердинер Пол Баррел. В преддверии Рождества 1995 года он говорил: «Ее сердце было разбито» [468]. Диана все еще любила Чарльза и не хотела развода, однако после интервью инициатива перешла к нему. Диана могла отказаться от королевского приглашения в Сандрингем, но отказаться от развода во имя спасения страны – не могла. В любом случае от нее уже ничего не зависело: кто-то сообщил о письме королевы журналистам – на этот раз точно не Диана: подобный шаг был не в ее интересах. Придворные Дианы категорически отрицали свою причастность к утечке информации. Можно предположить, что к этому приложил руку Сент-Джеймсский дворец или кто-то из друзей принца. Диане оставалось только подчиниться, но при этом постараться выторговать для себя все, чего она хотела. С легкостью расставаться с мечтой она не собиралась. 14 февраля она отправила Чарльзу открытку ко Дню святого Валентина и подписала: «С любовью, Диана».

На следующий день, 15 февраля 1996 года, Диана встретилась в Букингемском дворце с королевой. Записи вел помощник личного секретаря королевы, Робин Жанрен. Об этой встрече известно только со слов Пола Баррела, который к тому времени стал хранителем всех секретов принцессы и вел ее корреспонденцию (с ведома Дианы и без). Разумеется, его воспоминания отражают точку зрения Дианы – так она рассказала ему о встрече с королевой. Диана сразу расставила все точки над «i»: «Я не хочу развода. Я все еще люблю Чарльза. В том, что

произошло, нет моей вины» [469]. А потом Диана отвела душу. «Она выплеснула на королеву – и не в первый раз – все, что накопилось в ее душе за долгие годы подозрений и страданий», – писал Баррел. Рассказала о своих врагах, которые ревновали к ее популярности. «Она знала, что может поделиться с королевой, ее величество была не в состоянии немедленно выдать ответы и решения, но всегда готова сочувственно выслушать» [470].

Согласия королева и принцесса достигли только в одном: для них обеих главным было благополучие принцев Уильяма и Гарри. Королева заверила Диану, что ей не следует беспокоиться относительно опеки над сыновьями, а это тревожило принцессу больше всего. «Что бы дальше ни случилось, – заверила королева, – вы всегда останетесь матерью Уильяма и Гарри. Меня волнует только то, что дети оказались на поле боя брака, который невозможно сохранить» [471]. Диана рассказала, какую боль ей причинили письма ее величества и принца Уэльского с требованием развода. Королева ответила, что, хотя обмен письмами ни к чему не привел, она продолжает придерживаться прежней точки зрения: «Сложившаяся ситуация не идет на пользу ни стране, ни семье, ни детям». Диана поняла, что обратного пути нет. Чем скорее будет оформлен развод, тем лучше для всех [472].

Затем они обсудили вопрос о будущих взаимоотношениях Дианы с королевской семьей, затронув вопрос о статусе: сумеет ли Диана после развода сохранить титул «ее королевское высочество». Позже чиновники дворца утверждали, что Диана сама отказалась от титула. Хотя она отрицала этот факт, однако, по-видимому, так оно и было. Королева очень четко сформулировала свою позицию. Она считала, что титула «принцесса Уэльская» будет вполне достаточно. Впрочем, этот вопрос предстояло еще обсудить с Чарльзом. Судя по всему, Диана в спешке согласилась, но потом об этом пожалела. В ту минуту она не осознавала, насколько важен для королевы Елизаветы титул – ведь он означал полноправную принадлежность к королевской семье.

В свое время король Георг VI отказался даровать Уоллис Симпсон, вступившей в брак с его братом, герцогом Виндзорским, бывшим королем Эдуардом VIII, титул «ее королевское высочество», и это стало причиной полного разрыва отношений между братьями. Король принял такое решение, поскольку считал, что только он может решать, кто является членом королевской семьи, а кто нет. Он отверг традиционный принцип, по которому жена принимает титул мужа. Решение Георга VI до сих пор оценивается неоднозначно. Но в 30-е годы XX века считалось абсолютно неприемлемым, чтобы дважды разведенную

женщину сомнительной репутации (которая могла ведь развестись и в третий раз!) широкая общественность воспринимала как члена королевской семьи благодаря титулу «ее королевское высочество». (Кто мог подумать, что это решение отзовется в британской королевской семье в 90-е годы?)

Королеве Елизавете было 11 лет, когда ее дядя женился на Уоллис. Она была достаточно взрослой, чтобы запомнить, какими проблемами оказалось чревато для ее семьи отречение Эдуарда VIII. Поэтому Елизавета последовала примеру своего отца. В ее представлении разведенная жена принца Уэльского не могла претендовать на принадлежность к королевской семье по праву брака. «Считаю более приемлемым титул „принцесса Уэльская“», – заявила она.

Вскоре Диана поняла, что не хочет расставаться с титулом. Она рассказывала друзьям, какую боль ей причинило это предложение и как унизительно будет приседать в реверансе перед членами королевской семьи. Широкая публика таких тонкостей не понимала: решение королевы казалось мелочной местью Диане и имело катастрофические последствия для монархии после смерти принцессы. Диана оставалась матерью будущего короля, поэтому политически было бы более правильно оставить ей титул «ее королевское высочество» (по крайней мере, до повторного брака). 28 февраля Чарльз и Диана встретились в Сент-Джеймсском дворце. По слухам, Диана сказала ему: «Что бы ни случилось, я всегда буду любить тебя». Что ответил Чарльз, неизвестно. При встрече никто не присутствовал. К ярости обоих дворцов, Диана успела изложить версию событий первой.

После ухода Джефсона Диана назначила своим пресс-секретарем Джейн Аткинсон, а Майкл Гиббинс стал ее личным секретарем. Джейн Аткинсон вместе с адвокатом принцессы, Энтони Джулиусом (представителем юридической фирмы Mishcon de Reya), ждали Диану в секретариате. Диана вернулась, горя желанием первой сделать заявление для прессы и таким образом нанести превентивный удар принцу. Она сообщала, что все еще противится разводу и что они оба решили продолжить консультации относительно дальнейшего воспитания детей. Диана остается в Кенсингтонском дворце, но ее секретариат переезжает в Сент-Джеймсский дворец.

Чиновники из аппарата королевы были возмущены столь наглым нарушением конфиденциальности (и превентивным ударом в юридической войне!) и сделали встречное заявление, в котором указывали, что Диана поторопилась назвать «решениями» свои просьбы, а детали развода еще подлежат обсуждению. Позже Диана через Ричарда Кея известила публику,

что королева и принц Чарльз настаивали на том, чтобы она отказалась от титула «ее королевское высочество».

В очередной раз Диана использовала прессу в личных интересах. Это вновь разозлило Букингемский дворец и даже королеву. Пресс-секретарь королевы Чарльз Энсон опроверг утверждения Дианы, что она-де отказалась от титула под давлением королевы и принца Чарльза: «Решение отказаться от титула принадлежало принцессе, и только принцессе. То, что об этом ее просили королева или принц, неправда. Я заявляю об этом с полной ответственностью. Пресс-служба дворца не собирается высказываться конкретно по этому вопросу, пока не будет иметь точное представление обо всех фактах».

Вместо того чтобы привлечь королеву на свою сторону, Диана, категорически отказавшись приехать в Сандрингем, швырнула перчатку царственным родственникам. В июле велись интенсивные переговоры о разводе, и Чарльз наконец ознакомил Диану с окончательным вариантом предлагаемых ей условий. (Незадолго до этого, в конце июня, Диана сделала последнюю безуспешную попытку сохранить титул «ее королевское высочество», через Ричарда Кея сообщив прессе, что дворец настаивает на сохранении титула, поскольку она является матерью будущего короля. Конечно же, и это было неправдой.)

Сопротивление Дианы и тот неоспоримый факт, что она имела на это полное моральное право, принесли свои плоды. В сравнении со скромным содержанием, полученным герцогиней Йоркской, которая развелась с мужем в мае, предложение Чарльза оказалось более чем щедрым. Подписала предложение королева, поскольку по закону принц не имел права продавать имущество герцогства Корнуольского, чтобы исполнить принятые на себя обязательства. Диана должна была получить пятнадцать миллионов фунтов, а также по четыреста тысяч фунтов в год на содержание своего аппарата. Отныне ее именовали «Диана, принцесса Уэльская». Обращаться с ней следовало как с членом королевской семьи, что сделало отзыв титула «ее королевское высочество» еще более бессмысленным. Диану продолжали приглашать на государственные и национальные мероприятия, где ее положение оставалось прежним.

Общественную роль Диана могла определять сама, но все рабочие зарубежные поездки – не личные – была обязана согласовывать с Министерством иностранных дел и лично с королевой (стандартная практика для членов королевской семьи). Диана имела право пользоваться королевскими самолетами и государственными апартаментами в Сент-Джеймсском дворце. Ее не лишили фамильных королевских украшений, которые

впоследствии будут переданы супругам Уильяма и Гарри. Чарльз и Диана подписали соглашение о конфиденциальности, которое запрещало обсуждать условия развода и раскрывать детали совместной жизни. 15 июля Диана и Чарльз заполнили документ, по которому их брак должен считаться расторгнутым через шесть недель после подписания, то есть 28 августа. Через два дня после этого, 30 августа 1996 года, в London Gazette (традиционное место публикации королевских заявлений) появилось официальное заявление королевы о том, что Диана лишена титула «ее королевское высочество».

Но ничто не могло компенсировать Диане крушения романтической мечты о семье, любящем муже и детях. Диана боролась, но в конце концов проиграла, и виной тому стали в равной степени ее собственные импульсивные действия и макиавеллиевские происки дворца. Королева и герцог Эдинбургский посоветовали Диане жить отдельно, сохраняя при этом спокойные отношения с бывшим мужем. Диана не прислушалась к добрым советам и решила полагаться только на свою интуицию, которая не позволила ей пойти на компромисс.

Возможно, ей следовало бы повнимательнее изучить жизнь Эдуарда VII и королевы Александры, но и это вряд ли бы помогло. Александра смирилась и решила жить собственной жизнью, все чаще уединяясь в Сандрингеме. Она сохранила уважение мужа и любовь народа. Дочь короля Дании, она знала правила королевской жизни и соблюдала их. Ей посчастливилось иметь любящую семью, которая поддерживала ее и к которой она всегда могла обратиться в трудные минуты. У Дианы этого не было. Она заплатила высокую цену за попытку сопротивляться правилам – осталась в одиночестве. После развода дорога для Камиллы была открыта.

Поддерживали Диану подруги – Люсия Флеча де Лима, Аннабел Голдсмит и Роза Монктон. Роза не понаслышке была знакома с проявлениями «темной стороны» Дианы, как называла это Люсия. В доме Голдсмитов Диану считали членом семьи, но в Ормли-Лодж она всегда была милой, обаятельной и остроумной. «Она была такой веселой! – вспоминал один из родственников. – Мы по полу катались от смеха – так она нас веселила…» [473]

Узнав о том, что у мужа Люсии случился инсульт, Диана, никого не предупредив, немедленно вылетела в Штаты, чтобы его навестить. «Она не видела себя со стороны и просто не понимала, в какой восторг приводит окружающих. Ей стоило войти в комнату, как все вокруг замирали, – вспоминает дочь Люсии, Беатрис. – Когда мой отец попал в больницу, она тут же прилетела в Америку… Вот почему мы так ее любили. Она

совершала невероятные поступки – прилетела, хотя никто не просил ее… На этаже, где лежал мой отец, был установлен автомат с кока-колой. Возле автомата собралась целая очередь… Люди не уходили, все хотели ее увидеть… Отец был без сознания. Мы пытались до него достучаться, звали по имени: „Пауло, Пауло…“, он не реагировал. А когда принцесса Диана тихо произнесла: „Пауло“, он очнулся и прошептал: „Доктор, у меня галлюцинации… Я только что видел принцессу Диану“ [474].

Диана в любых сложных ситуациях относилась к друзьям с тем же безграничным сочувствием. Когда умер муж Памелы Харлек, которого Диана знала по работе с Английским национальным балетом, она сделала все, чтобы вдова не чувствовала себя одинокой: звонила Памеле, приглашала ее вместе пообедать. „Она была очень заботливым человеком“, – вспоминает леди Харлек.

„После смерти Теренса Диана была невероятно добра ко мне, – вспоминала Диана Донован, супруга знаменитого фотографа, с которым Диана была очень дружна. – Он умер в конце 1996 года, и с этого времени она постоянно присутствовала в моей жизни, поддерживала, как может зрелая женщина поддержать юную девушку. Первый поздравительный звонок, который раздался у меня в Рождество 1996 года, был от Дианы, а ведь она находилась на Карибских островах“ [475].

„Люди не понимали, какое колоссальное давление испытывала Диана, – вспоминает одна из подруг. – Причем постоянно, с девятнадцати лет“ [476]; именно это заставляло ее искать возможность расслабиться в „забавных“ светских кругах, среди людей, которых она считала „нормальными“. Эти люди, имена которых постоянно упоминались в колонке светской хроники Таки Теодоракопулоса в журнале Spectator, не могли дать ей поддержки и любви, хотя именно в симпатии и понимании Диана отчаянно нуждалась. И все это она обрела в новой подруге из круга Голдсмитов, леди Козиме Сомерсет.

Козима Сомерсет была дочерью брата Аннабел Голдсмит, Александра Чарльза, девятого маркиза Лондондерри. С Дианой они познакомились за обедом в Ормли-Лодж в январе 1996 года. Мать Козимы, очаровательная и любимая всеми Николетт, в августе 1993 года покончила с собой в возрасте пятидесяти двух лет. Накануне знакомства с Дианой Козима рассталась со вторым мужем, лордом Джоном Сомерсетом, младшим сыном одиннадцатого герцога Бофорта. Дети, пяти и трех лет, остались с отцом в фамильном замке Бадминтон в Глостершире. Сама Козима Вэйн-Темпест-Стюарт жила в Уайньярде, английском поместье маркизов Лондондерри.

На том январском обеде присутствовали лишь Аннабел, Диана и Козима. „Сходство нашего положения сразу сблизило нас“, – вспоминала Козима. Она со слезами сказала: „Мне кажется, будто снова перерезали пуповину, соединявшую меня с детьми… Я оплакиваю жизнь в Бадминтоне, потому что сроднилась с этим местом и с людьми, которые там живут. Бадминтон помог мне пережить боль от потери Уайньярда, где прошло мое детство“. „В глазах Дианы я заметила понимание и сочувствие, – вспоминала Козима. – Она попыталась утешить меня: „Кози, ты привыкнешь““ [477]. „Мне было так плохо, – писала Козима, – но я сразу же влюбилась в эту женщину“ [478].

Диана и Козима сделались очень близки: постоянно созванивались, посылали друг другу видеозаписи. В феврале, съездив с Дианой и Аннабел Голдсмит в Лахор, Козима записала: „Между нами возникла подлинная близость и чувство товарищества. С этого момента я чувствовала, что она стала мне сестрой и мы обе – часть большой семьи Аннабел“ [479]. Вернувшись в Лондон, Диана отправила Козиме ароматическую свечу в глиняном горшочке с запиской: „Надеюсь, эта свеча озарит твой путь в самые мрачные минуты“. Козима с благодарностью зажигала свечу Дианы каждый день на протяжении полугода.

Раз в неделю они обязательно обедали вместе в Кенсингтонском дворце. „Это было похоже на сеансы у психотерапевта. Мы с легкостью понимали друг друга: рассказывали, как тяжело жить вдали от мужей, нас обеих тревожило неопределенное будущее – мы оказались оторваны от больших влиятельных семейств и потеряли защиту. И меня, и Диану считали неуравновешенными, параноидальными, истеричными дурочками“ [480]. Обе женщины искали объяснения своих страданий в мире сверхъестественного. Мысль о том, что их судьба была предопределена, приносила им облегчение.

В мае Козима и Диана провели выходные на Мальорке. Они болтали обо всем: о детстве, браке, детях. По дороге в аэропорт Козима поняла, в какой кошмар превратилась жизнь Дианы. Стоило их машине выехать из ворот отеля, как ее тут же окружили папарацци на машинах и мотоциклах. Они ехали по узкой горной дороге, но фотографы не отставали, несясь на огромной скорости и занимая обе полосы. Один из репортеров направил объектив своей камеры прямо в окно машины. „Я чувствовала, как тяжело Диане, – вспоминала Козима, – но она сохраняла ледяное спокойствие, что меня поразило: мне казалось, мы вот-вот разобьемся. Диана сказала лишь: „Добро пожаловать в мой мир…““ [481]Она словно предчувствовала свою судьбу.

Диана отправилась в Пакистан не только для того, чтобы заняться благотворительной деятельностью в онкологической больнице Лахора. Больница была построена на средства зятя Аннабел, знаменитого пакистанского крикетиста Имрана Хана, который, оставив спорт, занялся политикой. У Дианы были и личные причины для этого азиатского вояжа. Осенью прошлого года Диана влюбилась в пакистанского кардиохирурга, Хасната Хана. Они познакомились в Королевской больнице Бромптон, куда Диана пришла навестить заболевшего мужа своей подруги и психотерапевта Уны Шэнли-Тоффоло. С Уной Диану еще в 1989 году познакомила Мара Берни. Уна была самым давним и доверенным целителем принцессы Уэльской.

31 августа муж Уны, Джозеф, перенес операцию аортокоронарного шунтирования. Во время операции Хаснат Хан ассистировал знаменитому профессору Маджи Якубу. Он пришел проведать пациента и в палате познакомился с Дианой. Состояние Тоффоло было тяжелым, поэтому хирург почти не обратил на Диану внимания. А вот Диана влюбилась в него с первого взгляда. Когда он выходил из палаты, Диана громко шепнула Уне: „Ослепительный красавец!“ Позже она говорила другой своей целительнице, Симоне Симмонс, что их встреча была „кармической“» [482]. Диана любила Хасната Хана всю оставшуюся жизнь, и эта страсть подвигала ее на многие благотворительные инициативы. Поездка в Пакистан с Аннабел и Козимой стала одной из них.

Хаснату Хану было тридцать шесть лет. Он родился в довольно богатой семье среднего класса в городе Джеламе провинции Лахор. Медицину он изучал в госпитале короля Эдуарда в Лахоре, а затем переехал в Сидней, где дядя, известный кардиохирург, устроил его в госпиталь Святого Винсента. В 1992 году после убийства его учителя, кардиолога Виктора Чэня, Хан уехал из Австралии в Англию. Добрый, достойный человек, способный на сочувствие, истинный профессионал, Хаснат Хан воплощал в себе все, что Диана постоянно искала в мужчинах, но не находила.

Она начала интересоваться исламом и исламской философией, в частности суфизмом, еще во времена романа с Оливером Хором. В начале осени 1990 года она по собственной инициативе отправилась на лекцию об исламе, которую читал в Королевском антропологическом институте профессор Кембриджа Акбар Ахмед. В лекции профессор Ахмед постоянно подчеркивал роль семьи в исламе, что произвело на Диану глубокое впечатление. В разговоре с профессором она спросила: «Как я могу способствовать развитию взаимопонимания между

исламской цивилизацией и Западом?..» Позже профессор говорил, что он зародил в Диане интерес к исламу.

Она познакомилась с культурой, где женщин любят и уважают, где к ним относятся с вниманием и заботой. Диана готовилась к официальному визиту в Пакистан, но поездка была отложена. Она состоялась в сентябре 1991 года, и перед этим Диана вновь обращалась к профессору Ахмеду. Желая произвести хорошее впечатление, Диана спрашивала, как ей одеться и что сказать. Ахмед посоветовал ей процитировать слова национального поэта Пакистана, сэра Алламы Мухаммада Икбала. Эти строки вспомнились ей позже, когда она познакомилась с Хаснатом Ханом: «В мире столько людей, которые блуждают по джунглям и что-то ищут, но я буду служить тому, кто исполнен любви к человечеству» [483].

Крикетист Имран Хан, который жил в Лондоне, вел светский образ жизни и пользовался огромным успехом у женщин, казался Диане мужчиной, в котором идеально сочетаются качества Востока и Запада, изысканность и мусульманская культура. Они еще не были знакомы, но к осени 1995 года, когда Диана впервые встретилась с Хаснатом, Имран Хан стал центром ее светской жизни. В июне Имран женился на дочери Аннабел Голдсмит. Красавице Джемайме исполнился двадцать один год. Он увез ее в Лахор, где жила его семья. В семье строго соблюдались мусульманские традиции. Джемайма (по рождению наполовину еврейка) приняла ислам и стала носить традиционную одежду. Диана восхищалась Джемаймой: та была на десять лет моложе принцессы, за ее плечами был университет, и у нее сложилась семья, какую Диане всегда хотелось иметь [484].

В феврале 1996 года Диана, Аннабел и Козима Сомерсет на личном самолете Голдсмитов отправились в Лахор на благотворительный ужин в пользу онкологической больницы Имрана Хана. Но у Дианы были и свои планы. Она хотела познакомиться с родственниками Хасната и попытаться расположить их к себе. Боязнь огласки помешала этой встрече, но благотворительные планы Диана осуществила в полном объеме. Подруга, сопровождавшая Диану в больницу, была поражена работоспособностью и сосредоточенностью принцессы: «Мне казалось, мы никогда не выйдем. Она заходила в каждую палату, брала на руки каждого ребенка… И делала это не для того, чтобы произвести на кого-то впечатление – так было нужно ей самой. С одним она шутила, другому сочувствовала… У меня уже не осталось сил, но Диана продолжала свою работу. Мы пришли в больницу в восемь или девять часов утра, а присесть перекусить нам удалось не раньше половины четвертого…» [485]«Она сделала

для этой больницы больше, чем кто-либо другой…» [486]

В Лондон Диана вернулась 4 июля, когда детали соглашения о разводе уже просочились в прессу. В тот день Диана присутствовала на благотворительном ужине в помощь фонду больницы Имрана Хана в отеле «Дорчестер». Диана появилась в традиционном пакистанском костюме, который сшил специально для поездки в Лахор модельер Ризван Баиг. Этот поступок, по крайней мере для нее самой, символизировал разрыв с королевской семьей. Ну и, конечно, в это время Диана думала о Хаснате. Следующие тринадцать месяцев все ее действия были обусловлены этими мыслями. Сразу же после ужина Диана уехала в Стратфорд-на-Эйвоне к его родственникам.

Роман с Хаснатом Ханом Диана хранила в тайне – какое-то время даже от Баррела. Знали о нем только Шэнли-Тоффоло и Симмонс. Диана каждый вечер посещала Хана в Королевской больнице. Как-то раз на парковке ее поймал фотограф – ей пришлось выдумывать правдоподобную историю для репортера News of the World Клайва Гудмена.

Диана с восторгом переживала новый жизненный опыт: в необычной для нее одежде – легинсах и кроссовках, – в черном парике стояла она с Ханом в очереди на вход в джазовый клуб Ронни Скотта. Позже Баррелу было вменено в обязанность подгонять машину к закусочной, расположенной возле больницы, забирать Хана и привозить в Кенсингтонский дворец – инкогнито, укрытого одеялом и прячущегося на заднем сиденье. Впрочем, от зорких глаз приближенных принцессы Маргарет ничто не могло укрыться. По дворцу разносился шепот: «Вон Хан приехал в MOA [регистрационный номер автомобиля Дианы]».

Оказавшись в апартаментах Дианы, Хан включал телевизор и смотрел футбол. Хаснат Хан совсем не походил на вымечтанный Дианой идеал: у него был лишний вес, он курил и ел что попало. И все же она была им буквально очарована. Диана восторгалась его научными познаниями; чтобы хоть как-то соответствовать его эрудиции, прочла «Анатомию человеческого тела» Грея и присутствовала на хирургических операциях. Не подозревавшие об истинной причине ее поведения журналисты обвиняли Диану в нездоровом любопытстве. Несмотря на пристальное внимание репортеров, роман довольно долго оставался для всех тайной.

15 июля 1996 года, вскоре после объявления о разводе, Диана сообщила, что отказывается от некоторых филантропических обязанностей, оставив в своем ведении шесть фондов: центр помощи бездомным, фонд борьбы с проказой, Национальный фонд по борьбе со СПИДом, фонд поддержки Английского национального балета, фонды детской больницы на Грейт-

Ормонд-стрит и Королевской больницы Марсден. К сожалению, в заявлении, подготовленном Джейн Аткинсон, Диана не удержалась от сарказма. «Этот шаг продиктован потерей королевского статуса… Изменение статуса самым пагубным образом сказалось на благотворительной деятельности. Влияние Дианы ослабло. Она больше не могла давать страждущим то, в чем они нуждались».

Диану ругали и за принятое решение, и за сделанное заявление, которое все расценили как ответ королевской семье. Однако теперь, когда Диана возвращалась к обычной жизни, для нее было совершенно естественно сократить общественные обязанности и сосредоточиться на том, что она считала наиболее важным – борьбе со СПИДом, проказой, помощи больным, умирающим и бездомным. Она всегда любила балет и верила в будущее Английского национального балета – даже день официального оформления развода она завершила посещением балетной школы.

«В день, когда брак окончательно рухнул, – вспоминает водитель и телохранитель Дианы Колин Теббат, – мы ездили в балетную школу за Альберт-холлом. Я навсегда запомнил, что в 10.26 принцесса еще располагала официальным лимузином „ягуар“, а в 10.28 ее уже лишили автомобиля (впрочем, доехать до дома нам все же позволили). Люди ждали, когда Диана выйдет из балетной школы, всем хотелось на нее посмотреть… Принцесса выглядела великолепно. Она надела свое обручальное кольцо с бриллиантом… Ей наверняка понадобилось немало сил, чтобы пережить тот день» [487]. «Она спросила, можно ли прийти на репетицию, – вспоминала Памела Харлек. – Видимо, ей хотелось развеяться, показать всем, что она не теряет присутствия духа и хорошо проводит время. Она приехала на репетицию, и нашу школу осадили журналисты» [488].

Но, несмотря на умение держать себя в руках и разговоры о желании вести «нормальную» жизнь, Диана была на удивление консервативна: обижалась, что более не является членом королевской семьи, что ее лишили титула «ее королевское высочество». У нее всегда была заниженная самооценка – она искренне не понимала, что для народа всегда была и останется «принцессой Дианой», «принцессой Ди». Она достигла высочайшего уровня популярности, оставив королевскую семью далеко за собой. В июне Диана на три дня уехала в Чикаго, собирать деньги для благотворительного фонда помощи онкологическим больным. Ее встречали огромные толпы – как в первые дни «дианомании».

Теперь в круг Дианы входили новые люди – Элтон Джон,

Джанни Версаче, то есть личности, которые, как и она, страдали от своей славы. Диана считала себя целительницей, но в то же время не прекращала сама посещать целителей. В мае 1996 года она познакомилась с популярным английским телеведущим Майклом Бэрримором, который лечился от алкогольной и наркотической зависимости и после двадцати лет брака признался в своей гомосексуальной ориентации. Когда он находился в клинике, из секретариата Дианы ему была отправлена записка: «Я прекрасно понимаю, через какие муки пришлось пройти вам и Шерил [жена и менеджер Бэрримора]. Надеюсь, люди все поймут и оставят вас в покое. Буду рада, если вы сможете встретиться со мной чуть позже. С любовью, Диана». Мартин Бэшир позвонил Бэрримору, чтобы договориться о встрече.

Диана и Бэрримор беседовали несколько часов. Жене телезвезды присутствовать не позволили. Несмотря на запрет, Шерил все же заглянула в комнату. Диана и Майкл расположились на соседних диванах и болтали, как старые друзья. «Для людей, встретившихся первый раз в жизни, они чувствовали себя очень свободно», – вспоминает Шерил. Ни Диана, ни Майкл не заметили появления Шерил, и она ушла, оставив их еще на два часа. Потом она услышала, как Диана ушла. На следующее утро Баррел привез Бэрримору записку Дианы, в которой она благодарила его за прекрасно проведенное время, писала, что у них много общего, и выражала надежду на новые встречи. «Вскоре они стали встречаться регулярно, – вспоминала Шерил. – Мартин Бэшир звонил, чтобы согласовать время, они встречались, и на следующий день Пол Баррел привозил очередную записку со словами благодарности» [489]. Эта история показывает, насколько отдалилась Диана от правящих кругов – принцессе Уэльской приходилось пользоваться услугами тележурналиста и камердинера!

Диану и Бэрримора сблизило обсуждение проблем популярности и публичности. Диана считала, что журналисты оголтело преследуют лишь троих в Англии: ее саму, Бэрримора и «Газзу», Пола Гаскойна, блестящего футболиста и алкоголика, страдающего приступами депрессии. «Она считала, что журналисты переключаются с одной звезды с проблемами на другую, и надеялась, что Бэрримор и Газза дадут ей передышку», – писала Шерил.

Со временем стало ясно, что Диана все сильнее втягивает Бэрримора в свой мир. Она обсуждала с ним личные трудности и неуверенность в себе. «Ей казалось, что, рассказывая об этом, она помогает решить его проблемы», – писала Шерил. На ее взгляд,

разговоры Дианы с Бэрримором были не чем иным, как мольбой о помощи. «Диане казалось, что вместе они смогут совершить нечто великое… потому что у них есть мощное оружие – любовь публики… Диана говорила Майклу, что им нужно преподать кое-кому урок…» Кому именно, Диана не уточняла, по крайней мере в присутствии Шерил, но, вероятнее всего, подразумевала Чарльза, Камиллу и их друзей.

В конце концов терпение Шерил лопнуло. Несмотря на ярость Бэрримора, она потребовала, чтобы Диана перестала посещать ее дом. С этого времени они стали встречаться в Кенсингтонском дворце. Шерил не знала, о чем они говорили, но чувствовала, что под влиянием Дианы Майкл все больше теряет чувство реальности. «Больше года Диана и Майкл постоянно встречались, и состояние его ухудшалось, – писала она. – Ее образ мыслей, по моему мнению, был весьма далек от нормального. Майкл начал терять способность отличать реальность от вымысла… У него на лице часто возникало отсутствующее выражение, как у религиозного фанатика» [490]. Самое опасное – оба окончательно убедили себя в огромной силе известности, опирающейся на любовь публики.

В том году Диана совершила еще две благотворительные поездки в Соединенные Штаты Америки. В Вашингтоне она собирала деньги для фонда Кэтрин Грэм, центра исследований рака молочной железы имени Нины Хайд. На благотворительном балу присутствовало восемьсот гостей из мира политики и моды. Кэй Грэм дала в честь Дианы обед, а Хилари Клинтон пригласила ее на завтрак в Белый дом, где сто десять гостей устроили ей бурную овацию. Мечтая о новой, самостоятельной жизни, Диана все чаще думала об Америке, считая, что в стране, где и без нее много знаменитостей, удастся укрыться от пристального внимания журналистов.

За годы, которые привели Сару Фергюсон и Диану Спенсер к разводу (Сара развелась 30 мая, Диана – 28 августа), Диана и ее невестка очень сблизились. Их роднила неприязнь к «серым людям» королевы и окружению принца Уэльского. Несчастного сэра Роберта Феллоуза судьба связала с обеими женщинами: он был не только зятем Дианы, но и кузеном Сары. Но если Диану Феллоуз искренне любил, то Сару он и остальные чиновники непритворно ненавидели. Герцог Йоркский продолжал любить свою жену и был готов мириться с ее похождениями, даже простить ей связь с «финансовым консультантом» Джоном Брайаном, о которой неприкрыто свидетельствовали более чем откровенные фотографии, попавшие в прессу.

В отличие от Дианы, которая всячески старалась

поддерживать свой публичный имидж, Сара отношений с Брайаном не скрывала. В августе 1996 года, когда роман с Сарой закончился, этот «финансовый консультант» объявил себя банкротом. Широкой публике не нравились ее долги, неуклюжие попытки стать писательницей – под ее именем вышла детская книжка и книга о путешествиях королевы Виктории, которую в действительности написала племянница королевского библиотекаря Оливера Эверетта, Бенита Стоуни [491]. Во время благотворительной поездки в Португалию Сара заявила, что дважды сдавала анализ на СПИД – один раз до брака с принцем Эндрю в 1986 году. Подобные заявления тоже не способствовали росту популярности герцогини Йоркской.

Дворец категорически запретил Саре становиться послом доброй воли ООН по делам беженцев (в этой роли подвизались Одри Хепберн и Софи Лорен). Саре страшно хотелось заняться этой деятельностью, чтобы превзойти «Блондинку», как она всегда называла Диану. Несмотря на дружбу, «виндзорские насмешницы» – такое они себе дали прозвище – всегда оставались соперницами. Обе обожали сеансы у экстрасенсов и обсуждали их предсказания. Обе обращались к ясновидящей Рите Роджерс и астрологу Пенни Торнтон. Услышав предсказание, что Чарльзу не суждено стать королем – он или погибнет, или будет вынужден отречься, – Сара преисполнилась надежд, что регентом при принце Уильяме станет принц Эндрю.

После очередной консультации Сара выскочила из кабинета в состоянии особенного возбуждения. Она только что услышала, что Чарльз умрет – ему удалось спастись от одной лавины, но другая его непременно накроет. Она позвонила Диане, чтобы сообщить, что та скоро станет вдовой. По словам Сары, мальчики погибнут вместе с отцом и Эндрю станет королем. Уж тогда-то ей точно удастся превзойти «Блондинку». Королева-мать называла Диану и Сару «главными прокаженными в лепрозории». По предсказанию ясновидящих, смерть ожидала и ее [492]. Сара и Диана с радостью погружались в иллюзии своего королевского будущего.

Впрочем, эти отношения никогда не были равными. Диана превосходила Сару во всем – и по статусу, и по красоте. Диана была богата, имела безупречное происхождение, а Сара относительно бедна и постоянно в долгах. Когда Сара стала членом королевской семьи, королева поначалу явно отдавала ей предпочтение, потому что Диана не разделяла королевского интереса к охоте, рыбалке и отдыху на природе. Однако по своим эскападам Сара заметно превзошла Диану. Достоянием общественности стало адресованное Саре письмо принцессы

Маргарет, в котором та недвусмысленно отчитывала невестку за то, что она позорит королевскую семью. Бывший деловой партнер и друг Джона Брайана, Аллан Старки, вспоминал слова Сары, которая заявила: «Мне нужно вернуться к Эндрю хотя бы для того, чтобы послать далеко и надолго всех тех, кто утверждал, что это невозможно, кто хотел вонзить мне нож в спину. Но это означало бы возвращение к безрадостной жизни, жизни монахини, и расставание с Дж Б (Джоном Брайаном)» [493]. Правда, следует отметить, что у Старки было немало оснований для того, чтобы ненавидеть обоих – и Сару, и Брайана.

Соперничество между Сарой и Дианой прекрасно демонстрирует такой пример. Обе очень интересовались Джоном Ф. Кеннеди-младшим, сыном убитого президента. Кеннеди-младшего считали самым красивым и сексуальным мужчиной мира – в 1988 году он получил этот титул по опросу журнала *People.*Сара вбила себе в голову, что ей нужно выйти замуж за Кеннеди и тогда она станет первой леди Америки. Чтобы реализовать свою мечту, во время одной из поездок в Нью-Йорк она раздобыла его телефон и спросила, не хочет ли он выпить или поужинать с ней в отеле «Карлайл», где она остановилась. Через два часа ей перезвонил помощник Кеннеди, чтобы сообщить, что Джон страшно занят и вынужден отменить свидание.

Можете представить ярость Сары, когда она узнала, что в декабре 1995 года, когда Диана была в Нью-Йорке, они с Кеннеди-младшим ужинали в том самом отеле «Карлайл»! Кеннеди сам попросил о встрече, рассчитывая уговорить Диану сняться для обложки первого выпуска его журнала *George.*Диана предложение отклонила. Ходили слухи, что между ними был короткий, но страстный роман. К раздражению сплетников, при встрече Дианы и Кеннеди-младшего присутствовал Патрик Джефсон. Он утверждал, что отношения участников были чисто платоническими.

Идея Сары выйти замуж за Кеннеди увенчалась совершенно абсурдным финалом. Дело было так: в 1995 году Аллан Старки совершил попытку самоубийства. Взволнованная Сара позвонила Рите Роджерс, и та сказала, что Старки повторит попытку – на этот раз удачно. И тогда, если верить Старки (а история выглядит слишком невероятной, чтобы такое придумать), Сара попросила его оказать ей услугу. «Когда ты будешь мертв, – сказала она, – не мог бы ты найти президента Кеннеди и объяснить ему, что я должна выйти замуж за его сына и стать первой леди Америки? Я бы хотела, чтобы он помог мне – пусть явится Джону во сне и уговорит его жениться на мне» [494].

В 1996 году были опубликованы три книги о герцогине Йоркской. Одну написал Аллан Старки, другую – Вассо Кортесис, хранительница многих тайн Сары. Последней стала полная самооправданий автобиография герцогини «Моя история». Эта книга и рекламная поездка Сары по США окончательно рассорила двух королевских невесток. Сара довольно откровенно писала о Диане, что та расценила как измену дружбе. Больше всего Диане не понравился рассказ о пребывании в Балморале в 1986 году: Сара описала себя яркой и энергичной особой, а Диану показала слезливой занудой. Кроме того, Сара постоянно подчеркивала свою близость к королеве и симпатию со стороны царственной свекрови. Еще более оскорбительным Диана сочла рассказ о том, как Сара походила в позаимствованных у Дианы туфлях, после чего у нее появились бородавки (29). Конечно, все это были мелочи, но, по мнению Дианы, Сара предала ее. В мире Дианы обиды не прощались. Сара и Диана больше никогда не разговаривали друг с другом. Уильяму и Гарри было категорически запрещено общаться со своими кузинами Беатрис и Юджинией. Несмотря на попытки Сары примириться, обратного пути не было.

19. Круги на воде

Она постепенно привыкала к мысли о разводе, но ее очень занимал двор Чарльза… она часто говорила, что ее беспокоит Чарльз и его окружение.

Ричард Кей – автору [495]

«28 августа 1996 года – 15 лет брака выброшены на свалку, – написала Диана в день окончательного оформления развода. – Я никогда не хотела развода и всегда мечтала о счастливом браке, любви и поддержке со стороны Чарльза. Хотя этому не суждено было сбыться, у нас есть два замечательных мальчика и мы оба их очень любим. В моей душе все еще жива любовь к Чарльзу, и мне бы так хотелось, чтобы он интересовался мной и гордился моей работой. Это были непростые 15 лет. Мне пришлось столкнуться с завистью, ревностью и ненавистью со стороны друзей и семьи Чарльза – они не понимали меня, и это причиняло мне невыносимую боль. Я всегда мечтала быть другом Чарльзу. Я лучше, чем кто бы то ни было, понимаю, что ему нужно» [496].

«После развода в ней произошли серьезные перемены. Мне показалось, что она стала гораздо спокойнее и счастливее», – вспоминала бывшая фрейлина Дианы [497]. Энтони Холден, который в октябре обедал с Дианой, так пересказывает ее слова, касающиеся возможности брака Чарльза и Камиллы:

«Она сказала: „Мне нет до них никакого дела! Они могут пожениться, они даже должны пожениться, но меня это не касается“. Диана была спокойна и, думаю, искренне хотела этого ради блага детей. Ей никогда не нравилась Камилла. Она обвиняла ее (и, на мой взгляд, справедливо) в крушении своего брака с Чарльзом. Но в сложившейся ситуации она предпочитала просто пожать плечами и предоставить им делать что хотят. Не знаю, насколько искренним было ее великодушие. „Что ж, – закончила она разговор, – надеюсь, они будут счастливы“ – скорее всего она имела в виду детей» [498].

«После развода Диана буквально расцвела», – говорили ее друзья. Причиной тому, естественно, был роман с Хаснатом Ханом. Роман продолжал оставаться тайной для журналистов, но влиял и на ее общественную, и на личную жизнь. То, что доктор увлечен работой и не приветствует ажиотаж вокруг Дианы, делало его еще более привлекательным в ее глазах. Хан был

неплохо обеспечен, но не богат, потому Диана мечтала поспособствовать его карьере. Она хотела, чтобы он нашел работу за пределами Англии, где они могли бы пожениться и спокойно жить вместе.

13 октября 1996 года Диана вылетела в Римини, где ей должны были вручить гуманитарную премию на ежегодном конгрессе по здравоохранению в центре Пио Манцу. Этот международный центр возглавлял бывший президент Советского Союза Михаил Горбачев. Диана выступила с речью на открытии конгресса, выбрав свою любимую тему: «Проблемы пожилого населения». На том же конгрессе вручили премию знаменитому южноафриканскому хирургу Кристиану Барнарду, который первый в мире сделал операцию по пересадке сердца.

За ужином Диана сидела рядом с Барнардом. Она рассказала ему о Хаснате и спросила, не может ли он помочь ему найти работу в Южной Африке. Уже после смерти Дианы Барнард признался, что она говорила о желании выйти замуж за Хасната и родить двух дочерей. Она явно была влюблена в него и, конечно же, вышла бы за него замуж, если бы он согласился [499]. По возвращении в Лондон Диана писала и звонила Барнарду, чтобы узнать о перспективах работы для Хасната, дважды приглашала хирурга на ужин в Кенсингтонский дворец. Проблема заключалась в том, что Хаснат хотел получить ученую степень под руководством профессора Махди Якуба и не собирался покидать Англию. Он не имел представления о хлопотах Дианы и, узнав о них, пришел в ярость. По предложению Дианы Хаснат все же встретился с Барнардом во время визита знаменитого кардиохирурга в Лондон. По просьбе Барнарда Хаснат выслал ему свое резюме, считая, что это будет полезно для работы после получения ученой степени. О планах Дианы он узнал лишь тогда, когда получил из американской больницы предложение о работе.

Раздражение Хасната не отпугнуло Диану. Она продолжала поиски места, где они могли бы жить вместе. В том же месяце она вылетела в Сидней на благотворительный вечер в пользу института Виктора Чэня, бывшего наставника Хасната. За время этой поездки Диана собрала для кардиологического центра миллион австралийских долларов – ей хотелось доказать Хану, что ее слава и способности могут помочь в его карьере. Кроме того, в Австралии она предполагала встретиться со старыми друзьями Хасната. Диана надеялась, что Хаснат сможет вылететь в Сидней, но, поскольку ее визит широко освещался прессой, это оказалось невозможным.

Публика в Австралии неистовствовала, недаром именно здесь зародилась «дианомания». Без привычной ей поддержки

департамента охраны королевской семьи и дипломатического корпуса, с весьма скромной охраной, предложенной организаторами поездки, Диана оказалась в роли загнанного зверя. Вокруг ее стола толпились женщины, которые хотели ее увидеть, прикоснуться к ней. Когда она шла танцевать, ее тут же окружали танцующие, причем некоторые откровенно стремились к ней прижаться. Стоило ей отправиться в туалет, как за ней увязывались целые толпы, и ей приходилось скрываться. Шторы в отеле были опущены даже днем. Если Диана думала, что развод даст ей свободу и нормальную жизнь, то после поездки в Австралию эти надежды рухнули.

Австралийский визит обернулся настоящей катастрофой и в другом отношении. 3 ноября 1996 года Sunday Mirror написала о ее романе с Хаснатом Ханом. Журналисты наконец-то связали ее полуночные поездки в больницу и присутствие на кардиологических операциях с его именем. Газета с уверенностью утверждала: интерес к медицине в Диане пробудила любовь к Хаснату. Диана пыталась прибегнуть к старому способу – через Ричарда Кея, который сопровождал ее в поездке в Австралию, она опубликовала статью-опровержение. Статья в Daily Mail появилась на следующий день. В ней говорилось, как Диана переживает из-за того, что подобные обвинения могут пагубно повлиять на жизнь Уильяма и Гарри, хотя сама она «лишь посмеялась над их глупостью». Хаснат посчитал ситуацию оскорбительной для его достоинства и на время прекратил все отношения с Дианой. Только теперь он отчетливо понял, какова будет жизнь с Дианой. Еще больше Хасната оттолкнуло то, что Диана, пытаясь сделать его союзником в своей непрекращающейся войне, отправила к нему собственных доверенных лиц, Мартина Бэшира и Пола Баррела. Отношения с Хаснатом и официальное оформление развода помогло Диане отвлечься от мыслей о Чарльзе и Камилле. Диана больше не обижалась на Камиллу, даже симпатизировала ей, поскольку ее отношения с Чарльзом вызывали негодование публики и журналистов. Тем не менее о Чарльзе и его окружении думать она не перестала.

Ричард Эйлард, которого Диана считала своим главным врагом, в конце года уволился, и его место занял помощник личного секретаря Стивен Лэмпорт. На должность другого помощника личного секретаря – и это особенно заинтересовало Диану – был принят Марк Болланд, работавший раньше в Комиссии по жалобам на прессу. Его репутация и умение общаться с журналистами были хорошо известны. Принцу его порекомендовали друзья Камиллы. Положение Камиллы в жизни наследника трона было главной (хотя и неназванной) причиной

охлаждения между двором королевы и двором наследника. Болланд не мог этого изменить. Главная его задача заключалась в том, чтобы улучшить имидж принца Уэльского и постепенно приучить публику к роли Камиллы в его жизни.

«Мы все пытались вернуть принца в общественную жизнь, поднять его престиж, создать максимально положительный образ наследника престола, – вспоминал Болланд. – Нужно было найти место и для Камиллы, которая, как мы считали, могла улучшить репутацию принца. Эти годы – между разводом и смертью Дианы – были тяжелым этапом в жизни Чарльза, и, если люди будут лучше относиться к Камилле, это пойдет на пользу принцу». Болланд был достаточно умен, чтобы понимать: любые попытки унизить Диану, народного кумира номер один, равносильны самоубийству. «С самого начала, – вспоминал он, – я хотел положить конец войне между Чарльзом и Дианой. Эту войну по их поручению вели самые разные люди, на которых влияли и принц, и принцесса (принцесса в большей степени). Чарльз вполне мог вовремя кивнуть или подмигнуть публике, когда это требовалось, зато он не звонил в газеты, как это делала она… Нужно было попытаться отстраниться от этой борьбы и убедить ее [Диану], что я не собираюсь вести кампанию против нее, скорее наоборот» [500].

Работая в Комиссии по жалобам на прессу, Болланд научился чутко улавливать существующие в королевских кругах подводные течения. «Все чувствовали, что ситуация грязная… причем у Чарльза положение было хуже, чем у его бывшей жены… Когда я работал в Комиссии, то сдружился с Робертом Феллоузом и Чарльзом Энсоном… Знаете, Сент-Джеймсский дворец никогда не умел общаться с прессой, с их стороны всегда чувствовалось некое пренебрежение… Когда я пришел работать к принцу Уэльскому, эти отношения окончательно рухнули… По-видимому, разлад с прессой был связан с Камиллой. У них был свой взгляд, у принца свой, и мне пришлось выбирать между ними, это было ужасно… Пока я работал в Комиссии, я знал: самое важное – это отношения с Букингемским дворцом, затем шли Спенсеры и Кенсингтонский дворец, а Сент-Джеймсский дворец замыкал список… Когда Уильям поступил в Итон [сентябрь 1995 года], с прессой был заключен договор – журналисты будут держаться от него подальше. Это была инициатива Букингемского дворца, об этом говорил Чарльз Энсон… Диана, которой об этом рассказал Дэвид Инглиш, была в восторге. Сент-Джеймсский дворец устранился от переговоров, которые вели Чарльз и Роберт… Королева всегда хотела защитить своих внуков. Службы принца и принцессы ненавидели друг друга

и не могли работать слаженно. Мы же приложили все усилия к тому, чтобы интересы внуков королевы были защищены».

Дэвид Инглиш имел огромное влияние на Диану. Он убедил ее в том, что Болланд ей не враг: «Вы знаете своих врагов, знаете, с кем Марку нужно разобраться и с кем нужно разобраться вам…» Он говорил: «Марк не настроен против вас, а если и начнет какие-то действия, я всегда смогу его остановить». Успокоившись, Диана пригласила Болланда в Кенсингтонский дворец, что вызвало в Сент-Джеймсском дворце настоящую панику. «Все сомневались, стоит ли соглашаться? Не собирается ли Диана перетянуть Марка на свою сторону? Это беспокоило всех, даже принца. В конце концов все же решили, что можно попробовать. Я не собирался поддаваться обаянию принцессы» [501]. Однако Диана все же попыталась пустить его в ход: «Она всегда была очень добра и невероятно вежлива: посылала открытки мне и моей матери, подписанные фотографии… После каждого знака внимания кто-то из сотрудников принца обязательно восклицал: „Вот видишь, что она делает!“ Но моей маме это нравилось, ей было приятно. Разумеется, это не меняло моего отношения к ситуации. Диана иногда звонила мне: ей хотелось знать, как идут дела у Камиллы, что вообще происходит, но она старалась не переусердствовать» [502].

По словам Болланда, у Дианы было твердое представление о том, «как следует представлять публике детей, насколько часто нужно показывать их с отцом и все такое». Болланд запомнил, что Диане очень не хотелось, чтобы мальчики оказались в таком же положении, как она, – а ее преследовали каждый день, каждую минуту.

Лорд Уэйкем, который возглавил Комиссию по жалобам на прессу, непосредственно взаимодействовал с Букингемским дворцом и с Дианой. Он стал ее личным медиаэкспертом, умело балансируя на канате, соединявшем дворцы и прессу. Главная его задача заключалась в том, чтобы выработать неформальный кодекс поведения, который избавил бы страну от необходимости принять драконовские и, скорее всего, неработающие законы о защите личной жизни. Ему приходилось общаться с Дианой и Сарой, которые звонили ему с какими-то жалобами, а через несколько часов добивались, чтобы их отозвали. «Нам обычно звонила она сама, или кто-то из ее друзей, или Ферджи, с которой она одно время была очень близка, – вспоминал Уэйкем. – Звонили и на что-то жаловались. Мы отвечали: „Вы должны подать жалобу в письменном виде. Мы не рассматриваем устные заявления“. Часто, если мы все же начинали подготовительную работу, оказывалось, что это никому не нужно,

они просто обо всем забыли» [503].

Об умении Дианы обращаться с прессой Уэйкем говорил: «…В ней сохранился школьный идеализм и совершенно отсутствовала практичность. Но поскольку она оказалась в высших сферах, то начала придавать собственным мыслям большие вес и ценность, чем они имели на самом деле. И это совершенно понятно. Когда живешь в мире, где слышишь только „да, мэм“, „нет, мэм“, „какая прекрасная мысль, мэм“, то самое тривиальное свое замечание начинаешь считать исполненным глубокой мудрости… Думаю, это была главная ее проблема» [504].

В 1995 году некоторые газеты довольно резко отозвались о действиях Дианы. Ее личный секретарь приехал к Уэйкему. Болланд, который в то время работал в Комиссии, вспоминал: «Ситуация была сложная. Ей приходилось действовать сразу на нескольких фронтах. Ее секретарь сказал: „Джон, вы должны что-то сделать. Нужно всех успокоить“. Уэйкем предпринял все необходимые действия: встретился с председателем News International, с председателем того, с председателем сего… Дело сдвинулось с мертвой точки» [505].

Болланд подтверждает, что Букингемский дворец всегда относился к Диане с симпатией. «Не думаю, чтобы чиновники Букингемского дворца действовали против нее, – говорит он. – Я был дружен с Робертом и Чарльзом во время работы в Комиссии по жалобам на прессу и никогда не слышал от них ничего плохого о Диане, что бы она ни сделала. Примерно в то же время вышло интервью для „Панорамы“, и оба были очень разочарованы. И все же они никогда на нее не наговаривали. А как вели себя Сент-Джеймсский дворец и Ричард Эйлард, я просто не знаю» [506].

Теперь, когда была выработана новая политика, направленная на улучшение репутации Чарльза и Камиллы без унижения Дианы, Эйлард в глазах журналистов превратился в главного идеолога кампании против Дианы, проводимой Сент-Джеймсским дворцом. Против Эйларда была настроена и Камилла, имевшая колоссальное влияние на принца. «Камилла обвиняла его в том, что именно он стал инициатором появления книги Димблби и признания принца в супружеской измене, – вспоминает один из помощников. – Она считала, что вины принца в этом нет, им манипулировали, что ее саму представили в книге неверно… Заявление о том, что принц не собирается вступать в брак повторно, стало последней каплей. Интервью и книга Димблби свели на нет ее шансы на брак с Чарльзом. Камилла и ее окружение так никогда и не простили Эйларда…» [507]

Диана продолжала общаться с Чарльзом. «Иногда, когда журналисты выводили ее из себя, а это время от времени

случалось, она звонила ему. Примечательно, что, когда у нее возникали серьезные неприятности, она звонила именно ему и он ей всегда помогал. Он тоже часто ей звонил и выказывал свое неудовольствие: „Я не хочу, чтобы меня втягивали… Не могу больше этого терпеть… С меня довольно… делай что хочешь, используй мое имя, трать мои деньги. Я ничего не хочу знать, разберись сама“» [508]. И все же Чарльз по-прежнему посылал Диане в день рождения цветы с подобающими случаю записками.

Несмотря на развод, Диана, как и раньше, была одержима бывшим мужем. Лучше всего это демонстрирует любопытный инцидент, последствия которого ощущались и после ее смерти. Дело касалось личных слуг принца Чарльза. Камердинеры всегда имели влияние на своих хозяев – гораздо более сильное, чем чиновники, занимавшие весьма высокое положение. Камердинер значил куда больше, чем личный секретарь. Маргарет Макдональд, которую во дворце прозвали Бобо, няня и старшая горничная королевы, до самой смерти оставалась единственным человеком, которому королева говорила «всё». Бобо имела колоссальное влияние на королеву, перед ней трепетали абсолютно все. Она держала под каблуком даже модельеров королевы. «Мисс Макдональд служила королеве ушами и глазами, и с ней нужно было обращаться с осторожностью, – рассказывает один из слуг королевы. – Если что-то шло не так, мисс Макдональд устраивала настоящий скандал, чего никогда не сделала бы королева. А уж если вы умудрялись чем-то ее обидеть, это была обида навсегда» [509]. Персонал королевской яхты, где Бобо подавали шампанское на подносе и приносили завтрак в постель, прозвал ее «королевой Елизаветой III».

История камердинеров принца Уэльского заметно отличалась от истории Бобо. Джеймс «Джем» Макдональд, который обнаружил умершего деда принца, короля Георга VI, умер. Уважаемого патриарха, который помогал молодому принцу с детства, сменил бойкий Стивен Барри, а ему на смену пришел Кен Стронак. Стронак был беззаветно предан Чарльзу, но интервью принца, приведенное в книге Димблби, настолько его потрясло, что он решился поговорить с журналистами. Место уволенного Стронака занял его помощник Майкл Фосетт, который пришел на королевскую службу еще в 1981 году.

Фосетт был властным человеком, стремился оградить принца от всех неприятностей и с остальными слугами был весьма суров. Свое положение он использовал для личного обогащения. Фосетт стал директором компании Turnbull & Asser, поставлявшей принцу рубашки, а позже получил постоянный доступ к апартаментам в отеле «Риц». Поставщики трепетали перед ним.

Слуги, которые критиковали его или его поступки, немедленно теряли место. «Он был безжалостен и избавлялся от всех, кто стоял на его пути» [510]. «Он очень опасен, – говорил один из дворцовых слуг. – И принцесса это видела и понимала… Такие люди постоянно настраивали принца против нее. Они создали и умело усиливали разногласия между ним и Дианой. Это они в огромной степени ответственны за то, что случилось» [511]. «Он был незаурядный человек, и ему было легко самоутверждаться» [512]. «Он был очень властным и умел пользоваться своей властью» [513]. В определенный момент политику Сент-Джеймсского дворца стали определять Камилла, Фосетт и Марк Болланд. «После того, как они объединились… им не мог противостоять никто» [514].

Диана пыталась повлиять на Сент-Джеймсский дворец через ординарца принца, Джорджа Смита. «Джордж Смит был ветераном Фолклендской войны, капралом Уэльского гвардейского полка, по-настоящему преданным человеком, готовым отдать жизнь за свою страну», – вспоминал один из помощников Дианы [515]. «Он был хорошим, достойным человеком, настоящим солдатом. Ординарцем принца Уэльского он стал по рекомендации своего полковника. Ни пьяница, ни идиот подобной рекомендации никогда не получил бы…» [516]

Джордж Смит прочно завяз в дворцовой паутине, и это сломило его психически и физически. У Дианы была привычка, которую принц совершенно справедливо считал опасной. Она любила болтать со слугами на кухне. «Бывало, идешь по коридору Кенсингтонского дворца, встречаешь принцессу, и она говорит: „О! А чем вы занимаетесь?“ Ты отвечаешь: „Ничем особенным“. И тогда она предлагает: „Не хотите выпить со мной чашку чая? Я иду на кухню“. Отказаться было невозможно. Так произошло и с Джорджем Смитом. „Джордж…“ – „О, здравствуйте, мадам“. – „Чем вы заняты, Джордж? Пришли к Мервину [шеф-повару]? Там мы с вами и увидимся“. Конечно, бедный старина Джордж отправлялся на кухню и оказывался в ловушке… Ему казалось, что разговаривать здесь вполне безопасно» [517].

Джордж Смит оказался совершенно неприспособлен к дворцовым интригам. «Джордж Смит прибыл во дворец в военной форме, и Майкл Фосетт сразу же отправил его на Джермин-стрит, где его переодели в костюм-тройку, рубашку от Turnbull & Asser, галстук и туфли от Trickers, – вспоминает один из помощников принца. – И Джордж Смит тут же исчез, а его место занял робот… А потом рядом обнаружился открытый шкаф с напитками, открытая кухня – много еды, много выпивки, а еще много путешествий, машина, Хайгроув… Он просто не выдержал» [518].

Из разговоров со Смитом Диана узнала, что один из сотрудников принца изнасиловал его. В августе 1996 года, вооружившись диктофоном Ричарда Кея, Диана дважды навестила Смита (один раз ее сопровождала Виктория Мендем, личный секретарь), чтобы записать его историю.

Друзья Дианы сомневались, что эту запись можно использовать против Чарльза. «Развод уже вступил в силу, но она по-прежнему не могла избавиться от мыслей об окружении Чарльза… Ей хотелось чем-то насолить Сент-Джеймсскому дворцу, а это сулило серьезные неприятности» [519]Впрочем, если бы Диана действительно хотела этого, она передала бы записи в полицию, а она рассказала о них Чарльзу. О существовании этих записей стало известно только после дела Пола Баррела, в ноябре 2002 года, – тогда стало ясно, что рябь от камня, который Диана швырнула в тихий сент-джеймсский пруд, так до сих пор и не утихла.

11 ноября 2002 года принц Чарльз попросил своего недавно назначенного личного секретаря, сэра Майкла Пита, и Эдмунда Лоусона расследовать ряд дел, в том числе и «обвинения в изнасиловании, предъявленные мистером Джорджем Смитом в 1996 году». Отчет Пита был опубликован 13 марта 2003 года. Расследование ставило целью не столько выяснить истинность обвинений Джорджа Смита, сколько проверить, имели ли место сознательные попытки замять это дело.

Смит был прикомандирован к принцу в 1987 году, а в 1993-м назначен помощником камердинера [520]. В октябре 1995 года у Смита началась сильнейшая депрессия. Причин было несколько: его бросила жена, он тяжело переживал посттравматический стресс после войны на Фолклендах (Смит находился на борту «Галахада», когда корабль был атакован и обстрелян), кроме того, он сообщил кадровой службе, что был изнасилован «неким лицом» (имя которого известно сотрудникам аппарата принца Уэльского и прессе).

Смит утверждал, что впервые поведал эту историю принцессе Уэльской и ее личному секретарю Виктории Мендем в Кенсингтонском дворце. Полицейский протокол фиксирует его слова: «Я пришел повидаться с Дианой, и она расспрашивала меня о „некоем лице“» [521]. Повторно он рассказал принцессе о произошедшем в 1996 году, когда она пришла навестить его в больнице. Смит добавил также, что принцесса бывала в его доме в Твикнеме, где у них шла речь об обоих случаях изнасилования [522]. По словам Смита, первое изнасилование произошло в 1988 году, когда он только начал работать у принца, второе – в 1995-м. Однако известно об этом стало лишь в 2002-м, из интервью,

данного Смитом газете Daily Mail. К сожалению, к тому времени полагаться на правдивость его слов было уже невозможно.

Осенью 1996 года Диана позвонила миссис Якслi, начальнице кадровой службы принца Уэльского. Она рассказала об «ужасных» обвинениях, выдвинутых Джорджем Смитом против другого сотрудника. Чтобы история не заглохла в недрах канцелярии Чарльза, Диана позвонила и ему самому. Тот был в ярости. Он вызвал своего адвоката Фиону Шэклтон, подвизавшуюся в фирме королевских адвокатов Fairer & Co. Она зафиксировала содержание разговора. Чарльз предупредил ее: «Диана вмешивается в работу моих служащих. Она навещала камердинера Джорджа Смита, который страдает от посттравматического стрессового синдрома после войны на Фолклендах. Теперь он утверждает, что несколько лет назад его изнасиловало „некое лицо“». Чарльз заверил Фиону, что это неправда, и попросил прояснить ситуацию. Джорджу придется уйти: принц долго жалел его, зная, что тот сильно пьет, но более не намерен терпеть подобных проблем и «грязных слухов». По словам принца, «„некое лицо“ находится в ужасном состоянии». Фиона Шэклтон позвонила адвокату Дианы Энтони Джулиусу и потребовала, чтобы «Диана прекратила вмешиваться и донимать Джорджа. О нем смогут позаботиться» [523].

13 октября 1996 года Смит явился в полицейский участок в Хаунслоу и на протяжении трех дней «давал показания» – рассказывал полицейским о своих личных проблемах, в том числе и об изнасиловании, имевшем место в 1988 году. На этот раз он назвал имя насильника. В полицейском отчете говорилось: «Жертва утверждает, что как-то вечером они сильно напились и „некое лицо“ его изнасиловало». Однако, поскольку Смита хорошо знали в участке (некоторое время назад он утверждал – совершенно, кстати, безосновательно, – что его преследует вооруженный человек), а никаких официальных обвинений против «некоего лица» он выдвигать не желал, полиция прекратила расследование.

17 октября Фиона Шэклтон беседовала с миссис Якслi, которая подтвердила, что Смит отозвал обвинения в изнасиловании. В разговоре миссис Якслi упомянула, что принцесса Уэльская «ненавидит» «некое лицо». В тот же день миссис Якслi отправила письмо принцессе Уэльской, в котором просила прислать копии «записей, сделанных летом», когда Смит рассказал ей об изнасиловании. 21 октября Диана ответила: «Боюсь, что не могу выполнить вашу просьбу, поскольку дала слово Джорджу сохранить тайну», а затем загадочно добавила: «Я обратилась к вам, чтобы привлечь ваше внимание к этой

проблеме, ибо уверена, что, располагая вашими возможностями, ее можно решить».

Фиона Шэклтон сообщила Энтони Джулиусу, что правдивость обвинений следует выяснять «без участия прессы», и добавила: «Хотелось бы свести общение между двумя дворами к минимуму». Но журналисты уже кое-что разнюхали. Диана через адвоката заявила, что не имеет к ситуации никакого отношения и с августа не виделась и не разговаривала со Смитом. Поскольку история эта в определенных кругах стала широко известна – ходили «мрачные слухи, очень опасные», – передать информацию журналистам мог кто угодно. Колин Тримминг, глаза и уши принца Чарльза в Кенсингтонском дворце, подтвердил, что у Смита были «очень близкие отношения» с двумя сотрудниками Дианы. Вот что записала Фиона Шэклтон после встречи с Джорджем Смитом: «Мистер Смит не подтвердил, что он отозвал свои обвинения, однако заявил, что не хочет возбуждать дело. По его словам, „некое лицо“ обладает слишком большой властью при дворе принца. Об этом же говорили и другие приближенные, с которыми мы беседовали» [524].

По словам личного секретаря принцессы, Майкла Гиббинса, Диана проявляла «исключительный личный интерес» ко всему происходящему. Она и Гиббинс наняли Смиту адвоката, поскольку его собственный отказался вести это дело, полагая, что оно ему не по плечу. Было решено, что Джорджу, как и предлагал с самого начала Чарльз, «придется уйти». Адвокату Крису Бенсону Гиббинс разъяснил, что официальной причиной увольнения его подзащитного является алкогольная зависимость, но Диана утверждала, что основная причина – выдвинутые Смитом обвинения в изнасиловании. Гиббинс посоветовал Бенсону использовать эту информацию, чтобы добиться выгодного соглашения.

В отчете Пита говорилось, что, хотя Фиона Шэклтон с самого начала предлагала провести серьезное расследование обвинений Смита, это не было сделано, и не в последнюю очередь – по настоянию Сент-Джеймсского дворца. 30 апреля 2001 года полиция беседовала с леди Сарой Маккоркодейл касательно дела Баррела. Судя по записям следователя, миссис Де Бруннер, Шэклтон заявила: «Я получила письменные указания от босса оставить это дело и, разумеется, им последовала, но это был самый неприятный случай в моей профессиональной карьере» [525]. Позднее Фиона Шэклтон отказывалась от слов о «самом неприятном случае в профессиональной карьере»: «Возможно, я сказала, что ситуация была мне глубоко неприятна, поскольку дело Джорджа Смита действительно было непростым» – и

призналась: «Расследуя эти обвинения, я вышла за рамки инструкций. От меня требовали найти решение быстрее, чем я могла это сделать» [526].

Согласно отчету Пита, «тот факт, что обвинения были переданы через принцессу Уэльскую, снижает их достоверность. В то время отношения между Сент-Джеймсским и Кенсингтонским дворцами находились в стадии напряженности – подобные слова вполне могли быть очередным „залпом“ очередного сражения». Выводы Пита однозначны: «Перед нами несчастный, страдающий человек, который несколько лет назад пожаловался на свои переживания принцессе, довольно откровенно искавшей способы хоть как-то уязвить своего мужа».

18 октября Фиона Шэклтон посоветовала прекратить расследование. 21 октября состоялась «домашняя» встреча с помощником личного секретаря, сэром Стивеном Лэмпортом, и другими влиятельными чиновниками. Миссис Шэклтон писала: «С [тивен] Л [эмпорт] интересовался, удалось ли достичь соглашения с Джорджем по вопросу о прекращении расследования». Лэмпорт объяснил свое поведение тем, что «хотел бы избежать ненужной публичности, поскольку обвинения явно были несправедливы, к тому же Смит их отозвал». Оставалось неясным, действительно ли Джордж Смит решил *отозвать*это дело или просто боялся продолжать, поскольку испытывал «ужас» перед «неким лицом».

Никто из присутствовавших не верил в справедливость обвинений Смита. «Высокопоставленный офицер полиции и давний друг двора принца» Колин Тримминг не знал, сообщил ли Джордж Смит об изнасиловании кому-то, кроме принцессы Уэльской и полиции Хаунслоу, и не советовал проводить расследования – ни внутреннего, ни официального, – поскольку «он тоже не верил в эту историю» [527]. Все объяснения по этому поводу показывают, какой хаос и смятение царили при дворе принца Уэльского. В отчете Пита, естественно, утверждалось, что никаких попыток скрыть реальное положение вещей не было и в помине: «Конечно, возникло желание в меру возможностей предупредить повторение и публикацию обвинений, которые мы сочли ложными. Однако никакого стремления утаить истину не было и быть не могло» [528].

Публика не знала о потенциальной сенсации до тех пор, пока о существовании записей с обвинениями Смита не было заявлено в деле Баррела. Согласно полицейским протоколам от 12 июня 2001 года по расследованию кражи собственности Дианы, леди Сара Маккоркодейл заявила: «В квартире Дианы была найдена шкатулка. Мы попросили присмотреть за ней ПБ [Пола Баррела],

поскольку я спешила на поезд, а шкатулка была довольно объемистой. ПБ забрал ее. В шкатулке находились письма и аудиозапись об изнасиловании». Кто-то уточнил: «Запись, в которой ДС рассказывает об изнасиловании „неким лицом“…» Шэклтон подтвердила: «Я знала об этом. Мне велели прекратить расследование. – Смутившись, она продолжала: – Это было ужасное дело. Смиту заплатили. Мне пришлось поехать в Твикнем, чтобы встретиться с ним. Он являл собой жалкое зрелище. Это было самое неприятное дело за двадцать два года моей юридической практики». Позже эти слова были изъяты из протокола, поскольку якобы «не были записаны». Но упоминание леди Сары о записях, шкатулке красного дерева и ее содержимом сохранилось: «Там была запись, на которой мужчина, Джордж Смит, рассказывал об изнасиловании „неким лицом“, заявление об увольнении Патрика Джефферсона [sic!], кольцо Джеймса Хьюитта и документы о разводе».

В конце концов с Джорджем Смитом было заключено соглашение, согласно которому он получал вдвое больше обычной компенсации при увольнении. Лишившись комфорта королевского двора, Смит развелся с женой и уехал к отцу в Уэльс. В 2002 году журналист Daily Mail взял у него интервью. Смит все еще страдал от посттравматического синдрома. Он повторил обвинения в изнасиловании и добавил, что это насильник выкрал его записи из апартаментов Дианы. Тайна, связанная с записями и шкатулкой красного дерева, так и не разъяснилась. Сара Маккоркодейл в результате получила шкатулку из полиции. Она, как мы помним с ее слов, передала шкатулку Баррелу, но во время обыска его дома в Чешире в поисках «драгоценностей короны» этой шкатулки не обнаружили. Джордж Смит умер в 2005 году в возрасте сорока пяти лет.

Поскольку на любимого камердинера принца Чарльза, Майкла Фосетта, поступали многочисленные жалобы, ему пришлось уволиться. Чарльз не хотел его отпускать и уступил только после вмешательства Марка Болланда и Камиллы Паркер-Боулз. Фосетт получил должность «личного консультанта» принца Уэльского и дом стоимостью 450 тысяч фунтов в герцогстве Корнуольском. Он по-прежнему был незаменим, потому что взял на себя организацию стильных приемов – «он был настоящим гением в этой области», говорил один из гостей принца [529].

Диана не раз использовала историю бедняги Джорджа Смита, чтобы подразнить Чарльза, – просто не могла устоять перед таким соблазном. Помощник принца вспоминает: «Как-то Диана сказала Чарльзу: „Бедный Джордж… какими ужасными людьми ты себя окружаешь… бедняжка… Такой скандал!..“ Она была умной

женщиной и точно знала, на какие кнопки нажимать… Никогда не забуду, как она позвонила, когда мы узнали, что премьер-министром может стать Блэр: „Прошлым вечером я ужинала с мистером Блэром и его супругой… Они беспокоятся о тебе, дорогой, и очень хотят помочь… Это так мило с их стороны! Они боялись, что новости могут меня расстроить, но я сказала, что не возражаю. Представляешь?“» [530]

Диана явно преуспела в своем намерении взбаламутить весь Сент-Джеймсский дворец. Детали грязного дела об изнасиловании будоражили публику даже через пять лет после ее смерти.

20. Охота на принцессу

Для фотографов Диана была настоящим сокровищем – горшком золота на конце радуги.

Уильям Дидс [531]

«„Третий этап“ жизни Дианы – это период между разводом и ее гибелью, – писал друг принцессы. – Она была преисполнена решимости начать новую жизнь. Получила больше свободы… занималась благотворительностью, стремясь принести максимум пользы. Оставалась великолепной матерью. Казалось, все начинает приходить в норму…» [532]

В начале 1997 года Диана достигла пика известности и славы. Она всего добилась сама – поразительное достижение для скромной девочки-подростка, которой удалось пятнадцать лет назад очаровать принца Уэльского. «В последний год жизни Диана стала совершенно другой, – вспоминает друг принцессы Ричард Кей. – Она сделалась по-настоящему крупной фигурой» [533]. Сидя рядом с Дианой на обеде в Кенсингтонском дворце, писатель Энтони Холден был поражен широким кругом ее знакомств: «Она только что вернулась из Вашингтона, где общалась с Хилари Клинтон… Она говорила с Папой Римским… В разговоре были упомянуты имена шести самых знаменитых людей мира – и со всеми она встречалась в прошлом месяце!»

Диана обсуждала с Холденом возможность создания собственного благотворительного фонда – на протяжении последних лет она не раз возвращалась к этой мысли. А потом она сказала: «Недавно я разговаривала с Колином Пауэллом [видным политиком, генералом Вооруженных сил США], он не советовал мне создавать фонд. Это очень сложное дело, требующее постоянного контроля… Да еще все эти налоги…» «Я был поражен тем, как легко она заговорила о Пауэлле – мне-то казалось, что мы упомянули уже всех, кого только можно было…» [534]Известность и любовь во всем мире Диана заслужила не только своей красотой. Ее уважали за сочувствие к бедным и больным – это замечал каждый, кто с ней общался, – за готовность использовать свои возможности для помощи людям.

Диана задумала совершить шаг, который символизировал бы расставание с прежней жизнью: она решила распродать свои костюмы на благотворительном аукционе. Идея принадлежала Уильяму. Он сказал: «Мамочка, шкафы забиты платьями, которые

ты носить уже точно не будешь. Может, передашь их в благотворительный фонд?» Диана ответила: «Неудобно. Они слишком хорошо известны, меня в них часто снимали. Но их можно продать в пользу благотворительного фонда».

Когда Мередит Этерингтон-Смит спросила Уильяма, действительно ли это его идея, он ответил: «„Да. Я не хотел, чтобы мамочка носила старые платья“, – и сказал довольно твердо» [535]. Некоторым платьям было более десяти лет – Диана надевала их давно, еще до того как Виктор Эделстайн сделал ее имидж более изысканным.

Костюмы было решено продать на аукционе Christie's, где работали два близких друга Дианы, Маргерит Литтман и Кристофер Бальфур, в пользу Национального фонда борьбы со СПИДом. Диана обсудила этот план с возглавлявшим аукционный дом Бальфуром в июле 1996 года. Мередит Этерингтон-Смит в то время была директором по маркетингу. Она занималась всеми организационными вопросами, в том числе и составлением каталога.

«Как-то утром меня вызвал Кристофер Бальфур и сказал: „Для тебя есть интересный проект. Принцесса Уэльская хочет продать свои платья“. Я ответила: „Не выдумывай! Этого не может быть!“ Он заверил: „Она начинает новую жизнь и не собирается больше носить бальные платья, поэтому желает продать их в пользу фонда Маргерит и Королевской больницы Марсден… Поезжай в Кенсингтонскии дворец и поговори с ней“» [536]. Мередит надела свой счастливый черный жакет с перламутровыми пуговицами и приехала во дворец, где ее встретил «улыбающийся, но слегка нервничающий» Баррел. Он взял ее пальто, попросил подождать и «поднялся наверх. Потом от Дианы я узнала, что он сказал ей: „Она выглядит прилично…“ Я прошла экзамен – камердинер провел меня наверх по грандиозной лестнице, которая явно сохранилась с давних времен. А там меня ждал сюрприз: Диана встретила меня в белой футболке, темно-синем кардигане, узких брюках и кроссовках… Она тоже явно нервничала…»

«Вот что любопытно, – вспоминала Мередит. – Я встречалась с множеством очень знаменитых людей, но ни один не сравнится с Дианой, потому что ее слава заработана делами. Конечно, я о ней много читала и ожидала увидеть совершенно другого человека. При личной встрече мое впечатление о ней сильно изменилось» [537].

Мередит заметила, что Диана комфортно чувствует себя в обществе женщин старше ее. «Думаю, это связано с отсутствием в ее жизни матери – для этого не нужно быть психоаналитиком…

Большинство ее подруг, за исключением Розы Монктон, были женщинами зрелыми – Аннабел Голдсмит, Эльза, Маргерит… Думаю, Диане было с ними спокойно: они ей не соперницы, а она могла чувствовать себя рядом с ними девчонкой, которой нет необходимости думать о том, что она – самая красивая женщина мира». Мередит и Диана договорились, что Диана будет принимать непосредственное участие в подготовке аукциона. «Мы стали партнерами, – вспоминает Мередит. Я… не принимала никаких решений, не посоветовавшись с ней. Мы всё обсуждали, обменивались факсами… В результате наша работа растянулась на девять месяцев. Это большой срок, но я не помню ни единого взгляда исподлобья». Когда ее попросили уточнить, что она имеет в виду, Мередит объяснила: «Знаете, у Дианы есть такой взгляд: когда она чем-то недовольна, то уходит в себя, опускает голову – волосы падают ей на лоб – и смотрит снизу вверх… Наши отношения были очень комфортными и по-настоящему рабочими» [538].

Мередит купила блокнот в зеленом кожаном переплете, куда Диана крупным, округлым почерком записывала предметы для аукциона. «Почерк напомнил мне о выпускницах престижной школы Вест-Хит… В нашей компании над слоуни [539]смеялись и часто отпускали шуточки по поводу их оценок, полученных за уход за хомяками. Теперь мне стыдно об этом вспоминать. Диана вовсе не была глупенькой пустышкой и прекрасно понимала свои достоинства и недостатки. Она была совсем непохожа на тот образ, который сложился у меня из газетных интервью и выступлений по телевизору. Думаю, она была одним из самых умных людей из тех, с кем мне доводилось встречаться. Диана обладала потрясающим здравым смыслом…» [540]

Мередит поняла, что в отношениях с Дианой не стоит переходить определенной границы, лучше сохранять дистанцию: «Она была очень обаятельной и умело затягивала людей в паутину отношений, а потом, когда они были полностью покорены, ей становилось скучно… Я чувствовала, что мне нужно держать дистанцию… На второй или третьей встрече она предложила: „Вы можете называть меня Дианой“, а я ответила: „Ни в коем случае. Мне было бы удобнее называть вас „мэм“, поскольку я не могу забыть, какое положение вы занимаете…“ Диане мои слова явно понравились, но все же она повторила: „Бросьте, называйте меня просто Дианой?“ Я твердо отказалась и была права.

Она нередко говорила о людях: „Они такие скучные и постоянно мне звонят“. „Ваша проблема в том, что вы невероятно обаятельны. Вы очаровываете людей, полностью подчиняете их

себе, и они уже не могут без вас обходиться“, – отвечала ей я. „Вы правы, наверное“. – „Обаяние – мощное оружие. С его помощью вы можете обращать людей в свою веру“. – „Похоже на то, – кивнула она. – Но у меня не так уж много оружия. Пользуешься тем, что имеешь“» [541].

Мередит и Диана обсуждали кампанию принцессы по запрету противопехотных мин. Диана рассказывала о своем письме в Министерство иностранных дел, в котором предлагала стать послом по особым поручениям: «Конечно, они мне отказали… Я решила заняться этим самостоятельно. Хочу работать ради достойной цели, а отказ от использования противопехотных мин – цель очень достойная. Это чудовищное, отвратительное оружие, но никому нет до этого дела. Мне кажется, я смогу помочь» [542].

Вот что вспоминал Уильям Дидс, который сопровождал Диану во время поездок в Анголу и Боснию:

«Когда ей не позволили стать послом по особым поручениям, она решила заняться теми мировыми проблемами, которые ей близки и которыми никто другой не занимается. В местах локальных конфликтов установлены миллионы противопехотных мин. Несколько благотворительных организаций занимались их обезвреживанием, но эта работа была невероятно опасна, да порой и бесполезна, поскольку велась в раздираемой войнами Африке – на каждую обезвреженную мину приходился десяток новых. Производители противопехотных мин представляли собой сплоченное лобби, и шансы на международный запрет этого вида оружия были ничтожны… Британская, американская и европейские армии считали правильно установленные противопехотные мины вполне законным оборонительным оружием» [543].

Диана обсуждала возможность сотрудничества с Майком Уитлемом, главой британского Красного Креста. Результатом переговоров стала ее поездка в Анголу в январе 1997 года. В стране шла непрекращающаяся гражданская война. Диана в сопровождении сотрудников Красного Креста и телевизионной команды *BBC*снимала документальный фильм, с помощью которого планировалось собрать средства в пользу британской организации по запрету противопехотных мин. Диану сопровождал лорд Дидс, который боролся с этим видом вооружения с 1992 года. Перед поездкой лорд Дидс посетил Диану в Кенсингтонском дворце. Отношение Дианы к проблеме произвело на него неизгладимое впечатление. «Пока к моей борьбе не присоединилась Диана, противопехотные мины вообще никого не интересовали», – говорил он.

Журналисты были настроены весьма скептически и цинично

по отношению к миссии Дианы. Привыкшие сопровождать царственных особ в более приятных местах, чем сотрясаемая войной Ангола, они были поражены состоянием столицы страны, Луанды, – улицы завалены обломками и мусором, гниющим под жарким солнцем. Молодой, но весьма опытный военный корреспондент Sunday Times Кристина Лэм с нескрываемым недоверием отнеслась к поездке Дианы. Но принцесса произвела на нее глубокое впечатление. Несмотря на жару и зловоние, Диана прекрасно справлялась со своими обязанностями: она приехала работать и работала. Лэм рассказывала, что Ангола оказалась одной из немногих стран мира, где люди понятия не имели, кто такая принцесса Диана. Тем более удивительно было видеть, какое воздействие она оказывала на людей, лишившихся ног и рук в результате взрывов противопехотных мин. Лэм писала: «Сотрудники Красного Креста возили нас из одного госпиталя в другой, и в каждом мы наблюдали все более ужасные и душераздирающие сцены. Мы видели живые скелеты без рук и ног, трупы с оторванными головами – страна была буквально начинена противопехотными минами. Многие травмы выглядели настолько чудовищно, что я не могла на это смотреть – а ведь за моими плечами уже был опыт работы в странах третьего мира. Диана ни разу не отвернулась. У нее было то, что я чувствовала только рядом с Нельсоном Манделой, – ее окутывала некая аура сочувствия. Люди тянулись к ней. Она дарила истинную и абсолютно искреннюю надежду тем, кому, казалось, уже не для чего жить» [544].

Диана настояла на том, чтобы поехать в Уамбо и район Куйто, где после войны остались огромные минные поля. Телерепортер Сэнди Галл был поражен смелостью Дианы. Он бывал в Афганистане и знал, насколько опасно ходить по «разминированной» территории. Незадолго до того как поездка Дианы в эту «адскую бездну» была согласована с официальными кругами, журналисты *The Times*и *Daily Telegraph*обедали с министром, лордом Хоувом. Тот, как и все представители британских правящих кругов, весьма критически отнесся к поездке Дианы в Африку и назвал ее вмешательством во внешнюю политику Великобритании. Раздражение министра вызвал повышенный интерес, проявляемый к этому визиту Дианы. «Поскольку она оскорбила правительство тори, то любые новости о ее поездке по Анголе приобретают двойную, а то и тройную ценность» [545]. Когда Дидс рассказал Диане о выпадах Хоува, принцесса назвала министра идиотом. Перед камерами она была более дипломатична: заявила лишь, что ее поездка носит сугубо гуманитарный, а никак не политический характер.

К этому времени Кристина Лэм прониклась истинной симпатией к Диане. От былого недоверия не осталось и следа. «Эта женщина не строила из себя Флоренс Найтингейл и ни разу не работала на камеру», – писала она [546]. «Однажды мы посещали госпиталь в Уамбо. Фотографы сделали снимки и возвратились в свои отели с кондиционерами, чтобы отправить материал в редакции. Я осталась. Диана была уверена, что журналистов уже нет. Она села рядом с постелью Хелены Уссова – семилетней девочки, получившей тяжелое ранение в живот, – и просто молча держала ее за руку. Когда Диана ушла, девочка, превозмогая боль, спросила у меня: кто эта красивая женщина – ангел? В конце поездки по Анголе Диана сказала, что самым сильным впечатлением для нее стала эта тяжело раненная малышка» [547].

В середине июня Диана выступила в Лондоне на конференции, посвященной проблеме применения противопехотных мин. Конференцию проводила группа по борьбе с этим видом вооружений при Королевском географическом обществе. Председательствовал лорд Дидс. Он же помог Диане составить план выступления. По совету Майка Уитлема Диана подготовила карту расположения минных полей. Карта, утыканная булавками с красными головками, висела в углу гостиной Дианы в Кенсингтонском дворце.

Тем летом Диана решила совершить еще одну филантропическую поездку. 10 августа под эгидой норвежской благотворительной организации она на три дня отправилась в Боснию. Ее сопровождали Билл Дидс и Пол Баррел, который к этому времени стал тенью принцессы. Они вылетели в Боснию на частном самолете филантропа и мультимиллионера Джорджа Сороса. В Сараеве к ним присоединились два американца – Джерри Уайт и Кен Резерфорд. Они сами пострадали от противопехотных мин и теперь решили посвятить жизнь борьбе с этим злом. Уайт потерял одну ногу, Резерфорд – обе. Когда они неловко забирались в «лендкрузер», Диана повернулась к ним и пошутила: «Можете отстегнуть ноги, ребята!» Ее слова сразу же разрядили обстановку, американцы почувствовали себя совершенно свободно в обществе царственной особы [548]. Баррел, который принимал самое активное участие в подготовке благотворительных поездок, записал очень важные слова Дианы. Жертвы противопехотных мин точно помнили, где и когда с ними произошло несчастье. Когда они разговаривали, Диана обронила: «Мое несчастье случилось 29 июля 1981 года…» [549]

Положение Баррела при принцессе очень удивляло Дидса. «В Боснии мы остановились в отличном новом отеле. Наши комнаты

располагались напротив – через коридор. Утром я вышел из своего номера и столкнулся с Баррелом, который только что принес ей завтрак. Я спросил его: „Вы спускаетесь? Давайте позавтракаем вместе“. Он кивнул: „Конечно!“ Я спустился, позавтракал, поднялся к себе и увидел, что Баррел сидит возле дверей номера Дианы. У него был очень сосредоточенный вид. Я спросил: „Мне казалось, вы собирались позавтракать, не так ли?“ Он раздраженно ответил: „Управляющий ворвался в ее номер, чтобы спросить, нравится ли ей этот новый отель“. „Ну что ж, это очень по-европейски“, – пожал плечами я. Но Баррелу это не понравилось. Он сказал, что будет сидеть у ее дверей, пока она не оденется и не подготовится к работе. Он был преданным ее защитником» [550].

В последний день поездки они осматривали развалины Сараева. «Город страшно пострадал во время боснийской войны. Сараево постоянно обстреливали и бомбили. Многие расчищенные участки были превращены в кладбища. Диана увидела женщину, сидевшую на могиле сына. Она подошла к ней и молча обняла. Женщины без слов поняли друг друга…» [551]Похожий случай произошел чуть раньше, когда Диана встретилась с молодой вдовой: ее муж погиб от мины, отправившись на рыбалку. «В такие моменты не нужен был переводчик. Они почти не разговаривали – между ними происходило нечто иное, необыкновенное. И я уверен, после встречи с принцессой молодая женщина воспряла духом».

Диана обладала уникальным даром безмолвного сочувствия. Дидс поражался тому, как могут в ней уживаться сразу два человека: «Все это происходило в разгар романа с Доди Аль-Файедом» [552]. Та же самая Диана, которая безмолвно обнимала безутешную мать на сараевском кладбище, через несколько часов хихикала в самолете, рассматривая таблоиды, наперебой описывавшие ее новый роман. На борту самолета Диана обсуждала с Дидсом возможность выступить на конференции в Осло, в ходе которой планировалось потребовать полного запрета противопехотных мин. «Будьте осторожны, – предостерег ее Дидс. – Это уже политика». «Я собирался написать ей речь… Хотел помочь обойти политические вопросы, но в то же время потребовать полного запрета мин» [553]. На борту самолета Диана произнесла тост: «За следующую страну, в которую нам предстоит поехать…» В октябре она собиралась посетить Камбоджу и Вьетнам. Ей не суждено было побывать ни в Осло, ни в Камбодже, ни во Вьетнаме… В августе 1997 года ей оставалось жить всего двадцать один день…

«Противопехотными минами она занималась с января 1997

года и до самой смерти, – вспоминает Билл Дидс. – Нет сомнения в том, что, заинтересовавшись этой проблемой, она привлекла к ней такое внимание, какое не удалось бы привлечь никому другому». В декабре 1997 года общественность, потрясенная гибелью Дианы, выступила за запрещение противопехотных мин. Сорок стран подписали в Оттаве конвенцию об их запрете. Майк Уитлем вспоминает: «Они никогда не собрались бы в Канаде и не подписали конвенцию, если бы Диана не поехала в Анголу. Жизнью готов поклясться! На этой конференции был официально признан ее вклад в решение проблемы» [554].

Кампания по запрету противопехотных мин придала жизни Дианы новый смысл. В мае она публично призналась в том, что страдала булимией и окончательно ее победила. Она выглядела великолепно. «Из неуклюжего щенка она превратилась в ослепительную леди», – говорил один из ее модельеров, Жак Азагюри. Кэтрин Уокер, которая одевала Диану большую часть ее взрослой жизни, вспоминала: «Период гламура закончился – как и ее брак. Она начала носить мои самые сексуальные вечерние платья… Я никогда не думала, что Диана может измениться так быстро. Когда-то передо мной появилась бледная, слегка пухленькая, нервная девочка. Теперь же она стала стройной, подтянутой, спортивной. Превратилась в перфекционистку, постоянно работала над своим телом, потому что находилась под пристальнейшим наблюдением. Кроме того, это отвлекало ее от тягостных мыслей о печальной судьбе своего брака» [555]. Чтобы поддерживать новый, свободный и независимый имидж, Диана укорачивала юбки, вставала на высокие каблуки, надевала более простые и откровенные платья. Вырвавшись из королевского круга, она наконец-то смогла носить одежду черного цвета – впервые после скандального появления в «том платье» в Гилдхолле.

«Она изменилась у меня на глазах, – вспоминала Мередит Этерингтон-Смит, которая общалась с Дианой с сентября 1996-го по июль 1997 года. – Удивительно, что произошло с ней за это недолгое время. Она принимала по-настоящему важные решения, боролась против применения противопехотных мин – все это было очень серьезно. И так же серьезно относилась к нашему аукциону. Она превратилась в профессионала, меняясь на глазах, по-настоящему выросла». Изменилась даже ее осанка. Исчезли застенчивый взгляд исподлобья и ссутуленные плечи. Она даже перестала грызть ногти! «Она стала более уверенной, превратилась в совершенно другого человека, не в принцессу Уэльскую, а в настоящую Диану» [556].

Но была одна роль, к которой Диана всегда относилась

одинаково серьезно, – роль матери двоих сыновей и королевы-матери XXI века. «Ее отношения с сыновьями были поразительно теплыми… Она была очень хорошей матерью [557]. Я боялась, что мальчики окажутся более избалованными, но они никогда не сюсюкали и не вились вокруг нее. Их отношения всегда казались мне исключительно здоровыми и нормальными. Это, безусловно, заслуга Дианы – и только во вторую очередь Чарльза» [558]. «Диана считала, что ей суждено стать королевой-матерью XXI века. Она видела, какое влияние королева-мать оказывает на своих внуков, и чувствовала, что эта роль суждена ей самой судьбой. Она хотела, чтобы Уильям стал королем-демократом, чтобы у мальчиков были друзья, чтобы они понимали свое поколение, были знакомы с политиками – и не только с тори. Принцам нужно было включиться в современную жизнь Британии, а не в ту, какой она была в конце войны. Диана видела свою задачу в том, чтобы помочь сыновьям вырваться из стеклянной клетки дворца, – тогда к моменту восхождения на престол люди будут их знать. Новый король не должен быть таинственным чудаком, выращенным в вате. В нем должны видеть человека [559]. Думаю, Диане хотелось стать влиятельной силой за троном…» [560]

Диана часто подчеркивала свое стремление сделать Уильяма «очень английским королем»: она чувствовала, что кровь Спенсеров может на это повлиять. «Она считала, что из-за разнообразных брачных альянсов они [королевская семья] перестали быть англичанами. „Я родилась в английской семье, – гордо говорила она. – Мы [Спенсеры] куда древнее их“. Она очень гордилась [своим предком] герцогом Мальборо» [561].

Диана не желала, чтобы ее мальчики росли в изоляции, как предыдущие поколения английских монархов – и их отец. Вот почему она настояла, чтобы мальчики, и в особенности Уильям, учились в Итоне. Там они могли найти настоящих друзей – не льстецов и подхалимов. «Диана утверждала: „В Итоне не важно – наследник ты трона или нет. Если ты не популярен, не обаятелен, не интеллигентен или не добился успеха в спорте, то ты никто“. В Итоне Уильям завязал множество знакомств. Диана говорила: „Надеюсь, эти друзья станут им надежной защитой“ [562]. Так и вышло. Неудачных фотографий Уильяма очень мало. И знаете почему? Потому что у него есть друзья. Диана все продумала заранее! Она была по-настоящему умной женщиной» [563]. У них были свои деньги, они их самостоятельно тратили – другими словами, она пыталась сделать их жизнь максимально нормальной, насколько это возможно. Они не росли тепличными растениями – это и стало ее главным наследием.

Мередит помогла Диане сформировать новый, современный имидж, свидетельством чему стали фотографии Марио Тестино. Как-то раз он заметил, насколько хорошо Диана выглядит в повседневной жизни – без макияжа, в джинсах, футболке, без протокольной прически: «Знаете, в таком виде вы гораздо привлекательнее, чем в макияже и с залитыми лаком волосами. У вас превосходная кожа, вам не нужна вся эта чепуха. Это несовременно. И украшения несовременны, за исключением разве что небольшого креста с бриллиантами от Тиффани!»

Сноудон уже сделал множество официальных фотографий для аукциона. «Это были отличные фотографии, но мне хотелось показать девушку, которая не побоялась пройти по минному полю. Мне нужна была женщина удивительная и современная». Обсуждая, кто мог бы сделать такие снимки, Диана попросила Мередит подыскать хорошего фотографа: «Я хочу на снимках выглядеть так, как себя чувствую, – женщиной XX века. И еще: я одинокая женщина и должна выглядеть именно так» [564].

На снимках, сделанных Тестино, Диана выглядит абсолютно довольной собой. Когда съемка закончилась, в студии включили музыку и Диана начала танцевать с Марио Тестино. Она подражала Наоми Кэмпбелл и Кейт Мосс на подиуме. «Все хохотали – и она тоже. Она залилась восхитительным розовым румянцем [Диана всегда очень быстро краснела]. Выглядела фантастически, была полна энергии и жизни. Все было просто замечательно. Когда я принес рабочие отпечатки, Диана сказала: „Это был один из самых счастливых дней моей жизни. Честное слово!“ Посмотрев на фотографии, она удивленно сказала: „Это я! Это же настоящая я! – потом добавила: – Надо же! Мне кажется, что на этих фотографиях я похожа на Мэрилин Монро…“»

Мередит говорит, что Диана была одержима Мэрилин Монро и на одной фотографии действительно получилась похожей на юную Мэрилин. Диана часто говорила о ней, о том, что Мэрилин боролась с Голливудом и победила: киномагнаты нуждались в ней и были вынуждены позвать ее обратно. «Диана видела в Мэрилин женщину, выступившую против системы, – вспоминает Мередит. – В одном нашем разговоре она доказывала, что Монро была не пустой блондинкой, а умной и тонкой женщиной. Думаю, у них было много общего» [565].

Придворные круги по-прежнему не принимали Диану. Мередит она жаловалась, что у нее «много врагов». «„У вас мания преследования“, – ответила Мередит. – „Нет, это всего лишь констатация факта: я для них – плохая девчонка“. – „Ну так станьте хорошей, да вы уже и так стали – вспомните вашу работу против применения противопехотных мин, – вы сумели

продемонстрировать искреннее сочувствие к тем, кому повезло меньше, чем вам“. – „Вы считаете, что мне повезло?“ – „Конечно. А у вас впереди еще целая жизнь и множество возможностей совершать удивительные поступки…“ – „Да“, – ответила Диана, однако снова повторила, что у нее много врагов и что ей трудно быть самой собой. „Но у вас есть хорошие друзья“. – „Это верно“».

Да, она была права. Требовалась немалая смелость, чтобы бороться с влиятельными врагами, которые считали, что само ее существование – угроза для правящей верхушки. Несмотря на поддержку друзей, Диана постоянно ощущала враждебность со стороны королевской семьи. Стоило «хорошей Диане» оступиться и превратиться в «плохую Диану», как они тут же набросились бы на нее. Диана считала, что за всем этим стоит Камилла и ее окружение. Именно они всегда пытались представить Диану неумной, а то и сумасшедшей. «Им всегда хотелось, чтобы она исчезла, – вспоминала ее подруга. – Она была *неудобным* человеком – и ей нравилось быть неудобной» [566].

К несчастью, Диане не удавалось подолгу оставаться «хорошей». Темная сторона ее натуры рано или поздно брала верх. Она ссорилась со своими сотрудниками, помощниками и «звездными» друзьями. Она поссорилась со своей личной помощницей Викторией Мендем, обвинив ее в том, что та выставила ей счет из клуба на астрономическую сумму (позже этот счет оплатил принц Чарльз). Она поссорилась с Мартином Бэширом и не стала делать с ним новую книгу. По условиям развода она не могла разглашать подробности своей королевской жизни, поэтому весьма сомнительно, чтобы потенциальный издатель захотел заплатить за ее книгу большие деньги. Масло в огонь подливал Пол Баррел, который передавал Диане нелестные замечания Бэшира. Диана поссорилась с Джанни Версаче и Элтоном Джоном – и отозвала свое предисловие к альбому фотографий, изданному для сбора средств в фонд помощи больным СПИДом, который создал знаменитый рок-музыкант. Диана боялась реакции королевы на ее участие в столь щекотливом проекте. (С Элтоном Джоном Диана помирилась 22 июля на похоронах Версаче – модельер был убит в Майами.)

Диана не рассталась с надеждой выйти замуж за Хасната Хана. В мае она отправилась в Пакистан с благотворительной миссией в пользу больницы Имрана Хана. Диана хотела познакомиться с родителями Хасната, особенно с его матерью. Ей хотелось убедить их в том, что она может стать хорошей женой для их сына. Она уговорила Джемайму Хан сопровождать ее, а Джимми Голдсмит доставил их на своем самолете. Лишнее подтверждение эгоизма, которым отличалась Диана: все знали,

что Джимми Голдсмит умирает, и его родным меньше всего хотелось, чтобы он летел в Пакистан. Джимми позволил Джемайме поехать с Дианой, но держал самолет в полной готовности, чтобы немедленно покинуть Пакистан, если возникнет такая необходимость. На этот раз Козима Сомерсет с Дианой не полетела – она стала жертвой очередной истерики Дианы по поводу каких-то событий в семье Голдсмитов.

Диана действительно старалась сблизиться с семьей Хасната Хана: посетила в Стратфорде его дядю Омара и его жену, англичанку Джейн; пригласила Джейн в Кенсингтонский дворец. Через них Диана подружилась с бабушкой Хасната, Нэнни Anna. Она надеялась, как Джейн, войти в аристократический клан Патхан. Но важнее всего было завоевать одобрение матери Хасната, светской, образованной Нахид. Добиться этого было нелегко. Нахид сохранила горькие воспоминания об англичанах: после раздела страны ее семье пришлось покинуть родной дом в Индии. В мусульманском обществе мать пользуется огромным уважением. В больших семьях браки заключаются по соглашению, все члены семьи поддерживают друг друга и часто живут в одном доме. Нахид не одобряла западный образ жизни, и ее сын, несмотря на всю свою светскость, в глубине души разделял ее убеждения. Хотя Диана надеялась, что ей повезет, как подруге Джемайме – та вышла замуж за Имрана, приняла ислам и поселилась в семейном доме в Лахоре, – но шансы ее были невелики. Ситуация оказалась сложной и для Дианы, и для родителей Хасната. Родители хотели, чтобы сын женился (две помолвки уже были расторгнуты), но Диана им не нравилась.

В Лахоре Диана остановилась у Имрана и Джемаймы. Ее пригласили в семейный дом Ханов в Джеламе, в ста милях к северу от Лахора. Там ей предстояло встретиться не только с матерью и отцом Хасната, но и с одиннадцатью членами семьи. Диана надела голубой национальный костюм, подготовленный для нее Джемаймой, и с двумя сестрами Хасната инкогнито отправилась в Джелам. Они ехали в черной «тойоте-королле», чтобы не привлекать внимания журналистов. Во время этого визита и слова не было сказано о браке. Диана очень расстроилась, в машине она говорила одной из сестер Хасната, что и в браке с ее братом намеревается продолжать привычную жизнь и благотворительную деятельность. А в Лахоре призналась Имрану Хану, что мечтает выйти замуж за Хасната.

Роман с Хаснатом Ханом продолжался все лето. Хотя кардиолог и любил Диану, но перспектива брака его пугала. Его отпугивала навязчивость принцессы – она преследовала его телефонными звонками, дежурила в машине у дома – словом,

вела себя как раньше с Оливером Хором. Когда Диана попыталась возбудить в Хаснате ревность – показалась в свете с сикхским бизнесменом Гулу Лалвани, – тот впал в такую ярость, что разорвал с ней все отношения. Впрочем, не в первый и не в последний раз.

Личная жизнь Дианы никак не налаживалась. Успокоение она находила лишь в жизни общественной. В конце мая Диана поехала на обед с только что избранным премьер-министром Тони Блэром и его семьей в официальную загородную резиденцию Чекере. Она взяла с собой Уильяма. На обеде обсуждались возможности будущей общественной жизни Дианы. Блэр обладал уникальным талантом чувствовать настроения общества. В отличие от других политиков, он прекрасно понимал потенциал Дианы.

Июнь выдался очень напряженным: 19-го Диана вылетела в Вашингтон на встречу с Хилари Клинтон, оттуда отправилась в Нью-Йорк, где повидалась со своим кумиром, матерью Терезой. (Диана встречалась с матерью Терезой в феврале 1992 года в Риме, а до этого приезжала в ее приют в Калькутте, когда посещала Индию вместе с Чарльзом. Это событие произвело на нее незабываемое впечатление.) Диана и мать Тереза долго гуляли по Бронксу. Через два дня Диана вернулась в Англию и отправилась в Стратфорд к Омару Хану. К нему приехали одиннадцать родственников из Пакистана, в том числе и подружившаяся с Дианой бабушка Хасната Нэнни Anna.

Через два дня после этой встречи, 23 июня, Диана вернулась в Нью-Йорк, где состоялась рекламная вечерника аукционного дома «Кристи». Аукцион проходил 25 июня, но Диана уже вернулась в Англию. Торги оказались очень успешными: были проданы все платья. Общая сумма выручки составила 3 258 750 долларов. Одни лишь продажи по каталогу составили 2,5 миллиона. Самую большую сумму удалось выручить за белое платье от Виктора Эделстайна, в котором Диана танцевала с Джоном Траволтой. Покупатель выложил за него 222500 долларов.

23 июня Диана продолжила в Нью-Йорке кампанию по завоеванию сердец влиятельных женщин, одновременно многому у них учась. Встретившись в Вашингтоне с Кэтрин Грэм и Хилари Клинтон, она пообедала с редактором американской версии журнала *Vogue*Анной Винтур и британской журналисткой Тиной Браун, которая в то время работала в журнале *New Yorker*.Обед в модном ресторане «Времена года» организовала Анна Винтур, которой Диана в прошлом сентябре помогала устраивать благотворительный вечер в пользу фонда по борьбе с раком

груди. Несмотря на смелые разговоры Дианы о своей «силе», готовности помогать нуждающимся и кампании по запрету противопехотных мин, Тина Браун почувствовала, что за броской внешностью скрывается страшная неуверенность, которая очень скоро проявилась в романе с Доди Аль-Файедом.

Ни блестящая светская жизнь, ни всемирная известность и ослепительная красота не избавили Диану от этой неуверенности. Она по-прежнему боялась быть брошенной – и крах ее брака лишь укрепил этот страх. Сидя в мрачном Кенсингтонском дворце в обществе камердинера, она смотрела сериалы (больше всего ей нравился «Бруксайд»). Особенно сильно она страдала от одиночества по выходным, когда мальчики отправлялись к отцу. «Я остаюсь в городе. Если куда-нибудь иду, то смотрю вниз или перед собой. Куда бы я ни пошла, журналисты меня выследят. Я часто посещаю хоспис» [567]. Тяжело бывало Диане и вечерами. Иногда (сначала в обществе Патрика Джефсона, а затем Пола Баррела) она отправлялась в районы Лондона, пользующиеся дурной славой, выслеживала наркодилеров, проституток. Проституткам Диана раздавала деньги, чтобы они вернулись домой.

Преследование журналистов еще больше отдаляло ее от мира. Чтобы скрыться от папарацци, Диане порой приходилось сидеть в такси на полу. Стоило ей в 1994 году отказаться от охраны, как на нее открылась настоящая охота. Репортеры дежурили там, где она могла появиться (скажем, возле дома ее психотерапевта Сьюзи Орбах), они выкрикивали непристойности, пытаясь вывести Диану из себя и сделать пикантные фотографии. Слава и принадлежность к королевской семье еще больше усугубляли ее положение. «Трехфутовая королевская аура», которую сразу же почувствовала Мередит Этерингтон-Смит, делала Диану «неприкасаемой»: на частных вечеринках, например на обеде в доме Таки Теодоракопулоса, Диане не удавалось найти новых друзей. Гости робели к ней подойти. Стараясь казаться «обычной девчонкой», Диана затевала «неподобающие» разговоры, отпускала ядовитые замечания в адрес бывших друзей и громко хохотала. Это пугало и отталкивало людей. Диана поняла, что прошлое никогда ее не оставит и о семейной жизни в духе романов Барбары Картленд не стоит и мечтать. «Кто меня возьмет?» – печалилась она. Порой она думала, что ей лучше остаться одинокой, усовершенствоваться в роли матери будущего короля и заниматься благотворительной деятельностью.

Родная семья Диану никогда не поддерживала. Самым близким ей человеком была Сара Маккоркодейл, выполнявшая порой обязанности фрейлины. Но теперь она жила с семьей в

Линкольншире и не могла постоянно находиться рядом. Сестра Джейн жила поблизости, но отношения с ней не складывались. Хотя Роберт Феллоуз относился к Диане с большой теплотой, он оставался личным секретарем королевы и не мог позволить себе такой слабости. Почти четыре года Дианы конфликтовала с братом Чарльзом – сначала возникли разногласия из-за дома, потом они поссорились из-за бестактного письма Чарльза: в апреле 1996 года он упомянул в письме о том, что у Дианы «проблемы с психикой». Об этом рассказал Пол Баррел [568].

И в частных беседах Чарльз не скрывал своего мнения: он считал, что знакомство с его сестрой опасно для любого, а в письме был еще более откровенен: «После долгих лет небрежения наши с тобой отношения стали худшими в нашей семье… Думаю, ты и сама заметила, что мы почти не разговариваем… Я всегда готов прийти тебе на помощь… как любящий брат… Но пятнадцать лет твоего отсутствия почти уничтожили нашу близость. Я узнаю из газет, что ты собираешься в Олторп…

Я давно смирился с тем, что занимаю самое незначительное место в твоей жизни, и меня это более не огорчает. Для меня и моей семьи такое положение гораздо удобнее и приемлемее, чем те проблемы и боль, какую твоя дружба причинила многим людям». Более всего Диану обидели намеки на ее «болезнь» (по-видимому, булимию) и «проблемы с психикой»: «Я боюсь за тебя. Я знаю, что манипулирование и обман – это часть твоей болезни… и молюсь, чтобы тебе повезло найти квалифицированного и сочувствующего специалиста, который помог бы тебе решить проблемы с психикой» (38). Но весной, когда Диана вылетела в Южную Африку, брат с сестрой помирились. Примирение послужило официальным поводом для визита, но на самом деле Диана хотела узнать, не найдется ли подходящего места работы для Хасната Хана.

Самое печальное, что Диана так и не простила мать. Фрэнсис в интервью журналу Hello! заявила, что титул «ее королевское высочество» не имеет никакого значения. Диана была абсолютно не согласна с точкой зрения матери, тем более что Фрэнсис не посоветовалась с ней, делая это заявление. Впрочем, родственная близость матери и дочери давно исчезла: Фрэнсис часто звонила и ругала Диану – в особенности за отношения с мусульманами. В прошлом году Фрэнсис лишили водительских прав за вождение в состоянии опьянения, что не способствовало ее душевному спокойствию. Разрыв отношений с Дианой так ее расстроил, что она позвонила пажу королевы-матери Уильяму Тэллону и просила его убедить Диану поговорить с ней. Диана же чувствовала себя преданной и брошенной и не желала общаться с

Фрэнсис. Как это ни печально, но мать с дочерью так больше никогда и не поговорили.

21. Роковое лето

Богов любимцы долго не живут…

Лорд Байрон. «Дон Жуан», песнь IVI [569]

Обедая в Нью-Йорке с Анной Винтур и Тиной Браун, Диана довольно неуверенно говорила о своих планах на лето. И неудивительно – ей просто некуда было ехать. Июль и август – довольно сложное время для знаменитостей, которые не получили приглашения на виллу, яхту или в загородное поместье в Ирландии или Шотландии, где можно подышать свежим воздухом и поохотиться. Загородная жизнь для Дианы была заказана: принцесса с «мальчиками» и неизбежной свитой из детективов и папарацци ни для кого не была желанной гостьей. Перед Дианой стояла та же дилемма, что в свое время перед Жаклин Кеннеди Онассис: как совместить всемирную известность с личной и семейной жизнью. Но уже в июне Диане показалось, что она нашла ответ.

Мохаммед Файед (он предпочитал, чтобы его называли аль-Файедом) родился в 1929 году в деревушке под Александрией. О своем скромном происхождении он предпочитал не вспоминать [570]. Файед сумел выбиться из бедности благодаря связям с семейством Кашогги, саудовцами турецкого происхождения, сделавшими состояние на связях с правителями Саудовской Аравии. В 1954 году Мохаммед женился на Самире, шестнадцатилетней сестре Аднана Кашогги, сына главы семейства доктора Мохаммеда Кашогги. В 1955 году у Мохаммеда Файеда родился сын, Эмад, которого все называли Доди. Вскоре после этого Мохаммед развелся. Доди воспитывался в семье своего дяди, Салаха, младшего брата отца. Салах был женат на итальянке. Мохаммед категорически запрещал сыну видеться с матерью. Когда он путешествовал по миру в поисках очередного сомнительного предприятия, брошенный Доди жил в доме в Александрии. Биограф Файеда писал, что Доди был жертвой нереализованных амбиций своего отца: «Детство малограмотного, плохо говорящего по-арабски Доди было одиноким и несчастным. Он часто плакал, порой будил отца среди ночи. Страдания мальчика трогали сердце Мохаммеда, он брал сына в свою постель, а на следующее утро засыпал его игрушками и подарками. Файед разрывался между стремлением к умножению

богатства и заботой о сыне, но облегчить судьбу мальчика ему так и не удалось» [571].

К 1969 году благодаря своим связям с эмиратом Дубай Файед сумел заработать два миллиона фунтов стерлингов – весьма солидная сумма по тем временам. За два года он обзавелся «роллс-ройсом» с личным шофером, шале в Гштаде, апартаментами в доме № 60 на Парк-Лейн и почетной приставкой «аль» в имени. К 1972 году он был уже гордым владельцем шотландского замка Балнагаун, виллы в Сен-Тропе и яхты «Доди». Доди поступил в британскую военную академию Сэндхерст, где учились не только британцы, но и сыновья арабских принцев, в частности короля Иордании Хусейна. Впрочем, продержался он там недолго. Необразованного, избалованного, неспортивного и высокомерного Доди пришлось забрать из академии уже через месяц.

За это время Мохаммед Файед успел добавить к своему состоянию поместье Бэрроу-Грин-Корт в Окстеде, графство Суррей. В 1975 году он купил долю в горнодобывающем конгломерате «Тайни» Роуленда Lonhro. Состояние авантюриста Роуленда было еще более крупным, чем у Файеда. Встревоженный неблагоприятным отчетом инспекторов Министерства торговли и промышленности о сделках Lonhro, Мохаммед продал свою долю, заработав на этом еще 8 миллионов фунтов.

В 1979 году, стремясь к упрочению своего социального положения, Файед купил парижский отель «Риц».

А Доди тем временем вел жизнь плейбоя, меняя девушек и ночные клубы. Бесцельность его существования одновременно и раздражала, и тревожила отца. Доди мечтал сделать карьеру в кино. Он познакомил отца с финской королевой красоты Хайни Уотен (впоследствии Мохаммед женился на ней), и в награду за это Файед купил сыну кинокомпанию. Но Доди интересовался только девушками и наркотиками. Руководить предприятием он не мог и не хотел. Финансовый успех пришел, когда компания Файеда Allied Stars вложила двадцать пять процентов средств в оскароносный фильм «Огненные колесницы». В титрах Доди числился исполнительным продюсером – в действительности он не делал ничего, лишь тратил деньги на друзей, девушек и кокаин. Его даже попросили со съемочной площадки. Разъяренный поведением сына, Мохаммед лишил Доди финансовой поддержки. Это не означает, что он его не любил. Один из друзей говорил: «Мохаммед всегда хотел обеспечить сыну лучшее будущее, но пытался добиться этого способами, какими добиться желаемого было невозможно. Но он любил его, сильно любил. Если кто-то скажет вам обратное, не верьте: эти

люди заблуждаются» [572].

В 1984 году Мохаммед Файед нашел новый источник богатства. Он стал финансовым консультантом султана Брунея. В 1985 году после долгой войны со своим старинным партнером Тини Роулендом Файед купил торговый дом House of Fraser и стал владельцем главной сети британских универмагов Harrods. К этому времени Мохаммед простил Доди. В марте 1986 года умерла мать Доди, Самира. Отец запретил сыну присутствовать на похоронах, чтобы окончательно порвать связи с кланом Кашогги. Мохаммед назначил Доди ежемесячное содержание в размере сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, предоставил возможность бесплатного проживания в домах на Парк-Лейн, в Париже, Сен-Тропе, а также в персональном сьюте нью-йоркского отеля «Пьер». Кроме того, Доди мог пользоваться целым парком автомобилей, в том числе «мерседесом», «лагондой» и двумя «астон-мартинами» [573].

Мстительный Роуленд решил оспорить покупку Harrods в антимонопольной комиссии, обвинив Файеда в финансовой нечистоплотности. Роуленд выступил в палате общин, после чего Министерство торговли и промышленности начало расследование деятельности Файеда. Расследование быстро прекратилось, после того как Файед сделал крупные пожертвования в фонд правящей консервативной партии, а также в союзе с парламентским лоббистом Яном Гриром финансово заинтересовал некоторых членов парламента. Однако Министерство торговли и промышленности все же возобновило расследование условий приобретения сети универмагов Harrods. Комиссия признала братьев Файед «лжецами», но недопустимое поведение Роуленда заставило главу комиссии, лорда Янга, не передавать дело в антимонопольную комиссию и не предавать гласности отчет инспекторов. Позже отчет был опубликован, но, поскольку поведение Файеда мало отличалось от поведения Роуленда, досталось обоим. Потому в 1993 году, когда братья Файед подали прошение о британском гражданстве, их просьба была отклонена. Мохаммед, оскорбленный в лучших чувствах, теперь демонстративно игнорировал коррумпированный британский истеблишмент. Несмотря на колоссальное богатство, противоречивая фигура миллиардера не вписалась в высшее британское общество.

Богатство Файеда было, мягко говоря, вызывающим. Салон его темно-розового самолета «Гольфстрим» украшали богатые росписи, на восьмом этаже дома на Парк-Лейн Мохаммед устроил настоящую виллу в древнеримском стиле – краны в личной ванной комнате Файеда были сделаны из чистого золота. В

универмаге Harrods эскалаторы украшали золоченые статуи в египетском стиле, имевшие портретное сходство с Мохаммедом. Он владел девятью домами, куда добирался на реактивном «Гольфстриме», вертолете «сикорски» или на красных бронированных «мерседесах».

Британские правящие круги, шокированные вендеттой, которую Файед объявил консервативному правительству, отказавшему в предоставлении ему гражданства, отвернулись от арабского магната. К 1996 году Мохаммед решил добавить к сети Harrods, купленной в 1986 году, парижской вилле «Виндзор», компании Turnbull & Asser, которая поставляла рубашки принцу Чарльзу, и журналу Punch еще и принцессу Диану.

Файед полагал, что приобретение Harrods позволит ему войти в высшие слои британского общества. Он каждый год встречался с королевой на Королевской конной выставке в Виндзоре и всегда старался сфотографироваться рядом с ней – даже если просто стоял поблизости, как обычный зритель. Он быстро понял, что путь в британскую королевскую семью лежит через поло. В июле 1986 года он спонсировал матч, где, как он и рассчитывал, ему удалось познакомиться с принцем и принцессой Уэльскими (на сделанной в тот день фотографии позади Дианы можно увидеть Доди). В сентябре 1996 года он предложил Диане стать директором Harrods. Когда она отказалась, он сделал то же предложение Рейн – мачеха Дианы согласилась.

Диана была заветной мечтой Мохаммеда, вершиной его честолюбивых устремлений. Диана уговорила его спонсировать постановку «Щелкунчика» в Английском национальном балете. «Это произошло на очередном концерте, – вспоминает Памела Харлек. – Она обратилась к нему: „Помогите – ведь вы можете себе это позволить! Просто дайте денег!“ (Нужно было около четырехсот тысяч фунтов.) И добавила: „Это пойдет вам на пользу“. Конечно, она была права! Для Harrods это была потрясающая рождественская реклама» [574].

В начале июня, после другого гала-концерта, Файед сидел во время ужина между Памелой Харлек и Дианой. Он решил использовать подвернувшуюся возможность и поинтересовался, обратившись к Диане: «„Что вы будете делать этим летом?“ Она ответила: „Не знаю, пока не решила, чем заняться с мальчиками“. Тогда он предложил: „Может быть, приедете к нам?“

Памела и Дерек Дин, директор Английского национального балета, который сидел рядом, были в ужасе: „Не вздумай! Ничем хорошим это не закончится!“ Но Диана ответила: „Что ж, очень мило с вашей стороны“» [575]. Не обратив никакого внимания на предостережения друзей, она отправила Файеду сообщение о том,

что с удовольствием принимает его приглашение.

Как это всегда бывало у Дианы, ее решение поехать с детьми в Сен-Тропе к Файеду было продиктовано целым рядом причин. Хотя она и говорила, что больше не думает о Камилле, не обращать внимания на старинную соперницу Диана просто не могла. Успех Камиллы вновь пробудил в ее душе терзающие чувства ревности, беспомощности и отчаяния. В таком состоянии она совершала самые необдуманные поступки.

Июль 1997 года стал месяцем Камиллы в доме принца Уэльского. Студия ITV сняла о ней документальный фильм. «Когда я познакомился с Дианой, – вспоминал Ричард Кей, – то понял, что Камилла все время оказывала влияние на ее жизнь. Диана постоянно следила за ней, обвиняла ее [в крахе своего брака], но в то же время почти жалела… Она понимала, что в середине 90-х годов жизнь Камиллы была совсем нелегкой. Теперь уже она испытывала на себе неотрывный интерес публики, какой люди проявляли к Диане десятью годами раньше. Однако к Камилле относились с гораздо меньшей симпатией. Журналисты были к ней безжалостны, и, думаю, Диане это доставляло удовольствие. Но внимание к сопернице выводило Диану из себя. Она ужасно расстроилась, когда Канал 5 решил снять документальный фильм о Камилле. Фильм вышел на экран в июле 1997 года, рассерженная Диана никак не могла понять, почему телевизионщики заинтересовались Камиллой» [576]. 18 июля состоялся бал в Хайгроуве в честь пятидесятилетия принца Чарльза, который организовывал Майкл Фосетт. Хозяйкой бала была Камилла. За два дня до этого, 16 июля, Диана, Уильям и Гарри на вертолете Файеда отправились из Кенсингтонского дворца в Бэрроу-Грин-Корт, а оттуда в Стэнстед, чтобы на самолете Файеда вылететь в Ниццу. Из Ниццы яхта Файеда должна была доставить принцессу и принцев в поместье Кастель-Сен-Элен рядом с Сен-Тропе.

Почувствовав, что «добыча на крючке», Файед начал решительно устранять все препятствия. Он даже инвестировал крупную сумму в экономику региона, купив за пятнадцать миллионов фунтов у миланского текстильного магната стодевяностопятифутовую яхту «Джоникал», построенную в 1991 году, и нанял экипаж из шестнадцати человек. Все для привлечения внимания Дианы! [577]Теперь Доди казался ему идеальным партнером для облюбованной принцессы. Несмотря на то, что Доди не добился никаких успехов в бизнесе, с женщинами ему всегда везло. Он был обаятельным, добрым, щедрым человеком, прекрасным любовником. Если женщина его интересовала, он окружал ее невиданными заботой и вниманием.

У него были романы с несколькими известными красавицами. Он помогал отцу и дяде искать себе партнерш. Главным недостатком Доди была зависимость от кокаина. Ему уже исполнилось сорок два года, за его плечами был один неудачный брак. Мохаммед отлично знал, что Доди собирается жениться на американской манекенщице Келли Фишер – свадьба должна была состояться в Лос-Анджелесе всего через три недели. Файед только что заплатил больше семи миллионов долларов за роскошный особняк Парадайз-Коув в Малибу. Ранее этот дом принадлежал знаменитой Джули Эндрюс и ее супругу, режиссеру Блейку Эдвардсу.

Файед твердо решил направить интерес Доди на Диану. Он позвонил ему в Париж и приказал прекратить отношения с Келли Фишер. Затем отец отправил за ним свой самолет, чтобы к 14 июля Доди был в Сен-Тропе. Через два дня Доди дал отставку Келли Фишер и вылетел на Лазурный Берег, чтобы выбрать яхту для соблазнения Дианы. В Лондоне говорили, что Файед пообещал Доди тридцать миллионов долларов, если тот сумеет соблазнить Диану – но не для себя, а для отца [578].

Утром 18 июля, когда в Хайгроуве должен был состояться юбилейный прием, все таблоиды вышли с фотографиями Дианы – ее план осуществился. Возле виллы Файеда собрался целый журналистский десант, и Диана сообщила и показала репортерам все, что захотела. Она позировала перед бассейном в сексуальном леопардовом купальнике, элегантно ныряла – почти как в детстве, когда ей хотелось привлечь к себе внимание. Она каталась с Гарри на водных лыжах, демонстрируя соблазнительные формы.

Журналисты, собравшиеся возле пляжа Файеда, изнывали от любопытства. Они еще не вычислили Доди, хотя и видели его рядом с Дианой и мальчиками в Сен-Тропе. Репортеры считали его матросом с яхты Файеда. Ричард Кей вспоминает: «Журналисты с ума сходили, потому что не понимали, что происходит… Джеймс Уитакер признался, что был на грани нервного срыва. В конце концов он наверняка спятил бы – говорил, что просто не мог справиться с чудовищным стрессом». Диана ничего не объясняла, происходящее было окутано для журналистов тайной. На катере Файеда она приблизилась к флотилии репортеров и объявила, что готовит для них нечто особенное: «Я собираюсь удивить мир…» Когда Ричард Кей позже спросил, что она имела в виду, Диана призналась, что это всего лишь детская выходка. Она так ничего и не объяснила, только пожала плечами: «А, пустое… Я просто от всего устала…» [579]

В тот же день в газетах всего мира появились фотографии Дианы с Файедом на борту «Джоникал». Она была на несколько

дюймов выше своего гостеприимного хозяина, но это не помешало ему приобнять ее за плечи. Файед дал журналистам интервью, в котором заявил, что Диана видит в нем отца и не желает обращать внимание на критику: «Если кому-то это не нравится, идите ко всем чертям». Мохаммед мог обеспечить Диане идеальную охрану, чтобы не подпускать к ней журналистов. Он не позволил себе ни одного худого слова о королевской семье, но не упустил возможности лягнуть Камиллу. По его словам, «Диана не думает о Камилле Паркер-Боулз. Ей просто нет до нее дела. Эта женщина – какой-то персонаж фильмов о Дракуле…» [580]

Почему же Диана приняла приглашение Файеда и приехала к нему с сыновьями, один из которых должен был стать будущим королем Англии? Друзья советовали ей не делать этого, она отмахивалась: «Он такой шалун…» Файед всегда отличался повышенной сексуальностью и любил подчеркивать это свое качество, в деталях рассказывал о своих любовных похождениях женщинам, которым вовсе не хотелось об этом слышать. Но он был веселым, гостеприимным и дружелюбным человеком. На вилле жила его жена Хайни и четверо их детей.

Атмосфера большой, дружной семьи всегда привлекала Диану. Кроме того, это была мусульманская семья – хотя и совсем непохожая на семью ее обожаемого Хана. Мнение лондонского света интересовало Диану меньше всего: она никогда не следовала его правилам. Напротив, тот факт, что высшие круги не одобряли Файеда, придавал ему привлекательности в ее глазах. «Файед всегда был очень мил и любезен с ней. Диане было некуда ехать, а он пригласил ее в свой дом. И она согласилась», – вспоминает близкая подруга [581]. «Но она обладала острым чутьем на все нелепое. Она прекрасно знала, насколько анекдотичен Аль-Файед со своими виллами, розовым самолетом и домами с золотыми кранами. У него отсутствовал вкус. Он подарил ей часы с жемчужным браслетом. Эти часы ей страшно не нравились» [582].

20 июля Диана вернулась в Лондон, но 22-го была вынуждена вылететь в Милан на похороны Джанни Версаче. В конце июля в Лондоне произошло окончательное объяснение между Дианой и Хаснатом. Она не собиралась отказываться от этих отношений, однако Хан заявил, что брак между ними невозможен. «Он был замечательным человеком и любил ее, – поделилась одна из подруг, – но жениться не собирался» [583]. «В жизни Хасната Хана было одно по-настоящему серьезное увлечение – его работа, – вспоминал Ричард Кей. – Он очень любил Диану, но хотел стать первоклассным врачом. Он поставил перед собой цель – создать

себе репутацию, набраться опыта и вернуться в Пакистан. Стать мужем Дианы и оставаться практикующим хирургом было нереально. По-моему, она тоже это понимала. За кого нужно выйти замуж, если ты уже была супругой будущего короля? Судьба Дианы накладывала на нее определенные ограничения. Она не могла выйти замуж за бедного врача – такое случается только в дамских романах издательства Mills & Boon» [584]. Диана продолжала настаивать на своем, хотя старшие подруги были в ужасе от одной только мысли об этом браке. Они знали, что Диана летала в Пакистан, чтобы познакомиться с родителями Хасната, но продолжали твердить ей, что этот брак невозможен [585].

В конце июля Лондон, как всегда, опустел. Все разъехались по загородным поместьям, мальчики уехали к отцу, и роман с Доди казался Диане приятным времяпрепровождением. 26 июля она вылетела в Париж, где провела сутки с Доди в мире Файедов: частный вертолет приземлился в центре Парижа, затем ее отвезли в королевские апартаменты отеля «Риц». Поужинав у Люка Картона, пара вернулась в квартиру Доди в доме его отца на улице Арсена Юссе. Окна квартиры выходили на Елисейские Поля. Позже они прогулялись вдоль Сены – впервые наедине (поездка Дианы была окружена полнейшей тайной). Ночь Диана провела в «Рице». Позавтракав с Доди, она вернулась в Лондон. Диана была в восторге: Доди стал первым в ее жизни мужчиной, относившимся к ней с такой заботой и участием.

31 июля она вернулась на «Джоникал». На этот раз Диана и Доди остались на яхте без свидетелей (если не считать членов экипажа, телохранителей, камердинеров, поваров и массажисток). Яхта прошла вдоль берегов Корсики и Сардинии. Доди стремился предупредить любое желание своей гостьи. Во время прогулок они поведали друг другу о сложном детстве, говорили о кино и светских новостях. Диану привлекала простота Доди: тот не отличался высоким интеллектом и рядом с ним она не чувствовала своих «несовершенств». Нравилась ей и манера ухаживать: о ней никто так не заботился. Диана полностью расслабилась – будто вернулась в детство.

Примечательно, что в спальнях Доди и Дианы было множество плюшевых игрушек. В парижской квартире Доди на столе в спальне расположились три медведя из Harrods. Еще три игрушки сидели на креслах гостиной. В спальне Доди хранил и целую коллекцию моделей самолетов. Вместе они слушали музыку из фильма «Английский пациент», смотрели видео и телевизор. Иногда Диана играла на рояле. «В моей семье все играют», – объяснила она удивленному камердинеру, Рене

Делорму. Когда Доди был занят, Диана читала. Делорм заметил, что в руках у нее книга «Быть иудеем» – довольно странный выбор для отдыха в обществе мусульманина.

К сожалению, Диана очень скоро оказалась втянутой в орбиту жизни Файеда-старшего, и вырваться ей было практически невозможно. Мохаммед Файед с самого начала пристально следил за развитием романа. Поскольку Доди явно добивался успеха, отец начал относиться к нему с большей благосклонностью. Они каждый день созванивались, иногда по нескольку раз. Файед был преисполнен решимости извлечь из этого романа максимум пользы. Он нанял на работу журналиста Макса Клиффорда, который хорошо дополнил уже работавшего на миллионера бывшего королевского репортера BBC Майкла Коула. Эта команда пристально следила и направляла развитие событий последних дней Дианы и Доди.

4 августа на Сардинию прибыл из Монако известный фотограф Марио Бренна. Биограф Файеда, Том Бауэр, считает, что его вызвали сотрудники Файеда. Но другой хорошо информированный автор, Кейт Снелл, полагает, что Бренна получил наводку от печально известного папарацци Джейсона Фрезера, который имел свои источники информации. Бренна выследил «Джоникал» в бухте Кала-ди-Вольпе на Коста-Смеральда, упустил было яхту Файеда, но затем вновь засек судно где-то между Корсикой и Сардинией. Доди и Диана покидали яхту, чтобы искупаться, и Бренна сумел их сфотографировать. Позже, с берега, он сделал знаменитую фотографию «Поцелуй», на которой Диана и Доди обнимаются на борту яхты.

В Лондоне Джейсон Фрезер продал фотографии за огромные деньги: за право первой публикации Sunday Mirror заплатала четверть миллиона фунтов (снимки появились в газете 10 августа), Sun и Daily Mail выложили по сто тысяч фунтов за право воспроизведения этих снимков. Похоже, что публикации желал не только Мохаммед Файед. Ричард Кей, несомненно опиравшийся на информацию, полученную от Дианы, подтвердил, что у Дианы «первый серьезный роман со времени развода» [586]. Неудивительно, что она была не прочь известить об этом мир, а главное – пронзить новостью сердца Хасната Хана и своего бывшего мужа.

7 августа Диана с Доди приехали в дом на Парк-Лейн, где собирались поужинать. Их появления ожидала целая орда репортеров, которые явно располагали точной информацией. Доди, безусловно, не имел отношения к утечке: на снимках, сделанных в момент возвращения на «Джоникал», он выглядит

удивленным, а Диана спокойно смотрит в сторону.

8 августа Диана отправилась в Боснию с Биллом Дидсом в рамках кампании по запрету противопехотных мин. Вернулась она 11 августа и провела с Доди романтический вечер в Окстеде. Десять папарацци поджидали парочку у ворот. Ситуацию контролировал любимый телохранитель Доди, бывший солдат Тревор Рис-Джонс.

Сойдя с судна, Доди и Диана отправились в лондонскую штаб-квартиру Файедов на Парк-Лейн. Седьмой этаж комплекса Мохаммед превратил в роскошную виллу. Дом напоминал отель – кухня обслуживала обитателей всех квартир, среди которых были и родственники Доди. Здесь же располагался центр службы безопасности Файеда, которая насчитывала около тридцати бывших десантников и сотрудников военной полиции. В отличие от вышколенных телохранителей службы охраны королевских особ и дипломатического корпуса, которые понимали, что их основная цель – защитить своих работодателей, телохранители Файедов подчинялись только тому, кого охраняли в данный момент – Мохаммеду или Доди. Все отлично знали, что за любым неподчинением следует немедленное увольнение. И это нерушимое правило привело к трагическим результатам. Телохранители соглашались на все, даже если им это не нравилось. «Даже если тебе казалось, что нужно поступить иначе, оспаривать решения босса никому не позволялось», – говорил Тревор Рис-Джонс [587].

Тем вечером Диана и Доди присутствовали на частном просмотре фильма «Борт № 1». Как только Тревор Рис-Джонс выехал с подземной парковки, машину буквально облепили фотографы и репортеры. Диане и Доди пришлось улечься на сиденья, что их страшно развеселило. Через несколько дней, 15 августа, когда Диана отправилась в Грецию с Розой Монктон, Файед почувствовал, что добыча ускользает, и бросился за ней на своем «Гольфстриме». Пять дней Доди и Диане удавалось скрываться от журналистов – сфотографировать их в это время удалось лишь случайному туристу. На следующий день эта фотография украсила первую страницу газеты Sun. «Это охота, Роза, – говорила подруге Диана, – это настоящая охота».

Охота была в полном разгаре. Отчасти репортерами руководил Файед, но главную роль играла сама Диана. 21 августа она на самолете Файеда вернулась в Англию. В Стэнстеде ее ожидал не только Найджел Демпстер, но и репортеры Sun. В тот же день вечером Диана вылетела в Ниццу, где Доди ждал ее на борту «Джоникала». На причале маленького городка Сен-Лоран-дю-Вар уже дежурили Джейсон Фрезер и два французских

фотографа. Позже к ним присоединились и другие.

25 августа Доди и Диана решили прогуляться по Монте-Карло (их сопровождали Делорм и два телохранителя, Рис-Джонс и «Кез» Уингфилд). Они заблудились, но репортеры их не заметили. Именно в этот момент, по словам Файеда, Доди заказал у ювелира Репосси кольцо, которое затем подарил Диане в знак помолвки. Рис-Джонс отрицает, что пара посетила тогда ювелирный магазин. (Доди заходил к Репосси 5 августа в Париже.) «Джоникал» со всех сторон был окружен лодками и катерами с фотографами и репортерами. После посещения Монте-Карло Доди начал испытывать настоящий ужас перед папарацци. Он подозревал, что информацию им сливает кто-то из экипажа. Два британца, Кез и Тревор, постоянно просили подкрепления, но им неизменно отказывали.

Когда Доди и Диана решили устроить романтическую прогулку по пляжу Порто-Венере, их уже поджидал фотограф. Диана была расстроена – члены экипажа видели, что она плакала. 27 августа вертолеты трижды заходили на «Джоникал», чтобы сфотографировать Диану на борту. Доди начал подумывать о специальных лазерных устройствах, которые могли бы ослепить фотографов и испортить их камеры. Подобная реакция тревожила Диану – ей-то самой было не привыкать к папарацци. Она спрашивала у стюардессы: «Что, все арабские мужчины такие?» [588]Довольна скоро Диана, как и предвидели ее друзья, знавшие, что она категорически не приемлет наркотики, начала беспокоиться по поводу постоянных отлучек Доди в ванную комнату.

В пятницу 29 августа яхта стояла в заливе Кала-ди-Вольпе на Сардинии, но все точно знали, что на следующий день Диана и Доди отбывают в Париж. Самолет приземлился в аэропорту Ле-Бурже жарким августовским днем. Папарацци уже поджидали парочку, и настроены они были весьма агрессивно. Многие были на мотоциклах. Диану это отнюдь не обрадовало – в «мерседес» она садилась с мрачным лицом. Доди и Диану охранял Рис-Джонс. Машину вел шофер Филипп Дорно. За «мерседесом» следовал «рейнджровер» с багажом. В нем ехали камердинер, горничная и массажистка. Эту машину охранял Уингфилд, а за рулем сидел Анри Поль, помощник руководителя службы безопасности отеля «Риц», лично знакомый с Доди.

Когда машины выехали из аэропорта, их окружали репортеры на мотоциклах – опасность была нешуточной. Возбужденный Доди приказал Дорно прибавить скорость. Репортеры отстали. Но Диана попросила притормозить, потому что боялась аварии [589]. Она пыталась успокоить Доди. Оторвавшись от преследователей,

Доди и Диана заехали на виллу «Виндзор», где тридцать лет прожили герцог Виндзорский, бывший король Эдуард VIII, и его жена, ради которой он отказался от трона. Диана не стала дожидаться, когда ей откроют дверцу машины, и вышла сама.

Руководитель службы безопасности виллы, Бен Маррел, вспоминает: «Диана выглядела подавленной, на щеках пылал румянец. Она была непохожа на счастливую невесту. Диана уже вошла в дом, а Доди все еще сидел в машине. Было ясно, что во время поездки что-то произошло… Доди выглядел потрясенным» [590]. На вилле не было мебели – все отправили на аукцион. Доди и Диана провели там ровно двадцать восемь минут. Дом показался Диане зловещим и мрачным, о чем она позже говорила Ричарду Кею. Впоследствии Файед утверждал, что они провели на вилле два часа, обсуждая планы отделки своего будущего дома, и к ним даже присоединился дизайнер по интерьерам. Но видеозапись показала, что все было совсем не так. С виллы Доди и Диана приехали в «Риц» и остановились в королевских апартаментах. Диана решила поправить прическу, а Доди отправился в расположенный по соседству ювелирный магазин «Репосси» – по-видимому, чтобы заплатить за изготовленное для Дианы кольцо и присмотреть еще что-нибудь. Чуть позже кольцо было доставлено в «Риц», Доди положил его в карман.

Диане и Доди пришлось поехать в его квартиру на улице Арсена Юссе, чтобы переодеться к ужину. Здесь их уже поджидала агрессивная и шумная толпа папарацци. «Хотя принцесса к этому уже привыкла, но в тот день даже ей было не по себе, – вспоминал один из телохранителей. – Папарацци ввели себя безобразно, что очень не нравилось Доди… Он спросил меня, как можно от них избавиться. Я ответил, что это невозможно, но стоит попытаться как-то от них оторваться» [591]. То же самое повторилось, когда они вышли из квартиры. Вот что вспоминал один из свидетелей: «С папарацци хотели договориться, но они не обратили никакого внимания на наши просьбы… Как только машина Доди и Дианы отъехала от дома, они превратились в настоящих дьяволов. Репортеры оседлали мотоциклы и понеслись на огромной скорости, стараясь догнать машину. Они представляли опасность для пешеходов. Люди прижимались к стенам, потому что мотоциклы неслись прямо по тротуарам» [592].

Доди сумел взять себя в руки и предложил изменить план. Вместо того чтобы ужинать на Левом берегу в ресторане Chez Benoit, где уже был заказан столик, он решил вернуться в «Риц», чтобы скрыться от фотографов. Атмосфера постепенно накалялась. Доди до самой последней минуты скрывал свои планы от телохранителей. Однако по прибытии в отель

разыгралась неприятная сцена. Когда машину окружила толпа, Диана и Доди не стали выходить. «Они оказались в западне, и на фотографиях это явственно видно. Доди прикрывает лицо рукой. Принцесса тянется к ручке двери, на ее лице раздраженное, растерянное выражение. Промедление оказалось ошибкой», – вспоминал Рис-Джонс [593]. Обстановка в отеле была не лучше. Стоял август – все известные люди покинули Париж, и в «Рице» собралась не самая лучшая публика. Посетители ресторана откровенно таращились на Диану и Доди, и тем пришлось прервать ужин и подняться к себе наверх. Диана, как вспоминал один из телохранителей, была вся в слезах.

Тем же вечером Диана звонила друзьям. Ричард Кей вспоминал: «Диана показалась мне очень счастливой. Я ее такой не помнил». О браке она не говорила. Подруге Аннабел Голдсмит Диана сказала, что повторный брак ей вовсе не нужен. С Розой Монктон еще в Греции Диана поделилась: «Как бы ни сложились наши отношения, я продолжу свою работу и буду помогать тем, кому нужна». Она хотела быть открытой миру – в среде Доди это было немыслимо.

27 августа Диана разговаривала с Розой по мобильному телефону. Свой отдых она назвала «настоящей благодатью». Роза Монктон так писала о романе Дианы с Доди: «Она была счастлива, ей было хорошо. Ей нравилось, что рядом с ней человек, который не просто заботится о ней, но и не боится, что это кто-нибудь заметит» [594]. Но Диане хотелось вернуться домой, к мальчикам. Кею она сказала: «Завтра я возвращаюсь домой, а вечером из Шотландии вернутся мальчики. Мы сможем провести вместе несколько дней до их отъезда в школу». По словам Кея, она выглядела «слегка встревоженной», потому что в субботу ей позвонил Уильям и сообщил, что ему придется позировать для официальных фотографий в начале третьего учебного года в Итоне. Ни Диане, ни Уильяму не нравилось такое внимание к старшему сыну в ущерб Гарри. Как-то Диана заметила, что Гарри, наверное, очень тяжело быть младшим сыном. Они с Чарльзом всегда старались, чтобы мальчики чувствовали себя равными [595].

Кроме того, Диана договорилась в следующий вторник встретиться с Хаснатом – по-видимому, она надеялась как-то прояснить их будущее. Майкл Гиббинс позвонил в офис ее шофера и телохранителя Колина Теббата, чтобы тот в воскресенье утром приехал с Стэнстед. Диана должна была прилететь около десяти утра. «Она вернется с тобой, – сказал Гиббинс. – Этот цирк ее утомил… Две машины направятся в Лондон и отвлекут от нее внимание» [596].

Во время ужина в королевских апартаментах отеля «Риц» Доди принял решение, которое стоило ему и Диане жизни. Чтобы скрыться от назойливых фоторепортеров, дежуривших у входа в отель, он решил выйти из отеля через черный ход – на рю Камбон. Лимузин и «рейнджровер» должны были ожидать их перед центральным входом, чтобы журналисты решили, что они появятся именно там. Из отеля Доди и Диана намеревались поехать в квартиру на улице Арсена Юссе. Доди потребовал, чтобы за руль сел Анри Поль. О своем плане он по телефону рассказал отцу. У черного хода стоял «мерседес», взятый напрокат в расположенной неподалеку компании Etoile Limousine. Машина была подержанной и не имела тонированных стекол, которые могли бы защитить пассажиров от навязчивых папарацци.

От Анри Поля, по словам Меррела, пахло «алкоголем и луком», хотя два опытных телохранителя почему-то ничего не почувствовали, когда Поль присоединился к ним в баре «Вандом», чтобы выпить два пастиса. Однако у центрального входа в отель Поль вел себя так странно, что папарацци, заподозрив неладное, решили, что самое главное, видимо, происходит у черного хода. Позже также выяснилось, что Поль не был профессиональным шофером и не имел требуемых по закону водительских прав для управления лимузином.

В другом «мерседесе» ехал телохранитель Кез Уингфилд. Он вспоминал, что, выходя из королевских апартаментов, Доди и Диана выглядели счастливыми. «Было заметно, что они выпили по бокалу вина…» [597]Однако после просмотра записей внешнего наблюдения Колин Теббат и его бывший коллега хором утверждали, что Диане явно не нравилось происходящее. Как опытный полицейский и телохранитель Колин всегда обращал внимание на руки, глаза и лица своих клиентов. Внимательно изучив запись, он сказал: «Она была в ярости… Посмотрите на ее лицо… На нем же написано: „К чему весь этот шум?!“ Она жила с этим двадцать лет, знала, что ее охраняют, и как-то научилась справляться со своими чувствами». С горечью Теббат добавляет: «Я никогда не ездил с ней быстро. Она вечно начинала кричать: „Осторожно! Не задави кого-нибудь“… Ее это очень волновало» [598].

Телохранитель Тревор Рис-Джонс вышел из дверей первым, за ним Диана, потом Доди. Анри Поль уже сидел на водительском месте. Рис-Джонс усадил Диану справа сзади, Доди – слева от нее. Сам телохранитель занял место впереди. Никто из них не пристегнулся. В 12.20 машина Поля выехала на улицу Камбон. Это заметила небольшая группа фотографов. Они помчались

следом, а за ними ринулись папарацци, ожидавшие перед центральным входом в отель на Вандомской площади. Поль свернул на улицу Риволи. Когда они добрались до площади Согласия, за ними неслась целая стая папарацци. И тут Поль совершил ошибку: он решил не сворачивать на Елисейские Поля, хотя это был самый короткий путь до квартиры, но тогда по дороге пришлось бы останавливаться на нескольких светофорах, и папарацци успели бы сделать фотографии через незатонированные стекла. Вместо этого Поль решил проехать через улицу Кур-ла-Рен (ее нынешнее название Кур-Альбер-Премье). Этот путь вел к туннелю под площадью Альма. Так он мог бы прибавить скорость и избавиться от репортеров.

Перед въездом в туннель на дороге имелся небольшой бугорок, а за ним яма, после чего дорога резко сворачивало влево. Поль уже оторвался от фотографов. К туннелю он подъехал на скорости от ста восемнадцати до ста пятидесяти пяти километров в час. По правой полосе гораздо медленнее ехал белый «фиат-уно». «Мерседес» задел левое крыло «фиата» как раз в то мгновение, когда машину подбросило на бугорке. Лимузин занесло влево, он потерял управление прямо перед въездом в туннель. В 12.23, через три минуты после выезда из «Рица», потерявший управление «мерседес» врезался в тринадцатую бетонную колонну, разделявшую полосы туннеля. Анри Поль и Доди погибли мгновенно. Подушка безопасности спасла Рис-Джонсу жизнь, но не избавила от травм. Диана была без сознания. Через считаные секунды разбитый «мерседес» окружили репортеры. Машина была окутана дымом, гудела сирена. Папарацци настигли свою добычу.

22. Смерть в Париже

Эта смерть вызовет скорбь,
какой еще не видывал мир.

Тони Блэр – Алистеру Кэмпеллу

Потребовался почти час, чтобы вызволить Диану из искореженной машины. Спасателям показалось, что она пострадала меньше всех – лишь тонкие струйки крови изо рта и носа напоминали об аварии. После столкновения с колонной «мерседес» закрутило и машина на высокой скорости врезалась в правую стену туннеля. Доди и Диану швырнуло на спинки передних сидений и раскидало по салону. Когда «мерседес» наконец остановился, Диана рухнула на пол автомобиля за спинкой сиденья Рис-Джонса. Ноги ее переплелись, одна оказалась под ней, другая на сиденье. Лицо Дианы не пострадало – только порез на лбу. С закрытыми глазами она была невероятно прекрасной. Казалось, что она просто спит. Но внутренние повреждения оказались очень серьезными: из-за страшного удара ее сердце сместилось вправо, была повреждена легочная вена, произошел разрыв перикарда (защитной оболочки сердца). Грудная клетка Дианы заполнялась кровью. Она умирала в чужой стране – именно такую судьбу один из ее экстрасенсов предсказал Чарльзу.

Первым на место катастрофы подоспел доктор Фредерик Майе – он ехал по туннелю во встречном направлении. Ему показалось, что раны Дианы не смертельны и она может выжить. Он приложил к лицу Дианы кислородную маску, пытаясь помочь ей дышать. Когда прибыла «скорая помощь», Дианой занялся доктор Жан-Марк Мартино, анестезиолог и специалист по реанимации. Еще до того, как оказаться в реанимобиле, Диана перенесла инфаркт. Ей сделали массаж сердца, в горло вставили дыхательную трубку, затем переместили на носилки и перенесли в машину «скорой помощи». По дороге пришлось остановиться, так как давление у Дианы упало до опасного уровня. Ее подключили к аппарату искусственной вентиляции легких. «Она была без сознания, на искусственном дыхании. Кровяное давление сильно упало, но сердце еще билось» [599].

В окружении полицейского эскорта машина прибыла в больницу Сальпетриер. Рентген показал всю серьезность внутренних повреждений. В этот момент у Дианы произошел

второй инфаркт. Разрез грудной клетки обнаружил, что кровь поступает через разрыв мембраны сердца. Адреналин и массаж сердца восстановили ритм, но лишь на время. Самостоятельно сердце Дианы биться не могло. Врачи оказались абсолютно бессильны. Дефибриллятор тоже не помог. 31 августа в четыре утра (в три утра по британскому времени) врачи констатировали смерть [600].

Еще до того, как проезжавший мимо разбитой машины врач начал оказывать Диане первую помощь, папарацци во главе с Ромуальдом Рэтом стали снимать все происходящее. В туннель прибыло больше десяти фотографов, вспышки гремели автоматными очередями. Только двое из репортеров догадались вызвать «скорую помощь», но после этого сразу же начали снимать ужасную сцену. Алчность и бесчувственность репортеров поразила собравшуюся толпу – ведь две жертвы были уже мертвы. Шокированные люди набросились на папарацци. Все были убеждены в том, что истинные виновники катастрофы – репортеры, преследовавшие машину. Подоспела полиция, несколько фотографов было арестовано по обвинению в непредумышленном убийстве и неоказании помощи. Полицейские конфисковали камеры, но после просмотра пленок выяснилось, что все фотографии сделаны уже после катастрофы. А на смерти Дианы уже начали зарабатывать деньги. Два интернет-сайта написали о том, что цена на фотографии Дианы в разбитой машине превысила шестьсот тысяч фунтов. Пирс Морган из Daily Mirror просмотрел снимки агентств и понял, что напечатать их невозможно. Он, как и все остальные редакторы, прекрасно понимал, что в смерти Дианы обвинят именно журналистов.

В больнице известий о состоянии Дианы ожидали британский посол во Франции сэр Майкл Джей и министр внутренних дел Франции Жан-Пьер Шевенман. Они известили о несчастье помощника личного секретаря королевы, сэра Робина Жанрена. Диана настолько отстранилась от королевской семьи, что Жанрен даже не знал, что она находится в Париже. Узнав о ее смерти, он сообщил печальное известие королеве и принцу Чарльзу. Чарльз решил ничего не говорить мальчикам, пока все окончательно не прояснится. О смерти Дианы официально объявили в 5.45 по парижскому времени. Эта новость потрясла весь мир.

Колин Теббат и Пол Баррел вылетели в Париж в сопровождении телохранителя принца Чарльза, Иэна фон Танца. В британском посольстве их встречали сэр Майкл и леди Джей, а также военный атташе Чарльз Ритчи. Леди Джей выбрала черное коктейльное платье, чтобы переодеть Диану. Баррел был глубоко

потрясен, он рыдал – хотя впоследствии писал о том, что сохранял полное спокойствие. В посольстве всеми делами занялись Теббат и Ритчи. Они нашли переводчика и машину, которая доставила Теббата и Баррела в «Риц» – нужно было забрать вещи Дианы. Но выяснилось, что Файед уже отослал их в Лондон. В больнице Сальпетриер их проводили в комнату, где находилось тело Дианы.

«Она выглядела такой спокойной», – вспоминал Теббат [601]. На крышах соседних зданий дежурили журналисты, пытавшиеся сделать сенсационные снимки, поэтому Теббат завесил окна палаты одеялами и включил кондиционер, поскольку в помещении было жарко и душно. «От тока воздуха волосы Дианы зашевелились, ресницы дрогнули – мне показалось, что она жива, – вспоминал Теббат. – Полу тоже» [602]. «Казалось, она просто спит… На лице было всего несколько царапин, а волосы скрывали повреждения на голове. Я стоял совсем рядом, но не видел никаких ран» [603]. В углу застыли два бальзамировщика: им предстояло подготовить тело к приезду королевского бальзамировщика из Лондона. Сотрудники фирмы Leadington прибыли позже. Они привезли с собой свинцовый гроб и королевский штандарт, чтобы накрыть его.

Тревога, царившая в больнице Сальпетриер, не шла ни в какое сравнение со смятением, царившим в Букингемском дворце, Балморале и на Даунинг-стрит. В английской истории еще не было случая, чтобы погибла разведенная принцесса. В Балморале принц Чарльз собирался с силами, чтобы сообщить Уильяму и Гарри трагическое известие. Уильям вспоминал, что в тот день проснулся среди ночи и сразу понял, что случилось нечто ужасное. Чарльз, терзаемый чувством вины, переживал не только о судьбе своей жены. Он постоянно твердил: «Ведь во всем будут винить меня, непременно будут…» [604]

Тони Блэр, находившийся у себя дома в Седжфилде, графство Дарем, сказал Алистеру Кэмпбеллу: «Эта смерть вызовет скорбь, какой еще не видывал мир». Утром Блэр выступил с речью, в которой говорил о значении принцессы Дианы в жизни нации: «Она нравилась людям, они любили ее, считали представительницей народа. Она была народной принцессой – и навсегда останется ею в наших сердцах и воспоминаниях» [605].

«После смерти Дианы сразу же начались шумные споры», – вспоминал один из королевских помощников. В Балморале никак не могли решить, следует ли Чарльзу остаться с сыновьями или нужно вылететь в Париж, чтобы доставить тело Дианы в Англию, и уместно ли использовать с этой целью самолет королевы. Помощники личного секретаря Чарльза, Стивен Лэмпорт и Марк

Болланд, считали, что нужно лететь в Париж. Они посоветовали принцу руководствоваться собственными побуждениями и даже были готовы забронировать ему билет на рейсовый самолет из Абердина, если самолетом королевы воспользоваться не удастся [606].

Спорили и о том, следует ли воздавать Диане почести как члену королевской семьи и матери будущего короля или же устраниться и поручить заботы по похоронам Спенсерам. Королева предлагала провести частную семейную церемонию в Виндзоре и затем во Фрогморе, как для Уоллис Симпсон, герцогини Виндзорской. Спенсеры предпочитали устроить семейную церемонию в Олторпе. Однако в конце концов всем стало ясно, что народ удовлетворится только торжественной государственной церемонией. Члены королевской семьи продолжали вести себя словно ничего не случилось. Они посетили воскресную службу в церкви Крати, во время которой Диана ни разу не была упомянута – после утраты титула «ее королевское высочество» имя Дианы было вычеркнуто из молитв за членов королевской семьи. Священник прочел подготовленную еще до известия о смерти проповедь, написанную в легком, даже шутливом духе. Никто не говорил о Диане, принц Гарри даже спросил: «А вы уверены, что мамочка действительно умерла?»

Журналисты были возмущены. В понедельник The Times вышла под заголовком «НИКАКИХ УПОМИНАНИЙ О ТРАГЕДИИ». Ей вторила Sun: «А ИМ ВООБЩЕ ЕСТЬ ДЕЛО?» На королеву и королевскую семью обрушился такой шквал критики, какого Англия еще не знала. К концу недели уровень враждебности в обществе достиг высшего накала.

В понедельник днем Чарльз, к которому в Абердине присоединились сестры Дианы, вылетел в Париж на самолете королевы. Чарльз Спенсер узнал о смерти Дианы в своем доме в Кейптауне. Он вспоминал: «Среди ночи раздался телефонный звонок. Это был управляющий Олторпом. Он сказал: „Мы слышали, что в Париже произошла автокатастрофа. Доди Файед погиб, но ваша сестра только ранена. Мы подумали, что вы должны узнать обо всем немедленно“. Я спустился вниз и включил радио. Все станции передавали одно и то же. Прошла информация, что журналисты видели, как Диана выходила из машины. Я подумал, что обошлось, но все же решил больше не ложиться. А потом позвонила Сара и сказала: „Новости ужасные. Похоже, у нее серьезная травма мозга“. Я был потрясен. Не мог в это поверить. И тогда я позвонил Джейн – ведь ее муж приближенный королевы. Роберт Феллоуз в это время говорил по другой линии. Он воскликнул: „О нет!“ А потом Джейн сказала:

„Боюсь, все кончено. Она умерла“» [607].

Прежде чем вылететь в Англию, Чарльз сделал заявление в память своей «необыкновенной сестры». В конце он зловеще добавил, что считает виновниками ее смерти журналистов, что «все владельцы и редакторы газет», которые платили за оскорбительные фотографии Дианы, никогда не смоют со своих рук ее кровь. Его слова еще сильнее подогрели гнев общественности. Мать Дианы находилась на острове Сейл. Она была в отчаянии – ведь с Дианой они не разговаривали уже три месяца. Ни принц Чарльз, ни королева не позвонили ей, чтобы выразить соболезнования.

Когда принц Чарльз и сестры Дианы прибыли в Париж, тело принцессы уже было подготовлено. Она лежала очень спокойная и красивая, в черном коктейльном платье и туфлях леди Джей, с безукоризненной прической. В руках у нее были четки, подаренные матерью Терезой. Чарльз, Джейн и Сара остались наедине с Дианой, а затем ее тело поместили в гроб. Колин Теббат и Баррел сопровождали катафалк по Парижу. «Это было нечто фантастическое, – вспоминал Теббат. – В Париже все делают по-другому – люди аплодировали. Когда по улице проезжал катафалк, за которым ехали принц Чарльз, президент, целая толпа полицейских, я, Пол и викарий [преподобный Мартин Дрейпер], весь Париж аплодировал…» [608]

Самолет приземлился в британском аэропорту Нортхолт. Вдоль дороги из Нортхолта в Фулем, где тело Дианы должны были поместить в морг, выстроились тысячи людей. «Я не мог поверить собственным глазам, – вспоминал Теббат. – Леди Сара [Маккоркодейл] сказала: „Мы устроим небольшую частную церемонию в Олторпе“, и мы повернули на А40. Я не мог поверить собственным глазам. На дороге стояли тысячи людей – и ни одной машины». Теббат послал одного из своих шоферов отвезти Сару домой по трассе А40. На этот раз она воскликнула: «Устроить тихие похороны будет невозможно!» [609]Оставив тело Дианы для обязательного вскрытия в Фулеме (первичное вскрытие по французским законам было проведено еще в Париже), Чарльз вылетел в Балморал.

Королевская семья в Шотландии даже не представляла, какая истерия развивается в столице. Толпы людей – белых, черных, старых, молодых – часами стояли в очереди, чтобы расписаться в книге соболезнований в Сент-Джеймсском дворце. Возле Кенсингтонского дворца росли горы цветов. Люди прикрепляли в дворцовой ограде записки с соболезнованиями и стихи. Простые люди прощались со своей принцессой.

Из Фулема тело Дианы доставили в королевскую часовню

Сент-Джеймсского дворца. Люсия Флеча де Лима вылетела в Лондон сразу же, как только узнала о смерти подруги. Она с удивлением отметила, что гроб стоит в совершенно пустом помещении: «Когда я в первый раз вошла в часовню, на ее гробе не было ни одного цветка. Тогда я сказала священнику, что если он не позволит выразить скорбь и признательность принцессе как принято, то я вышибу двери часовни, чтобы люди увидели ее без единого знака внимания, а священник разглядел горы цветов, принесенных людьми. Я предупредила: „Завтра я вернусь с цветами“. И я приходила каждый день, и приносила целые охапки – не только от себя, но и от наших друзей, от тех, кто ее знал. Я подошла к цветочному киоску возле мишленовского ресторана [Bibendum на Фулем-роуд], и продавец спросил меня: „Для кого покупаете?“ Я объяснила – для кого, и с этого дня он отдавал мне цветы для нее бесплатно…» [610]«Ее окружали цветы со всего мира. Я сказала принцу Чарльзу: „Люди всего мира хотели бы подарить принцессе Диане тысячи, миллионы цветов“. Мне прежде не доводилось испытывать ничего подобного, хотя в моей жизни бывали потери… Горе народа просто невозможно передать словами» [611].

В последнюю ночь перед погребением тело Дианы доставили домой, в Кенсингтонский дворец. Перед этим Люсия с Полом Баррелом получили последнее мрачное напоминание – доставили пакет с одеждой, в которой Диана была в момент катастрофы: черный топ и белые брюки. Черного блейзера в пакете не оказалось. Пол Баррел целый день разбирал цветы, оставленные возле дворца и присланные друзьями – любимые Дианой белые лилии, тюльпаны и розы. Пол зала, где был установлен гроб, как ковром застлали цветами. Две большие церковные свечи привез отец Тони Парсонс из церкви кармелиток в Кенсингтоне, которую Диана часто посещала.

Тем вечером во дворец приехали Фрэнсис, Сара, Джейн и их дети. Чарльз Спенсер не появился. По просьбе Люсии Баррел спросил Сару Маккоркодейл, можно ли ей провести ночь у гроба Дианы. «…Я рассказал леди Саре, насколько были близки Диана и Люсия, как важно для нее провести эту ночь рядом с гробом, но Сара категорически отказала. Она считала, что присутствовать на бдении могут только члены семьи. Единственная женщина, которая была Диане ближе всех родственников, так и не смогла проститься с ней без свидетелей» [612].

«ГДЕ КОРОЛЕВА, КОГДА СТРАНА НУЖДАЕТСЯ В НЕЙ?» – вопрошала 4 сентября газета Sun. Уже четыре дня продолжался неофициальный траур – и неприкрытая скорбь – по Диане. Королева была в отпуске, за пятьсот пятьдесят миль от столицы.

Газеты писали, что она собирается прибыть только в день похорон и сразу же вернуться в Балморал. Елизавета не прислушалась к словам придворных, которые советовали ей приспустить флаг над Букингемским дворцом. Пустой флагшток в конце Мэлла стал «жестоким оскорблением памяти Дианы». Журналисты задавались вопросом, почему королева не обратилась к народу с личным заявлением и выражением скорби? «Народ хочет, чтобы монархия публично присоединилась к оплакиванию Дианы… Каждый час, пока дворец остается пустым, усиливает общественный гнев… Это оскорбление памяти народной принцессы…»

Бывший помощник королевы вспоминал (по поводу ситуации с флагом): «Теперь уже трудно понять, почему в Балморале поступили именно так, а не иначе. Было ли это просто необдуманное решение или проявление надвигающегося кризиса? Если бы двор находился в Лондоне, то королевская семья сразу почувствовала бы, что пустой флагшток вызывает отчетливую неприязнь. Им следовало бы проявить больше чуткости» [613].

Начались неизбежные поиски виновников несчастья. Как могла произойти эта трагедия? Первой мишенью стали папарацци и газеты, которые им платили. Затем народный гнев обрушился на пьяного водителя Анри Поля, а следом на королевскую семью, которая отвергла Диану. Люди были уверены: если бы они этого не сделали, то Диана не оказалась бы в туннеле Альма с каким-то плейбоем. Практически в полный голос шли разговоры о том, что королевская семья, оставшись отдыхать в Балморале, не вернувшись в столицу, чтобы разделить горе нации, выказала полное безразличие к народной принцессе. Пустой флагшток над Букингемским дворцом – резиденцией королевской семьи – вызывал всеобщее раздражение. Народ считал, что королевская семья могла себе позволить хотя бы официальное выражение горя – флаг следовало приспустить.

«В таких вопросах королева является сторонницей традиций, – вспоминает один из придворных. – Поскольку прецедентов не имелось, королевская семья не собиралась ничего менять. Отсутствие личного штандарта или флага вовсе не означает проявления нечуткости – здесь простая логика. Если королева во дворце – флаг есть. Нет королевы – нет флага» [614]. Под давлением общественности дворец, а скорее сама королева, неохотно уступил. Когда королева будет во дворце, флаг можно приспустить. Помощник личного секретаря, сэр Робин Жанрен, переговорив с королевой, сообщил сторонникам «приспущенного флага»: «Мне пришлось выдержать настоящую битву, но вы получите свой флаг…» [615]Компромисс был достигнут: когда королева вернется из Балморала, поднимут ее штандарт, он будет

поднят до дня похорон, а затем его заменят на приспущенный государственный флаг, который останется на флагштоке до полуночи воскресенья [616].

«Это было серьезно обдуманное решение: в день похорон следовало совершить символический жест», – говорит Дики Арбитер, самый опытный пресс-секретарь, который когда-либо работал у Чарльза и Дианы. Вопреки всеобщему убеждению королева, по словам Арбитера, была глубоко потрясена смертью Дианы. «В день похорон, когда королевская семья вышла из Букингемского дворца и мимо проехал лафет с гробом Дианы, королева склонила голову. До этого она склоняла голову только у Кенотафа [памятника Неизвестному Солдату]» [617].

Только в пятницу, 5 сентября, когда члены королевской семьи прилетели в Лондон, они в действительности ощутили, что земля колеблется под их ногами, сдвигаемая тектоническими силами эмоций и горя множества людей. Лишь здесь королева почувствовала, что значила смерть Дианы для народа. Елизавета и ее близкие вышли из ворот дворца, чтобы пообщаться с народом, и королеву поразила непривычная атмосфера неприкрытого горя и – впервые в ее жизни – скрытой враждебности.

На той неделе тележурналист Джон Сноу попытался проанализировать настроения людей, собравшихся на Мэлле. Он заметил, что люди раздражены тем, что королева не разделяет их горя. Настроения публики были таковы, что в полиции началась настоящая паника. Опасаясь нападений на погребальную процессию или других беспорядков, руководство полиции даже звонило в штаб с просьбой ввести в Лондон войска. Армейское начальство отказалось участвовать в акциях подобного рода, и тогда на улицах появились огромные фургоны с отрядами особого назначения. В день похорон такие фургоны стояли на всех боковых улицах по ходу процессии [618].

В пятницу вечером, перед похоронами, королева выступила по телевидению. Она говорила о Диане, о ее жизни. Первые слова прозвучали почти как извинение: «Мы все пытаемся справиться с этим горем по-разному. Непросто говорить об утрате: первоначальный шок сменился другими чувствами – неверием в произошедшее, гневом, болью за тех, кто осиротел… И теперь я – ваша королева и бабушка – хочу обратиться к вам от всего сердца». Королева отдала дань уважения Диане – «исключительному, одаренному человеку». Она сказала: «Мы должны извлечь уроки из ее жизни и потрясающей, трогательной реакции на ее смерть…»

Одетая в черное королева сидела у окна – были видны толпы

людей у дворца. Она говорила твердо, торжественно и, пожалуй, впервые от всего сердца. Текст написал зять Дианы, сэр Роберт Феллоуз. Даунинг-стрит всю неделю вела переговоры с дворцом. Именно по предложению команды премьер-министра в речь королевы было включено слово «бабушка». «Это было их единственное предложение, – вспоминал Дики Арбитер. – Единственный реальный вклад в организацию похорон. Они предложили две минуты молчания в аббатстве – осталась только одна, – и больше ничего. Правда, Хейдену Филлипсу, постоянному секретарю департамента национального наследия, было сказано, что „деньги не имеют значения“, потому что именно правительству пришлось оплачивать трибуны для журналистов и прочие расходы. И лишь за полчаса до встречи в Букингемском дворце в понедельник утром люди с Даунинг-стрит наглядно убедились, что „ребята из дворца знают, что делают“» [619].

Прощание с Дианой было организовано в рекордно короткие сроки. Королевский церемониал прошел блестяще. Родственники Дианы были неправы, предлагая устроить тихую семейную церемонию в Олторпе. Мир потребовал, чтобы Диана получила то, на что имела полное право, – идеально продуманную, блестящую, достойную церемонию, проведенную Букингемским дворцом. Гроб с телом Дианы должны были провезти из королевской часовни в Сент-Джеймсский дворец, а оттуда по Мэллу через арку Конной гвардии к Уайтхоллу и затем в Вестминстерское аббатство. Полиция, которая оценила огромное количество желающих проститься с Дианой, предложила удлинить маршрут. Из королевской часовни в Сент-Джеймсском дворце тело Дианы доставили в Кенсингтонский дворец, и погребальная процессия началась оттуда. В Гайд-парке установили экраны и громкоговорители – велась прямая трансляция.

Люди следили за похоронами Дианы до погребения. По разным оценкам, в Лондон для участия в церемонии прибыло более миллиона человек.

В 9.08 начали звонить колокола Вестминстера. Из ворот Кенсингтонского дворца появился установленный на конном лафете гроб с телом Дианы. Он был накрыт королевским штандартом, на котором лежали три букета: сноп белых тюльпанов от Уильяма, крупные белые лилии от Чарльза Спенсера и – самый трогательный – небольшой букетик любимых белых роз Дианы с маленькой карточкой «Мамочке», написанной рукой двенадцатилетнего Гарри. Процессия медленно двинулась по Кенсингтон-роуд к Гайд-парку и дальше к Букингемскому

дворцу, где память Дианы почтили королева и остальные члены королевской семьи, включая принцессу Маргарет. Когда процессия двинулась по Мэллу, к ней присоединились Чарльз, принц Филипп, Чарльз Спенсер, Уильям и Гарри. Накануне вечером принц Филипп сказал Уильяму, что если тот хочет идти за гробом матери, то он пойдет с ним. Участие в процессии стало колоссальным испытанием для пятнадцатилетнего Уильяма и двенадцатилетнего Гарри. Они шли за гробом Дианы под крики: «Господь благослови вас!» Многие плакали и кидали на дорогу цветы.

В Вестминстерском аббатстве собралось две тысячи человек, сюда пришли ее друзья и коллеги по благотворительной работе. Присутствовала вся королевская семья. Из Соединенных Штатов прибыли Билл и Хилари Клинтон. Президента Франции представляла его жена, Бернадетт Ширак. Было много знаменитостей – Стинг, Валентине Ширли Бэйси, Джордж Майкл и Элтон Джон. Из Голливуда приехали Том Хэнке, Стивен Спилберг, Том Круз и Николь Кидман. Пришли знаменитые друзья Дианы – Дэвид Фрост и Клайв Джеймс. Присутствовали и старинные друзья – Кэролайн Бартоломью и Лора Лонсдейл. Конечно же, были все члены семьи Флеча де Лима, Аннабел Голдсмит, Имран Хан и Джемайма. Приехала директриса школы Вест-Хит, Рут Рудж. «Удивительно, насколько разнообразной была жизнь Дианы, – вспоминал Ричард Кей. – На ее похоронах в Вестминстерском аббатстве собрались все ее друзья, и большинство из них никогда не видело друг друга, многие даже не знали, кто есть кто. Это было просто поразительно». На службе присутствовал Хаснат Хан. Вернувшись из Пакистана, он нашел под дверным ковриком поздравительную открытку от Дианы и приглашение на ее похороны.

Мередит Этерингтон-Смит писала: «Я запомнила мертвую тишину, наступившую в то мгновение, когда вносили гроб. Гроб явно был очень, очень тяжелым – из свинца. Мы слышали только скрип сапог военных, которые несли его, пошатываясь. Я подумала: „Господи, они же его уронят!“ Заиграла любимая музыка Дианы – гимн „Клянусь тебе, моя страна“. Этот гимн исполняли и на ее свадьбе. Затем прозвучала заключительная часть „Реквиема“ Верди, Libera Me Domine. Но больше всего растрогал публику Элтон Джон, исполнив свой реквием по Мэрилин Монро „Свеча на ветру“. Он переписал его специально для Дианы. „Прощай, роза Англии…“ – пел он. Одному Богу известно, как он с этим справился. Он весь дрожал…» Песня Элтона Джона идеально подходила для церемонии. Диана восхищалась Монро, сочувствовала ей и умерла в том же самом

возрасте. (Другой ее кумир, принцесса Грейс, на похоронах которой Диана присутствовала, тоже погибла в автокатастрофе пятнадцать лет назад – в сентябре 1982 года.) Драматической кульминацией церемонии стало выступление Чарльза Спенсера. Его речь тронула сердца всех, кто ее слышал.

Он обращался к Диане, которая носила имя богини охоты, но была «самой преследуемой женщиной мира». Превзойти Чарльза Спенсера вряд ли бы кому удалось. «Диана была воплощением сострадания, долга, стиля, красоты, – сказал он. – Для всего мира она была символом бескорыстной человечности, знаменосцем всех поистине угнетенных, английской девушкой, чья любовь и забота не знали национальности; человеком, обладавшим естественным благородством…»

Чарльз не устоял перед соблазном уколоть королевскую семью, которая лишила Диану титула «ее королевское высочество»: «В последний год она доказала, что для ее особой, доброй магии не нужен королевский титул», отметил удивительное чувство юмора, энергию и «любовь к жизни, которая сияла в ее улыбке и незабываемых глазах…»

«Без твоей Богом данной чуткости, – сказал брат Дианы, – мы погрязли бы в полном невежестве и остались глухими к страданиям больных СПИДом, бездомных, прокаженных, жертв противопехотных мин». Когда Чарльз заговорил о том, что под блеском гламура и известности скрывалась та же самая неуверенная в себе девочка, какой она была в детстве, никто не смог сдержать слез. «Однажды Диана призналась мне, что ее собственные страдания помогли ей лучше понять страждущих и отверженных – несмотря на свое положение, на всеобщее почитание, в душе она оставалась ранимой, неуверенной в себе. В ее желании творить добро было нечто детское, будто она пыталась восполнить собственную, как ей казалось, никчемность…»

Чарльз Спенсер обращался не только к репортерам, которые буквально охотились за Дианой, но и критиковал королевскую семью и ее традиции: «…Мы молимся о том, чтобы нам, твоим родным по крови, удалось сохранить ту уникальную атмосферу любви, в которой ты воспитывала этих двух замечательных молодых людей, чтобы их души не были всецело подчинены долгу и традиции, но могли петь открыто, как ты всегда мечтала…»

Кое-кто посчитал горечь, сквозившую в словах Чарльза Спенсера, и его нападки на королевскую семью недопустимыми на похоронах, где, казалось бы, всех присутствующих должно объединить общее горе и всепрощение. Другие же, те, кто знал

Спенсеров не понаслышке, сочли упоминание о «кровном родстве» ханжеством. И все же Чарльзу Спенсеру удалось тронуть все сердца. Когда он закончил речь, в аббатстве воцарилась полная тишина. Один из присутствующих вспоминал: «Слышно было, как где-то далеко-далеко за вратами стучат капли дождя… А потом люди разразились аплодисментами» [620].

Об этом же вспоминает и известный журналист: «Под сводами Вестминстерского аббатства раздался звук падающих дождевых капель… Он принес облегчение. По нефу покатилась волна аплодисментов: начали аплодировать люди, собравшиеся на улице, потом две тысячи тех, кто находился внутри… На похоронах не принято устраивать овации, но люди так поступили по велению сердца… Их рукоплескания ворвались в аббатство. Каждый из них желал не просто быть одним из миллионов собравшихся на улицах Лондона, одним из миллиарда людей, смотревших трансляцию по телевизору. Все они хотели быть в аббатстве – поближе к Диане, и аплодисменты позволили им пробиться туда» [621]. Известность Дианы превзошла все мыслимые пределы – ей удалось тронуть людские сердца не только в Британии, но и во всем мире.

В полдень гроб с телом Дианы двинулся к Олторпу. Аплодисменты продолжались. Катафалк был настолько засыпан цветами, что водителю пришлось включить дворники, чтобы расчистить лобовое стекло. У ворот Олторпа катафалк сломался – Диане с ее чувством юмора это понравилось бы. Из Лондона в Нортгемптоншир двинулся королевский поезд, состоящий из элегантных красных вагонов и двух локомотивов «Принц Уильям» и «Принц Генри». В поезде находились принц Чарльз, Уильям и Гарри. Пол Баррел и Колин Теббат ехали с ними – они были приглашены на семейный обед в Олторпе. Во время этой поездки кто-то из свиты предложил вернуть Диане титул «ее королевское высочество». Но это был бы бессмысленный жест, и Чарльз Спенсер отверг предложение. (На похороны Чарльз приехал вместе со своей южноафриканской подругой. Он поручил ее заботам Баррела, чтобы избежать неловкости. Девушка Чарльза, Баррел и Теббат были единственными *не*членами семьи, присутствовавшими при погребении Дианы на острове.)

В конце поминального обеда Спенсер объявил: «Диана вернулась домой». Королевский штандарт заменили на бело-красно-черно-золотой флаг Спенсеров. После смерти Спенсеры приняли Диану так же, как отвергнувшая ее когда-то королевская семья. Ни те, ни другие не смогли дать ей при жизни той поддержки, какой она заслуживала.

Небольшая процессия пересекла парк и переправилась на

остров в центре маленького, окруженного деревьями озера. Восемь уэльских гвардейцев во главе с офицером перенесли гроб по временному понтонному мосту на остров. Земля была уже освящена, могила готова. После получасовой погребальной службы близкие разошлись, оставив Диану одну на пустынном острове – такой же одинокой в смерти, какой была она при жизни.

Избранная библиография

Barry, Stephen P., *Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles,* Avon Books, New York, 1984.

Bedell Smith, Sally, *Diana: The Life of a Troubled Princess,* Aurum Press, 1999.

Berry, Wendy, *The Housekeeper's Diary: Charles and Diana Before the*.

Breakup, Barricade Books, Inc., New York, 1995.

Bower, Tom, *Fayed: The Unauthorized Biography,* Pan Books, 2001.

Bradford, Sarah, *Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen,* rev. edn, Penguin Books, 2002. Burchill, Julie, *Diana,* Weidenfeld & Nicolson, 1998.

Burrell, Paul, A *Royal Duty,* Michael Joseph, 2003. Campbell, Lady Colin, *Diana in Private: The Princess Nobody Knows,* Smith Gryphon, 1992.

Clarke, Mary, *Little Girl Lost: The Troubled Childhood of Princess Diana by the Woman who Raised Her,* Birch Lane Press, New York, 1996.

Clayton, Tim, and Phil Craig, *Diana: Story of a Princess,* Hodder & Stoughton, 2001.

Courtney, Nicholas, *Diana: Princess of Wales,* Park Lane Press, 1982.

Coward, Rosalind, *Diana: The Portrait,* HarperCollins, n.d. Deedes, William, *Brief Lives,* Macmillan, 2004.

Delorm, Rene, with Barry Fox and Nadine Taylor, *Diana*& *Dodi: A Love Story,* Tallfellow Press, Los Angeles, 1998.

Dimbleby, Jonathan, *The Prince of Wales: A Biography,* Little, Brown, 1994. Ferguson, Ronald, *The Galloping Major: My Life and Singular Times,* Macmillan, 1994.

Goldsmith, Lady Annabel, *Annabel: An Unconventional Life,* Phoenix, Graham, Caroline, Camilla – *The King's Mistress: A Love Story,* Blake Publishing, 1994.

Graham, Tim, with text by Tom Corby, *Diana, Princess of Wales: A*Tribute, Weidenfeld & Nicolson, n.d. Greenslade, Roy, *Press Gang: The True Story of How Papers Make Profits from Propaganda,* Macmillan, 2003.

Gregory, Martyn, *Diana: The Last Days,* Virgin Publishing, 1999, revised and updated by Virgin Books, 2004.

Hastings, Max, *Editor: An Inside Story of Newspapers,* Pan Books, 2003.

Hewitt, James, *Love and War,* Blake Publishing, 1999.

Hewitt, James, *Moving On,* Blake Publishing, 2005.

Holden, Anthony, *Charles, Prince of Wales,* Weidenfeld & Nicolson,

1979.

Holden, Anthony, *Charles: A Biography,* Fontana Paperbacks, 1989.

Holden, Anthony, *Charles: A Biography,* Corgi Books, 1999.

Hurd, Douglas, *Memoirs,* Abacus Books, 2004. Jephson, Patrick, *Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996,* HarperCollins, 2000.

Jephson, Patrick, photographs by Kent Gavin, *Portraits of a Princess: Travels with Diana,* Sidgwick & Jackson, 2004.

Junor, Penny, *Diana, Princess of Wales,* Sidgwick & Jackson, 1982.

Junor, Penny, *Charles, Victim or Villain?* HarperCollins, 1998.

Kortesis, Vasso, *The Duchess of York,* Blake Publishing, 1996. Levin, Angela, *Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp,* Weidenfeld & Nicolson, 1993.

MacArthur, Brian, ed., *Requiem: Diana, Princess of Wales1961-1997 – Memories and Tributes,* Arcade Publishing, 1997.

Morgan, Piers, *The Insider,* Ebury Press, 2005.

Morton, Andrew, *Inside Kensington Palace,* Michael O'Mara Books, 1987.

Morton, Andrew, *Diana: Her True Story – In Her Own Words,* revised edn, Michael O'Mara Books, 1997.

Morton, Andrew, *Diana: Her New Life,* Michael O'Mara Books, 1994. Morton, Andrew, *Diana: In Pursuit of Love,* Michael O'Mara Books, 2004.

Pasternak, Anna, *Princess in Love,* Bloomsbury, 1994.

Pontaut, Jean-Marie, and Jerome Dupuis, *Enquete sur la mort de Diana,* Editions Stock, Paris, 1998.

Rees-Jones, Trevor, with Moira Johnston, *The Bodyguard's Story: Diana, the Crash and the Sole Survivor,* Little, Brown, 2000.

Report *to His Royal Highness The Prince of Wales by Sir Michael Peat and Edmund Lawson QC,* 13 March 2003.

Riddington, Max, and Gavan Naden, *Frances: The Remarkable Story of Diana's Mother,* Michael O'Mara Books, 2003.

Robertson, Mary, *The Diana I Knew,* Judy Piatkus, 1998.

Rogers, Rita, *From One World to Another…,* Pan Books, 1998.

Sancton, Thomas, and Scott MacLeod, *Death of a Princess: An Investigation,* Weidenfeld & Nicolson, 1998.

Sarah, The Duchess of York, with Jeff Coplon, *My Story,* Simon & Schuster, 1996.

Seward, Ingrid, *The Queen and Di,* HarperCollins, 2000. Shanley-Toffolo, Oonagh, *The Voice of Silence: A Life of Love, Healing and Inspiration,* Rider, 2002.

Simmons, Simone, with Susan Hill, *Diana: The SecretYears,* Michael O'Mara Books, 1998.

Snell, Kate, *Diana: Her Last Love,* Granada Media, 2000. Souhami,

Diana, *Mrs Keppel and Her Daughter,* HarperCollins, 1996.

Spencer, Charles, *Althorp: The Story of an English House,* Viking, 1998.

Spencer, Charles, *The Spencer Family,* Viking, 1999.

Starkie, Allan, *Fergie: Her Secret Life,* Michael O'Mara Books, 1996.

Strong, Roy, *The Roy Strong Diaries1967-1997,* Weidenfeld & Nicolson, 1997.

Wade, Judy, *The Truth: The Friends of Diana, Princess of Wales, Tell Their Stories,* Blake Publishing, 2001.

Wharfe, Ken, with Robert Jobson, *Diana: Closely Guarded Secret,* revised and expanded paperback edn, Michael O'Mara Books, 2003.

Whitaker, James, *Diana v. Charles,* Signet, 1993.

Wilson, Christopher, *The Windsor Knot: Charles, Camilla and the Legacy of Diana,* Citadel Press, New York, 2002.

Ziegler, Philip, *Mountbatten,* HarperCollins, 1985.

Разрешения

Автор и издатель бесконечно благодарны за разрешение использовать материалы, защищенные авторским правом.

Из книги *Diana: The Portrait*edited by Rosalind Coward. Воспроизведено с любезного разрешения Harper Collins Publishers Ltd. Copyright Rosalind Coward 2004.

Из книги *The Prince of Wales: A Biography*by Jonathan Dimbleby. Воспроизведено с любезного разрешения David Higham Associates. Copyright Jonathan Dimbleby, Little, Brown 1996.

Из книги *Diana: The Last Days*by Martyn Gregory. Воспроизведено с любезного разрешения Virgin Books. Copyright Martyn Gregory 1999, 2000, 2004, Virgin Books Ltd.

Из книги *Shadows of a Princess: Diana, Princess of Wales 1987–1996*by Patrick Jephson. Воспроизведено с любезного разрешения Harper Collins *Publishers*Ltd. Copy right Patrick Jephson 2001.

Из книги *Diana: Her True Story – In Her Own Words*by Andrew Morton. Воспроизведено с любезного разрешения Michael O'Mara Books Ltd. Copyright Andrew Morton 2003.

Из книги *Diana: Closely Guarded Secret*by Ken Wharfe. Воспроизведено с любезного разрешения Michael O'Mara Books Ltd. Copyright Ken Wharfe 2002.

Из книги *The Insider*by Piers Morgan, published by Ebury Press. Воспроизведено с любезного разрешения The Random House Group Ltd. Copyright Piers Morgan 2005.

Из книги *Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp*by Angela Levin. Воспроизведено с любезного разрешения Weidenfeld & Nicolson, an imprint of The Orion Publishing Group. Copyright Angela Levin 1993.

Из книги *Fayed: The Unauthorized Biography*by Tom Bower. Воспроизведено с любезного разрешения of Pan Macmillan. Copyright Tom Bower 2003.

Из книги *Fergie: Her Secret Life*byAllan Starkie. Воспроизведено с

любезного разрешения Michael O'Mara Books. Copyright Allan Starkie 1996.

Из книги *Love and War*by James Hewitt. Воспроизведено с любезного разрешения Blake Publishing. Copyright James Hewitt 1999.

Из книги *The Bodyguard's Story: Diana, the Crash and the Sole Survivor*by Trevor Rees-Jones. Воспроизведено с любезного разрешения Little, Brown. Copy right Trevor Rees-Jones 2000.

Из книги *Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997*edited by Brian MacArthur, published by Arcade Publishing, New York, NY. Text copyright 1997 by Brian MacArthur.

Из книги *The Duchess of Yorkby*Vasso Kortesis. Воспроизведено с любезного разрешения Blake Publishing. Copyright Vasso Kortesis 1996.

Хотя мы приложили все усилия к тому, чтобы получить разрешения от обладателей авторских прав на воспроизведенный в данной книге материал, издательство приносит извинения за невольно допущенные пропуски, которые могут быть исправлены в последующих изданиях.

Благодарности

Я бесконечно благодарна всем тем, кто любезно помог мне в работе над этой книгой, и тем, чьи имена перечислены ниже, и тем, кто предпочел остаться в тени. Мне посчастливилось сохранить воспоминания людей из королевского окружения, записанные более десяти лет назад, когда события, описанные в книге, и реакция на них были еще свежи. Если я пропустила кого-то из тех, кого следовало упомянуть, прошу меня простить.

A&H Associates; Дики Арбитер; Салли Беделл Смит; Майкл Бентли; Марк Болланд; Том Бауэр; лорд Карлайл Беррью; Фил Крейг; сэр Джеффри Диэр; лорд Дидс; сестра Бриди Дауд; Виктор Эделстайн; Мередит Этерингтон-Смит; Тесс Гилдер; Роберт Голден; Рой Гринслейд; Джорди Грейг; Дэвид Гриффин; Линда Холл; Памела, леди Харлек; Николас Хаслам; Джеймс Хьюитт; Стюарт Хиггинс; Энтони Холден; Патрик Джефсон; Ричард Кей; Тимоти Лиз; Брайан Лаппинг; Маргерит Литтман; Кристофер Лойд; Роберт Лоу; Колин и Аннабел Маккей; Эндрю Мортон; М. Дж. Роколл любезно предоставил мне доступ к своей коллекции писем Дианы; достопочтенный Майкл Сид; Ян Шапиро из Argyll Etkin Ltd, London предоставил мне доступ к документам и письмам Дианы; Джеймс Шервин; Роберт Спенсер; доктор Уилл Свифт; Уильям Тэллон; Колин Тиббет; Хьюго Викерс любезно позволил мне использовать его неопубликованный дневник и большую коллекцию газетных вырезок, посвященных Диане; Джуди Уэйд; лорд Уэйкман; Кристофер Уорвик; Найджел Уэст; Кеннет Э. Уорф; Джеймс Уитакер.

Я благодарна Мартину Морсу Вустеру за помощь в работе с американскими источниками, Люси Паллен за работу в газетных архивах, Камилле Иди и Лиззи Грант за прекрасные расшифровки и всяческую помощь, Линде Маршалл за помощь в подборе фотографий и Дугласу Мэтьюзу за составление указателя.

Огромную помощь мне оказал мой литературный агент Гиллон Эйткен и его помощницы Айеша Карим и Салли Райли. Хочу поблагодарить сотрудников лондонского издательства Viking: Хелен Фрезер, Тома Уэлдона и Кейт Тейлор. В этом непростом пути меня сопровождала Карли Кук, которая тщательно подобрала и расположила фотографии, иллюстрирующие жизнь Дианы, отредактировала книгу и следила за издательским процессом с первой до последней

минуты, вникая во все мельчайшие детали. Я снова убедилась, насколько приятно работать с таким интеллигентным и опытным редактором, как Ричард Коллинз. На первых этапах работы никто не поддерживал меня сильнее, чем Антония Тилл. И, как всегда, моральную поддержку мне оказывал мой муж, Уильям Бангор. Я с удовольствием использовала его практический опыт в области чтения гранок!

notes

Примечания

1

Принцесса Диана погибла 31 августа 1997 г. Предлагаемая вниманию читателей книга впервые опубликована в 2006-м.

2

Интервью автору (03.04.2001 г.).

3

Charles Spencer, The Spencer Family, p. 315.

Там же, p. 321.

5

Там же, p. 314.

6

Интервью автору (03.04.2001 г.).

7

Интервью автору (16.11.2005 г.).

8

Интервью автору (16.11.2005 г.).

9

Интервью Уильяма Дидса автору.

10

Интервью автору.

11

Личная информация.

12

Интервью автору (05.05.2004 г.).

13

Интервью автору (16.11.2004 г.).

14

Mary Clarke, Little Girl Lost: The Troubled Childhood of Princess Dianaby the Woman who Raised Her, p. 25.

15

Там же, p. 19.

16

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 30.

17

Charles Spencer, The Spencer Family, p. 310.

18

Andrew Morton, *Diana: Her True Story – In Her Own Words*, p. 26.

19

Mary Clarke, Little Girl Lost: The Troubled Childhood of Princess Diana by the Woman who Raised Her, p. 178.

20

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 26.

21

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 56.

22

Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 424.

23

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 25.

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 47.

25

Там же, p. 49.

26

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 46.

27

Там же, p. 47.

28

Там же, p. 48.

29

Там же.

30

Angela Levin, Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp, p. 115.

31

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 31.

Там же, p. 28.

33

Charles Spencer, Althorp: The Story of an English House, p. 2.

Интервью автору (02.01.2005 г.).

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 36.

Интервью автору (02.01.2005 г.).

37

Angela Levin, Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp, p. 138.

Там же, p. 140.

39

Имя Raine и англ. слово rain – дождик – схожи по звучанию. Дети пели популярную детскую песню «Дождик, дождик, уходи…».

40

Записи Сеттелена.

41

Интервью автору (11.04.2001 г.).

42

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 24.

43

Записи Сеттелена.

Письмо автору (25.02.2005 г.).

45

Angela Levin, Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp, p. 149.

Там же, p. 143.

47

Там же, p. 150.

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 36.

49

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 29.

Там же, p. 31.

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 72.

Там же, p. 69.

53

Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

54

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 31.

Mary Robertson, The Diana I Knew, p. 33.

Личная информация.

57

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 105.

Philip Ziegler, Mountbatten, p. 687.

Anthony Holden, Charles, Prince of Wales, p. 22.

Интервью автору (05.04.2005 г.).

61

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 243.

Philip Ziegler, Mountbatten, p. 687.

63

Там же, p. 687.

Там же.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (05.05.2004 г.).

Интервью автору (07.03.2005 г.).

68

Stephen Barry, Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles, p. 180.

Интервью автору (07.03.2006 г.).

Christopher Wilson, The Windsor Knot: Charles, Camilla and the Legacy of Diana, p. 90–91.

71

Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

72

Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

Интервью автору (09.03.1994 г.).

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 267.

Там же, p. 261.

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 32.

77

Там же.

78

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 279–280.

79

Stephen Barry, Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles, p. 216.

80

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 33.

81

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 280.

Интервью автору.

83

Интервью автору.

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 282.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 83.

Там же, p. 87.

Там же, p. 85.

88

Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

89

Интервью Роя Гринслейда автору (20.09.2005 г.).

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 282.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (29.12.1993 г.).

Личная информация.

Stephen Barry, Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles, p. 225.

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 283.

96

Отсылка к американской комедии «Его девушка Пятница» с Кэри Грантом и Розалинд Рассел (реж. Говард Хоукс, 1940).

97

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 34.

Там же, p. 33.

99

Письмо из личной коллекции.

100

Интервью с Уильямом Тэллоном (24.02.2004 г.).

101

Неопубликованный дневник Хьюго Викерса, запись «Торонто, 2 июня 1981». © Hugo Vickers.

102

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 34.

103

Там же, p. 47.

Интервью автору (05.04.2005 г.).

105

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 37.

106

Письмо из личной коллекции.

107

Там же.

Интервью автору (06.04.2005 г.).

109

Интервью Уильяма Тэллона автору (24.02.2004 г.).

Интервью автору (09.03.2004 г.).

111

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 36, 37.

112

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 119.

113

Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 431.

Там же, p. 431–432.

115

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 284.

116

Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 429.

117

Интервью Роберта Спенсера автору (26.06.2001 г.).

118

Неопубликованный дневник Хьюго Викерса, запись «26 ноября 2004». © Hugo Vickers.

119

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 287. Интервью Роберта Спенсера автору (26.06.2001 г.).

120

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 41.

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 84.

122

Личная информация.

123

Вечеринка была организована Майклом Колборном и оплачена Руни Драйвером, отцом актрисы Минни Драйвер. Минни пригласила туда своих друзей по шоу-бизнесу, в том числе актера Майкла Кейна. *(Примеч. автора.)*

124

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 41.

125

Там же, p. 42.

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 98–99.

127

Там же, p. 99.

Там же, p. 91.

129

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 293.

130

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 42.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

132

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 294.

Интервью автору (07.03.2006 г.).

Личная информация.

135

Интервью автору (09.05.2001 г.).

Интервью автору (09.05.2001 г.).

137

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 294.

138

Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

139

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 43.

140

Там же.

141

Интервью автору (09.05.2001 г.).

Интервью автору (09.05.2001 г.).

143

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Личная информация.

145

Личная информация.

146

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 43.

147

Там же.

Интервью автору (23.02.2004 г.).

149

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

150

Личная информация.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

153

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

155

Интервью автору.

Интервью автору (25.10.2005 г.).

157

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 298.

158

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 45.

159

Личная информация.

Интервью Роя Гринслейда автору (20.09.2005 г.).

161

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 45.

162

Личная информация.

163

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 304.

Интервью автору (25.10.2005 г.).

165

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales1987-1996, p. 7.

166

Там же.

167

Интервью Дэвида Хикса автору (02.06.1993 г.).

168

Stephen Barry, Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles, p. 219.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 331.

171

Интервью Роя Гринслейда автору (20.09.2005 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 140.

173

Там же.

Личная информация.

175

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 37.

Tim Clayton and Phil Craig, Diana: Story of a Princess, p. 15.

177

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 332.

178

Там же.

179

Там же, p. 333.

Интервью автору (25.10.2005 г.).

Интервью автору (25.10.2005 г.).

Интервью автору (06.04.2005).

Интервью автору (06.04.2005 г.).

Anthony Holden, Charles, Prince of Wales, p. 204–205.

185

Личная информация.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (25.10.2005 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 151.

Интервью автору (25.10.2005 г.).

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 51.

191

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 395.

Интервью автору (25.10.2005 г.).

193

Принц Чарльз родился в 1948 г., а его братья много позже – принц Эндрю в 1960 г., принц Эдуард – в 1964-м.

194

Письмо из личной коллекции.

Интервью автору (06.04.2005 г.).

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 141–142.

Там же, p. 144–145.

198

Там же.

199

Там же, p. 142.

Там же, p. 132.

201

Интервью автору (25.10.2005 г.).

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 156.

203

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 18.

204

Там же.

205

Письмо из личной коллекции.

Интервью автору (15.05.2004 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 134.

Интервью автору (25.10.2005 г.).

209

Mary Robertson, The Diana I Knew, p. 133.

Там же, p. 108.

211

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 381.

Там же, p. 382.

213

Там же, p. 386–387.

Интервью автору в сентябре 2004 г.

215

Интервью автору в сентябре 2004 г.

Интервью автору (20.02.2006 г.).

217

Журнал Time (11.10.1985 г.).

Интервью автору (21.10.2005 г.).

219

Интервью Кена Уорфа автору (11.04.2005 г.).

Записи Сеттелена.

221

Интервью Кена Уорфа автору (11.04.2005 г.).

222

Интервью Кена Уорфа автору (11.04.2005 г.).

223

Записи Сеттелена.

224

Там же.

Интервью автору (14.04.2005 г.).

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 58.

227

Интервью автору (10.04.2006 г.).

Интервью автору (07.12.2005 г.).

Интервью автору (07.09.2005 г.).

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 58.

231

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 393.

Там же, p. 394.

233

Там же, p. 395.

Там же.

235

Интервью Кена Уорфа автору (11.04.2005 г.).

236

Интервью Джеймса Хьюитта автору (11.01.2006 г.).

237

Интервью Джеймса Хьюитта автору (11.01.2006 г.).

238

Интервью Джеймса Хьюитта автору (11.01.2006 г.).

239

Интервью Джеймса Хьюитта автору (11.01.2006 г.).

240

Интервью Джеймса Хьюитта автору (11.01.2006 г.).

James Hewitt, Love and War, p. 23.

Там же, p. 20.

243

Там же, p. 27.

Записи Сеттелена.

Интервью автору (11.01.2005 г.).

Интервью автору (25.10.2005 г.).

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 63.

Интервью Джеймса Хьюитта автору (11.01.2006 г.).

Ken Wharfe, Robert Jobson, Diana: Closely Guarded Secret, p. 77.

250

Интервью автору.

251

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 59.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

253

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 397.

Интервью автору (09.11.2005 г.).

255

Слова Майка Адлера приводятся в книге Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 178.

256

Слова баронессы Джей приводятся в книге Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 178.

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 179.

Интервью автору (23.02.2004 г.).

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 183–184.

Там же, p. 184.

261

Там же.

Интервью Маргерит Литтман автору (08.12.2004 г.).

263

Интервью Виктора Эделстайна автору (22.05.2001 г.).

Личная информация.

Интервью автору (14.04.2005 г.).

Sunday Times.

267

Roy Strong, The Roy Strong Diaries1967-1997, 10 December 1987, p. 431.

268

Интервью Дики Арбитера автору (22.02.2004 г.).

269

Записи переговоров Дианы с Гилби (1989).

Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 444.

271

Интервью Джеймса Хьюитта автору (11.01.2006 г.).

James Hewitt, Love and War, p. 48.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 197.

Anthony Holden, Charles, Prince of Wales, p. 260.

Ken Wharfe, Robert Jobson, Diana: Closely Guarded Secret, p. 96–97.

Интервью автору (05.05.2004г.).

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales1987-1996, p. 34–35.

Там же, p. 37.

Там же, p. 38–39.

Там же, p. 40.

281

Там же.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

283

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 60.

Интервью автору (21.06.2005 г.).

285

Слова Розы Монктон приводятся в книге Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 64–65.

286

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004 г.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 189.

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 29.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales1987-1996, p. 34–67.

290

Слова близкой подруги Дианы из интервью автору (16.11.2005 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 203.

Интервью автору (30.10.2004 г.).

293

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales1987-1996, p. 137.

Там же, p. 147.

295

Там же, p. 138.

Там же, p. 141.

297

Интервью сэра Уильяма Хезелтайна автору (15.07.1996 г.).

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 131–132.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 205.

300

Интервью Ричарда Кея автору (16.03.2004 г.).

James Hewitt, Love and War, p. 151.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

James Hewitt, Love and War, p. 151.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

306

Интервью Эндрю Мортона автору (20.03.200 г.1).

307

Интервью Эндрю Мортона автору (20.03.2001 г.).

308

Интервью Эндрю Мортона автору (20.03.2001 г.).

309

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004 г.

310

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004 г.

311

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004.

312

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004 г.

313

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004 г.

Интервью Эндрю Мортона автору (20.03.2001 г.).

315

Интервью Джеймса Уитакера автору в июне 2001 г.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 210.

317

Интервью Эндрю Мортона автору (20.03.2001 г.).

Интервью автору (07.03.2006 г.).

319

Интервью Дики Арбитера автору (23.02.2004 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

321

Интервью Эндрю Мортона автору (20.03.2001 г.).

322

Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 360.

323

Интервью Дики Арбитера автору (23.02.2004 г.)

Интервью автору (03.04.2001 г.).

325

Интервью автору в феврале 2005 г.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 222.

Интервью автору (23.02.2004 г.).

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales1987-1996, p. 235.

329

Там же.

Интервью автору.

331

Интервью Джин Уиллис автору.

332

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004 г.

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 484.

Интервью автору (29.12.1993 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 228.

Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 467.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales1987-1996, p. 248.

Интервью автору (08.09.2003 г.).

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 488.

Там же, p. 488.

341

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004 г.

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 488.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales1987-1996, p. 267.

Интервью Патрика Джефсона автору в марте 2004 г.

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 489.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales1987-1996, p. 272.

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 401.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 278.

349

Ken Wharfe, Robert Jobson, Diana: Closely Guarded Secret, p. 265.

Интервью автору (05.05.2004 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (05.05.2004 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору в марте 2005 г.

Интервью автору (30.10.2004 г.).

Интервью автору (30.10.2004 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 258.

Интервью автору (04.11.2004 г.).

Интервью автору (04.11.2004 г.).

360

Интервью Кена Уорфа автору (11.04.2005 г.).

361

Ken Wharfe, Robert Jobson, Diana: Closely Guarded Secret, p. 186.

Там же.

363

Интервью Кена Уорфа автору (11.04.2005 г.).

Интервью автору.

365

Max Hastings, Editor: An Inside Story of Newspapers, p. 336–337.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 412.

Douglas Hurd, Memoirs, p. 474.

Там же, p. 556.

369

Интервью автору в феврале 2005 г.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 297.

371

Там же.

Там же, p. 297–298.

Ken Wharfe, Robert Jobson, Diana: Closely Guarded Secret, p. 231.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 307.

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 57.

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 183.

377

Интервью Кена Уорфа автору (11.04.2005 г.).

Ken Wharfe, Robert Jobson, Diana: Closely Guarded Secret, p. 218.

Там же, p. 221.

Там же, p. 224.

381

Там же, p. 229.

Там же, p. 248.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 293.

Интервью автору (27.06.2005 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 258.

387

Там же.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 260.

Там же, p. 259.

391

Интервью Эндрю Мортона автору (20.03.2001 г.).

392

Интервью сестры Бриди Дауд автору (20.01.2006 г.).

393

Интервью сестры Бриди Дауд автору (20.01.2006 г.).

Интервью сестры Бриди Дауд автору (20.01.2006 г.).

395

Интервью автору.

Интервью автору.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 293.

Интервью автору в феврале 2004 г.

Интервью автору (05.05.2004 г.).

Интервью автору (23.02.1995 г.).

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 265.

Jonathan Dimbleby, The Prince of Wales: A Biography, p. 608.

403

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 102.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 343.

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 102.

Там же, p. 101.

Там же, p. 102.

Там же, p. 99–100.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 345.

411

Там же, p. 346.

Интервью автору (28.09.1994 г.).

Интервью автору (15.11.1994 г.).

Интервью автору (20.07.2005 г.).

415

Интервью Майкла Ши автору (01.02.1995 г.).

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 345.

Интервью автору (02.02.2004 г.).

Интервью автору (02.02.2004 г.).

Интервью автору (02.02.2004 г.).

Интервью автору (02.02.2004 г.).

Piers Morgan, The Insider, p. 106.

Там же, p. 115.

423

Там же, p. 118.

Там же, p. 155.

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales1961-1997, p. 123.

Там же, p. 124.

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 203.

Там же.

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales1961-1997, p. 89.

Там же, p. 96.

Интервью автору в феврале 2005 г..

Интервью автору в феврале 2005 г.

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 89.

Mail on Sunday (20.08.1995 r.).

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 351.

Интервью автору в ноябре 1994 г.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 356.

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 97.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 354.

Там же, p. 356.

Интервью автору (04.11.2004 г.).

Judy Wade, The Truth: The Friends of Diana, Princess of Wales, Tell Their Stories, p. 87.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 283.

Интервью автору (23.02.2004 г.).

Интервью автору в марте 2005 г.

Интервью Ричарда Кея автору (16.03.2004 г.).

Интервью автору (04.11.2004 г.).

Интервью автору (04.11.2004 г.).

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 222.

450

Интервью Колина Теббата автору (03.04.2004 г.).

451

Интервью Кена Уорфа автору (11.04.2005 г.).

Andrew Morton, Diana: Her True Story – In Her Own Words, p. 179.

453

Там же, p. 178.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 282.

Интервью автору в феврале 2005 г.

Интервью автору в феврале 2005 г.

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 96.

Sally Bedell Smith, Diana: The Life of a Troubled Princess, p. 284.

459

Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 481.

Интервью автору (05.05.2004 г.)

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 367.

Там же, p. 369.

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 221–222.

Интервью автору (06.01.2005 г.).

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 221–222.

Patrick Jephson, Shadows of a Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996, p. 552.

Там же, с. 560.

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 222.

Там же, p. 225–226.

Там же, p. 226.

471

Там же.

Там же, p. 226–227.

Интервью автору (05.05.2004 г.).

Интервью автору (27.06.2005 г.).

Интервью автору (06.01.2006 г.).

Интервью автору в июне 2005 г.

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 80.

Там же, p. 80.

Там же, p. 81.

Там же, p. 81–82.

481

Там же, p. 83.

Kate Snell, Diana: Her East Love, p. 86.

Там же, p. 67.

Интервью автору (05.05.2004 г.).

Интервью автору (05.05.2004 г.).

Интервью автору (05.05.2004 г.).

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

Интервью Памелы Харлек автору в октябре 2004 г.

489

Интервью Шерил Бэрримор газете Daily Mail (21.10.2002 г.).

Там же.

Эта резкая оценка не вполне соответствует действительности: две книги о королеве Виктории написаны Сарой Фергюсон в официальном соавторстве с историком Бенитой Стоуни; авторство детских книг Сары Фергюсон сомнению не подвергается. *(Примеч. ред.)*

Allan Starkie, Fergie: Her Secret Life, p. 76.

493

Там же, p. 117.

Там же, p. 206.

495

Интервью Ричарда Кея автору (16.03.2004 г.).

Цитируется по книге Paul Burrell, A Royal Duty, p. 242.

Интервью автору (25.10.2005 г.).

Интервью автору в феврале 2005 г.

Kate Snell, Diana: Her Last Love, p. 135.

500

Интервью автору в феврале 2004 г.

501

Интервью автору в феврале 2004 г.

Интервью автору в феврале 2004 г.

503

Интервью автору в январе 2004 г.

Интервью автору в январе 2004 г.

505

Интервью автору в феврале 2004 г.

Интервью автору в феврале 2004 г.

Интервью автору (23.02.2005 г.).

508

Личная информация.

Sarah Bradford, Elizabeth: A Biography of Her Majesty The Queen, p. 244–245.

Интервью автору в феврале 2004 г.

Интервью автору в сентябре 2004 г.

Интервью автору в сентябре 2004 г.

513

Интервью автору в сентябре 2004 г.

Интервью автору (14.04.2005 г.).

515

Интервью автору (11.04.2005 г.).

Интервью автору (11.04.2005 г.).

Интервью автору (11.04.2005 г.).

Интервью автору (11.04.2005 г.).

519

Интервью Ричарда Кея автору (16.03.2004 г.).

520

Report to His Royal Highness The Prince of Wales by Sir Michael Peat and Edmund Lawson QC, 13 March 2003, p. 10.

521

Там же, p. 11.

Там же, p. 12.

523

Там же, p. 13.

Там же, p. 25.

525

Там же, p. 36.

Там же, p. 39.

527

Там же, p.43.

Там же, p. 49.

Интервью автору (06.02.2004 г.).

Интервью автору (07.02.2004 г.).

531

Уильям Дидс.

532

Слова Уильяма Рис-Могга цитируются по книге Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 260.

533

Интервью Ричарда Кея автору (16.03.2004 г.).

Интервью автору в феврале 2006 г.

535

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

536

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

537

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

538

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

539

Слоуни – так называют в Англии выходцев из богатейших и аристократических кварталов Найтсбриджа, Белгравии и Челси (район Sloan Square, Kings Road и проч.). Слово «слоуни» употребляется также для обозначения особого лондонского аристократического акцента, расцветшего как раз во времена Дианы.

540

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

541

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

542

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

543

Интервью Уильяма Дидса автору (19.01.2004 г.).

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 135.

545

Интервью Уильяма Дидса автору (19.01.2004 г.).

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 136.

547

Там же.

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 281.

549

Там же.

Интервью Уильяма Дидса автору (19.01.2004 г.).

551

Интервью автору в марте 2004 г.

Интервью автору в марте 2004 г.

553

Интервью Уильяма Дидса автору (19.01.2004 г.).

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 294.

Там же, p. 266.

556

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

557

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

558

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

559

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

560

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

561

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

562

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

563

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

565

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 113.

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 300.

Там же.

569

Перевод В. Левика.

Tom Bower, Fayed: The Unauthorized Biography, p. 6–7.

Там же, p. 25.

Интервью автору в феврале 2005 г.

Tom Bower, Fayed: The Unauthorized Biography, p. 159.

Интервью Памелы Харлек автору в октябре 2004 г.

Интервью Памелы Харлек автору в октябре 2004 г.

Интервью Ричарда Кея автору (16.03.2004 г.).

Tom Bower, Fayed: The Unauthorized Biography, p. 413.

Интервью автору (18.02.2004 г.).

Интервью Ричарда Кея автору (16.03.2004 г.).

Tom Bower, Fayed: The Unauthorized Biography, p. 416–417.

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью Ричарда Кея автору (16.03.2004 г.).

Интервью автору (16.11.2005 г.).

Интервью автору.

Trevor Rees-Jones, The Bodyguard's Story: Diana, the Crash and the Sole Survivor, p. 15.

Там же, p. 72.

Martyn Gregory, Diana: The Last Days, p. 50.

Там же, p. 49.

591

Там же, p. 56.

Там же, p. 57.

593

Trevor Rees-Jones, The Bodyguard's Story: Diana, the Crash and the Sole Survivor, p. 79.

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997, p. 63.

Там же, p. 55.

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

Trevor Rees-Jones, The Bodyguard's Story: Diana, the Crash and the Sole Survivor, p. 86.

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

599

Слова сосудистого хирурга Даниэля Эйро цитируются по книге Martyn Gregory, Diana: The Last Days, p. 74.

Martyn Gregory, Diana: The Last Days, p. 74–75.

601

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

602

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

603

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

Andrew Morton, Diana: In Pursuit of Love, p. 250.

605

Там же, p. 251.

Интервью автору в феврале 2004 г.

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 302.

608

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

609

Интервью Колина Теббата автору (03.03.2004 г.).

Rosalind Coward, Diana: The Portrait, p. 304.

611

Там же.

Paul Burrell, A Royal Duty, p. 297.

Интервью автору (20.07.2005 г.).

Интервью автору (20.07.2005 г.).

Интервью автору (23.02.2004 г.).

616

Интервью Дики Арбитера автору (23.02.2004 г.).

617

Интервью Дики Арбитера автору (23.02.2004 г.).

618

Личная информация.

619

Интервью Дики Арбитера автору (23.02.2004 г.).

620

Интервью Мередит Этерингтон-Смит автору (25.01.2003 г.).

Brian MacArthur (ed.), Requiem: Diana, Princess of Wales1961-1997, p. 6.